

НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ

НОМОТНЕТІКА: ФІЛОСОФІЯ. СОЦІОЛОГІЯ. ПРАВО

SCIENTIFIC JOURNAL

NOMOTHETIKA: PHILOSOPHY. SOCIOLOGY. LAW

2025. Том 50, № 1

НОМОТНЕТІКА:

Философия. Социология. Право.

2025. Том 50, № 1

До 2020 г. журнал издавался под названием «Научные ведомости Белгородского государственного университета. Серия: Философия. Социология. Право».

Основан в 1995 г. Журнал входит в Перечень ведущих рецензируемых научных журналов и изданий, выпускаемых в Российской Федерации, в которых рекомендуется публикация основных результатов диссертаций на соискание ученых степеней доктора и кандидата наук.

Учредитель: Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования «Белгородский государственный национальный исследовательский университет».

Издатель: НИУ «БелГУ». Адрес издателя: 308015, г. Белгород, ул. Победы, 85.

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Главный редактор

Римский В.П., доктор философских наук, профессор
(Белгородский государственный институт искусств
и культуры, НИУ «БелГУ»)

Заместители главного редактора

Бабинцев В.П., доктор философских наук, профессор
(НИУ «БелГУ»)

Борисов С.Н., доктор философских наук, профессор
(НИУ «БелГУ»)

Тонков Е.Е., доктор юридических наук, профессор
(НИУ «БелГУ»)

Ведущий редактор

Почепцов С.С., кандидат философских наук, доцент
(НИУ «БелГУ»)

Ответственные секретари

Вангородская С.А., доктор социологических наук
(НИУ «БелГУ»)

Нифонтова О.И., кандидат философских наук
(НИУ «БелГУ»)

Новикова А.Е., доктор юридических наук, доцент
(НИУ «БелГУ»)

Члены редакционной коллегии

Барков С.А., доктор социологических наук, профессор
(г. Москва, Россия)

Беляева Г.С., доктор юридических наук, профессор
(НИУ «БелГУ»)

Боянич Петар, доктор философских наук, профессор
(г. Белград, Сербия)

Власенко Н.А., доктор юридических наук, профессор
(г. Москва, Россия)

Габов А.В., доктор юридических наук, член-корреспондент
РАН (г. Москва, Россия)

Драч Г.В., доктор философских наук, профессор
(г. Ростов-на-Дону, Россия)

Зиёдуллаев М.З., доктор юридических наук, профессор
(Республика Узбекистан)

Зубок Ю.А., доктор социологических наук, профессор
(г. Москва, Россия)

Калинина Г.Н., доктор философских наук, профессор
(г. Белгород, Россия)

Климова С.М., доктор философских наук, профессор
(г. Москва, Россия)

Куксин И.Н., доктор юридических наук, профессор
(г. Москва, Россия)

Литич Т.И., доктор философских наук, профессор
(НИУ «БелГУ»)

Майданский А.Д., доктор философских наук, профессор
(НИУ «БелГУ»)

Максименко А.А., доктор социологических наук
(НИУ «Высшая школа экономики», г. Москва, Россия)

Малько А.В., доктор юридических наук, профессор
(г. Саратов, Россия)

Мареева Е.В., доктор философских наук (г. Москва, Россия)

Назаров В.Н., доктор философских наук, профессор
(г. Тула, Россия)

Новиков В.Г., доктор социологических наук, доктор
экономических наук, профессор, член-корреспондент РАН
(г. Москва, Россия)

Проказина Н.В., доктор социологических наук, профессор
(г. Москва, Россия)

Савчук В.В., доктор философских наук, профессор
(г. Санкт-Петербург, Россия)

Старилов Ю.Н., доктор юридических наук, профессор
(г. Воронеж, Россия)

Таболін В.В., доктор юридических наук, профессор
(г. Москва, Россия)

Тощенко Ж.Т., доктор философских наук, профессор,
член-корреспондент РАН (г. Москва, Россия)

Туранин В.Ю., доктор юридических наук, профессор
(НИУ «БелГУ»)

Ярычев Н.У., доктор педагогических наук, доктор
философских наук, профессор, член СП России
(г. Грозный, Россия)

ISSN 2712-746X

Журнал зарегистрирован в Федеральной службе по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор). Свидетельство о регистрации средства массовой информации ЭЛ № ФС77-77840 от 31.01.2020. Выходит 4 раза в год.

Выпускающий редактор Ю.В. Мишенина. Редактура, компьютерная верстка и оригинал-макет О.Г. Томусяк. Редактор англоязычных текстов Е.С. Данилова. E-mail: Rimskiy@bsuedu.ru; pocheptsov@bsuedu.ru. Гарнитуры Times New Roman, Arial, Impact. Уч.-изд. л. 26,0. Дата выхода 30.03.2025. Оригинал-макет подготовлен центром полиграфического производства НИУ «БелГУ». Адрес: 308015, г. Белгород, ул. Победы, 85.

СОДЕРЖАНИЕ

ИСТОРИЯ ФИЛОСОФИИ И СОЦИАЛЬНО-ГУМАНИТАРНЫХ НАУК

- 5 Олещенко Е.О. Антропологический опыт времени в философии жизни Пауля Йорка фон Вартенбурга

ЛОГИКА, МЕТОДОЛОГИЯ И ФИЛОСОФИЯ НАУКИ

- 12 Цветкова О.А. Культурное поле как пространство intersубъективности

СОЦИОЛОГИЯ, СОЦИАЛЬНЫЕ СТРУКТУРЫ И ПРОЦЕССЫ, СОЦИАЛЬНЫЕ ТЕХНОЛОГИИ

- 18 Кузнецова О.В., Дерюгин П.П., Лебединцева Л.А., Кремнёв Е.В. Особенности адаптации китайских студентов в российских вузах: история и современность
32 Шипунова Т.В., Филончик А.В. Отношение специалистов учреждений социальной защиты к использованию цифровых технологий в превенции девиантного поведения подростков
43 Селиванов Л.И., Соколовская С.А., Еремеева Ю.Н. Гражданские и политические ориентации студенческой молодежи в техническом вузе

ТЕОРЕТИКО-ИСТОРИЧЕСКИЕ ПРАВОВЫЕ НАУКИ

- 59 Евтушенко В.И. Переход Русского государства от концепции «симфонии властей» к протестантской модели управления церковью (на примере Белгородской духовной консистории)
70 Дурнева Н.С. Осуществление государственного контроля за иностранными конфессиями и сектантскими общинами в Российской империи

ПУБЛИЧНО-ПРАВОВЫЕ (ГОСУДАРСТВЕННО-ПРАВОВЫЕ) НАУКИ

- 80 Гуторова А.Н., Кожевников О.А. Доверие как основа функционирования муниципальной публичной власти
90 Кравцова Л.Е. Судебное управление: восприятие термина в контексте независимости судебной власти
102 Куксин И.Н. Конституционное право на высшее образование в России: курс на потребности государства и общества
111 Стус Н.В., Намитоков Ю.А. Защита конституционного строя как фундаментальный национальный интерес: ресурсы судебной власти
122 Чинаев Т.В., Юсупов Р.Г. Актуальные проблемы правового регулирования экономических отношений в Российской Федерации на современном этапе

ЧЕЛОВЕК. КУЛЬТУРА. ОБЩЕСТВО. ПРАВСТВЕННОСТЬ

- 135 Ковалев А.А. Методы противодействия угрозе информационного воздействия на духовную сферу России
146 Римский А.В., Сорокопуд М.С., Ахмаров А.В. От эфира к алгоритмам: трансформация власти в эпоху цифровых медиа и социальных сетей
155 Тумин А.Ю. Концептуализация идеи служения Отечеству в философии античности
164 Хамзатова З.Р. Природа героического в чеченских героико-эпических песнях – иллю

РЕЛИГИОВЕДЕНИЕ И ГОСУДАРСТВЕННО-КОНФЕССИОНАЛЬНЫЕ ОТНОШЕНИЯ

- 172 Рудь И.С., Липич Т.И. Влияние цифровизации на формирование религиозной идентичности современного общества

КУЛЬТУРОЛОГИЯ И ФИЛОСОФИЯ ИСКУССТВА

- 185 Винокурова Е.Н. Характеристики интерактивного генеративного контента как основного средства ведения современных информационных войн (на материале анализа литературных антиутопий)
196 Шведов И.Ю. Постправда: фейковые новости как феномен современной культуры

НАУЧНЫЕ СООБЩЕНИЯ

- 203 Нифонтова В.А., Нифонтова М.А. И. Соколянский, Л. Выготский и А. Мещеряков: «технология очеловечивания»
213 Синютин А.А. К вопросу о культурно-антропологическом основании патриотизма

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ, КОММУНИКАЦИИ И РЕЦЕНЗИИ

- 220 Алкатири Шоук Мухсин Бадер Бинкуда, Гайдуков К.И., Бычковский Е.В. Культурная обусловленность правовых практик. Рецензия на книгу: Фридман Д. Правовые системы, сильно непохожие на нашу. Челябинск : Социум, 2024. 455 с.
224 Гэ Цили, Чжоу Цзе. Машина песен и культурный диалог. Рецензия на книгу: Джон Сибрук. Машина песен. Внутри фабрики хитов. М. : Ад Маргинем Пресс, 2023. 304 с.
228 Черняев А.В. Нигилизм по отношению к культурному наследию. Обращения Г.Д. Гачева к руководителям ЦК КПСС в связи с санкциями после издания «Сочинений» Н.Ф. Федорова в серии «Философское наследие»

NOMOTHETIKA: Philosophy. Sociology. Law. 2025. Volume 50, No. 1

Until 2020, the journal was published with the name "Belgorod State University Scientific Bulletin. Philosophy. Sociology. Law series".

Founded in 1995.

The Journal is included into the list of the leading peer-reviewed journals and publications coming out in the Russian Federation that are recommended for publishing key results of the theses for Doktor and Kandidat degree-seekers.

Founder: Federal state autonomous educational establishment of higher education "Belgorod State National Research University".

Publisher: Belgorod National Research University "BelSU". Address of publisher: 85 Pobeda St, Belgorod 308015, Russia.

EDITORIAL BOARD OF THE JOURNAL

Editor-in-Chief

Rimskiy, V.P., Doctor of Philosophy, Professor
(Belgorod State Institute of Arts and Culture, Belgorod
State National Research University)

Deputy Editor-in-Chief

Babintsev, V.P., Doctor of Philosophy, Professor
(Belgorod State National Research University)
Borisov, S.N., Doctor of Philosophy, Professor
(Belgorod State National Research)
Tonkov, E.E., Doctor of Law, Professor
(Belgorod State National Research University)

Commissioning Editor

Pocheptsov, S.S., Candidate of Philosophy
(Belgorod State National Research University)

Executive Secretary

Vangorodskaya, S.A., Doctor of Sociology
(Belgorod State National Research University)
Nifontova, O.I., Candidate of Philosophical Sciences,
(Belgorod State National Research University)
Novikova, A.E., Doctor of Law, Associate Professor
(Belgorod State National Research University)

Members of the Editorial Board

Barkov, S.A., Doctor of Sociology, Professor
(Moscow, Russia)
Belyaeva, G.S., Doctor of Law, Professor
(Belgorod State National Research University)
Bojanic Petar, Doctor of Philosophy, Professor
(Belgrade, Serbia)
Vlasenko, N.A., Doctor of Law, Professor
(Moscow, Russia)
Gabov, A.V., Doctor of Law, corresponding member
of the RAS, honored lawyer of the Russian Federation
(Moscow, Russia)

Drach, G.V., Doctor of Philosophy, Professor
(Rostov-on-Don, Russia)
Ziyodullaev, M.Z., Doctor of Law, Professor
(Republic of Uzbekistan)
Zubok, Y.A., Doctor of Sociology, Professor
(Moscow, Russia)
Kalinina, G.N., Doctor of Philosophy, Professor
(Belgorod, Russia)
Klimova, S.M., Doctor of Philosophy, Professor
(Moscow, Russia)
Kuksin, I.N., Doctor of Law, Professor (Moscow, Russia)
Lipich, T.I., Doctor of Philosophy, Professor
(Belgorod State National Research University)
Maydanskiy, A.D., Doctor of Philosophy, Professor
(Belgorod State National Research University)
Maksimenko, A.A., Doctor of Sociology (Moscow, Russia)
Malko, A.V., Doctor of Law, Professor of the All-Russian State
University of Justice, Professor (Saratov, Russia)
Mareeva, E.V., Doctor of Philosophy, Professor of the Moscow
State Institute of Culture (Moscow, Russia)
Nazarov, V.N., Doctor of Philosophy, Professor (Tula, Russia)
Novikov, V.G., Doctor of Sociology, Doctor of Economics,
Professor, Corresponding Member of the Russian
Academy of Sciences (Moscow, Russia)
Prokazina, N.V., Doctor of Sociology, Professor (Moscow, Russia)
Savchuk, V.V., Doctor of Philosophy, Professor
(St. Petersburg, Russia)
Starilov, Y.N., Doctor of Law, Professor (Voronezh, Russia)
Tabolin, V.V., Doctor of Law, Professor (Moscow, Russia)
Toshchenko, Zh.T., Doctor of Philosophy, Professor,
Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences
(Moscow, Russia)
Turanin, V.Yu., Doctor of Law, Professor
(Belgorod State National Research University)
Yarychev, N.U., Doctor of Pedagogical Sciences, Doctor of
Philosophy, Professor, member of the Joint Venture of Russia
(Grozny, Russia)

ISSN 2712-746X

The journal has been registered at the Federal service for supervision of communications information technology and mass media (Roskomnadzor). Mass media registration certificate ЭЛ № ФС77-77840 от 31.01.2020. Publication frequency: 4 /year

Commissioning Editor YU.V. Mishenina. Editing, computer imposition O.G. Tomusyak. English text editor E.S. Danilova. E-mail: Rimskiy@bsuedu.ru; pocheptsov@bsuedu.ru. Typefaces Times New Roman, Arial, Impact. Publisher's signature 26.0. Date of publishing 30.03.2025. Dummy layout has been prepared by Belgorod National Research University Centre of Polygraphic Production. Address: 85 Pobedy St, Belgorod 308015, Russia.

CONTENTS

HISTORY OF PHILOSOPHY, SOCIAL SCIENCES AND HUMANITIES

- 5 Oleshchenko E.O. The Anthropology of Time in the Philosophy of Life by Paul Yorck von Wartenburg

LOGIC, METHODOLOGY AND PHILOSOPHY OF SCIENCE

- 12 Tsvetkova O.A. Cultural Field as an Expansion of Intersubjectivity

SOCIOLOGY, SOCIAL STRUCTURES AND PROCESSES, SOCIAL TECHNOLOGIES

- 18 Kuznetsova O.V., Deryugin P.P., Lebedintseva L.A., Kremnyov E.V. Some Peculiarities of Chinese Students' Adaptation in Russian Universities: History and Modernity
32 Shipunova T.V., Filonchik A.V. The Attitude of Specialists of Social Protection Institutions to the Use of Digital Technologies in the Prevention of Adolescents' Deviant Behavior
43 Selivanov L.I., Sokolovskaya S.A., Yermeeva Yu.N. Civil and Political Orientations of Students at a Technical University

THEORETICAL AND HISTORICAL LEGAL SCIENCES

- 59 Evtushenko V.I. Transition of the Russian State from the Concept of "Symphony of Powers" to the Protestant Model of Church Governance (Based on the Example of the Belgorod Spiritual Consistory)
70 Durneva N.S. Implementation of State Control Over Foreign Confessions and Sectarian Communities in the Russian Empire

PUBLIC LAW (STATE LAW) SCIENCES

- 80 Gutorova A.N., Kozhevnikov O.A. Trust as the Basis for the Functioning of Municipal Public Authority
90 Kravtsova L.E. Judicial Governance: Perception of the Term in the Context of Judicial Independence
102 Kuksin I.N. The Constitutional Right to Higher Education in Russia: a Course Towards the Needs of the State and Society
111 Stus N.V., Namitokov Yu.A. Protection of the Constitutional System as a Fundamental National Interest: Resources of the Judicial Power
122 Chinaev T.V., Yusupov R.G. Contemporary Issues of Legal Regulation of Economic Relations in the Russian Federation at the Present Stage

HUMAN. CULTURE. SOCIETY. MORALITY

- 135 Kovalev A.A. Methods of Countering the Threat of Information Impact on the Spiritual Sphere of Russia
146 Rimsky A.V., Sorokopud M.S., Akhmarov A.V. From Ether to Algorithms: Power Transformation in the Age of Digital Media and Social Networks
155 Tumin A.Yu. Conceptualization of the Idea of Serving the Fatherland in the Philosophy of Antiquity
164 Khamzatova Z.R. The Nature of the Heroic in Chechen Heroic-Epic Songs – III

RELIGIOUS STUDIES AND STATE-CONFESSIONAL RELATIONS

- 172 Rud I.S., Lipich T.I. The Impact of Digitalization on the Formation of Religious Identity in Modern Society

CULTURAL STUDIES AND PHILOSOPHY OF ART

- 185 Vinokurova E.N. Characteristics of Interactive Generative Content as the Main Means of Modern Information Warfare (a Case Study of Literary Anti-Utopias)
196 Shvedov I.Yu. Post-Truth: Fake News as a Phenomenon of Modern Culture

THESIS

- 203 Nifontova V.A., Nifontova M.A. I. Sokolyansky, L. Vygotsky, and A. Meshcheryakov: "The Technology of Humanization"
213 Sinyutin A.A. To the Issue of the Cultural and Anthropological Basis of Patriotism

SCIENTIFIC LIFE, COMMUNICATIONS AND REVIEWS

- 220 Alkatiri Shouk Mukhsin Bader Binkuda, Gaidukov K.I., Bychkovsky E.V. Cultural conditionality of legal practices. Book review: Friedman D. Legal Systems Very Different from Ours. Chelyabinsk : Socium, 2024. 455 p.
224 Ge Zjili, Zhou Jie. The Song Machine and Cultural Dialogue. Book Review: John Seabrook. The Song Machine. Inside the Hit Factory. Moscow, Ad Marginem Press Publishing House. 2023. 304 p.
228 Chernyaev A.V. Nihilism in Relation to Cultural Heritage. Appeals by Georgy Gachev to the Leaders of the Central Committee of the CPSU in Connection with Sanctions Following the Publication of Nikolai Fedorov's "Works" in the "Philosophical Heritage" Series

ИСТОРИЯ ФИЛОСОФИИ И СОЦИАЛЬНО-ГУМАНИТАРНЫХ НАУК HISTORY OF PHILOSOPHY, SOCIAL SCIENCES AND HUMANITIES

УДК 130.2

DOI 10.52575/2712-746X-2025-50-1-5-11

Антропологический опыт времени в философии жизни Пауля Йорка фон Вартенбурга

Олещенко Е.О.

Белгородский юридический институт МВД РФ им. И.Д. Путилина,
308024, Россия, Белгород, ул. Горького, д. 71
evoveto@mail.ru

Аннотация. Цель исследования – трактовка основных философских идей Пауля Йорка фон Вартенбурга с особым акцентом на его концепцию времени и историческую обусловленность человеческого темпорального опыта, актуализация его подхода. Показано, как мыслитель сочетал традицию немецкой классической философии с антропологическим, феноменологическим и герменевтическим подходами, утверждая неразрывную связь личного, антропологического и коллективного опыта во временном «потоке жизни». Анализ демонстрирует, что идеи Пауля Вартенбурга оказали влияние на дальнейшее развитие герменевтики, философии истории и современных исследований времени.

Ключевые слова: Пауль Йорк фон Вартенбург, философия жизни, время, историчность, коллективная память, антропологический опыт, герменевтика, феноменология, немецкая классическая философия

Для цитирования: Олещенко Е.О. 2025. Антропологический опыт времени в философии жизни Пауля Йорка фон Вартенбурга. *NOMOTHETIKA: Философия. Социология. Право*, 50(1): 5–11. DOI: 10.52575/2712-746X-2025-50-1-5-11

The Anthropology of Time in the Philosophy of Life by Paul Yorck von Wartenburg

Oleshchenko E.O.

I.D. Putilin Belgorod Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation
71 Gorky St, Belgorod 308024, Russian Federation
evoveto@mail.ru

Abstract. The main purpose of the research is to describe the main philosophical ideas of Paul Yorck von Wartenburg with a special emphasis on his concept of time and the historical conditionality of human temporal experience, stressing the relevance of his approach at the present time. It is shown how the thinker combined the tradition of German classical philosophy with anthropological, phenomenological and hermeneutic approaches, asserting the inseparable connection of personal, anthropological and collective experience in the temporal "stream of life". The analysis demonstrates that the ideas of Paul Wartenburg influenced the further development of hermeneutics, philosophy of history and modern studies of time.

Keywords: Paul Yorck von Wartenburg, philosophy of life, time, historicity, collective memory, anthropological experience, hermeneutics, phenomenology, German classical philosophy

© Олещенко Е.О., 2025

For citation: Oleshchenko E.O. 2025. The Anthropology of Time in the Philosophy of Life by Paul Yorck von Wartenburg. *NOMOTHETIKA: Philosophy. Sociology. Law*, 50(1): 5–11 (in Russian). DOI: 10.52575/2712-746X-2025-50-1-5-11

Пауль Йорк фон Вартенбург (Paul Yorck von Wartenburg, 1835–1897)*, удивительный и талантливый немецкий мыслитель, один из родоначальников философской герменевтики и философии жизни, принадлежал к старинному прусскому дворянскому роду Йорков, выходцы из которого на протяжении многих поколений занимали ответственные посты в военной и государственной сферах. Он родился 25 ноября 1835 г. в Берлине в семье Людвиг фон Йорка (Ludwig Graf Yorck von Wartenburg), потомка прославленного фельдмаршала, отличившегося во время войн против Наполеона, и Адельгейды фон Куппельс (Adelheid von Kuppel), которая, проявляя интерес к литературе и философии, познакомила будущего мыслителя с богатым миром идей и культурных традиций. Изначально Пауль фон Вартенбург получил классическое домашнее образование, а в 1850-х годах поступил в Берлинский университет, где изначально планировал изучать право.

В сети можно встретить больше материалов о предках и родственниках Пауля фон Вартенбурга (кстати, некоторые из них сыграли положительную роль в событиях русской истории), чем о нём, весьма оригинальном мыслителе, оказавшем влияние как на современников (В. Дильтей), так и на последователей (М. Хайдеггер и Г.-Г. Гадамер). Даже в западной литературе о нём существует своеобразный вакуум, так как все исследования идей Пауля фон Вартенбурга невольно оказываются в тени других философов, его современников и последователей. Фр. Роди справедливо заметил: «Если сначала речь пойдет об исследованиях последних 15–20 лет, то это касается в меньшей степени исследовательской области под названием “граф Йорк”, нежели областей под названием “Дильтей” и “Хайдеггер”. С момента выхода в 1970 г. богатой материалами монографии Карлфрида Грюндера, о Йорке не было написано, за исключением нескольких статей, ни одной большой работы. Так что здесь исследовательская ситуация за 30 лет почти не изменилась» [Роди Фр. 1999, с. 29]. Но и в последующие годы, особенно в отечественной истории философии, мы не наблюдаем особых изменений в постижении его наследия [Губман Б.Л., Ануфриева К.В. 2021; Михайлов И.А. 1999; Михайлов И.А. 2010; Переписка... 2022; Перцев А.В. 2022]. Например, мы видим, что проблема времени в идеях Вартенберга исследовалась в основном в контексте и тени М. Хайдеггера.

Пауль фон Вартенберг рано увлёкся философскими и историческими работами, первоначально античной классикой, а позже Пауль посвятил себя изучению работ И. Канта и И.Г. Фихте, впоследствии – знакомству с идеями Вильгельма Дильтея. Семейный архив, в котором хранились письма и документы предшествующих поколений, сыграл дополнительную роль в его становлении: в них раскрывалась драматическая панорама политических преобразований в Германии первой половины XIX века, что способствовало формированию у Пауля фон Вартенбурга философского взгляда на историю человеческого существование. В ходе долгой и плодотворной переписки с В. Дильтеем мыслитель неоднократно подчёркивал историческую природу индивидуального и коллективного бытия. «Существование человека неотделимо от исторического движения: мы несём в себе события прошлого, которые формируют наше

* В немецком языке имя философа звучит именно как «Пауль», но не на французский манер «Поль», как в транскрипции некоторых российских авторов [Михайлов, 1999]. Далее мы именно так и пишем в тексте его полное имя, отличая в том числе и от племянника Петера, известного антигитлеровского патриота.

восприятие настоящего» [Переписка... 2022; Dilthey, 1923], – так писал Пауль в письме от 1 мая 1882 года, рефлексирова экзистенциальную темпоральность.

Вторая половина XIX века в Германии характеризовалась значительным расцветом философской мысли, переходившей от больших спекулятивных систем к более дифференцированным методам исследования. Для понимания места Пауля фон Варденбурга в духовном контексте того времени важно отметить, что после эпохи Гегеля утвердилось позитивистская мода критики абсолютистских систем за недооценку эмпирических фактов и конкретно-исторических факторов. Развитие позитивизма, эмпиризма и физикалистского рационализма породило новые подходы в исследовании общества, истории и человека, тогда как историко-философские направления пытались связать духовную эволюцию с конкретными фактами истории. Пауль фон Варденбург, признавая ценность гегелевского видения истории как динамического процесса развития «духа», отверг позитивизм и стремился осмыслить наследие Гегеля сквозь призму новых научных данных, социальных реалий и философских интерпретаций.

Неокантианские школы (марбургская, баденская) во главе с Г. Когеном и В. Виндельбаном концентрировались преимущественно на вопросах теории познания. Пауль фон Варденбург, не будучи прямым сторонником неокантианства, разделял их критическую установку в философской методологии, однако делал больший акцент на историко-философском аспекте, считая, что рациональное познание обусловлено не только формальными структурами сознания, но и культурно-исторической средой и жизнью человека. Одной из наиболее значимых фигур той эпохи был В. Дильтей, который развивал идеи «понимающей» герменевтической философии, уделяя особое внимание исторической обусловленности человеческого существования. Принцип «исторического бытия человека» пронизывает все сферы его деятельности, что Пауль фон Варденбург часто упоминал в собственных заметках и письмах [Dilthey, 1923; Yorck von Wartenburg, 1890]. Эта мысль контрастировала с позитивистскими тенденциями, рассматривавшими индивида в свете естественно-научных методов, и побуждала к выводу о том, что духовная жизнь человека не сводится к набору эмпирических фактов: она предопределяется традициями, культурными кодами и личным опытом.

Философские размышления Пауля фон Варденбурга выстраиваются вокруг понимания бытия как феномена, в котором внешние обстоятельства и внутренняя субъективность человека образуют нерасторжимое целое в антропологическом опыте жизни. В отличие от классических метафизических концепций, пытавшихся жёстко разделить объективную реальность и субъективный мир, Пауль фон Варденбург настаивал, что они соотносятся друг с другом через культуру, исторический и человеческий, *антропологический опыт*, в которых личность формируется и находит собственные основания для самоосмысления. В письмах, адресованных В. Дильтею, он неоднократно подчёркивал, что «любая форма бытия человека связывает в себе физический, духовный и исторический аспекты» [Dilthey, 1923; Переписка... 2022]. В этом утверждении кроется ключ к его *онтологической позиции*: он не видит смысла в жёстких дихотомиях между «внутренним» и «внешним», поскольку считает, что сознание человека детерминировано непрерывным взаимодействием с исторической реальностью. Мир, согласно Паулю фон Варденбургу, невозможно представить как нечто, существующее независимо от воспринимающего субъекта. Однако и сам субъект не может быть вырван из того культурно-исторического контекста, который формирует его представления о реальности в антропологическом опыте. Личность осознаёт себя в единстве с традицией и культурно-историческим наследием прошлых эпох, бытие при этом приобретает динамический характер, пронизывающий любую форму антропологического опыта.

Столь тесная связь человека с конкретно-исторической эпохой, как временем получения антропологического опыта, находит отражение и в *эпистемологии* Пауля фон

Вартенбурга. Считая, что познавательные способности человека не могут быть сведены лишь к рациональному анализу или эмпирическим наблюдениям, он выделял способность к «историческому постижению», позволяющую познающему субъекту проникать в смысл культурных явлений, унаследованных от предыдущих поколений. В своих заметках «Об историческом смысле: избранные письма и фрагменты» [Yorck von Wartenburg, 1890] он подчёркивал, что процесс познания неотделим от восприятия опыта предков, отражённого в языке, обычаях и институтах, поскольку без такого исторического фона мышление лишается опоры и теряет связь с реальными процессами.

Язык он рассматривал не просто как средство передачи информации, но и отмечал его конструктивную роль в формировании мировоззрения. Слова, понятия, логические структуры – всё это складывается в контексте культурно-исторического развития общества, поэтому любое знание представляет собой результат *диалога с прошлым*. Если классическая философская традиция часто искала внеисторические критерии истинности, то Пауль фон Вартенбург указывает на необходимость учитывать факт нашей конкретно-исторической ограниченности (это, кстати, роднит его с марксизмом, популярным в годы его жизни). Для него метод познания – это не холодное абстрагирование, а *кропотливое вчитывание в тексты*, понимание смысла поступков и «диалог» с культурным наследием, в котором человек обнаруживает себя как часть общего целого. Собственно, это и есть герменевтический метод, как филологическая и гуманитарная практика.

Вслед за идеями историзма и герменевтики, которые активно противостояли во второй половине XIX века позитивизму, Пауль фон Вартенбург рассматривает субъект не как изолированную индивидуальность, а как продукт социокультурной жизни, неотделимой от прошлого. Влияние данной традиции особенно ярко выразилось в его интересе к герменевтической истории и философии В. Дильтея. Отвергая крайности позитивизма, сводившего человеческое поведение к совокупности проверяемых фактов, Пауль фон Вартенбург подчёркивал важность «понимающего» подхода, основанного на вживании в исторический контекст и интерпретации культурных смыслов. В книге «О понятии времени» он указывал, что «само понятие времени в человеческом сознании невозможно объяснить, не принимая во внимание конкретной истории и той череды событий, которая формирует самоощущение субъекта» [Yorck von Wartenburg, 1897]. Такой ракурс и роднит Пауля фон Вартенбурга с герменевтической традицией: подобно В. Дильтею, он усматривал ядро духовной жизни в способности понять «другую» эпоху, «другую» культуру и человека той культуры и эпохи, что означало признание исторической ограниченности, но одновременно и исторической обусловленности самого способа мысли учёного. Именно поэтому акцент на человеке и его погружённости в поток истории и жизни возникает как центральная тема его философии, отталкиваясь от представления о том, что только сквозь призму исторических и антропологических смыслов мы можем приблизиться к пониманию бытия (собственно, именно эти идеи позже увлекли М. Хайдеггера).

Поэтому историчность сознания, ставшая важнейшим мотивом философии Пауля фон Вартенбурга, и получила наиболее ёмкое выражение в его разработке проблемы времени. Исходя из того, что человек не может быть понят вне своего культурно-исторического контекста, Пауль фон Вартенбург рассматривает время как фундаментальную характеристику бытия, пронизывающую не только внешние события, но и внутренний, антропологический опыт человека. Такой подход продолжает логику, заложенную в его рассуждениях о неотделимости субъекта от исторических предпосылок, демонстрируя самостоятельность мышления Пауля фон Вартенбурга в сравнении с другими представителями философии конца XIX – начала XX века. В трактовке Пауля фон Вартенбурга время выступает не просто объективным, физическим континуумом, в котором разворачиваются события с возможностью их механической фиксации, но и главным фактором, определяющим всю структуру антропологического опыта индивида.

Мыслитель подчёркивал, что психологическое восприятие времени всегда вплетено в личностную историю, а потому феноменологические аспекты субъективного переживания прошлого, настоящего и будущего должны рассматриваться с учётом культурных влияний. Он отмечал, что «созерцание течения времени не может быть сведено к линейной последовательности событий, поскольку каждый момент настоящего окрашен воспоминаниями о прошлом и ожиданиями будущего» [Yorck von Wartenburg, 1897]. Эта идея сближает Пауля фон Вартенбурга с будущими феноменологическими представлениями о внутренней временности сознания Э. Гуссерля и его учеников, но в отличие от поборников феноменологии он акцентировал внимание именно на *историко-культурной специфике темпоральных модусов антропологического опыта человека. Личное время* (психологическое, шире – антропологическое), по его мысли, неотделимо от исторического, поскольку само личностное становление человека происходит на фоне традиций, идей и предрассудков, которыми она пропитана с детства.

Тесная взаимосвязь субъективного потока переживаний с объективированными формами культуры приводит его к выводу, что самоощущение в «настоящем» создаётся за счёт постоянно *актуализирующегося прошлого*. В переписке с В. Дильтеем он пишет, что «всякая минувшая эпоха, сохраняясь в памяти сообщества, внедряется в уклад современности, тем самым формируя её главные ценности и принципы» [Dilthey, 1923; Переписка... 2022]. Отсюда следует мысль, что понимание индивидуального бытия человека невозможно без рассмотрения того, как личное, антропологическое время вплетено в историческое измерение, а феноменологическая данность *переживания времени* всегда будет отражать более обширную ткань культурно-исторического жизненного процесса.

Важное место в философии жизни Пауля фон Вартенбурга занимает вопрос о том, как прошлое не просто предшествует настоящему, а постоянно в нём присутствует. Он рассматривает интерпретацию прошлого как непрерывную творческую работу сознания, в ходе которой человек воссоздаёт, переосмысляет и актуализирует культурные смыслы, заложенные предками в культурном наследии (наверное, это вообще свойственно размышлениям аристократии, к которой мыслитель принадлежал). Он подчёркивал: «...прошлое не может быть статичным: в каждый момент истории оно мысленно формируется заново, становясь одним из факторов настоящего» [Yorck von Wartenburg, 1890]. Такой взгляд заставляет пересмотреть классическую гегелевскую идею о поступательном движении «мирового духа», где история предстает как логический прогресс. Пауль фон Вартенбург, с одной стороны, признаёт ценность гегелевского понимания истории как единого процесса, объединяющего различные эпохи, но, с другой, вводит во главу угла конкретику живого антропологического опыта и герменевтический «диалог» с прошлым.

В концепции антропологического времени Пауль фон Вартенбург исходит из тесного переплетения личного (психологического, антропологического) и исторического (культурно-исторического) измерений, что выделяет его позицию среди других философов того же периода. Он не сводит временность к чистому переживанию потоков сознания (как, например, это делали представители феноменологии) и не рассматривает историю как объективную поступательность «мирового духа» в гегелевском смысле. Напротив, Пауль фон Вартенбург демонстрирует, что история и субъективная временность человека образуют единую диалогическую структуру, в которой прошлое непрестанно воссоздаётся, формируя основу для постижения настоящего. Именно здесь скрывается связь его воззрений с феноменологией времени у М. Хайдеггера и философской герменевтикой Г.-Г. Гадамера.

Таким образом, концепция времени в «философии жизни» Пауля фон Вартенбурга демонстрирует синтез философско-исторического, антропологического, герменевтического

и феноменологического подходов: она предполагает, что субъективное переживание временности неотделимо от истории, культуры и антропологического опыта конкретного, живого человека, а сама история не может быть осмыслена без учета реального опыта живущих и действующих людей. На этом пересечении, где личное и историческое время сплетаются в единую ткань в жизненном потоке и антропологическом опыте, философ и продумывал свою теорию, отличную в своей созерцательности, подобно античной классике, от строго рациональных или сугубо мистических версий философии времени, которые предшествовали или были модными в контексте XIX века. Его идеи свидетельствуют о попытке увидеть в историческом процессе нечто большее, чем прохождение механических эпох, – своеобразный творческий акт, в котором прошлое, настоящее и будущее соединяются через призму культурных интерпретаций.

Работы Пауля фон Вартенбурга, пусть и не всегда достаточно оценённые при жизни автора, оказались значимыми для дальнейших поисков в области истории, философии, герменевтики, феноменологии и гуманитарных наук в целом. Они наглядно демонстрируют, что *время в антропологическом опыте* – это не просто физическая размеренность или индивидуальная длительность, а сложное переплетение памяти, традиции, коллективных и антропологических, жизненных смыслов, которые и формируют нашу идентичность, определяют горизонты будущего человека и человечества.

Список литературы

- Губман Б.Л., Ануфриева К.В. 2021. Становление герменевтики М. Хайдеггера: диалог с В. Дильтеем и графом П. Йорком фон Вартенбургом. *Вестник Московского государственного университета культуры и искусств*. № 2 (100): 14–22.
- Михайлов И.А. 1999. Ранний Хайдеггер: Между феноменологией и философией жизни. М., «Прогресс-Традиция», «Дом интеллектуальной книги», 284 с.
- Михайлов И.А. 2010. Вартенбург. В кн.: Новая философская энциклопедия. Т. 1. М., Мысль, 367.
- Переписка между Вильгельмом Дильтеем и графом Паулем Йорком фон Вартенбург. 1877–1897. 2022. Избранные места (письма 36–51). «EINAI: Философия. Религия. Культура». Научно-образовательный журнал НОЦ ПФРК ГУАП. Переводы. Том 11. № 11 (21). 17.07.2022. URL: <https://einai.ru/ru/archives/3365> (дата обращения: 18.05.2024).
- Перцев А.В. 2022. Предисловие к публикации переписки между В. Дильтеем и графом Йорком. «EINAI: Философия. Религия. Культура». Научно-образовательный журнал НОЦ ПФРК ГУАП. Переводы. Том 11. № 11 (21). 09.07.2022. URL: <https://einai.ru/ru/archives/3375> (дата обращения: 18.05.2024).
- Роди Фр. 1999. Интенсивность жизни. К вопросу о месте графа Йорка между Дильтеем и Хайдеггером. *Логос*. № 10. 1999 (20): 29–42.
- Dilthey, W. 1923. Briefwechsel zwischen Wilhelm Dilthey und dem Grafen Paul Yorck von Wartenburg (1877–1897). Göttingen, Vandenhoeck & Ruprecht, 320 p.
- Yorck von Wartenburg, P. 1890. Über den historischen Sinn: Ausgewählte Briefe und Fragmente. Berlin, Verlag Y. 210 p.
- Yorck von Wartenburg, P. 1897. Über den Zeitbegriff. Berlin, Verlag Y. 200 p.

References

- Gubman B.L., Anufriyeva K.V. 2021. Stanovleniye germenevtiki M. Khaydeggera: dialog s V. Dil'teyem i grafom P. Yorkom fon Vartenburgom [The Formation of M. Heidegger's Hermeneutics: Dialogue with W. Dilthey and Count P. Yorck von Wartenburg]. *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo universiteta kul'tury i iskusstv*. № 2 (100): 14–22.
- Mikhaylov I.A. 1999. Ranniy Khaydegger: Mezhdru fenomenologiyey i filosofiyey zhizni [Early Heidegger: Between Phenomenology and Philosophy of Life]. Moscow, Publ. «Progress-Traditsiya», «Dom intellektual'noy knigi», 284 s.
- Mikhaylov I.A. 2010. Vartenburg [Wartenburg]. In: Novaya filosofskaya entsiklopediya. T. 1. Moscow, Publ. Mysl', 367.

- Perepiska mezhdru Vil'gel'mom Dil'teyem i grafom Paulem Yorkom fon Vartenburg. 1877–1897. 2022. Izbrannyye mesta (pis'ma 36–51) [Correspondence between Wilhelm Dilthey and Count Paul Yorck von Wartenburg. 1877–1897. 2022. Selected passages (letters 36–51)]. «EINAI: Filosofiya. Religiya. Kul'tura». *Nauchno-obrazovatel'nyy zhurnal NOTS PFRK GUAP. Perevody*. Tom 11. № 11 (21). 17.07.2022. URL: <https://einai.ru/ru/archives/3365> (accessed: 18 May 2024).
- Pertsev A.V. 2022. Predisloviye k publikatsii perepiski mezhdru V. Dil'teyem i grafom Yorkom [Preface to the publication of the correspondence between W. Dilthey and the Earl of York]. «EINAI: Filosofiya. Religiya. Kul'tura». *Nauchno-obrazovatel'nyy zhurnal NOTS PFRK GUAP. Perevody*. Tom 11. № 11 (21). 09.07.2022. URL: <https://einai.ru/ru/archives/3375> (accessed: 18 May 2024).
- Rodi Fr. 1999. Intensivnost' zhizni. K voprosu o meste grafa Yorka mezhdru Dil'teyem i Khaydeggerom [The Intensity of Life. On the Place of Count York between Dilthey and Heidegger]. *Logos*. № 10. 1999 (20): 29–42.
- Dilthey, W. 1923. Briefwechsel zwischen Wilhelm Dilthey und dem Grafen Paul Yorck von Wartenburg (1877–1897). Göttingen, Vandenhoeck & Ruprecht, 320 p.
- Yorck von Wartenburg, P. 1890. Über den historischen Sinn: Ausgewählte Briefe und Fragmente. Berlin, Verlag Y. 210 p.
- Yorck von Wartenburg, P. 1897. Über den Zeitbegriff. Berlin, Verlag Y. 200 p.

Конфликт интересов: о потенциальном конфликте интересов не сообщалось.

Conflict of interest: no potential conflict of interest related to this article was reported.

Поступила в редакцию 28.05.2024

Received May 28, 2024

Поступила после рецензирования 30.08.2024

Revised Augustus 30, 2024

Принята к публикации 28.02.2025

Accepted February 28, 2025

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Олешенко Екатерина Олеговна, кандидат философских наук, старший преподаватель кафедры психологии и педагогики, Белгородский юридический институт МВД РФ имени И.Д. Путилина, г. Белгород, Россия.

Ekaterina O. Oleshchenko, Candidate of Sciences in Philosophy, Senior Lecturer of the Department of Psychology and Pedagogy, I.D. Putilin Belgorod Institute of Law of the Ministry of Internal Affairs of the Russia, Belgorod, Russia.

ЛОГИКА, МЕТОДОЛОГИЯ И ФИЛОСОФИЯ НАУКИ LOGIC, METHODOLOGY AND PHILOSOPHY OF SCIENCE

УДК 167.7 141.3

DOI 10.52575/2712-746X-2025-50-1-12-17

Культурное поле как пространство интерсубъективности

Цветкова О.А.

Институт философии РАН

Россия, 109240, Москва, ул. Гончарная, д. 12/1

tsvetkovaolgaal@gmail.com

Аннотация. Культура рассматривается автором как феномен, порожденный интенциональным стремлением субъекта формировать интерсубъективное пространство. Анализ явления производится с опорой на психоанализ и феноменологию. Обосновано, что культурное поле является расширением интерсубъективного пространства и является условием существования субъекта, так же как и порождается им. Предоставляя общие символы, культурное поле является пространством становления сознания. В сознание не могут быть включены ментальные состояния, не символизированные в конкретном культурном поле. Таким образом, культурное поле обуславливает формирование бессознательного.

Ключевые слова: интерсубъективное поле, Бюн, символизация, бессознательное, субъект, интерсубъективный психоанализ, культурный код

Для цитирования: Цветкова О.А. 2025. Культурное поле как пространство интерсубъективности. *NOMOTNETIKA: Философия. Социология. Право*, 50(1): 12–17. DOI: 10.52575/2712-746X-2025-50-1-12-17

Cultural Field as an Expansion of Intersubjectivity

Olga A. Tsvetkova

RAS Institute of Philosophy

12/1 Goncharnaya St, Moscow 109240, Russian Federation

tsvetkovaolgaal@gmail.com

Abstract. The article examines culture as a phenomenon generated by a subject's intention to form an intersubjective space. The analysis of the phenomenon is based on psychoanalysis and phenomenology. It is shown that by creating a common meaning through symbolization, the subject seeks to avoid existential horror before encountering something which forms specific cultural values. It is substantiated that the cultural field is an extension of the intersubjective field, it is a condition for the existence of the subject, and at the same time is generated by it. Providing common symbols, the cultural field constitutes a space for the formation of consciousness. Mental states that are not symbolized in specific cultural values cannot be included in consciousness. Thus, due to the process of repression of the non-symbolized and non-mentalized elements, the cultural field determines the formation of the unconscious.

Keywords: intersubjective field, Bion, symbolization, the unconscious, subject, intersubjective psychoanalysis, cultural values

For citation: Tsvetkova O.A. 2025. Cultural Field as an Expansion of Intersubjectivity. *NOMOTNETIKA: Philosophy. Sociology. Law*, 50(1): 12–17 (in Russian). DOI: 10.52575/2712-746X-2025-50-1-12-17

С момента появления психоанализ оказывает сильнейшее влияние на философское осмысление феномена человека. В связи с этим особенно важно переосмыслить антропологические концепции в свете изменений в психоаналитической теории.

Одним из важнейших поворотов в психоаналитической мысли стал отказ от ограничений интрапсихического понимания человека. В центре внимания современных психоаналитических концепций стоит проблема интерсубъективности. Интерсубъективная модель в психоанализе предполагает совместное создание субъектами новых смыслов. В данном контексте культура представляет собой расширение интерсубъективного пространства. Культурное поле формирует субъекта и формируется им, являясь условием не только того, чтобы субъект стал возможен, но и того, каким образом у субъекта структурируется сознательное и бессознательное.

В философии проблема интерсубъективности рассматривается Гегелем, Гуссерлем, Хайдеггером, Сартром, Мерло-Понти, Рикером, Гадамером, Хабермасом, Деррида и другими. В психоанализе вопрос интерсубъективности исследовали Лейнг, Лакан, Столороу, Атвуд, Бенджамин, Беранже, Огден, Оранж, Ферро и другие. И хотя окончательное определение интерсубъективности так и не было сформулировано, сама проблематика интерсубъективности приобретает особую важность, поскольку она позволяет понять то, как рождается психика.

Фрейд сосредоточил исследование психики главным образом на интрапсихических процессах [Фрейд, 2014], он представлял субъекта как пассивного рецептора впечатлений из внешнего мира [Фрейд, 2013]. В работе «Массовая психология и анализ человеческого Я» он отмечает значимость Другого: «В психической жизни человека всегда присутствует "другой". Он, как правило, является образцом, объектом, помощником или противником, и поэтому психология личности с самого начала является одновременно также и психологией социальной в этом расширенном, но вполне обоснованном смысле» [Фрейд, 1991, с. 72]. Но несмотря на то, что субъект состоит в отношениях с другими, по Фрейду, смыслы субъекта конституируются интрапсихически, а не интерсубъективно.

Гуссерль и Фрейд были современниками, и оба посещали лекции Brentano в Вене. Сформулированная им концепция интенциональности [Бrentано, 1996], предполагающая, что каждый ментальный опыт направлен на что-то, в особенности повлияла на Гуссерля, ведь именно понимание интенциональности Brentano ложится в основу его концепции интерсубъективности. В «Картезианских медитациях» Гуссерль дает уже развернутое представление о феномене интерсубъективности [Гуссерль, 2005a]. Главный вопрос, который он ставит, состоит в том, как субъект становится самим собой в отношениях с Другим. Для Гуссерля интерсубъективность является не способностью к взаимодействию, а условием для происхождения (существования) этой способности. То есть речь идет не о сознательном или бессознательном взаимодействии субъектов, а об условии, которое делает это взаимодействие возможным [Гуссерль, 2005b].

Теория трансцендентности и трансцендентального Гуссерля представляется необходимой теоретической основой для исследования феномена интерсубъективности. Гуссерль понимает интерсубъективность как нечто неотделимое от субъекта. В «Картезианских медитациях» [Гуссерль, 2005a] и в «Феноменологической психологии» [Гуссерль, 2005b] он отмечает, что интерсубъективное поле формирует общий опыт, который потенциально может быть ментализирован, он же является потенциальной основой для взаимопонимания. «Субъект может конституировать, переживать и структурировать реальность в соответствии со значениями и убеждениями, которые уже существуют в интерсубъективном поле» [Uljee, 202, p. 06].

Когда опыт субъекта несоизмерим с социальными ожиданиями, например, при столкновении с иной культурой, возникает ощущение ненормальности. Представление о нормальности формируется при столкновении с ненормальностью. Например, Мерло-Понти отмечал, что исследование психопатологии нужно именно для того, чтобы

определить нормальность [Мело-Понти, 2006]. В работе 1960 года «Знаки» Мерло-Понти говорит, что всякое восприятие есть совместное восприятие [Мело-Понти, 2001]. Субъект понимает поведение Другого априорным образом, он оказывается в интерсубъективном поле задолго до того, как осознает свое собственное сознание. Но речь опять же идет не о социальном, а об трансцендентальной априорной структуре. Формируя смыслы, она удерживает сообщество вместе, и с ней соотносится субъект.

Хотя психоанализ и феноменология являются разными дисциплинами с разной концептуальной структурой и предметами исследования, именно феноменология может предложить психоанализу «подходящую парадигму для анализа субъективности» [Ulijee, 2023, р. 2]. Феноменология имеет концептуальный аппарат, позволяющий исследовать более глубокие дорефлексивные структуры и эмоциональные состояния. Первые попытки объединить различные подходы в исследовании психопатологии делали уже Бинсвангер и Ясперс. В настоящее время похожие попытки предпринимаются представителями различных направлений интерсубъективного психоанализа. Например, Столороу считает, что интерсубъективный контекст определяет, какие аспекты эмоционального бытия человека могут быть проявлены, и в связи с этим переосмысливает феномен вытеснения. Те аспекты, которые не могут быть проявлены из-за отсутствия соответствующих структур и смыслов в интерсубъективном поле, и составляют бессознательное [Stolorow, 2011]. То есть интерсубъективность определяет границы того, что может быть сознательным и бессознательным [Stolorow, Atwood, 2019].

Чевитарезе также говорит о том, что проблема интерсубъективности помогает переосмыслить концепцию бессознательного: оно более не изолировано в ограниченном интрапсихическом пространстве субъекта, но выступает как некая predisposition (условие, среда), в которой возможен контакт с другим субъектом [Civitarese, 2021, р. 884].

Бион выдвигал аналогичные идеи, формулируя понятие «протоментальных систем» – неделимое бессознательное поле субъектов [Бион 2009, 2017]. Бион говорил о том, что само бессознательное интерсубъективно, оно децентрировано и не принадлежит исключительно субъекту. Бессознательное представляется не как изолированное и ограниченное свойство субъекта, а как психический аппарат для символизации.

Трансцендентальная интерсубъективность является «условием возможности» субъекта. В центре данной теории лежит неразрывное единство Я и Других. Интерсубъективное конституирование Я и Другого всегда динамично. Интерсубъективность – не что-то внешнее по отношению к субъектам, но то, что формирует их и формируется ими. Браун определяет интерсубъективность как процесс бессознательной коммуникации и смыслообразования, это «совместная бессознательная работа по созданию смысла из коллективного эмоционального поля» [Brown, 2011, р. 13]. Отношения между субъектами предстают как игра в понимании Винникотта [2017].

Интерсубъективность выступает как пред-концептуальная основа взаимности и понимания. Для возникновения понимания недостаточно вербальной продукции или информации, объясняющей нечто. Необходимо, чтобы эта информация согласовывалась с изначальной интерсубъективной общностью субъектов.

Таким образом, под интерсубъективным полем можно понимать тот культурный контекст, который делает диалог субъектов вообще возможным. Без него разговор будет лишь обменом речевой продукцией, подобно тому, как происходит в общении человека с искусственным интеллектом. Для ИИ не имеет значение субъективное состояние человека, его внимание направлено только на расшифровку текста, продуцируемого им. Субъекты же изначально интенционально направлены на Другого, на установление связи и формирование взаимности. Культура здесь и будет реализацией интенциональности субъекта к Другому. Произведения искусства выступают коммуникационными агентами в

интерсубъективном пространстве. Культура является результатом интенции к формированию такого пространства, где человек возвышался бы над своей телесностью и темпоральной ограниченностью своего бытия.

Речь идет о том, что формируется трансцендентное пространство [Левинас, 1998], в которое и субъект, и Другой вступают как инаковые, более того, формирование этого пространства и возможно только тогда, когда инаковость друг друга заставляет субъекты стремиться к единению за счет признания своей недостаточности и попытки реализоваться в процессе узнавания инаковости друг друга. Важно, что речь идет не о слиянии – психоаналитическом понятии, описывающем процесс стирания границ между субъектом и Другим, стремления к формированию «одной психики на двоих». При отсутствии интерсубъективного пространства, общего контекстуального поля, делающего возможным встречу субъектов, то есть их столкновение с собственной инаковостью и инаковостью другого, – образуется разрыв, пустотность, которую субъект будет стремиться заполнить любой ценой из-за экзистенциального страха столкновения с ничто [Хайдеггер, 2015]. При непонимании субъект сталкивается с тревогой перед собственной сепарированностью от мира и экзистенциальным одиночеством. В противовес этому страху субъект стремится установить единство, если не через понимание, то через связывание разрозненного материалом собственной психической и ментальной работы. Он стремится заполнить лакуны непонимания своими проекциями. Здесь как раз возникает стремление к слиянию, к уничтожению различий, формированию «одной психики». Там, где Я не может идентифицироваться с Другим, Я сделает в своей фантазии Другого таким, чтобы Я смогло с ним идентифицироваться.

Субъект всегда стремится заполнить разрыв, чтобы избежать столкновения с ничто. Разрыв может быть заполнен проекциями субъектов, что будет нарушать интерсубъективный контакт и препятствовать пониманию, или же разрыв может быть преодолен созданием общего смысла, что укрепит интерсубъективный контакт. Преодоление разрыва – стремление создать смысл. Неспособность построить порядок смысла – бред [Binswanger, 1993]. Так, культурное поле является способом формирования этого смысла и воплощением интенциональности к формированию общего смысла и интерсубъективного пространства.

Гадамер отмечает, что культурные и исторические условия являются тем полем, в котором субъект понимает себя и мир посредством приобщения к общему смыслу в языке и традициях [Гадамер, 1988]. Инаковость Других, разделяющих опыт субъекта, придает опыту объективную обоснованность. Реальность не может постигаться вне интерсубъективности.

Итак, с одной стороны, проблема интерсубъективности может рассматриваться как некий феномен, разворачивающийся во взаимодействии между двумя субъектами. Здесь предполагается, что субъекты отделены друг от друга и выступают как заверенные сущности. С другой стороны, интерсубъективность может быть рассмотрена как некий внерефлексивный процесс, феномен, который предшествует или сопутствует становлению субъектов. Интерсубъективность как трансцендентальная общность является предпосылкой для становления субъективности и неотделима от субъекта, так же как и субъект неотделим от интерсубъективности. Интерсубъективный контакт может быть нарушен при заполнении разрыва непонимания проекциями субъектов, но также может быть укреплен заполнением разрыва общим смыслом, который представляет культура.

В интерсубъективном подходе посредством смысловых структур субъекта исследуется то, каким субъекту представляется мир.

В концепции интерсубъективности Блон объединяет психоаналитические идеи Фрейда, феноменологию Гуссерля и развитые Мерло-Понти идеи интуитивизма Бергсона. В связи с этим представляется необходимым дальнейшее исследования интерсубъективных психоаналитических концепций в свете интуитивизма.

Список литературы

- Бион У. 2009. Элементы психоанализа. М., Когито-Центр, 127 с.
Бион У. 2017. Научение через опыт переживания. М., Когито-Центр, 218 с.
Брентано Ф. 1996. Психология с эмпирической точки зрения. Избранные работы. М.: Дом интеллектуальной книги, Русское феноменологическое общество. С. 10-91.
Винникот Д.В. 2017. Игра и реальность. М., Институт общегуманитарных исследований, 208 с.
Гадамер Х.Г. 1988. Истина и метод: Основы философской герменевтики. М., Прогресс, 704 с.
Гуссерль Э. 2005а. Картезианские медитации. Избранные работы. М., Издательский дом «Территория будущего», С. 377-442.
Гуссерль Э. 2005b. Феноменологическая психология. Избранные работы. М., Издательский дом «Территория будущего», С. 297-340.
Левинас Э. 1998. Время и другой. Гуманизм другого человека. Спб., Высшая религиозно-философская школа, 264 с.
Мерло-Понти М. 2001. Знаки. М., Искусство, 429 с.
Мерло-Понти М. 2006. Видимое и невидимое. М., Логвинов, 400 с.
Фрейд З. 1991. Массовая психология и анализ человеческого Я. Фрейд З. Труды разных лет. Кн.1. Тбилиси, Мерани, С. 71–138.
Фрейд З. 2013. Недовольство культурой. М., Фолио, 224 с.
Фрейд З. 2014. Я и Оно. М., Эксмо, 864 с.
Хайдеггер М. 2015. Бытие и время. М., Академический проект, 460 с.
Binswanger L. 1993. Grundformen und Erkenntnis menschlichen Daseins. Binswanger L. *Ausgewählte Werke: in 4 Bänden*. Bd. 2. Heidelberg, Asanger, S. 13–639.
Brown L.J. 2011. Intersubjective Processes and the Unconscious. An Integration of Freudian, Kleinian and Bionian Perspectives. London, New York, Routledge, 267 p.
Civitarese G. 2021. Intersubjectivity and analytic field theory. *Journal of the American Psychoanalytic Association*. 69(5):853-893. DOI: 10.1177/000306512111044788
Ulijee R. 2023. The unconscious and the transcendental: Husserlian phenomenology in intersubjective systems theory. *Frontiers in Psychology*, Nov: 1-10.
Stolorow R.D. 2011. World, affectivity, trauma: Heidegger and post-Cartesian psychoanalysis. New York, Routledge, 121 p.
Stolorow R.D., Atwood G.E. 2019. The power of phenomenology: psychoanalytic and philosophical perspectives. New York, Routledge, 152 p.

References

- Bion U. 2009. Elementy psikhoanaliza [Elements of psychoanalysis]. Moscow, Kogito-Tsentr, 127 p. (Bion W.R. 1963. Elements of Psychoanalysis. William Heinemann, 116 p.)
Bion U. 2017. Nauchenie cherez opyt perezhivaniya [Learning from Experience]. Moscow, Kogito-Tsentr, 218 p. (Bion W.R. 1962. Learning from Experience. William Heinemann, 123 p.)
Brentano F. 1996. Psikhologiya s empiricheskoi tochki zreniya [Psychology from an Empirical Standpoint]. *Izbrannye raboty*. M., Dom intellektual'noi knigi, Russkoe fenomenologicheskoe obshchestvo: 10-91. (Brentano F. 1874. Psychologie vom empirischen Standpunkte. Verlag von Duncker&Humbolt, 379 p.)
Vinnikot D.V. 2017. Igra i real'nost' [Playing and reality]. Moscow, Institut obshchegumanitarnykh issledovaniy, 208 p. (Winnicott D.W. 1971. Playing and reality. Tavistock Publications, 151 p.)
Gadamer H.G. 1988. Istina i metod: Osnovy filosofskoj germeneytiki [Truth and method]. Moscow, Progress, 704 p. (Gadamer H. G. 1960. Wahrheit und Methode. Mohr, 512 p.)
Gusserl' E. 2005a. Karteziyanskie meditatsii [Cartesian Meditations]. *Izbrannye raboty*. Moscow, Izdatel'skij dom «Territoriya budushchego»: 377-442. (Husserl E. 1986. Méditations cartésiennes, trad. E. Lévinas et G. Pfeiffer, Vrin, Nouv. Ed. J.Vrin, 136 p.)
Gusserl' E. 2005b. Fenomenologicheskaya psikhologiya [Phenomenological Psychology]. *Izbrannye raboty*. Moscow, Izdatel'skij dom «Territoriya budushchego»: 297-340. (Husserl E. 2003. Phänomenologische Psychologie. Hrsg. v. Dieter Lohmar. Meiner, 286 p.)
Levinas E. 1998. Vremya i drugoi. Gumanizm drugogo cheloveka [Time and the Other]. Saint Petersburg, Vysshaya religiozno-filosofskaya shkola, 264 p. (Levinas E. 1983. Le temps et l'autre. PUF, 578 p.)

- Merlo-Ponti M. 2001. Znaki [Signs]. Moscow, Iskusstvo, 429 p. (Merleau-Ponty M. 1960. Signes. NRF, Gallimard, 343 p.)
- Merlo-Ponti M. 2006. Vidimoe i nevidimoe [The visible and the invisible]. Moscow, Logvinov, 400 p. (Merleau-Ponty M. 1964. Le Visible et l'invisible. Cl. Lefort, Gallimard, 361 p.)
- Freid Z. 1991. Massovaya psihologiya i analiz chelovecheskogo Ya [Group psychology and the analysis of Ego]. Freid Z. *Trudy raznyh let*. Kn.1. Tbilisi, Merani: 71–138. (Freud S. 1921 Massenpsychologie und Ich-Analyse. Internationaler Psychoanalytischer Verlag, 154 p.)
- Freid Z. 2013. Nedovol'stvo kul'turoi [Culture and its discontents]. Moscow, Folio, 224 p. (Freud S. 1930 Das Unbehagen in der Kultur. Internationaler Psychoanalytischer Verlag, 136 p.)
- Freid Z. 2014. Ya i Ono. [The Ego and The Id]. Moscow, Eksmo, 864 p. (Freud S. 1923 Das Ich und das Es. Internationaler Psychoanalytischer Verlag, 83 p.)
- Khajdegger M. 2015. Bytie i vremja [Being and Time]. Moscow, Akademicheskii proekt, 460 p. (Heidegger M. 1972. Sein und Zeit. Tübingen, M. Niemeyer, 437 p.)
- Binswanger L. 1993. Grundformen und Erkenntnis menschlichen Daseins. [Basic forms and knowledge of human existence]. Binswanger L. *Ausgewählte Werke: in 4 Bänden*. Bd. 2. Heidelberg, Asanger: 13–639.
- Brown L.J. [Intersubjective Processes and the Unconscious. An Integration of Freudian, Kleinian and Bionian Perspectives]. 2011. London, New York, Routledge, 267 p.
- Civitarese G. 2021. Intersubjectivity and analytic field theory. *Journal of the American Psychoanalytic Association*, 69(5): 853-893. DOI: 10.1177/00030651211044788
- Ulijee R. 2023. The unconscious and the transcendental: Husserlian phenomenology in intersubjective systems theory. *Frontiers in Psychology*, Nov: 1-10.
- Stolorow R.D. [World, affectivity, trauma: Heidegger and post-Cartesian psychoanalysis]. 2011. New York, Routledge, 121 p.
- Stolorow R.D., Atwood G.E. [The power of phenomenology: psychoanalytic and philosophical perspectives]. 2019. New York, Routledge, 152 p.

Конфликт интересов: о потенциальном конфликте интересов не сообщалось.

Conflict of interest: no potential conflict of interest has been reported.

Поступила в редакцию 25.10.2024

Поступила после рецензирования 25.01.2025

Принята к публикации 28.02.2025

Received October 25, 2024

Revised January 25, 2025

Accepted February 28, 2025

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Цветкова Ольга Алексеевна, кандидат философских наук, Институт Философии РАН, г. Москва, Россия.

 [ORCID: https://orcid.org/0000-0003-4683-3705](https://orcid.org/0000-0003-4683-3705)

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Olga A. Tsvetkova, Candidate of Philosophical Sciences, RAS Institute of Philosophy, Moscow, Russia.

 [ORCID: https://orcid.org/0000-0003-4683-3705](https://orcid.org/0000-0003-4683-3705)

СОЦИОЛОГИЯ, СОЦИАЛЬНЫЕ СТРУКТУРЫ И ПРОЦЕССЫ, СОЦИАЛЬНЫЕ ТЕХНОЛОГИИ SOCIOLOGY, SOCIAL STRUCTURES AND PROCESSES, SOCIAL TECHNOLOGIES

УДК 316.42

DOI 10.52575/2712-746X-2025-50-1-18-31

Особенности адаптации китайских студентов в российских вузах: история и современность

^{1, 2} Кузнецова О.В., ^{2, 3, 4} Дерюгин П.П.,

^{2, 3} Лебединцева Л.А., ^{1, 2} Кремнёв Е.В.

¹ Иркутский государственный университет,

Россия, 664003, г. Иркутск, ул. Карла Маркса, д. 1;

² Социологический институт РАН – филиал ФНИСЦ РАН,

Россия, 190005, Санкт-Петербург, ул. 7-я Красноармейская, д. 25/14;

³ Санкт-Петербургский государственный университет,

Россия, 199034, Санкт-Петербург, Университетская наб., д. 7-9;

⁴ Санкт-Петербургский государственный

электротехнический университет «ЛЭТИ» им. В. И. Ульянова (Ленина),

Россия, 197022, Санкт-Петербург, ул. Профессора Попова, д. 5Ф

kuznetsova1@mail.ru

Аннотация. Одним из ключевых векторов, реализующихся в действующих государственных программах, является повышение конкурентоспособности Российской Федерации в сфере образовательного экспорта. Особого внимания со стороны российских ученых требует изучение способов повышения привлекательности отечественных вузов для студентов из Китая, государства, разделяющего позиции России по многочисленным пунктам глобальной и региональной повестки. Сложности, возникающие в процессе адаптации китайских студентов в России, обусловлены рядом факторов, в том числе влиянием особенностей культуры и системы образования родной страны. В силу недостаточной изученности данной проблемы цель исследования заключается в выявлении и описании специфических черт китайской культуры и модели китайского образования, учет которых может повысить эффективность процесса адаптации студентов. Анализ динамики общей численности студентов из других стран, проходящих обучение в советских/российских вузах показал, что численность иностранных студентов значительно выросла с советских времен, несмотря на временные спады, с 1990-х годов на рынке российских образовательных услуг наблюдается всё более активное присутствие Китая. В процессе исследования описаны основные учебные и поведенческие стратегии китайских студентов, знание и понимание которых необходимо сотрудникам международных отделов и преподавателям российских вузов для более успешной адаптации и интеграции китайских студентов в российских вузах.

Ключевые слова: социальная адаптация, иностранные студенты, Китай, экспорт высшего образования, образовательная миграция

Финансирование: работа выполнена при финансовой поддержке Российского научного фонда (№ 24-28-01448).

Для цитирования: Кузнецова О.В., Дерюгин П.П., Лебединцева Л.А., Кремнёв Е.В. 2025. Особенности адаптации китайских студентов в российских вузах: история и современность. *NOMOTNETIKA: Философия. Социология. Право*, 50(1): 18–31. DOI: 10.52575/2712-746X-2025-50-1-18-31

Some Peculiarities of Chinese Students' Adaptation in Russian Universities: History and Modernity

^{1, 2} Olga V. Kuznetsova, ^{2, 3, 4} Pavel P. Deryugin,
^{2, 3} Liubov A. Lebedintseva, ^{1, 2} Evgeny V. Kremnyov

¹ Irkutsk State University,

1 Karl Marx St, Irkutsk 664003, Russian Federation

² Sociological Institute of the RAS – FCTAS RAS,

25/14 7th Krasnoarmeyskaya St, St. Petersburg 190005, Russian Federation

³ Saint Petersburg State University,

7-9 Universitetskaya Emb., St. Petersburg 199034, Russian Federation

⁴ Saint Petersburg Electrotechnical University,

5, lit. F Prof. Popov St, St. Petersburg 197022, Russian Federation

kuznetsova1@mail.ru

Abstract. One of the key vectors implemented in existing government programs is to increase the competitiveness of the Russian Federation in the field of educational exports. Russian scientists need to pay special attention to some ways to increase the attractiveness of domestic universities for students from China, the country that shares Russia's positions on numerous global and regional agenda items. The difficulties that arise in the process of adapting Chinese students to Russia are due to a number of factors, including the influence of the cultural and educational specificity of their native country. Given a lack of knowledge of this problem, the purpose of the study is to identify and describe the specific features of Chinese culture and the model of Chinese education that should be taken into consideration to increase the effectiveness of students' adaptation. We have analyzed the dynamics of international students' number at Soviet/Russian universities to find out that this figure has grown significantly since Soviet times, despite temporary declines, and China has been increasingly active in the Russian educational services market since the 1990s. The research describes the main educational and behavioral strategies of Chinese students, knowledge and understanding of which are necessary for the staff of international departments and teachers at Russian universities for more successful adaptation and integration of Chinese students.

Keywords: social adaptation, foreign students, China, export of higher education, educational migration

Financing: This work was financially supported by the Russian Science Foundation (Project No. 24-28-01448).

For citation: Kuznetsova O.V., Deryugin P.P., Lebedintseva L.A., Kremnyov E.V. 2025. Some Peculiarities of Chinese Students' Adaptation in Russian Universities: History and Modernity. *NOMOTHETIKA: Philosophy. Sociology. Law*, 50(1): 18–31 (in Russian). DOI: 10.52575/2712-746X-2025-50-1-18-31

Введение

В настоящее время необходимость исследования феноменов обучения и адаптации иностранных студентов в высших учебных заведениях России обусловлена рядом факторов: 1) одним из ключевых векторов, реализующихся в действующих государственных программах, является повышение конкурентоспособности Российской Федерации в сфере образовательного экспорта; 2) стабильный прирост иностранных обучающихся может положительно сказаться на экономическом развитии страны в целом; 3) эффективно функционирующий механизм адаптации и интеграции иностранных студентов может способствовать притоку наиболее квалифицированного человеческого капитала в страну, государство заинтересовано в том, чтобы иностранные студенты по окончании вузов оставались в России; 4) иностранные студенты, удовлетворенные условиями обучения и проживания в России, способны стать надежным проводником

знаний о русском языке, российских культурных и духовных ценностях по возвращении на родину, формируя тем самым положительный образ страны за ее пределами.

В последнее десятилетие обнаруживается тенденция по активизации деятельности развивающихся стран (ОАЭ, Китай, Бразилия, ЮАР и др.) на образовательном рынке. В Российской Федерации в 2017 году была разработана государственная приоритетная программа «Развитие экспортного потенциала российской системы образования»¹. Согласно данному документу, контингент иностранных учащихся в вузах России должен возрасти с 220 тыс. чел. в 2017 году до 710 тыс. чел. в 2025 году. Однако по итогам 2024 года число иностранных студентов достигло только 389 тыс. чел.², следовательно, есть вероятность, что к концу 2025 года запланированные показатели не будут выполнены. Таким образом, привлечение максимально возможного контингента иностранных обучающихся и разработка эффективных стратегий их адаптации представляется одной из приоритетных задач, решение которой должно осуществляться на государственном уровне. Особого внимания со стороны российских ученых и практиков требует изучение способов повышения привлекательности отечественных вузов для студентов из Китая – государства, разделяющего позиции России по многочисленным пунктам глобальной и региональной повестки. По данным Института статистики ЮНЕСКО, в 2024 году наибольшее количество китайских студентов выбрало США и Великобританию для продолжения обучения несмотря на значительные культурные отличия этих стран, а также иные образовательные модели, распространенные в них. Россия же находится в списке стран с наибольшим количеством китайских студентов только на 7 месте³.

В силу актуальности тематики многие авторы в настоящее время занимаются изучением образовательных предпочтений студентов из КНР и проблем, с которыми они сталкиваются в процессе адаптации, обучаясь за рубежом. В российском научном пространстве изучены такие аспекты данной темы, как социокультурный анализ учебных и поведенческих стратегий китайских студентов [Иванова, 2001], разработка комплексной программы социальной адаптации на этапе первого года обучения китайских студентов [Максимов, 2017], особенностей системы ценностей китайских студентов [Дерюгин и др., 2021]. Многие специалисты изучают особенности процесса адаптации китайских студентов в отдельном регионе Российской Федерации, например, коллектив авторов в составе С.Л. Васильевой, А.А. Абрамовой, М.Г. Волковой, Н.А. Дмитриенко, Н.С. Коваленко [2020] занимается определением направлений социокультурной поддержки иностранных студентов в Сибирском регионе, И.Н. Краснюк и Хэ Хаонань [2021] приходят к выводу, что в Иркутске китайским студентам сложнее всего привыкнуть к отношению окружающих и общению на русском языке. Сферой интереса Е.В. Никитенко и Э.О. Леонтьевой [2015] является китайское направление интернационализации российского высшего образования в дальневосточных вузах. Ю.А. Тюрина, Е.Л. Луценко, О.В. Казаку [2022] анализируют, как осуществляется реализация приоритетного проекта «Экспорт образования» в вузах Хабаровского края. В рамках нашего исследования интерес представляют также научные работы специалистов [De Bary, Chaffee, 1989; Chen, 1990; Bond, 1991, Lixian Jin, Cortazzi, 1998], занимающихся анализом того, как культурные различия между Китаем и западными странами затрудняют процесс адаптации китайских студентов.

¹ Паспорт приоритетного проекта «Развитие экспортного потенциала российской системы образования». URL: <http://government.ru/projects/selection/653/28013/> (дата обращения: 04.03.2025).

² Число иностранных студентов в РФ по итогам 2024 года оценивается в 389 тыс. URL: <https://tass.ru/obschestvo/22845895> (дата обращения: 04.03.2025).

³ UNESCO Institute for statistics / Global flow of tertiary-level students. URL: <https://uis.unesco.org/en/uis-student-flow> (accessed: 18.02.2024).

Несмотря на большой интерес ученых к данной тематике недостаточно изученным на данный момент остается вопрос о том, каким образом возможно учитывать культурные особенности китайцев, например, культуру коллективизма, а также особенности образовательного процесса в Китае для выработки более гибкого подхода к интеграции китайских студентов в образовательную среду другой страны.

Цель исследования заключается в выявлении и описании специфических черт китайской культуры и модели китайского образования, учет которых может повысить эффективность процесса адаптации студентов и помочь в дальнейшем при разработке практических рекомендаций по привлечению китайских студентов в Российскую Федерацию. В работе также изучается динамика общей численности студентов из других стран, проходящих обучение в советских/российских вузах, что позволяет оценить привлекательность российского образования для иностранных граждан.

Материалы и методы исследования

В работе используется метод вторичного анализа, материалами для которого послужили статистические и аналитические данные по динамике общей численности студентов из других стран, проходящих обучение в советских/российских вузах за период с 1950 по 2021 год, представленные в работах отечественных социологов Ф.Э. Шереги и А.Л. Арефьева [Арефьев, Шереги, 2014; Экспорт российских образовательных услуг, 2020]. Кроме того, были проанализированы данные по изменениям в численности обучающихся из различных групп стран и регионов мира, которые получали образование в вузах России, для определения периода, в который наметилась тенденция по увеличению количества китайских студентов в российских вузах. Данные Института статистики ЮНЕСКО использовались при анализе распределения контингента китайских студентов по странам на современном этапе. Для выявления специфических черт китайской культуры и модели китайского образования используется метод культурологического анализа.

Россия на международном рынке образовательных услуг

Вопрос о необходимости обучения иностранных граждан в российских вузах стал подниматься еще в XIX в. Эта проблема озвучивалась на заседании Совета при министре народного образования в 1865 году, однако в дореволюционной России обучению иностранцев не уделяли большого внимания [Амиров, 2018, с. 71]. В 1918 году государство вернулось к идее приглашения иностранных граждан на учебу, а в 1921 году появилось первое специализированное учебное заведение — Коммунистический университет трудящихся Востока. С 1946 года на учебу в МГИМО стали направляться студенты из зарубежных стран.

Проанализировав данные за 1950–1980-е гг., мы можем констатировать значительное увеличение численности представителей других стран, которые проходили обучение в СССР: в 1950 году в нашей стране находилось на обучении 5 900 иностранных граждан, а в 1980 году эта цифра увеличилась до 88 300 чел. [Амиров, 2018, с. 72]. В общей сложности с 1949 года до распада Советского Союза вузы страны осуществили образовательную подготовку более чем полумиллиона иностранцев — представителей 150 стран. Если рассмотреть распределение контингента по ключевым группам стран и крупным регионам мира, мы увидим, что первое место по численности студентов, обучающихся в России, занимала группа «Восточная Европа и балканские страны» (33,2 % — 72 522 чел.). Второе место занимала группа «Азия» — 26,7 % иностранных студентов в СССР прибыли именно из этого региона, что составило 58 516 чел. [Арефьев, Шереги, 2014, с. 10].

За період з 1950 по 1986 рік в радянських вузах пройшли навчання 5 944 студента з Китаю¹. З середини минулого століття в нашій державі спостерігається поступовий і стабільний ріст контингенту навчаючихся з інших країн. Як видно на рис. 1, починаючи з 1950 року, кожне наступне десятиліття до 1981 року відбувається зростання чисельності іноземних студентів в два і більше рази.

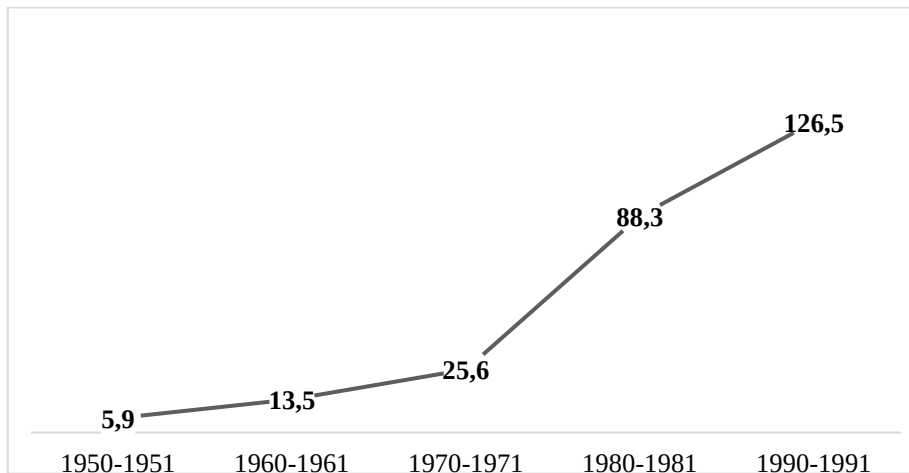

Рис. 1. Динаміка чисельності іноземців, навчаючихся в вузах СРСР (тис. осіб.)²
Fig. 1. Dynamics of the number of foreigners studying at universities of the USSR (thous. people)

В кінці 1980-х років уже 339 радянських вузів пропонували освітні послуги для іноземних студентів. Дані за 1990/91 академічний рік показують, що найбільші контингенти іноземних учасників були з таких дружественних країн, як Монголія (8 800 осіб.), В'єтнам (6 700 осіб.), Куба (6 100 осіб.) і Афганістан (6 100), однак Китай в той час навіть не входив в десятку країн-лідерів по навчанню студентів в Росії³.

Таким чином ми можемо констатувати, що, починаючи з 1950-х до 1990-х рр. мала місце помітна позитивна динаміка – кількість іноземних студентів в РСФСР збільшилася. Так, за 40 років майже в два рази збільшився відсоток іноземних громадян, проходивших навчання в нашій країні, від загальносвітового кількості іноземних студентів – в 1950 році цей показник був 4,7 %, в 1990 році – 7,7 %⁴.

Бесспорно, таке критично важливе політичне подія, як створення нового держави, не могло не вплинути і на становище країни на світовому ринку освітніх послуг. В 1990/91 академічному році Радянський Союз перебував на третьому місці за кількістю іноземних студентів, їх частка становила 7,7 % від загальносвітової чисельності – 1 168,1 млн⁵. Примітно, що в восьмерці країн з найбільшим контингентом іноземних навчаючихся, крім СРСР і Японії, всі інші позиції зайняті розвинутими західними країнами при впевненому лідерстві США з 35,9 % іноземних навчаючихся від їх світової чисельності.

Після 1991 року спад чисельності іноземних студентів в Росії відбувається досить швидко. Так, в 1995 році їх кількість становила 73 000 осіб., що менше на 58 % порівняно з 1990 роком. Інтересно, що за той же п'ятирічний період, з 1990 по

¹ Експорт російських освітніх послуг : статистичний збірник. М. : ГІРЯ імені А.С. Пушкіна. 2020. Вип. 10., С. 28.

² Експорт російських освітніх послуг : статистичний збірник. М. : ГІРЯ імені А.С. Пушкіна. 2020. Вип. 10., С. 26.

³ Там же. С. 12.

⁴ Там же. С. 34.

⁵ Там же. С. 9.

1995 г., некоторые другие страны начинают уверенно укреплять свои позиции на рынке мировых экспортеров образовательных услуг, демонстрируя рекордное увеличение контингента иностранных студентов. Так, численность иностранных студентов в Австралии увеличилась на 297 % (с 34 4400 чел. до 102 300 чел. соответственно), в Великобритании – на 140 % (с 80 200 чел. до 198 800 чел.), в Германии – на 65 % (со 107 100 чел. до 166 000) [Амиров, 2018, с. 72]. В 2010/11 академическом году Россия опустилась на 7 место в списке стран по количеству иностранных студентов с 3,8 % от их общемирового контингента ¹.

В новом государстве, образованном в 1991 году, поменялся подход к организации обучения иностранных граждан. Представляется возможным утверждать, на основании статистических данных, что появление платной формы обучения иностранцев стало одним из факторов, стимулировавших рост студенческого контингента из Китая. Например, в 2018/19 академическом году 90,3 % китайских студентов обучались в российских вузах на контрактной основе (всего проходило обучение 36 466 чел., из них платно – 32 939 чел.), что являлось одним из самых высоких показателей, наряду с Индией с 98,4 % студентов, обучающихся в России на платной основе ².

Итак, несмотря на существенные сложности в российской сфере экспорта образовательных услуг, возникшие после 1991 года, можно констатировать, что приток иностранных студентов в отечественные вузы продолжался.

Проанализируем динамику численности иностранцев-очников в российских вузах за период с 1995/96 по 2018/19 академический год (рис. 2) ³. Как видим, количество студентов продолжало увеличиваться, составив 282,2 тыс. чел. в 2018/19 академическом году, что более чем в пять раз превышает этот показатель 1995/96 академического года – 52,6 тыс. чел. ⁴

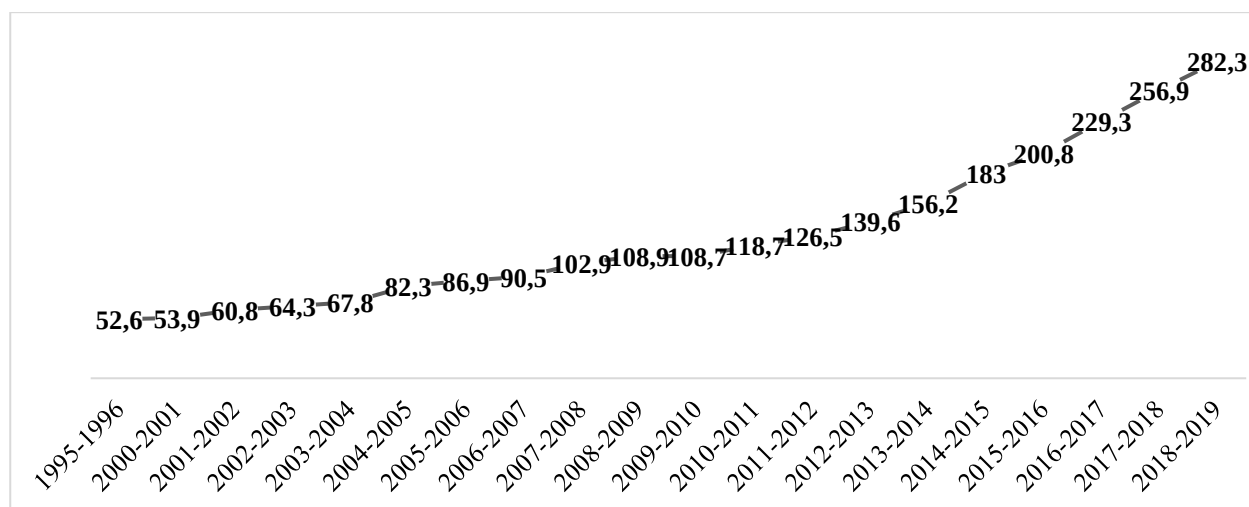

Рис. 2. Динамика численности иностранных граждан, обучавшихся по очной форме в российских вузах в 1995/1996 – 2018/2019 академических годах (тыс. чел.)

Fig. 2. Dynamics of the number of foreign citizens studying full-time at Russian universities in the 1995/1996 – 2018/2019 academic years (thousands of people)

Значительные изменения обнаруживаются и в распределении иностранного контингента обучающихся по основным группам стран и крупным регионам мира. Наибольший интерес для нашего исследования представляет вторая по численности

¹ Там же. С. 16.

² Там же. С. 168.

³ Там же. С. 42.

⁴ Там же. С. 42.

група из азиатских стран, мы можем наблюдать увеличение контингента с 38 868 чел. в 2009/10 академическом году до 64 621 чел. в 2017/18 академическом году [Экспорт российских образовательных услуг, 2020, с. 43–55].

С.С. Донецкая и Ли Мэнжань пишут, что, начиная с 2003 года, наблюдается постоянное увеличение численности китайских студентов, обучающихся в зарубежных университетах [Донецкая, Ли Мэнжань, 2020, с. 156]. Темпы роста численности студентов из Китая, получающих обучение за рубежом, выше, чем у второго крупнейшего импортера образовательных услуг, Индии, например, в 2012 году Китай опережал Индию в данной сфере в 3,5 раза (рис. 3) [Бондарева и др., 2021., с. 23].

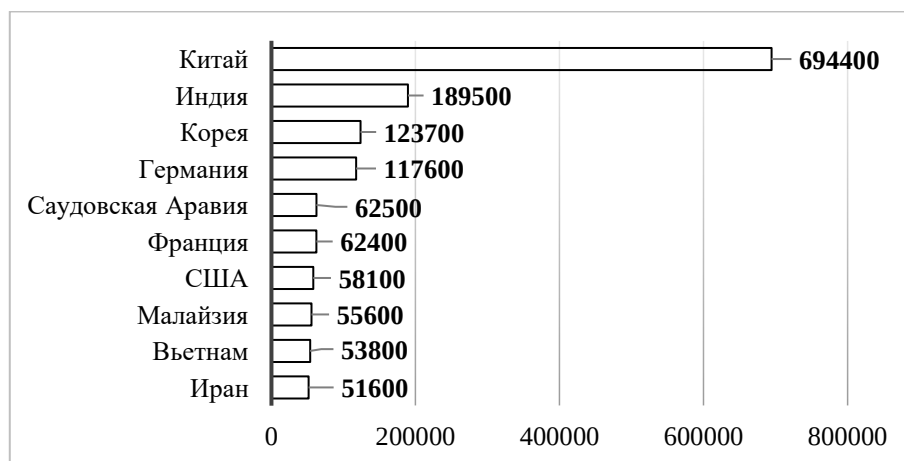

Рис. 3. Страны с наибольшим контингентом студентов, обучающихся за рубежом на 2012 г. (чел.)

Fig. 3. Countries with the largest student populations studying abroad, as of 2012 (persons)

Причин, вызвавших значительный в сравнении с Индией рост показателей Китая, на наш взгляд, две: 1) при достаточно близких показателях Китая и Индии по численности населения, китайской молодежи свойственна более высокая образовательная активность [Бондарева и др., 2021] и 2) более высокий уровень экономического развития Китая и, как результат, более платежеспособное население.

Обратимся к показателям количества иностранных студентов в отечественных высших учебных заведениях. При анализе данных за 1950–1986 гг. мы видим, что лидерами по количеству студентов, обучающихся в России, среди азиатских стран в этот период были Вьетнам и Монголия, затем, с 1987 года, Китай и Индия опережают их.

Важно подчеркнуть, что за весь период с 1950 по 1986 г. в СССР прошли обучение 5 944 китайских гражданина, тогда как показатель только за один 2009/10 академический год превышает это число более чем в 2,5 раза. В свою очередь за десятилетие с 2009 по 2019 г. ежегодный контингент китайских студентов в России увеличился более чем вдвое. Более чем в два раза отстает от Китая Индия, занимающая второе место по данному показателю [Экспорт российских образовательных услуг, 2020, с. 43–55].

Таким образом, одной из основных тенденций в сфере экспорта образовательных услуг в России в первую четверть XXI в. является упрочение позиций именно на азиатском, в первую очередь китайском, рынке. Всего в 2018/19 академическом году в России прошли обучение 64 621 чел. из 29 азиатских стран, в сумме граждане Китая и Индии составили 51 632 чел., то есть 80 % от общего числа. На данный момент студенты из Китая составляют практически пятую часть всех иностранных студентов в мире. По данным Института статистики ЮНЕСКО, 1 021 303 студента из Китая в 2024 году проходили обучение за границей, что составляет 16 % от общего числа студентов,

уехавших на обучение в другую страну ¹. Большинство обучающихся традиционно выбирает США, Россия в списке стран за 2024 год с наибольшим количеством китайских студентов находится на 7 месте (рис. 4).

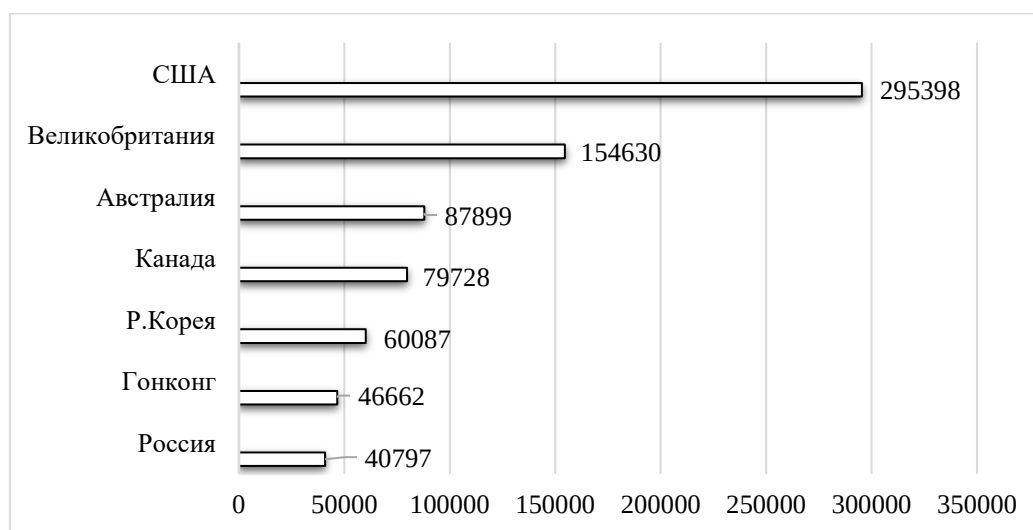

Рис. 4. Страны с наибольшим контингентом китайских студентов в 2024 г. (тыс. чел.) ²

Fig. 4. Countries with the largest number of Chinese students in 2024 (thousands of people)

По данным ЮНЕСКО, в 2024 году Китай занимал 3-е место по количеству иностранных студентов, обучающихся в российских вузах (рис. 5). Примечательно, что многолетними лидерами по образованию в России традиционно являются бывшие советские республики, тем не менее Китай является единственной страной, которой удалось опередить некоторых из них, в частности Туркменистан и Таджикистан.

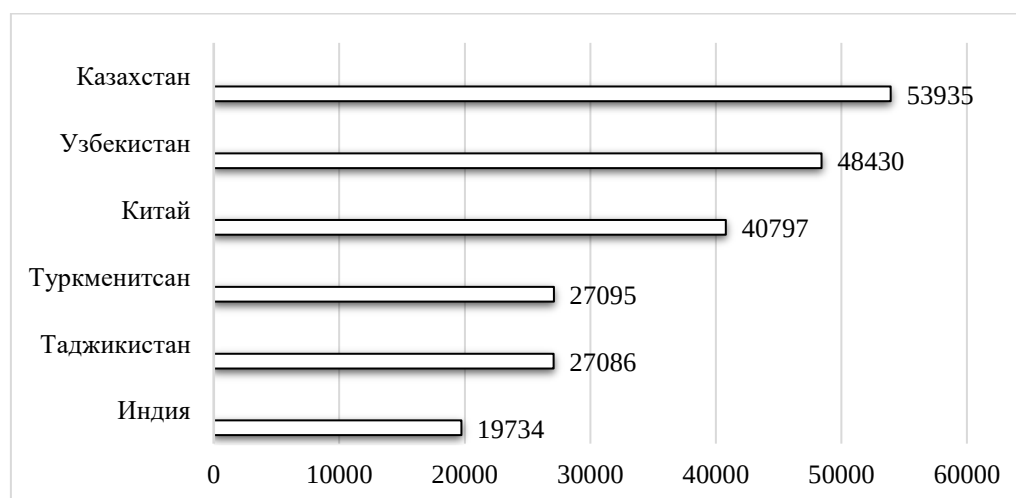

Рис. 5. Страны с наибольшим контингентом студентов в российских вузах в 2024 г. (тыс. чел.) ³

Fig. 5. Countries with the largest student populations in Russian universities in 2024 (thousands of people)

¹ UNESCO Institute for statistics / Global flow of tertiary-level students. URI: <https://uis.unesco.org/en/uis-student-flow> (accessed: 18.02.2024).

² Там же.

³ Там же.

Столь внушительный контингент требует специального изучения принятых в Китае моделей поведения студентов, особенностей их взаимодействия с преподавателем, а также традиционных методик обучения для более успешной и быстрой адаптации. По нашему мнению, знакомство сотрудников принимающего вуза с современной системой высшего образования в Китае может способствовать более эффективной адаптации студентов из этой страны.

Учебные и поведенческие стратегии китайских студентов

Китайцы получали образование за пределами своей страны еще в конце XIX в. В этот период основной массив китайских студентов проходил обучение в США и Японии, в 1950–1960-е гг. – в Советском Союзе, в 1965–1976 гг. в период «культурной революции» данная практика была приостановлена, а в 1978 году возобновлена по инициативе Дэн Сяопина. После начала политики «открытых дверей» в конце 1970-х гг. меняется и позиция руководства КНР относительно присутствия страны в сфере импорта образовательных услуг [Машкина, 2009, с. 143]. В настоящее время в Китае существует достаточно разветвленная система поддержки граждан, обучающихся за рубежом.

По мнению Е.Ю. Кошелевой и И.Я. Пак, в XXI веке наблюдаются изменения в системе ценностей китайской молодежи: мотивация поведения молодых китайцев определяется главным образом практическими интересами, они прагматично относятся к выбору места для получения высшего образования [Портрет образовательного мигранта, 2011]. Этот факт также объясняет активное стремление учиться за рубежом. Переход на демографическую модель «одна семья – один ребенок», действующую в Китае с 1979 по 2016 гг., привел к тому, что многие дети столкнулись с завышенными ожиданиями родителей, в том числе и по вопросу образования [Портрет образовательного мигранта, 2011, с. 143]. С раннего возраста у детей в Китае формируется определенное отношение к учебе – она воспринимается как выполнение морального долга перед собой, семьей и обществом, что необходимо учитывать при организации процесса обучения и адаптации в зарубежных вузах.

Так, выделим особенности образовательного процесса в Китае.

1. Родители стремятся обеспечить ребенку обучение с высокой плотностью знаний уже с дошкольного возраста. Подобный формат подразумевает в основном монологическую подачу большого объема материала преподавателем. Это приводит к тому, что китайские студенты демонстрируют слабое стремление к речевому самовыражению, больше склонны слушать преподавателя, нежели вести аргументированную дискуссию [Портрет образовательного мигранта, 2011, с. 142].

2. Гаокао – вступительный экзамен в вузы Китая – считается одним из самых стрессовых в мире. В процессе подготовки к экзамену многие факты и цифры заучиваются наизусть, чтобы обеспечить автоматическое воспроизведение в день экзамена. Заучивание наизусть или зубрежка воспринимаются китайцами как один из наиболее частотных и эффективных методов обучения. В китайской системе образования и в настоящее время ведущая роль отводится повторению как инструменту запоминания и понимания. Соответственно, многие преподаватели зарубежных вузов, обучающие китайских студентов, отмечают их трудолюбие и скрупулезность в процессе обучения, которые, тем не менее, сопровождаются низкой эрудицией и отсутствием интереса к повышению общеобразовательного и культурного уровня [Портрет образовательного мигранта, 2011, с. 144].

3. Публичное обсуждение успеваемости считается в Китае эффективным способом воздействия. В школах администрация озвучивает рейтинг успеваемости на общих собраниях; это приводит к тому, что неуспевающие школьники испытывают постоянное давление как со стороны обучающего персонала, так и со стороны родителей и других школьников [Портрет образовательного мигранта, 2011, с. 143].

4. Образование опирается на конфуцианские принципы, хотя иногда преподаватель и обучающийся не осознают. К примеру, можно выделить такие принципы, как высокая ценность образования для общества, отношение к учителю как к образцу для подражания, трудолюбие при обучении как моральный долг перед собой и своей семьей и др. [Watkins, Biggs, 2002].

Ряд специалистов [De Bary, Chaffee, 1989; Chen, 1990; Bond, 1991] сходятся во мнении, что китайские студенты тяжело адаптируются и интегрируются в университетскую жизнь западных стран, в том числе и из-за культурных различий.

Установки, на которые ориентируются молодые люди Китая в образовательном процессе, включают в себя следующие пункты:

- образование в целом имеет большую ценность;
- вы должны рассматривать обучение как выполнение морального долга;
- вы несете ответственность перед семьей, проявляя усердие в учении;
- необходимо верить, что усилия и упорный труд могут компенсировать недостаток способностей;
- необходимо уважать учителей и относиться к ним как к образцу владения знаниями и моральными ценностями;
- нужно учиться и у сверстников.

Таким образом, в рамках данных установок поощряются усилия, дисциплина, уважение и подражание учителям. Этот же подход обуславливает активное вовлечение родителей в процесс обучения, их постоянный интерес к успеваемости ребенка и контроль за выполнением домашнего задания [Lixian Jin, Cortazzi, 1998].

Кроме того, Китай как страна с коллективистской культурой, рассматривают учащихся как группу, учителя отдают приоритет потребностям и целям всего класса и подчеркивают связь личности с классом. Поэтому в Китае поощряется обучение в больших классах. Уровень достижений каждого ученика становится максимальным, когда весь класс учится эффективно [Kim U. et al., 1994].

Подчеркнем, что в Китае данная коллективная модель воспринимается как последовательная и устойчивая, подобное обучение начинается еще в детском саду. Эта методика встроена в культурный контекст убеждений, ожиданий и ценностей, без которого она не будет столь эффективна [Lixian Jin, Cortazzi, 1998].

По мнению М.А. Ивановой, студентов из Восточной и Юго-Восточной Азии отличает замкнутость и неконтактность, они спокойно реагируют на перемены, контролируют свои эмоции и отличаются дисциплинированностью; это высоко-нравственные личности с высоким уровнем самоконтроля, для них важна репутация. Следовательно, в качестве рекомендаций для работы с данной аудиторией М.А. Ивановой предлагается ряд стратегий. К примеру, эффективным средством работы с китайскими студентами на занятии может быть использование морально-этической мотивации как необходимого стимула к обучению. Несмотря на «привычную» для китайцев культуру коллектива рекомендуется применять самостоятельные виды работы, что можно делать постепенно, начиная с небольших заданий. Подобная деятельность будет способствовать более успешной адаптации китайских студентов к принятым в России образовательным практикам [Иванова, 2001]. Л.И. Бутенко полагает, что китайским студентам присущи терпение, внушаемость, интровертность и некоммуникабельность, а также дисциплинированность, коллективизм, щедрость к другу, настойчивость, сплоченность, низкий уровень мотивации к познавательной деятельности. Данный студенческий контингент чаще других иностранцев испытывает культурное утомление. Правила и нормы общества воспринимаются китайскими студентами как моральный кодекс, они не склонны выделять себя как личность из группы, так как предпочитают коллективистские стратегии при обучении и воспитании, ориентированы на некоммуникативное обучение, обладают хорошим образным мышлением, которое активно развивается в Китае при обучении письму [Бутенко, 2009].

Как отмечают Е.П. Кабкова и Ли Шичен, представители Китая отличаются «исключительным трудолюбием и упорством в достижении намеченной цели», именно благодаря этим качествам они справляются с задачей выучить русский язык, хотя это и отнимает у них всё свободное время [Кабкова, Ли Шичен, 2019].

Заклучение

Адаптация китайских студентов в российских вузах представляет собой сложный и многогранный процесс, который имеет как исторические корни, так и современные особенности. На протяжении десятилетий китайские студенты играли важную роль в академической и культурной жизни российских университетов, способствуя укреплению связей между двумя странами. Исторически этот процесс связан с политическими и экономическими интересами, а также с культурным обменом, который начался еще в советский период и продолжается сегодня.

Изучив историю развития процесса образовательной миграции в России, мы можем заключить, что с 1990-х годов Китай начинает уверенно продвигаться на рынке российских образовательных услуг, закрепляя за собой статус одного из основных «поставщиков» иностранных студентов. И именно упрочение позиций на азиатском, в первую очередь китайском рынке можно рассматривать в качестве одной из основных тенденций сферы экспорта образовательных услуг в России в первую четверть XXI века. Тем не менее в настоящее время Россия занимает только 7-е место в списке стран с наибольшим количеством китайских студентов, поэтому в качестве рекомендаций, которые могут повысить привлекательность России как страны для получения образования и способствовать привлечению китайских студентов в регион, отметим необходимость изучения и учета таких особенностей данной студенческой группы, как учебные и поведенческие стратегии, сложившиеся под воздействием конфуцианского учения и коллективистской культуры. При адаптации китайских студентов необходимо принимать во внимание и традиционный китайский подход к образованию, где центральная роль отводится повторению, как лучшему способу усваивать большие объемы информации.

Список литературы

- Амиров Р.А. 2018. Экспорт образовательных услуг как важнейший фактор повышения конкурентоспособности страны. *Управленческое консультирование*, 8: 71–81.
- Арефьев А.Л., Шереги Ф.Э. 2014. Иностранные студенты в российских вузах. М., Центр социологических исследований, 228 с.
- Бондарева Л.Н., Вершинин А.А., Климентьева И.В. 2021. Развитие российского рынка образовательных услуг в условиях глобализации мирового сообщества. Екатеринбург, Изд-во Рос. гос. проф.-пед. ун-та, 101 с.
- Боревская Н.Е. 2008. Национальная специфика образования в эпоху глобализации: поможет ли нам опыт КНР? *Отечественные записки*. URL: <https://strana-oz.ru/2008/1/nacionalnaya-specifika-obrazovaniya-v-epohu-globalizacii-pomozhet-li-nam-opyt-knr> (дата обращения: 12.02.2024).
- Бутенко Л.И. 2009. Педагогические особенности адаптации китайских студентов в учебном процессе технического университета. Новочеркасск, ЮРГТУ (НПИ), 90 с.
- Васильева С.Л., Абрамова А.А., Волкова М.Г., Дмитриенко Н.А., Коваленко Н.С. 2020. Социокультурная адаптация иностранных студентов в Сибирском регионе. *Профессиональное образование в современном мире*, 10(4): 4212–4222.
- Дерюгин П.П., Кремнёв Е.В., Ярмач О.В., Ши И, Вэнсинь Чжэн. 2021. Сетевые модели деловых ценностей в структуре человеческого капитала китайских студентов. *Научный результат. Социология и управление*, 7(3): 135–151.
- Донецкая С.С., Ли Мэнжань. 2020. Китайские студенты за рубежом: динамика численности и цели выезда. *Высшее образование в России*, 6: 153–168.

- Иванова М.А. 2001. Социально-психологическая адаптация иностранных студентов к высшей школе России: дис. ... д-ра психол. наук. СПб., 353 с.
- Кабкова Е.П., Ли Шичен. 2019. Проблемы адаптации иностранных (китайских) студентов в условиях музыкально-педагогического вуза и методы их разрешения. *Педагогика искусства*, 3: 76–83.
- Краснюк И.Н., Хэ Хаонань. 2021. Процесс адаптации китайских студентов к учёбе в Байкальском государственном университете (взгляд студента). *Электронный научный журнал «Пензенский психологический вестник»*, 1(16): 43–52.
- Машкина О.А. 2009. Образование как ресурс развития Китая в XXI в. *История и современность*, 1: 130–153.
- Никитенко Е.В., Леонтьева Э.О. 2015. Иностранные студенты как потенциальный ресурс российских университетов: есть ли шанс у дальневосточных вузов. *Вестник ТОГУ*, 2: 229–238.
- Тюрина Ю.А., Луценко Е.Л., Казаку О.В. 2022. Реализация приоритетного проекта «Экспорт образования» в социологическом измерении. *Власть и управление на Востоке России*, 2(99): 21–32.
- Bond M.H. 1991. *Beyond the Chinese face, insights from psychology*. Hong Kong, NY, Oxford University Press, 125 p.
- Chen J. 1990. *Confucius as a teacher: philosophy of Confucius with special reference to its educational implications*. Beijing, Foreign Languages Press, 522 p.
- Dahlin B., Watkins D. 2000. The role of repetition in the processes of memorizing and understanding: A comparison of the views of Western and Chinese secondary school students in Hong Kong. *British Journal of Educational Psychology*, 70: 65–84.
- De Bary W., Chaffee J. W. 1989. *Neo-confucian education. The formative stage*. Berkeley, University of California Press, 593 p.
- Kim U., Triandis H. C., Kagitcibasi C., Choi S-C., Yoon G. 1994. *Individualism and collectivism: theory, method, and applications*. London, New Delhi, Thousand Oaks, Sage Publications, 338 p.
- Lixian Jin, Cortazzi M. 1998. Dimensions of dialogue: large classes in China. *International Journal of Educational Research*, 29: 739–761.
- UNESCO Institute for statistics / Global flow of tertiary-level students. URL: <https://uis.unesco.org/en/uis-student-flow> (accessed: 18.02.2024).
- Watkins D., Biggs J. 2002. Teaching the Chinese learner: psychological and pedagogical perspectives. *International Journal of Intercultural Relations*, 26: 595–607.

References

- Amirov R.A. 2018. Export of educational services as the most important factor in improving the competitiveness of the country. *Administrative Consulting*, 8: 71–81 (in Russian).
- Aref'ev A.L., Sheregi F.E. 2014. *Inostrannyye studenty v rossiiskikh vuzakh* [International students in Russian universities]. M., Tsentr sotsiologicheskikh issledovaniy, 228 p.
- Bondareva L.N., Vershinin A.A., Kliment'eva I.V. 2021. *Razvitie rossiiskogo rynka obrazovatel'nykh uslug v usloviyakh globalizatsii mirovogo soobshchestva: monografiya* [Development of the Russian market of educational services in the context of globalization of the world community]. Ekaterinburg, Izd-vo Ros. gos. prof.-ped. un-ta, 101 p.
- Borevskaya N.E. 2008. National specifics of education in the era of globalization: will the experience of China help us? *Otechestvennye zapiski* [Domestic notes]. URL: <https://strana-oz.ru/2008/1/nacionalnaya-specifika-obrazovaniya-v-epohu-globalizatsii-pomozhet-li-nam-opyt-kr> (accessed: 12.02.2024) (in Russian).
- Butenko L.I. 2009. *Pedagogicheskie osobennosti adaptatsii kitajskih studentov v uchebnoy processe tekhnicheskogo universiteta* [Pedagogical features of adaptation of Chinese students in the educational process of the Technical University]. Novocherkassk, JuRGU (NPI), 90 p.
- Vasil'eva S.L., Abramova A.A., Volkova M.G., Dmitrienko N.A., Kovalenko N.S. 2020. Socio-cultural adaptation of international students in the Siberian region. *Professional'noe obrazovanie v sovremennom mire* [Professional education in the modern world], 10(4): 4212–4222 (in Russian).
- Deryugin P.P., Kremnev E.V., Yarmak O.V. Shi I and Vehnsin' Chzhahn. 2021. Network models of business values in the human capital structure of Chinese students. *Nauchnyi rezul'tat. Sotsiologiya i upravlenie* [Research result. Sociology and Management], 7(3): 135–151 (in Russian).
- Doneckaja S.S., Li Mjenzhan'. 2020. Chinese students abroad: the dynamics of the number and purpose of departure. *Vysshee obrazovanie v Rossii* [Higher Education in Russia], 6: 153–168 (in Russian).

- Ivanova M.A. 2001. Socio-psychological adaptation of foreign students to higher education in Russia, Dr. Psych. (Psychology) Thesis, SPb., 353 p. (in Russian)
- Kabkova E.P., Li Shichen. 2019. Problems of adaptation of foreign (Chinese) students in the conditions of a music pedagogical university and methods of their solution. *Pedagogika iskusstva* [Pedagogy of art], 3: 76–83 (in Russian).
- Krasnyuk I.N., He Haonan. 2021. The process of adaptation of Chinese students to study at Baikal State University (student's view). *Electronic Scientific journal Penza Psychological Bulletin*, 1(16): 43–52 (in Russian).
- Mashkina O.A. 2009. Education as a resource for China's development in the 21st century. *Istoriya i sovremennost* [History and modernity], 1: 130–153 (in Russian).
- Nikitenko E.V., Leont'eva Je. O. 2015. Foreign students as a potential resource of Russian universities: is there a chance for Far Eastern universities. *Vestnik TOGU* [Bulletin of TOGU], 2: 229–238 (in Russian).
- Tjurina Ju. A., Lucenko E. L., Kazaku O. V. 2022. Implementation of the priority project "Export of education" in the sociological dimension. *Vlast' i upravlenie na Vostoke Rossii* [Government and management in the East of Russia], 2(99): 21–32 (in Russian).
- Bond M.H. 1991. *Beyond the Chinese face, insights from psychology*. Hong Kong, NY, Oxford University Press, 125 p.
- Chen J. 1990. *Confucius as a teacher: philosophy of Confucius with special reference to its educational implications*. Beijing, Foreign Languages Press, 522 p.
- Dahlin B., Watkins D. 2000. The role of repetition in the processes of memorizing and understanding: A comparison of the views of Western and Chinese secondary school students in Hong Kong. *British Journal of Educational Psychology*, 70: 65–84.
- De Bary W., Chaffee J. W. 1989. *Neo-confucian education. The formative stage*, Berkeley, University of California Press, 593 p.
- Kim U., Triandis H.C., Kagitcibasi C., Choi S-C., Yoon G. 1994. *Individualism and collectivism: theory, method, and application*. London, New Delhi, Sage Publications, Thousand Oaks, 338 p.
- Lixian Jin, Cortazzi, M. 1998. Dimensions of dialogue: large classes in China. *International Journal of Educational Research*, 29: 739–761.
- UNESCO Institute for statistics / Global flow of tertiary-level students. URL: <https://uis.unesco.org/en/uis-student-flow> (accessed: 18.02.2024).
- Watkins D., Biggs J. 2002. Teaching the Chinese learner: psychological and pedagogical perspectives. *International Journal of Intercultural Relations*, 26: 595–607.

Конфликт интересов: о потенциальном конфликте интересов не сообщалось.

Conflict of interest: no potential conflict of interest has been reported.

Поступила в редакцию 22.11.2024

Поступила после рецензирования 10.03.2025

Принята к публикации 13.03.2025

Received November 22, 2024

Revised March 10, 2025

Accepted March 13, 2025

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Кузнецова Ольга Владимировна, кандидат филологических наук, доцент, декан факультета иностранных языков, заведующая кафедрой регионоведения АТР, руководитель сектора трансрегионализации Научно-исследовательского центра трансдисциплинарной регионологии Азиатско-Тихоокеанского региона факультета иностранных языков, Иркутский государственный университет, г. Иркутск, Россия; ассоциированный научный сотрудник Российско-китайского центра междисциплинарных исследований, Социологический институт РАН – филиал ФНИСЦ РАН, г. Санкт-Петербург, Россия.

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Olga V. Kuznetsova, Candidate of Philological Sciences, Associate Professor, Dean of the Faculty of Foreign Languages, Head of the Department of Asia-Pacific Regional Studies, Head of the Transregionalization Sector of the Research Center for Transdisciplinary Regional Studies of Asia Pacific, Irkutsk State University, Irkutsk, Russia; Associate Researcher of the Russian-Chinese Center for Interdisciplinary Studies, Sociological Institute of the RAS – FCTAS RAS, St Petersburg, Russia.

Дерюгин Павел Петрович, доктор социологических наук, ассоциированный член, руководитель Российско-китайского центра междисциплинарных исследований Социологического института РАН – филиал ФНИСЦ РАН; заведующий кафедрой экономической социологии Санкт-Петербургского государственного университета; профессор кафедры социологии и политологии, Санкт-Петербургский государственный электротехнический университет «ЛЭТИ» им. В.И. Ульянова (Ленина), г. Санкт-Петербург, Россия.

Лебединцева Любовь Александровна, доктор социологических наук, доцент, доцент кафедры экономической социологии, Санкт-Петербургский государственный университет; ассоциированный научный сотрудник Российско-китайского центра междисциплинарных исследований, Социологический институт РАН – филиал ФНИСЦ РАН, г. Санкт-Петербург, Россия.

Кремнёв Евгений Владимирович, кандидат социологических наук, доцент, заведующий кафедрой китаеведения, руководитель Научно-исследовательского центра трансдисциплинарной регионологии Азиатско-Тихоокеанского региона, Иркутский государственный университет, г. Иркутск, Россия; ассоциированный научный сотрудник Российско-китайского центра междисциплинарных исследований, Социологический институт РАН – филиала ФНИСЦ РАН, г. Санкт-Петербург, Россия.

Pavel P. Deryugin, Doctor of Sociological Sciences, Associate Member, Head of the Russian-Chinese Center for Interdisciplinary Studies, Sociological Institute of the RAS – FCTAS RAS; Head of the Department of Economic Sociology, Saint Petersburg State University; Professor at the Department of Sociology and Political Science, Saint Petersburg Electrotechnical University, St. Petersburg, Russia.

Liubov A. Lebedintseva, Doctor of Sociological Sciences, Associate Professor, Associate Professor at the Department of Economic Sociology, Saint Petersburg State University; Associate Researcher of the Russian-Chinese Center for Interdisciplinary Studies, Sociological Institute of the RAS – FCTAS RAS, St Petersburg, Russia.

Evgeny V. Kremnyov, Candidate of Sociological Sciences, Associate Professor, Head of the Department of Sinology, Head of the Research Center for Transdisciplinary Regional Studies of Asia Pacific, Irkutsk State University, Irkutsk, Russia; Associate Researcher of the Russian-Chinese Center for Interdisciplinary Studies, Sociological Institute of the RAS – FCTAS RAS, St Petersburg, Russia.

УДК 316.47; 316.35

DOI 10.52575/2712-746X-2025-50-1-32-42

Отношение специалистов учреждений социальной защиты к использованию цифровых технологий в превенции девиантного поведения подростков

Шипунова Т.В. , Филончик А.В.

Санкт-Петербургский государственный университет
Россия, 199034, г. Санкт-Петербург, Университетская набережная, д. 7–9
shtatspb@yandex.ru; alexandr.filonchick@yandex.ru

Аннотация. В настоящее время происходит объединение реального и цифрового пространств, что создает новую гибридную среду взаимодействия для молодежи. Ввиду психологических особенностей молодые люди, особенно подростки, не всегда могут противостоять влиянию деструктивной информации, транслируемой в интернете, что может привести к формированию девиантного поведения. Данное обстоятельство требует особого внимания со стороны специалистов социозащитных учреждений, занимающихся превенцией девиантности подростков. Касается это не только выявления факторов риска, но и применения цифровых технологий в превентивной работе. Однако востребованность и опыт такой работы в России практически не изучены. Целью исследования стало выявление востребованности цифровой превентивной работы с подростками, проблем и перспектив развития на основе практического опыта специалистов социозащитных учреждений. В экспертном интервью приняли участие 23 специалиста, работающие с подростками, имеющими девиантный опыт. Исследование показало, что интернет воспринимается специалистами как среда, упрощающая усвоение девиантных образцов поведения; цифровые технологии в превенции используются ограниченно, поскольку специалисты считают традиционные методы индивидуальной работы более привычными и результативными. К основным проблемам применения цифровых технологий отнесены загруженность специалистов и, как следствие, нехватка времени для изучения инновационных практик; быстрое распространение новых видов девиаций; сложность диагностики ситуации подростков посредством виртуального общения. Перспективным специалистам видится использование чатов с интеграцией чат-ботов, применение игровых практик, создание специализированных программ ведения отчетности, а также углубленная подготовка специалистов к работе с использованием цифровых технологий.

Ключевые слова: интернет, подростковые девиации, превенция девиантного поведения, цифровые технологии

Для цитирования: Шипунова Т.В., Филончик А.В. 2025. Отношение специалистов учреждений социальной защиты к использованию цифровых технологий в превенции девиантного поведения подростков. *NOMOTNETIKA: Философия. Социология. Право*, 50(1): 32–42. DOI: 10.52575/2712-746X-2025-50-1-32-42

The Attitude of Specialists of Social Protection Institutions to the Use of Digital Technologies in the Prevention of Adolescents' Deviant Behavior

Tatiana V. Shipunova , Aleksandr V. Filonchik

St. Petersburg State University
7-9 Universitetskaya Embankment, Saint Petersburg, 199034, Russian Federation
shtatspb@yandex.ru; alexandr.filonchick@yandex.ru

Abstract. It is becoming increasingly difficult to ignore the fact that real and digital spaces are being combined, which creates a new hybrid environment of interaction among young people. Due to their

psychological features, young people, especially teenagers, cannot always resist the influence of destructive information broadcast on the Internet, which can lead to the formation of deviant behavior. This fact requires special attention from specialists of involved in the prevention of adolescent deviance. Their work should be related not only to the identification of risk factors, but also to the use of digital technologies in prevention. However, the relevance and experience of such work in Russia has been studied insufficiently. The aim of this research is to examine existing practices and prospects for the use of digital technologies in preventing deviant behavior among adolescents. The expert interview was attended by 23 specialists who work with adolescents with deviant experience. The results of this study show that specialists perceive the Internet as a space that facilitates the adoption of deviant behavior patterns. The use of digital technologies in prevention is still relatively limited, with traditional methods of personal interaction being viewed as more familiar and efficient. The main problems of using digital technologies include the workload of specialists and, as a result, the lack of time for studying innovative practices, the rapid spread of new types of deviations, and the difficulty in diagnosing the situation of adolescents with virtual communication. Specialists consider promising the use of chat rooms, the integration of chatbots, gaming practices, specialized reporting programs, and in-depth training in working with digital technologies.

Keywords: Internet, adolescent deviations, prevention of deviant behavior, digital technologies

For citation: Shipunova T.V., Filonchik A.V. 2025. The Attitude of Specialists of Social Protection Institutions to the Use of Digital Technologies in the Prevention of Adolescents' Deviant Behavior. *NOMOTHETIKA: Philosophy. Sociology. Law*, 50(1): 32–42 (in Russian). DOI: 10.52575/2712-746X-2025-50-1-32-42

Введение

Современное общество отошло от дихотомии «реальная и цифровая среда», на смену ей пришло понимание гибридности, связывающей оба пространства [Василенко, Мещерякова, 2023, с. 50]. Такое восприятие реальности позволяет людям находиться в нескольких контекстах одновременно и менять практики общения в зависимости от среды [Сысоева, Ярошевская, 2022, с. 157]. Интернет-коммуникации приобретают все большее значение для всех возрастных групп населения. Наиболее активными пользователями интернета являются heavy users (молодые люди до 25 лет, проводящие в сети более 4 часов в день), число которых увеличилось за последние годы ¹. Главное средство выхода в интернет – смартфон, позволяющий постоянно и комфортно взаимодействовать с другими людьми. Привлекательность общения в интернете обеспечивается его мультимодальным характером, предоставляющим возможности использования паралингвистических семиотических знаков [Кольцова, Карташкова, 2022, с. 775]. Благодаря развитию интернета изменились агенты социализации, которыми стали популярные интернет-деятели. Результаты исследований подтверждают, что молодые люди доверяют блогерам и отмечают воздействие их контента на настроение и отношение к другим людям [Каирова и др., 2023, с. 33].

Влияние интернета может носить негативный характер, что связано с существенным количеством деструктивных сообществ. Особое внимание, на наш взгляд, следует уделить подросткам, которые ввиду психологической незрелости и отсутствия навыков критического анализа информации могут воспринимать навязываемые деструктивные установки в качестве социально приемлемых и воспроизводить их в реальной жизни. Одним из примеров «навязывания» отклоняющегося от норм поведения могут служить треш-стримы, зрителями которых являются в основном молодежь и подростки [Рахманова и др., 2023, с. 140]. Коммуникационные возможности интернета упрощают процесс ознакомления с деструктивной информацией. Это относится как к получению

¹ ВЦИОМ. Цифровой детокс – 2023: о пользовании интернетом и отдыхе от него. URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/cifrovoy-detoks-2023-o-polzovanii-internetom-i-otdykhe-ot-nego> (Дата обращения: 17.10.2024)

информации о наркотических веществах [Позднякова, Брюно, 2022], так и вовлечению в экстремистские организации [Гайворонская и др., 2020].

Большое влияние интернета на формирование девиантного поведения подростков усиливает необходимость разработки программ превенции, предусматривающих использование цифровых технологий. В отечественной литературе отмечаются несколько направлений такой работы: формирование у подростков медиаграмотности, организация тренингов и конференций в дистанционном формате [Никитская, 2021]; создание молодежного интернет-портала как агрегатора информации в качестве мотивирующего элемента работы [Храмцова и др., 2021]; вовлечение молодых людей в добровольную деятельность, направленную на поиск деструктивного контента с последующей передачей информации в правоохранительные органы [Алексеев и др., 2020]; использование различных цифровых платформ и виртуальных технологий в образовании [Ряховская, Образ, 2024]; установка родительского контроля и ограничения времени пребывания в сети [Стяжкина, 2023]; освещение актуальных вопросов безопасности в интернете [Мышко, Титор, 2022].

В 2024 году было опубликовано исследование молодежных программ в странах Европы, в котором отмечен интерес специалистов и молодых людей к использованию цифровых технологий. При этом привлекает внимание сочетание элементов традиционной и цифровой работы, что стало следствием пресыщения исключительно дистанционным форматом в период пандемии Covid-19 ¹. Указанные программы нацелены на первичную превенцию, т. е. носят общий характер и охватывают молодежь вне зависимости от опыта девиантного поведения. Реже авторы пишут о цифровой превентивной работе с девиантной молодежью, т. е. о работе в рамках вторичной и третичной превенции. Так, в 2023 году опубликованы результаты исследования в Ирландии, которое показало, что для связи с подопечными специалисты в основном используют доступные и распространенные технологии: видеоконференции на популярных сервисах, мессенджеры. При этом к главной проблеме использования цифровых технологий были отнесены технические неполадки [Hickey et al., 2023]. Среди проблем названы неуверенность и неоднозначность отношения специалистов к цифровым практикам работы [Pawluczuk et al., 2019]. В немногочисленных отечественных публикациях говорится о неосведомленности большинства специалистов о негативном воздействии интернета и неготовности осуществлять работу с использованием цифровых технологий [Комарова и др., 2020]. Выявлены также проблемы использования таких технологий: дефицит кадров с проектными компетенциями, нехватка средств и инфраструктурные ограничения, слабая организации баз данных [Иванова, 2020]. Вместе с тем отмечается существенный интерес подростков к развитию профилактических программ в цифровом формате, которые, однако, должны приобрести новое содержание. Так, молодые люди не испытывают интереса к «классическим» форматам антинаркотических сайтов, где приводится информация о вреде потребления наркотиков в «менторском стиле» [Храмцова и др., 2021].

В мае 2024 г. Президентом РФ был подписан указ № 309 «О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года и на перспективу до 2036 года», где в качестве одной из целей развития страны стала цифровая трансформация социальной сферы ². Особое внимание следует уделить подготовке специалистов к реализации работы с подростками с использованием цифровых технологий. В настоящее время в программы подготовки разных специалистов включаются требования владения

¹ RAYDIGI. Exploring successful approaches to digital youth work. URL: https://www.researchyouth.net/wp-content/uploads/2024/10/RAY-DIGI_Research-Report_20241010.pdf (Дата обращения: 18.02.2025)

² Указ Президента Российской Федерации от 7.05.2024 № 309 «О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года и на перспективу до 2036 года» // Собрание законодательства Российской Федерации, 13.05.2024, № 20, ст. 2584.

навыками ведения групп в социальных сетях [Богданович, Делибалт, 2022, с. 285]. Исследователи обращают внимание на необходимость формирования навыков общения с подростками «на равных», учета социокультурных и субкультуральных особенностей для «разговора на одном языке» [Душкина, Чирикина, 2019].

Эти требования особенно важны в работе с девиантными подростками. Однако имеющийся опыт использования цифровой превентивной работы с данной группой молодежи в России до сих пор остается практически неизученным. Для восполнения этого недостатка и было проведено исследование, целью которого стало выявление востребованности цифровой превентивной работы с подростками, проблем и перспектив развития на основе практического опыта специалистов социозащитных учреждений.

Материалы и методы исследования

Исследование проведено в конце 2023 – начале 2024 г. в Санкт-Петербургских государственных и негосударственных (некоммерческих) социальных центрах: ПМЦ «Охта» и входящих в ее состав подростково-молодежных клубов («Тепло», «Измерение», «Квартира.ру», «Факел»), Центре «КОНТАКТ», КЦСОНе Красносельского района, а также в Благотворительном Фонде «Центр святителя Василия Великого». Это организации, которые заинтересовались темой и согласились участвовать в исследовании.

Использован метод экспертного (полуструктурированного) интервью со специалистами по социальной работе (8), работе с молодежью (5); с заведующим клубом/отделением (3), руководителем социального патронажа (2), психологом (2), социальным педагогом (1), руководителем социальной службы (1), начальником отдела социальных программ (1) – всего 23 человека.

Критерии отбора специалистов-экспертов были стандартными: наличие высшего или неполного высшего образования, опыта работы с девиантными подростками, стажа работы с несовершеннолетними от одного года. Отбор по этим критериям и приглашение к участию в интервью производился руководителями учреждений. В исследовании участвовали 19 женщин и 4 мужчины (соотношение обусловлено традиционно большей вовлеченностью женщин в работу в социальных учреждениях) в возрасте от 19 до 67 лет. По возрасту их условно можно разбить на 3 группы: молодёжь от 19 до 35 лет (15 чел.), люди среднего возраста – от 36 до 59 лет (7 чел.), люди пожилого возраста – от 60 лет (1 чел.). Стаж работы с девиантными подростками: 1 год – 6 чел.; 2–5 лет – 4 чел.; 5–10 лет – 8 чел.; более 10 лет – 5 чел. (в среднем стаж составил 6 лет).

Перед проведением интервью был разработан гайд, предполагающий возможность обсуждения со специалистами дополнительных вопросов, связанных с темой исследования. Он включал в себя три основных блока вопросов, касающихся влияния интернета на формирование девиантного поведения подростков, практик и проблем превентивной работы с использованием цифровых технологий, перспектив развития данного направления в превенции девиантности подростков (всего 26 вопросов). Индивидуальное интервью проводилось в формате устной беседы, а все ответы участников записывались на диктофон. В среднем интервью длились один час. Для обработки полученных результатов произведен анализ транскриптов интервью и выявлены смысловые конструкции, слова и словосочетания, позволяющие определить мнения специалистов по указанным вопросам.

Результаты и их обсуждение

Участники интервью с большей охотой отвечали на вопросы, касающиеся их повседневных практик и проблем, а не перспектив применения цифровых технологий в превентивной работе. Не выявлены существенные различия в оценках использования цифровых технологий экспертами разного возраста (лишь двое отметили, что старшее поколение не готово к их использованию в работе с подростками).

Влияние интернета на формирование девиантного поведения. Интернет представляется специалистам в качестве пространства, конструируемого самими подростками: *«Сами формируют интернет-среду, создают ту, которую хотят видеть в реальной жизни»* (рук. соц. службы, 37 лет). Отмечается негативное влияние на подростков: *«Психика становится ненормальной»* (спец. по соц. раб., 67 лет). Вероятно, это связано с подражанием, которое играет важную роль в формировании личности. Деструктивный контент, продвигаемый в интернете, мешает нормальной социализации и формированию просоциальных ценностей, что в конечном итоге ведет к негативным последствиям. Появляются новые формы девиантного поведения, например, stalking: *«Парень в социальных сетях следил за двумя подружками, потом все перешло в реальную жизнь»* (псих., 31 год) или кибербуллинг. Негативное влияние оказывают социальные сети и некоторые блогеры, которые формируют моральные установки и способствуют усвоению деструктивных образцов поведения. При этом сами подростки могут становиться авторами такого контента: *«Один молодой человек был оператором роликов, связанных с хулиганскими действиями»* (спец. по соц. раб., 35 лет). Специалисты отметили риски, связанные с регулярным взаимодействием в интернете, одним из которых является вовлечение в деструктивные организации: *«Периодически выявляем группы, которые вовлекают подростков в экстремистскую деятельность»* (спец. по соц. раб., 42 года). К сожалению, несмотря на усилия по блокировке деструктивного контента в интернете, ситуация с распространением экстремизма остается напряженной, а проблема радикализации, по мнению экспертов, становится все более актуальной.

Закреплению негативных установок, по мнению респондентов, способствуют психологические особенности подросткового возраста: *«Восприимчивый подросток в силу своего возраста и восприятия принимает деструктивные модели поведения за чистую монету и на этом формирует свое поведение»* (спец. по раб. с мол., 26 лет). Специалистом был приведен пример изменения поведения подростка в зависимости от популярных в сети трендов: *«Один из них полностью зависел от рекомендаций в TikTok. Я наблюдал: две недели он такой, две недели другой»* (спец. по соц. раб., 19 лет). Склонность к агрессивному поведению, свойственная подросткам, строящим девиантную карьеру, может являться причиной поиска схожих по взглядам людей: *«Хотят подтвердить свои убеждения в интернете»* (псих., 31 год). А это может привести к ускорению радикализации и вовлечению в деструктивные сообщества. Сложность выявления таких подростков кроется в том, что на ранних этапах радикализация носит латентный характер. В целом эксперты убеждены, что интернет сам по себе не оказывает однозначно негативного влияния на подростков, однако чрезмерное его использование может способствовать изменению поведения.

Сотрудники учреждений подчеркивают роль интернета в приобщении к наркотическим веществам: *«Доступность информации о наркотиках больше, чем раньше»* (псих., 31 год). Имеется большое количество различных сообществ и сервисов в интернете, которые предоставляют информацию о запрещенных веществах, что ведет к раннему приобщению к употреблению наркотиков. Некоторые специалисты отмечали наличие программ, играющих роль проводника к заблокированным ресурсам и наркотикам. Неустойчивость психики подростков обуславливает стремление к нарушению запретов, а большая вовлеченность в использование цифровых практик в повседневности способствует нахождению способов для обхода блокировок, причем *«это не всегда можно контролировать, несмотря на наличие в телефонах систем родительского контроля»* (завед., 35 лет). Это означает, что ограничение доступа не должно становиться единственной целью работы с подростками, в первую очередь необходимо развивать навыки противодействия деструктивному контенту.

Практики и проблемы использования цифровых технологий. Специалисты по-разному воспринимают использование цифровых технологий в работе. В основном под

ними понимается организация полного цикла превенции исключительно в интернете, то есть наблюдается четкое разграничение цифровой и реальной сред. В основном же цифровые технологии применяются для упрощения выполнения служебных задач, а уровень их использования зависит от технического оснащения центра и загруженности специалистов выполнением повседневных рабочих обязанностей (индивидуальная и групповая работа с подростками, проведение мероприятий, подготовка отчетов, справок, заполнение личных дел воспитанников и т. д.).

Можно отметить интеграцию технических средств в повседневные практики. Так, все специалисты указали, что организация занятий в настоящее время без визуальной составляющей невозможна: *«Мы смотрим фильмы, если проходят лекции, то со специальной доской. Это лучше для понимания»* (рук. соц. патрон., 26 лет). В качестве одной из повсеместных практик называется беседа в чате и коммуникация с помощью различных мессенджеров. Специалисты не воспринимают это как практику применения цифровых технологий, поскольку такой опыт является частью повседневности. Большинство специалистов (15 чел.) отметили, что пользуются социальными сетями для общения с подростками на постоянной основе. Такая форма работы упрощает процесс передачи и получения информации и не требует от подростков установки приложений и регистрации данных на других платформах. Психологи указали, что имеют опыт ведения telegram-каналов для работы с подростками: *«Telegram-канал есть, где я говорю о взрослой жизни»* (психолог, 55 лет). На информационную направленность своей работы указали 13 специалистов. Социальные сети задействуют для оповещения подростков о мероприятиях, привлечения их внимания к деятельности центра. Помимо этого, специалисты обращаются к интернету для поиска спикеров, способных заинтересовать подростков и привлечь их внимание к новой деятельности.

Важным элементом работы выступает мониторинг социальных сетей подростков, однако наблюдаются ограничения с просмотром скрытых аккаунтов. Размещаемые в открытом доступе материалы могут быть маркером, указывающим на необходимость включения специалиста в работу: *«В некоторых социальных сетях есть возможность увидеть аватарки, если там плохие картинки стоят, можно сделать замечание»* (спец. по соц. раб., 32 года). Немаловажным в работе с подростками, которые уже имеют девиантный опыт, является возможность узнать их местоположение, для чего может использоваться как звонок, так и специальное приложение.

Наиболее распространенными оказались практики, которые позволяют оказывать помощь с минимальным набором технического оснащения. Для этого необходимы компьютер с выходом в интернет, видеокамера, а также микрофон. Такое минимальное оснащение есть в большинстве социальных центров, что позволяет подключать к мероприятиям и занятиям подростков, не имеющих возможность присутствовать на них очно. К другим формам специалисты отнесли лекции (12 чел.) и занятия в дистанционном формате, игровые практики, среди которых выделены компьютерные игры (11 чел.) и репетиторство (пять чел.). Указывается, что наличие игровой приставки в учреждении способствует повышению уровня вовлеченности подростков в деятельность центра. Специалистами используются и инновационные формы работы, например, чат-боты, квесты (сочетающие в себе очный и дистанционный форматы), курсы программирования, съемка коротких видео роликов. Так, использование чат-ботов для информирования подопечных о занятиях и проведения мероприятий практикуется в молодежном центре «Тепло», а проведение кибертурниров – центром «КОНТАКТ». Вместе с тем, по мнению респондентов, из-за низких доходов не все семьи могут приобрести компьютер или смартфон, что затрудняет онлайн-взаимодействие с подростками.

Говоря о проблемах, специалисты отметили появление среди подростков случаев интернет-зависимости. Такая девиация серьезно мешает выстраиванию отношений

с подростками, которым свойственно безучастное отношение ко всему, кроме интернета. На установление контакта влияет «клиповое мышление» этих подростков, что требует большего внимания к материалам: *«Если за 30 секунд их не заинтересовал – дальше смотреть не будут»* (завед., 31 год).

Специалисты подчеркнули сложность выявления реальной ситуации у подростков и их потребности в помощи на основе только общения в интернете.

Осложняют работу и особенности онлайн-общения. Несмотря на нахождение онлайн, специалисты говорят, что подростки могут не отвечать на сообщения или прерывать общение в одностороннем порядке. Могут быть и хулиганские выходки, например, одному из специалистов поступали угрозы, а другой сталкивался с необходимостью мониторинга чатов, куда молодые люди скидывали запрещенную символику. Кроме того, отмечено нежелание подростков обращаться за помощью на ресурсы, не имеющие понятной навигации, соответствующего дизайна и интерфейса, что влияет на увеличение числа обращений к некомпетентным специалистам в интернете, на сайтах которых используется «приятное» визуальное оформление. Исходя из этого, как указывают специалисты, превентивная работа должна строиться индивидуально и не может базироваться только на цифровых технологиях.

Оценка перспектив использования цифровых технологий в превенции девиантности подростков. Подавляющее большинство специалистов считает, что цифровые технологии полезно было бы использовать в превенции девиантного поведения подростков, но о том, *как* это реализовывать, могли высказаться далеко не все. Лишь трое уверенно отметили необходимость распространения уже имеющихся цифровых технологий без учета новых. Четверо специалистов сказали, что не готовы заниматься изучением новых практик работы во внерабочее время. Вместе с тем большая часть сотрудников учреждений (14 чел.) считает, что привлечение к обучению и информирование о применении цифровых технологий будет способствовать их готовности скорректировать свое отношение к такой форме взаимодействия с подопечными.

К перспективным направлениям специалисты отнесли: профориентацию, психологическую помощь и юридические консультации онлайн, а также информационную работу. Помимо этого, в качестве важного было отмечено развитие чатов, внедрение чат-ботов, развитие искусственного интеллекта, использование большего числа игровых практик и внедрение программ, упрощающих ведение отчетности. Отмечена также необходимость применения специальных программ для информирования подростков о мероприятиях учреждений и событиях в районе в реальном времени. Актуальными представляются такие формы деятельности, как мониторинг социальных сетей подростков (в том числе скрытых аккаунтов), дистанционное обучение специалистов, создание приложений для проведения тестирований по определению психологического состояния подростков (совместная работа специалистов в области IT-технологий и специалистов социальных учреждений), мониторинг сети интернет на предмет деструктивного контента и создание программ для развития творческого потенциала подростков. Кроме того, специалисты (19 чел.) указали на интерес к программам, упрощающим межведомственное взаимодействие.

Заклучение

Специалисты отмечают исходящую от интернета опасность и распространенность деструктивного контента. Появляются новые девиации и риски вовлечения в экстремистские сообщества, растет потребление наркотических веществ. По мнению специалистов, психологические особенности подростков могут влиять на позитивное восприятие девиантных моделей поведения, которые транслируются в интернете.

Цифровые технологии используются специалистами центров в основном для выполнения служебных задач: повседневного общения с подростками, проведения

занятий и информирования о мероприятиях. Важным элементом цифровой работы выступает возможность отслеживания местоположения подростка, а также проведение мониторинга его социальных сетей. В целом используются те практики, которые могут быть обеспечены имеющейся технической базой. Говоря о проблемах применения цифровых технологий, специалисты отметили появление новых цифровых девиаций, невозможность семей с низким доходом получать цифровые услуги, трудозатраты при организации занятий, загруженность, отсутствие должной информационной поддержки центров.

Среди перспективных направлений развития цифровых услуг были указаны: профориентационная деятельность, психологические и юридические онлайн-консультации и информационная работа. Актуальным является использование искусственного интеллекта для взаимодействия с подростками онлайн и внедрение игровых форм работы. Большим спросом у подростков пользуются программы с интегрированным искусственным интеллектом, киберспортивные мероприятия, единые информационные приложения и т.д. Для повседневной работы сотрудников учреждений востребованы программы, рутинизирующие работу с подростками, обеспечивающие ведение отчетности и упрощающие взаимодействие с другими учреждениями.

Если говорить о подготовке специалистов для расширения применения цифровых технологий в превентивной работе с подростками, то необходимо создавать специальные курсы повышения квалификации, на которых они получали бы информацию о развивающихся направлениях в использовании цифровых услуг, об особенностях интернет-культуры, включая правила и нормы коммуникации подростков, об особенностях цифровых технологий, способах их применения и т. д.

Очевидно, что полученные результаты не могут быть распространены на все российские социозащитные учреждения, особенно когда речь идет о небольших населенных пунктах со слабой технической базой. Вместе с тем результаты исследования показали, что у специалистов социозащитных учреждений (при прочих равных условиях) такие технологии востребованы, и в большинстве своем они готовы их осваивать. В конечном итоге проявление инициативы со стороны специалистов, увеличение числа социальных услуг в цифровой форме, а также раннее выявление подростков с девиантным поведением, которые все больше взаимодействуют в интернете, может улучшить ситуацию с подростковой девиантностью в России.

Список литературы

- Алексеев Д.Е., Богданов М.Н., Иваняков Р.И. 2020. Антинаркотическое волонтерское движение. *Образование. Наука. Научные кадры*, 3: 17–19. DOI 10.24411/2073-3305-2020-10127.
- Богданович Н.В., Делибалт В.В. 2022. Цифровые компетенции психологов в области профилактики девиантного поведения. *Цифровая гуманитаристика и технологии в образовании (DHTE 2022): Сборник статей III Всероссийской научно-практической конференции с международным участием, Москва, 17–18 ноября 2022 года / Под редакцией В.В. Рубцова, М.Г. Сороковой, Н.П. Радчиковой.* – Москва: Московский государственный психолого-педагогический университет: 282–296.
- Василенко Л.А., Мещерякова Н.М. 2023. Гибридность цифрового общества: инновационная реальность или утопия? *Философия науки и техники*, 28(1): 48–65. DOI:10.21146/2413-9084-2023-28-1-48-65.
- Гайворонская И.Б., Фомина Т.Ф., Аманжолова Б.А. 2020. Вербовка в экстремистские и террористические организации посредством сети Интернет. *Психология и право*, 4: 152–165. DOI: 10.17759/psylaw.2020100411.
- Душкина М.Р., Чирикина Р.В. 2019. Интерактивные методы коммуникации и обучения студентов работе с подростками и молодежью с девиантным поведением. *Психология и право*, 9(3): 72–83. DOI 10.17759/psylaw.2019090306.

- Иванова М.М. 2020. Проблемы и перспективы развития цифровых технологий в социальной работе с молодежью. *Вестник Санкт-Петербургского университета. Социология*, 13(4): 429–442. DOI 10.21638/spbu12.2020.405.
- Каирова И.А., Кошман М.В., Тимохин Н.Н. 2023. Исследование отношения молодежной аудитории к блогерам и контенту в социальных медиа. *Инновационная наука: психология, педагогика, дефектология*, 6(5): 27–37. DOI 10.23947/2658-7165-2023-6-5-27-37.
- Кольцова Е.А., Карташкова Ф.И. 2022. Мультимодальный характер цифровой коммуникации: функционирование эмодзи в межличностном общении. *Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика*, 13(3): 769–783. DOI 10.22363/2313-2299-2022-13-3-769-783.
- Комарова Э.П., Полухина О.П., Сун Я.Я. 2020. Подготовка будущих педагогов к превенции девиантного поведения обучающихся в цифровой образовательной среде. В кн.: *Психология XXI века: вызовы, поиски, векторы развития: сборник материалов Всероссийского симпозиума психологов с международным участием, Рязань, 09–10 апреля 2020 года*: 326–332.
- Мышко Ф.Г., Титор С.Е. 2022. Повышение медиаграмотности детей как механизм их защиты от деструктивной информационной среды. *Психология и педагогика служебной деятельности*, 4: 170–173. DOI 10.24412/2658-638X-2022-4-170-173.
- Никитская Е.А. 2021. Обеспечение информационной безопасности несовершеннолетних и профилактика делинквентного поведения как необходимая компетенция специалистов социальной сферы. *Вестник экономической безопасности*, 1: 330–333. DOI 10.24412/2414-3995-2021-1-330-333.
- Позднякова М.Е., Брюно В.В. 2022. Трансформация моделей наркопотребления в российской федерации в условиях распространения коронавирусной инфекции. *Вестник Института социологии*, 13(4): 192–216. DOI 10.19181/vis.2022.13.4.856.
- Рахманова Е.Н., Берестовой А.Н., Цветков П.В. 2023. Треш-стрим – форма сетевой агрессии: уголовно-правовой анализ. *Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России*, 1(97): 137–143. DOI 10.35750/2071-8284-2023-1-137-143.
- Ряховская А.Ю., Образ Н.Н. 2024. Виртуальные технологии как средство повышения эффективности языковой подготовки поколения Z. *Ученые записки. Электронный научный журнал Курского государственного университета*, 2 (70): 243–250.
- Стяжкина С.А. 2023. Виктимологическая профилактика преступлений, совершаемых в отношении несовершеннолетних в сети интернет. *Вестник Удмуртского университета. Серия «Экономика и право»*, 33(1): 155–160. DOI 10.35634/2412-9593-2023-33-1-155-160.
- Сысоева Т.А., Ярошевская С.В. 2022. Что дети делают онлайн? анализ исследований цифровых практик современных подростков. *Вестник Московского университета. Серия 14. Психология*, 2: 153–173. DOI 10.11621/vsp.2022.02.07.
- Храмцова Ф.И., Терехова А.И., Андрейковец Е.М. 2021. Интернет-портал как информационный ресурс профилактики наркомании среди молодежи. *Международный журнал гуманитарных и естественных наук*, 4-1(55): 6–9. DOI 10.24412/2500-1000-2021-4-1-6-9.
- Hickey G., Dunne C., Maguire L., McCarthy N. An Exploration of Practitioners' Experiences of Delivering Digital Social Care Interventions to Children and Families During the COVID-19 Pandemic: Mixed Methods Study. *JMIR Form Res.* 2023 Apr 28;7:e43498. DOI: 10.2196/43498.
- Pawluczuk, A., Hall, H., Webster, G., & Smith, C. (2019). Digital youth work: youth workers' balancing act between digital innovation and digital literacy insecurity. In *Proceedings of ISIC: The Information Behaviour Conference*.

References

- Alekseev D.E., Bogdanov M.N., Ivanyakov R.I. 2020. Antinarkoticheskoe volonterskoe dvizhenie [Anti-drug Volunteer Movement]. *Obrazovanie. Nauka. Nauchnye kadry*, 3: 17–19. DOI: 10.24411/2073-3305-2020-10127.
- Bogdanovich N.V., Delibalt V.V. 2022. Cifrovye kompetencii psihologov v oblasti profilaktiki deviantnogo povedeniya [Digital competencies of psychologists in the field of prevention of deviant behavior]. Collection of articles of the III All-Russian Scientific and Practical Conference with international participation, Moscow, November 17–18, 2022. Ed. V.V. Rubtsov, M.G. Sorokova, N.P. Radchikova. Moscow, Moscow State Psychological and Pedagogical University: 282–296.

- Vasilenko L.A., Meshcheryakova N.M. 2023. Gibridnost' cifrovogo obshchestva: innovacionnaya real'nost' ili utopiya? [Digital hybridity: innovative reality or utopia?] *Filosofiya nauki i tekhniki*, 28(1): 48-65. DOI: 10.21146/2413-9084-2023-28-1-48-65.
- Gajvoronskaya I.B., Fomina T.F., Amanzholova B.A. 2020. Verbovka v ekstremistskie i terroristicheskie organizatsii posredstvom seti Internet [Online recruitment into extremist and terrorist organizations]. *Psikhologiya i pravo*, 4: 152-165. DOI: 10.17759/psylaw.2020100411.
- Dushkina M.R., Chirikina R.V. 2019. Interaktivnye metody kommunikatsii i obucheniya studentov rabote s podrostkami i molodezh'yu s deviantnym povedeniem [Interactive methods of communication and teaching students to work with adolescents and youth with deviant behavior]. *Psikhologiya i pravo*, 9(3): 72-83. DOI 10.17759/psylaw.2019090306.
- Ivanova M.M. 2020. Problemy i perspektivy razvitiya cifrovyyh tekhnologiy v social'noj rabote s molodezh'yu [Problems and prospects for the development of digital technologies in social work with young people]. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Sociologiya*, 13(4): 429–442. DOI: 10.21638/spbu12.2020.405.
- Kairova I.A., Koshman M.V., Timohin N.N. 2023. Issledovanie otnosheniya molodezhnoy auditorii k blogeram i kontentu v social'nyh media [Research on the attitude of youth audiences towards bloggers and content on social media]. *Innovacionnaya nauka: psikhologiya, pedagogika, defektologiya*, 6(5): 27-37. DOI: 10.23947/2658-7165-2023-6-5-27-37.
- Kol'cova E.A., Kartashkova F.I. 2022. Mul'timodal'nyj harakter cifrovoj kommunikatsii: funkcionirovanie emodzi v mezhlichnostnom obshchenii [Digital communication and multimodal features: functioning of emoji in interpersonal communication]. *Vestnik Rossijskogo universiteta družby narodov. Seriya: Teoriya yazyka. Semiotika. Semantika*, 13(3): 769-783. DOI: 10.22363/2313-2299-2022-13-3-769-783.
- Komarova E.P., Poluhina O.P., Sun Ya.Ya. 2020. Podgotovka budushchih pedagogov k prevencii deviantnogo povedeniya obuchayushchihsya v cifrovoj obrazovatel'noj srede [Preparation of future teachers for the prevention of deviant behavior of students in the digital educational environment]. In: *Psychology of the XXI century: challenges, searches, development vectors: collection of materials of the All-Russian Symposium of Psychologists with International Participation*, Ryazan, April 09-10, 2020: 326-332.
- Myshko F.G., Titor S.E. 2022. Povyshenie mediagramotnosti detej kak mekhanizm ih zashchity ot destruktivnoj informacionnoj sredy [Increasing media literacy of children as a mechanism of their protection from the destructive information environment]. *Psikhologiya i pedagogika sluzhebnoj deyatel'nosti*, 4: 170-173. DOI: 10.24412/2658-638X-2022-4-170-173.
- Nikitskaya E.A. 2021. Obespechenie informacionnoj bezopasnosti nesovershennoletnih i profilaktika delinkventnogo povedeniya kak neobhodimaya kompetenciya specialistov social'noj sfery [Ensuring the information security of minors and the prevention of delinquent behavior as a necessary competence of specialists in the social sphere]. *Vestnik ekonomicheskoy bezopasnosti*, 1: 330-333. DOI: 10.24412/2414-3995-2021-1-330-333.
- Pozdnyakova M.E., Bryuno V.V. 2022. Transformatsiya modelej narkopotrebleniya v rossijskoj federatsii v usloviyah rasprostraneniya koronavirusnoj infektsii [Transformation of drug behaviour patterns in the Russian Federation in the context of the spread of coronavirus infection]. *Vestnik Instituta sociologii*, 13(4): 192-216. DOI: 10.19181/vis.2022.13.4.856.
- Rahmanova E.N., Berestovoj A.N., Cvetkov P.V. 2023. Tresh-strim – forma setevoy agressii: ugolovno-pravovoj analiz [Thrash-streaming as a form of online aggression: a criminal law analysis]. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta MVD Rossii*, 1(97): 137-143. DOI 10.35750/2071-8284-2023-1-137-143.
- Ryahovskaya A.Yu., Obraz N.N. 2024. Virtual'nye tekhnologii kak sredstvo povysheniya effektivnosti yazykovoj podgotovki pokoleniya Z [Virtual technologies as a means to improve the effectiveness of language training of generation Z students]. *Uchenye zapiski. Elektronnyj nauchnyj zhurnal Kurskogo gosudarstvennogo universiteta*, 2 (70): 243-250.
- Styazhkina S.A. 2023. Viktimologicheskaya profilaktika prestuplenij, sovershaemyh v otnoshenii nesovershennoletnih v seti internet [Victimological prevention of crimes committed against minors on the internet]. *Vestnik Udmurtskogo universiteta. Seriya «Ekonomika i pravo»*, 33(1): 155-160. DOI: 10.35634/2412-9593-2023-33-1-155-160.
- Sysoeva T.A., Yaroshevskaya S.V. 2022. Chto deti delayut onlajn? analiz issledovanij cifrovyyh praktik sovremennyh podrostkov [What are kids doing online? Evidence from studies on adolescents]

- digital practices]. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 14. Psihologiya*, 2: 153-173. DOI: 10.11621/vsp.2022.02.07.
- Hramcova F.I., Terekhova A.I., Andrejkovec E.M. 2021. Internet-portal kak informacionnyj resurs profilaktiki narkomanii sredi molodezhi [Internet portal as an information resource for drug addiction prevention among young people]. *Mezhdunarodnyj zhurnal gumanitarnyh i estestvennyh nauk*, 4-1(55): 6-9 (in Russian). DOI: 10.24412/2500-1000-2021-4-1-6-9.
- Hickey G., Dunne C., Maguire L., McCarthy N. 2023. An exploration of practitioners' experiences of delivering digital social care interventions to children and families during the COVID-19 pandemic: mixed methods study. *JMIR form research*, 7: 1-13.
- Pawluczuk A., Hall H., Webster G., Smith C. 2019. Digital youth work: youth workers' balancing act between digital innovation and digital literacy insecurity. *Information Research*, 24(1): 1-11.

Конфликт интересов: о потенциальном конфликте интересов не сообщалось.

Conflict of interest: no potential conflict of interest has been reported.

Поступила в редакцию 16.12.2024

Received December 16, 2024

Поступила после рецензирования 11.02.2025

Revised February 11, 2025

Принята к публикации 15.02.2025

Accepted February 15, 2025

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Шипунова Татьяна Владимировна, доктор социологических наук, профессор кафедры теории и практики социальной работы, Санкт-Петербургский государственный университет, г. Санкт-Петербург, Россия.

 [ORCID: 0000-0002-9108-8647](https://orcid.org/0000-0002-9108-8647)

Филончик Александр Васильевич, аспирант кафедры теории и практики социальной работы, Санкт-Петербургский государственный университет, г. Санкт-Петербург, Россия.

 [ORCID: 0009-0004-7995-2289](https://orcid.org/0009-0004-7995-2289)

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Tatiana V. Shipunova, Doctor of Sociology, Professor of the Department of Theory and Practice of Social Work, St. Petersburg State University, St. Petersburg, Russia.

 [ORCID: 0000-0002-9108-8647](https://orcid.org/0000-0002-9108-8647)

Aleksandr V. Filonchik, Postgraduate Student of the Department of Theory and Practice of Social Work, St. Petersburg State University, St. Petersburg, Russia.

 [ORCID: 0009-0004-7995-2289](https://orcid.org/0009-0004-7995-2289)

УДК 316.42
DOI 10.52575/2712-746X-2025-50-1-43-58

Гражданские и политические ориентации студенческой молодежи в техническом вузе

Селиванов Л.И., Соколовская С.А., Еремеева Ю.Н.
МИРЭА – Российский технологический университет (РТУ МИРЭА),
Россия, 119454, г. Москва, просп. Вернадского, д. 78
selivanov_l@mirea.ru

Аннотация. Различные аспекты социализации, включения студенческой молодежи в политику и общественные отношения выступают в качестве приоритетных направлений образовательной и молодежной политики Российской Федерации. Вместе с тем авторам представляются недостаточно разработанными существующие подходы к соответствующим направлениям молодежной политики и воспитательной деятельности в организациях высшего образования, прежде всего инженерно-технического профиля. В работе анализируются материалы проведенного по заказу федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «МИРЭА – Российский технологический университет» социологического исследования «Социально-политический профиль студенческой молодежи вуза», целью которого стала оценка уровня социальной, гражданской и политической активности студенческой молодежи технического вуза, ее включенности в общественно-политическую жизнь страны. В результате исследования определены актуальные особенности жизненных стратегий, степень вовлеченности студентов технического вуза в профессиональную, внеучебную, досуговую деятельность, волонтерство, общественные движения, а также отношение студентов к основным политическим институтам.

Ключевые слова: студенты, молодежь, технический вуз, социализация, политика, институты, образование, ценности

Для цитирования: Селиванов Л.И., Соколовская С.А., Еремеева Ю.Н. 2025. Гражданские и политические ориентации студенческой молодежи в техническом вузе. *NOMOTNETIKA: Философия. Социология. Право*, 50(1): 43–58. DOI: 10.52575/2712-746X-2025-50-1-43-58

Civil and Political Orientations of Students at a Technical University

Leonid I. Selivanov, Svetlana A. Sokolovskaya,
Yulia N. Eremeeva
MIREA – Russian Technological University
78 Vernadskogo Ave., Moscow 119454, Russian Federation
selivanov_l@mirea.ru

Abstract. Various aspects of socialization, the inclusion of student youth in politics and public relations are among the priorities of the educational and youth policy of the Russian Federation. At the same time, the authors consider the existing approaches to the relevant areas of youth policy and educational activities in higher education institutions, primarily engineering and technical ones, to be insufficiently developed. This explains the relevance of research on the participation of students in the functioning of various social institutions, as well as their involvement in the activities of specific "youth" institutions – formal and informal associations. The article analyzes the materials of the sociological study "Socio-political profile of university students" conducted by order of the federal State budgetary educational institution of higher education "MIREA – Russian Technological University". Its purpose was to assess

the level of social, civic and political activity of technical university students and their involvement in the socio-political life of the country. As a result of the research, the authors have determined actual features of life strategies, the degree of the students' involvement in professional, extracurricular, leisure activities, volunteerism, social movements, as well as their attitude to the main political institutions.

Keywords: students, youth, technical university, socialization, politics, institutions, education, values

For citation: Selivanov L.I., Sokolovskaya S.A., Yermeeva Yu.N. 2025. Civil and Political Orientations of Students at a Technical University. *NOMOTHETIKA: Philosophy. Sociology. Law*, 50(1): 43–58 (in Russian). DOI: 10.52575/2712-746X-2025-50-1-43-58

Введение

В центре внимания российского научного сообщества сегодня – механизм политической социализации, включения молодежи в политику и общественные отношения.

В современных исследованиях и документах поднимаются вопросы недостаточной обоснованности существующих подходов к реализации молодежной политики и воспитательной деятельности в образовательных организациях высшего образования, прежде всего, инженерно-технического профиля, что свидетельствует о необходимости актуальных исследований участия студенческой молодежи в функционировании различных социальных институтов, а также ее вовлеченности в деятельность специфических «молодежных» институтов – формальных и неформальных объединений. При этом повышенное внимание необходимо уделять изучению социальной институционализации молодежи, ее включенности в профессиональную, досуговую деятельность, волонтерство, участие в общественных движениях, что отражено в государственных и международных документах [Основы государственной молодежной политики Российской Федерации на период до 2025 года, 2014; Европейская Хартия об участии молодежи в жизни муниципальных и региональных образований, 2004].

Особо значимыми в рамках нашей работы представляются труды, посвященные вопросам самоидентификации молодежи и выбора ею жизненных стратегий [Дидковская и др., 2023; Ядова, 2022; Лисовский, 2000], реализации молодежной политики и работы с молодежью [Леонов, 2007; Петрова Т.Э., Петрова И.Э., 2021; Ростовская, Петрова Т.Э., 2018]. Также целесообразно учитывать имеющийся опыт реализации рискологического подхода к исследованию молодежи [Смакотина, 2006; Чупров, Зубок, 2009].

Положения данной работы основываются на результатах проведенного в сентябре – октябре 2023 г. по заказу федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «МИРЭА – Российский технологический университет» (РТУ МИРЭА) среди его студентов масштабного социологического исследования «Социально-политический профиль студенческой молодежи ВУЗа», значительная часть которого посвящена актуальной на сегодняшний день оценке уровня политической и гражданской активности студенческой молодежи, ее включенности в общественно-политическую жизнь страны, знаний и понимания процессов, происходящих в стране.

При анализе особенностей социализации и мировоззрения представителей студенческой молодежи технических вузов необходимо, по мнению авторов, исходить из следующих основных посылок:

1. Сложившиеся представления о молодежи как возрастной социально-демографической группе декларируют присущую ей ориентацию на ценность нового, прогрессивного, современного и в целом «новизну» как явление, качество. При этом предполагается, что современная молодежь, в том числе в России, ориентирована на инновационные, прагматические и индивидуалистические ценности [Быков, Настина,

2020]. Это должно найти отражение и в социальных, и в политических предпочтениях студенческой молодежи. Авторы исходят из того, что основные факторы, определяющие социализацию студенческой молодежи и процессы, происходящие в молодежной среде вуза, в целом очевидны: удовлетворенность качеством образовательной и научной деятельности в вузе; социальное благополучие; финансовое положение; удовлетворенность досугом. Вместе с тем, согласно результатам ежегодного глобального мониторинга ценностей молодежи¹, проведенного Институтом изучения детства, семьи и воспитания в 2023 году, в числе основных ценностей на первом месте для молодежи остается физическое и психическое здоровье (для 65 % молодых людей), на втором – верные друзья (для 32 % молодежи), на третьем – полнота и эмоциональная насыщенность жизни, далее идут любовь (ценная почти для каждого третьего), материальная обеспеченность и интересная работа.

2. Речь в данном исследовании идет не о молодежи в целом и обобщенной трактовке ее неких усредненных качеств, а о студенчестве, которое отличается рядом особенностей: высокий образовательный уровень и познавательная мотивация, социальная активность и стремление к самореализации, сочетание интеллектуальной, творческой и физической деятельности [Пушкарева и др., 2021].

3. Необходимо учитывать специфику вузов различного, в нашем случае инженерно-технического, профиля и соответствующих жизненных ориентаций вузовской молодежи.

4. Целесообразно сопоставлять на системной основе анализируемые данные с результатами ряда состоявшихся значимых исследований, включая волновые мониторинги [Банникова и др., 2017; Багирова и др., 2021; Шуклина, Широкова, 2020; Анфалова и др., 2019].

Цель исследования – оценка социально-политического профиля: уровня социальной, гражданской и политической активности студенческой молодежи технического вуза, ее включенности в общественно-политическую жизнь страны.

Материалы и методы исследования

Основа методологии исследования – создание диагностического мониторингового механизма, который бы отслеживал риски дезадаптации, страха молодежи перед будущим, неготовности к профессиональной деятельности, разочарования в системе образования, протестных настроений, а также потенциально конфликтных, маргинальных представителей молодого поколения.

Методологические принципы исследования:

- многомерная модель молодежи (актуализировалась проблема соотношения единства и разнообразия, целостности и дифференциации молодежи);
- акцент на социальную дифференциацию, растущее социокультурное расслоение и стилевые различия в студенческой среде;
- понимание студенческого возраста как важного этапа жизненного пути молодого человека, в течение которого приоритетное значение приобретают самореализационные процессы;
- понимание молодежи как социального ресурса и основанный на этом ресурсный подход к молодежи и студенчеству;
- рискологический подход.

Эмпирической основой для исследования является взаимосвязь показателей и индикаторов, которая позволяет решить его основные задачи. Вышеприведенные задачи решаются с помощью следующих индикаторов – вопросов анкеты:

¹ ФГБНУ «Институт изучения детства, семьи и воспитания». URL: <https://институтвоспитания.рф/press-center/smi-o-nas/institut-vospitaniya-provel-ezhegodnyy-monitoring-tsennostnykh-orientatsiy-sovremennoy-molodezhi/>

При проведении исследования использована квотная гнездовая выборка. Размер выборки при доверительной вероятности – 99 %, доверительном интервале – 5 % – не менее 1000 человек.

Результаты исследования и обсуждение

Следует отметить, что речь идет о студентах одного из ведущих ВУЗов инженерно-технического профиля, что неизбежно отразилось на составе выборки студенческой молодежи и специфике полученных результатов.

Особенностью современного студенчества является то, что процесс его включения в общественную жизнь идет не только через учебную деятельность и профессиональную подготовку, но и путем формирования независимых материально-бытовых условий, способов собственной активности и выбора форм социального взаимодействия.

Важно, какие ценности и представления являются отражением социальной активности и предпочтений студентов, как они обуславливают и объясняют поведение студентов, что они понимают под свободой, демократией, какие страхи могут быть барьерами для определенных действий или инициатив.

Материально-бытовое самоопределение студентов – непростой процесс формирования молодыми людьми независимого от родителей финансового, имущественного и жилищного статуса. 58 % проживают с родителями, 14,4 % – в общежитии и только 7 % имеют собственное жилье, суммарно больше половины опрошенных не ориентированы пока на формирование независимых материально-бытовых условий.

Финансовое положение половины студентов МИРЭА ограничено доходами родительской семьи – почти 49 % опрошенных студентов не имеют собственных заработков, и лишь 12 % указывают, что их размер является значительным (табл. 1).

Таблица 1
Table 1

Распределение ответов студентов на вопрос
«Есть ли у вас дополнительные заработки?»
Distribution of student responses to the question "Do you have additional earnings?"

Вариант ответа	Количество ответов
Да, довольно значительные	120 (12,0 %)
Да, но незначительные	394 (39,2 %)
Нет	490 (48,8 %)
Всего	1005

В то же время относительная распространенность заработков у обучающихся приводит к неоднозначным и разнонаправленным результатам: с одной стороны – усиливается самостоятельность студентов, степень их независимости от родителей, приобретает определенный трудовой и жизненный опыт, навыки, преодолеваются иждивенческие стереотипы, с другой – дополнительная занятость требует немалых временных затрат и усилий, что порождает перегрузки, усложняет процесс обучения. Обостряется и проблема отношения к дополнительной (помимо учебы) занятости студентов со стороны администрации и преподавателей вуза. Представляется, что данный аспект социальной защищенности студентов должен привлекать внимание студенческого профсоюза и молодежных (студенческих) бирж труда. Необходимо, чтобы они выступили инициаторами соглашений между вузами и работодателями (их представителями), в которых бы регламентировались и защищались права работающих студентов.

В части отношения к своей будущности мнения опрошенных студентов разделились: половина опрошенных (19,8 % вполне уверены, 30,1 % – скорее уверены в своем будущем) и практически столько же – не уверены в завтрашнем дне, скорее не уверены или не могут сказать точно, что косвенно свидетельствует об отсутствии уверенности (табл. 2).

Таблица 2
Table 2

Распределение ответов студентов на вопрос
«Насколько вы сегодня уверены или не уверены в своем будущем?»
Distribution of student responses to the question
"How confident or unsure are you about your future today?"

Вариант ответа	Количество ответов
Вполне уверены	199 (19,8 %)
Скорее уверены, чем нет	302 (30,1 %)
Не могу сказать точно	288 (28,7 %)
Скорее не уверены, чем уверены	151 (15,0 %)
Совершенно не уверены	65 (6,4 %)
Всего	1005

Большинство студентов с надеждой смотрят в будущее – 73 % опрошенных ответили, что смотрят в будущее с оптимизмом либо спокойно, без иллюзий. Чувство тревоги за будущее испытывают 17 % студентов и лишь 3 % отмечают, что смотрят в будущее со страхом и отчаянием. В значительной степени уровень удовлетворенности студентов своей жизнью и их надежды на будущее коррелируют с удовлетворенностью качеством получаемого высшего образования: чем она выше, тем выше уверенность в будущем (рис. 1).

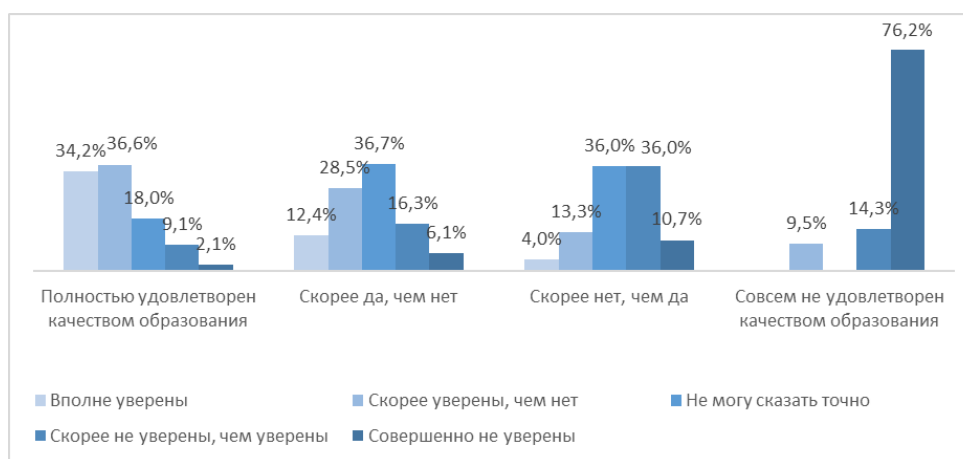

Рис. 1. Зависимость уровня удовлетворенности студентов жизнью от удовлетворенности качеством образования

Fig. 1. The dependence of the level of student satisfaction with life on satisfaction with the quality of education

Важно отметить, что студенты разных профилей обучения в разной степени ощущают удовлетворенность жизнью, ее качеством. Высокая доля удовлетворенных

жизнью наблюдается среди студентов социально-экономического профиля обучения. На втором месте – студенты-гуманитарии и «технари»: среди них доля удовлетворенных жизнью примерно одинакова. И наименьшая доля удовлетворенных жизнью – среди студентов естественно-научного профиля (рис. 2). Пол опрошенных также влияет на уверенность в завтрашнем дне: среди мужчин уверены в завтрашнем дне 56 % опрошенных, среди женщин – только 43 %.

Таким образом, удовлетворенность жизнью студентов РТУ МИРЭА определяют, помимо их материального положения, качество и профиль получаемого образования. Кроме того, на удовлетворенность жизнью влияет ощущение личной свободы: чем оно выше, тем удовлетворенность жизнью сильнее. На рисунке представлено, как студенты МИРЭА воспринимают ценность свободы (рис. 3).

Рис. 2. Зависимость уровня удовлетворенности жизнью от профиля обучения студента
 Fig. 2. The dependence of the level of life satisfaction on the student's learning profile

Рис. 3. Ценность свободы в понимании студентов
 Fig. 3. The value of freedom of students

Также студенты констатируют, что руководство вуза не ограничивает их в свободе высказываний и у них есть возможность открыто высказать свою точку зрения (в том числе и критическую) по поводу жизни, событий и происходящего в стране – так считают 40 % опрошенных. 38 % отмечают, что бывает по-разному – не каждое мнение целесообразно высказывать, остальные считают, что критические высказывания не поощряются или «выступить можно, но толку никакого нет».

Вместе с тем многие студенты боятся стать жертвами социальной несправедливости: 48 % опрошенных ответили, что их не тревожит риск стать жертвой социальной несправедливости, но 35 % указали, что этот риск является для них значительным; 17 % затруднились с ответом на этот вопрос. Несмотря на имеющееся разнообразие мнений, 67 % опрошенных считают, что при соблюдении установленных законодательством и вузом правил они в целом находятся в безопасности, и только каждый пятый отвечает, что соблюдение правил им ничего не гарантирует.

Указанными факторами в основном определяются особенности политической социализации студентов современного инженерно-технического вуза. Очевидно, что важнейшим маркером процесса политической социализации студенческой молодежи является уровень ее участия в выборах, в том числе Президента Российской Федерации. Но определяющее значение имеют существенно более протяженные во времени и разнообразные в социальном плане процессы, формирующие ее мировоззрение, ценностные ориентации, гражданскую позицию, политические предпочтения, профессиональный и социальный статус.

Важно, что многие студенты (более 41 %) идентифицируют себя в первую очередь не как граждане России, а как «просто люди» (рис. 4).

Рис. 4. Самоидентификация студентов

Fig. 4. Students' self-identification

Студенты в слабой степени относят к себе понятия этнической или профессиональной идентификации (1,5 и 3,2 % соответственно), только 28 % определяют себя как гражданина России, а 9,3 % – как «гражданина мира».

Показателен и относительно невысокий уровень интереса студентов к политике – интерес к ней проявляют меньше половины (43,8 %) студентов, при этом не считая целесообразным личное участие в ней.

Следует отметить, что студенчество демонстрирует в целом высокий уровень доверия к большинству институтов российской власти (рис. 5).

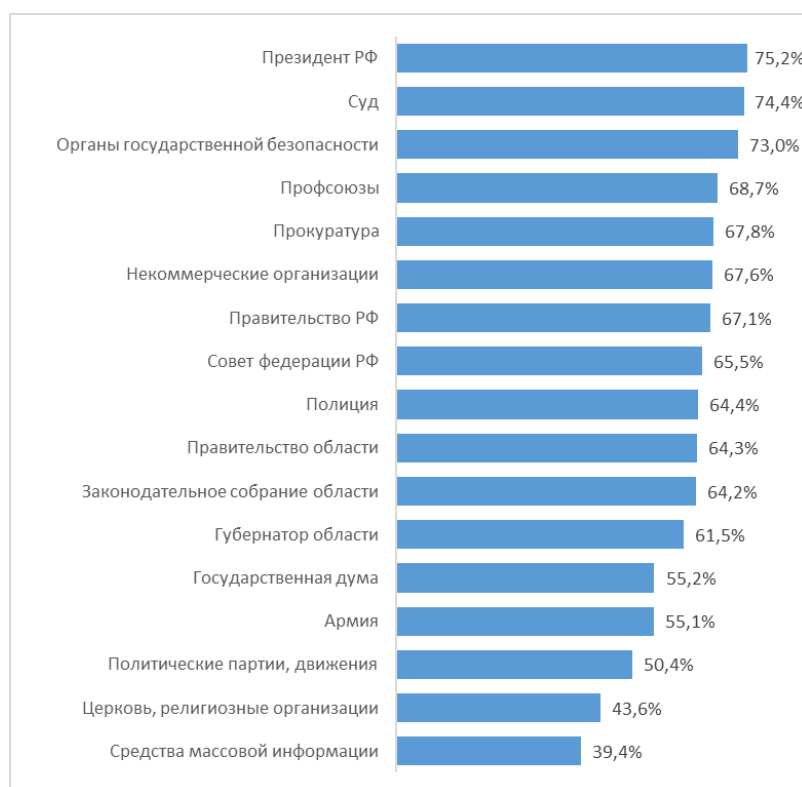

Рис. 5. Отношение студентов к институтам власти

Fig. 5. Students' attitude to government institutions

В части партийных предпочтений студенчества складывается следующая картина: за партию Единая Россия готовы проголосовать больше четверти (26,9 %) студентов, за остальные – от 2,4 до 7,5 %, ни за одну из известных политических партий не готова голосовать почти половина (48,5 %) опрошенных. Относительную аполитичность студентов подтверждает тот факт, что 42 % не считают себя сторонниками какой-либо идеологии, а 30 % отвечают, что не имеют четких ориентаций. Следовательно, у большинства студентов нет какого-то определенного идеологического направления, к которому они могли бы обратиться для объяснения политической ситуации (рис. 6).

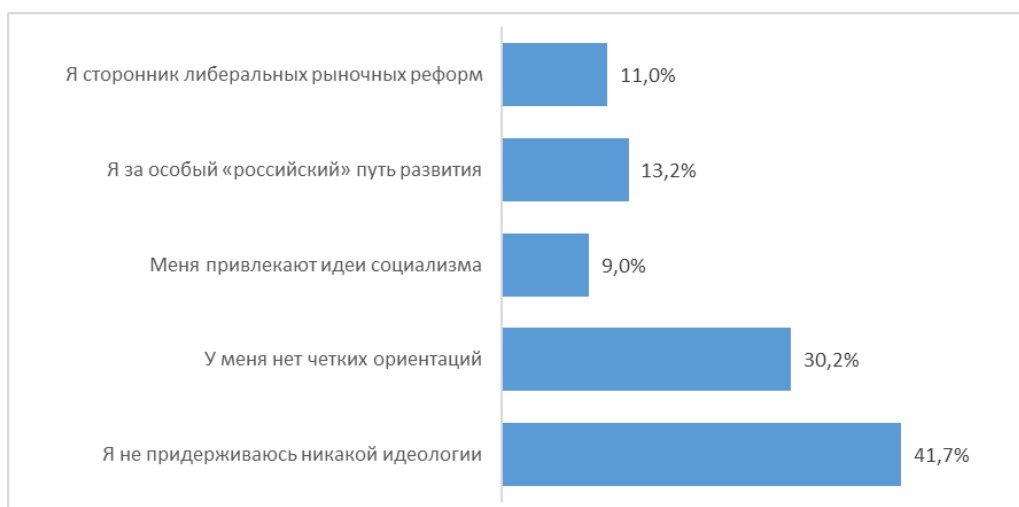

Рис. 6. Идеологические ориентации студентов

Fig. 6. The ideological orientation of students

Студентов попросили оценить причины аполитичности в молодежной среде (рис. 6). Среди названных ими основных причин – наличие других, более значимых интересов (40 %) и отсутствие интереса к политике (39 %) – это наиболее распространенные причины, которые сами по себе не связаны с политической ситуацией. На 3 месте – неуверенность в том, что личное участие может на что-то повлиять (38 %), на 4 месте – недоверие к политикам (33 %), на 5 месте – слабая осведомленность о политических событиях (25 %).

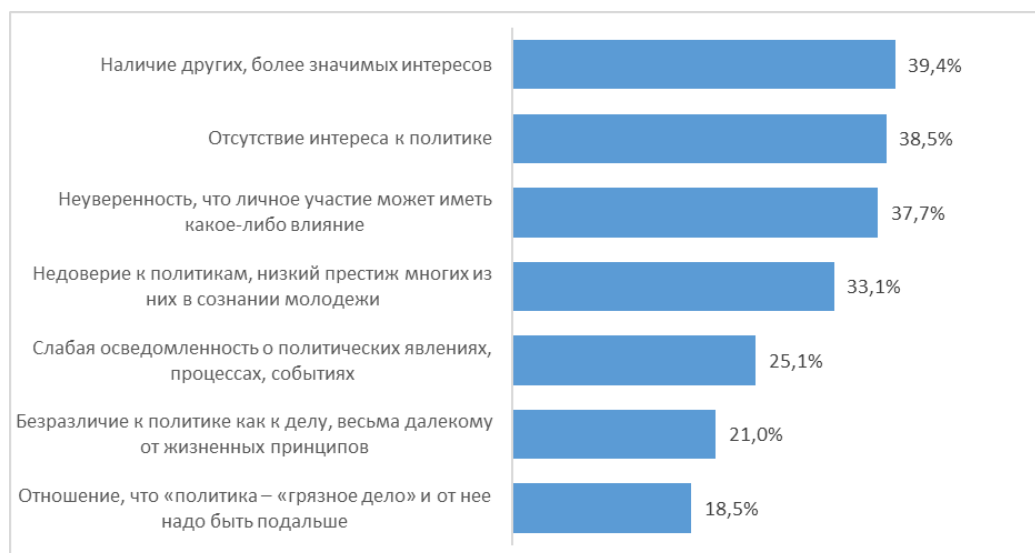

Рис. 7. Причины аполитичности студентов
 Fig. 7. The reasons for the apolitical attitude of students

Аполитичность студентов коррелирует с относительно низким уровнем их гражданского участия: за последние 2–3 года 42 % студентов МИРЭА не принимали участия ни в одном виде гражданской активности.

Среди наиболее распространенных форм гражданского участия студентов – студенческие отряды (23 %), а также молодежные общественные организации и объединения (22 %), выборы (в качестве избирателя) (16 %), волонтерские организации – 14 %. 26 % опрошенных студентов время от времени принимают участие в волонтерских проектах (от 1 раза и более), а постоянно работают как волонтеры не более 7 % опрошенных, 42 % опрошенных никогда не принимали участие в волонтерской деятельности. Другие виды гражданской, социальной и политической активности представлены минимально (рис. 8).

Формы проявления гражданской активности распространены больше (в процентном соотношении), чем формы политической активности. При этом, с точки зрения студентов, любые молодежные организации не должны быть политизированы.

В этом контексте интересно рассмотреть, как студенты определяют для себя демократию (в части ее наиболее важной социально значимой характеристики). Среди студентов нет одной, общей позиции, чаще других определений они называют «власть народа» (24 %), и примерно равные позиции занимают мнения, что это свобода личности, равенство прав и свобод для всех граждан, свобода слова, законность и правопорядок (19 % и 14 % соответственно) (рис. 9).

Таким образом, с точки зрения студентов, свобода и демократия – это в первую очередь инструменты для достижения личной свободы, а уже во вторую – механизмы власти и общественного контроля. Такие понятия, как ответственность власти, частная собственность, учет интересов меньшинства студенты выбирали реже, отдавая предпочтение свободе действий и волеизъявлений, равенства возможностей в комфортном, законном окружении.

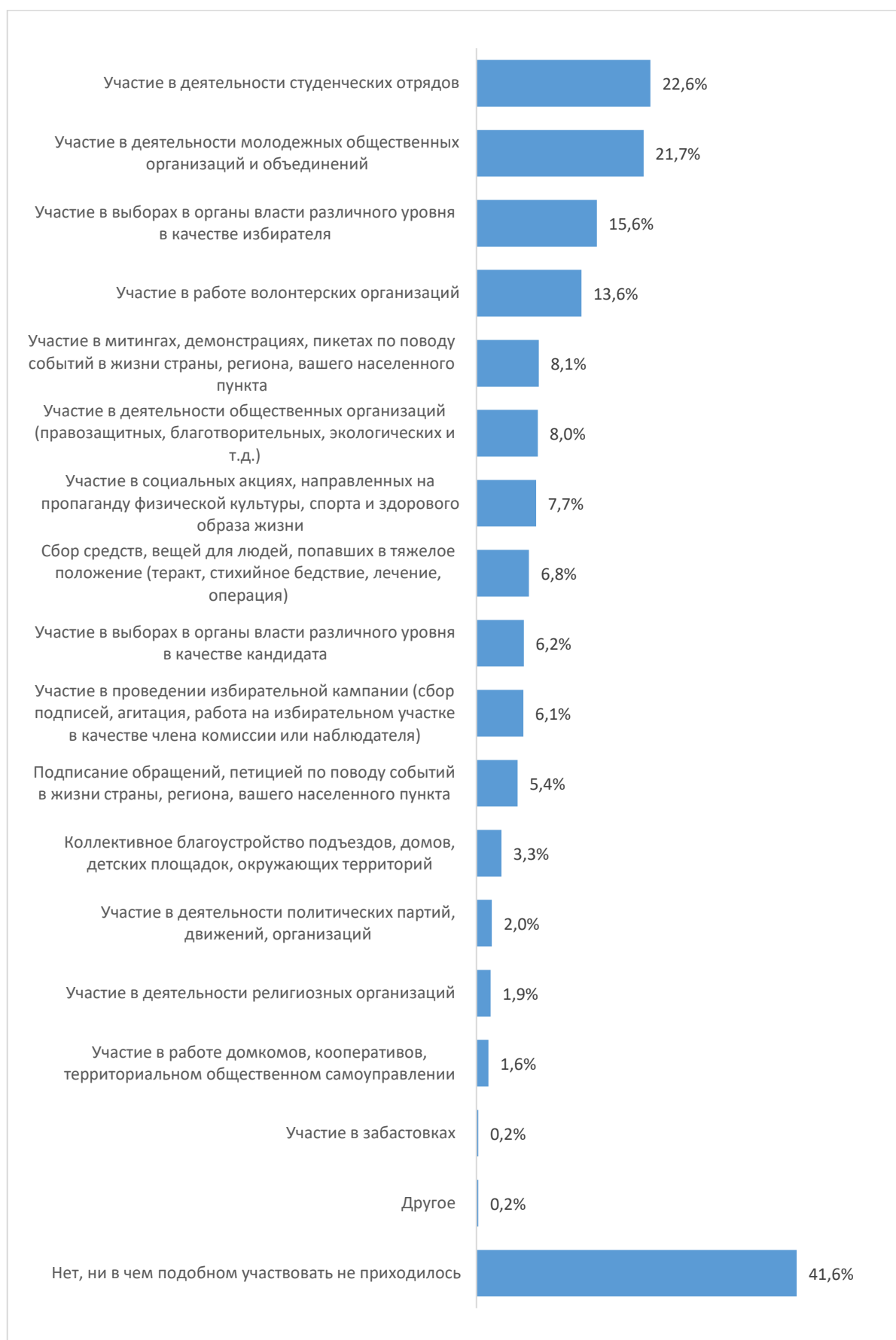

Рис. 8. Виды гражданской, социальной и политической активности студентов
 Fig. 8. Types of civic, social and political activity of students

Рис. 9. Наиболее важная для студентов характеристика демократии
Fig. 9. The key characteristics of democracy for students

С учетом изложенного выше важно отметить, что почти 64 % опрошенных не готовы принимать участие в открытых формах протеста для защиты своих прав. При необходимости 25 % будут использовать обращение к власти в письменной форме, либо выступление в СМИ (17 %), обращение в суд и прокуратуру (16 %). В митингах, забастовках и пикетах готовы принимать участие не более 13 % студентов (рис. 10).

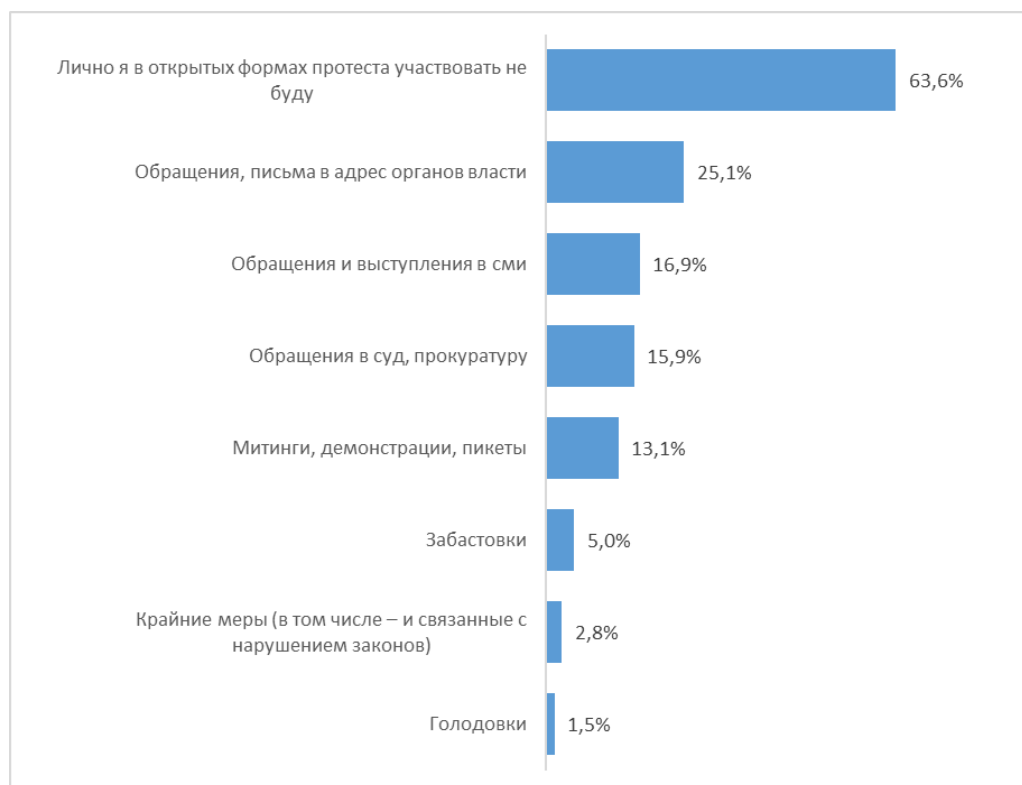

Рис. 10. Отношение студентов к участию в протестных акциях
Fig. 10. The attitude of students towards participation in protest actions

Можно отметить различия в отношениях к формам возможного протеста: студенты гуманитарного профиля обучения больше ориентированы на такие виды протеста, как обращения в разные инстанции – органы власти и СМИ. Студенты технических направлений (специальностей) готовы как направлять обращения, так и принимать участие в митингах. В большей степени на участие в митингах и т. п. мероприятиях нацелены студенты естественнонаучного профиля, а доля неучастия в разных формах протеста максимальна среди студентов социально-экономических направлений.

Если говорить о различиях в том, куда студенты готовы обращаться за защитой своих прав, то гуманитарии в большей степени ориентированы на формальные каналы (администрация вуза и области), а студенты других профилей – на неформальные (близкие, знакомые и друзья).

Также в данном контексте представляется необходимым проанализировать список страхов – проблем, которые, по мнению студентов, угрожают их безопасности и перспективам развития и самореализации (рис. 11).

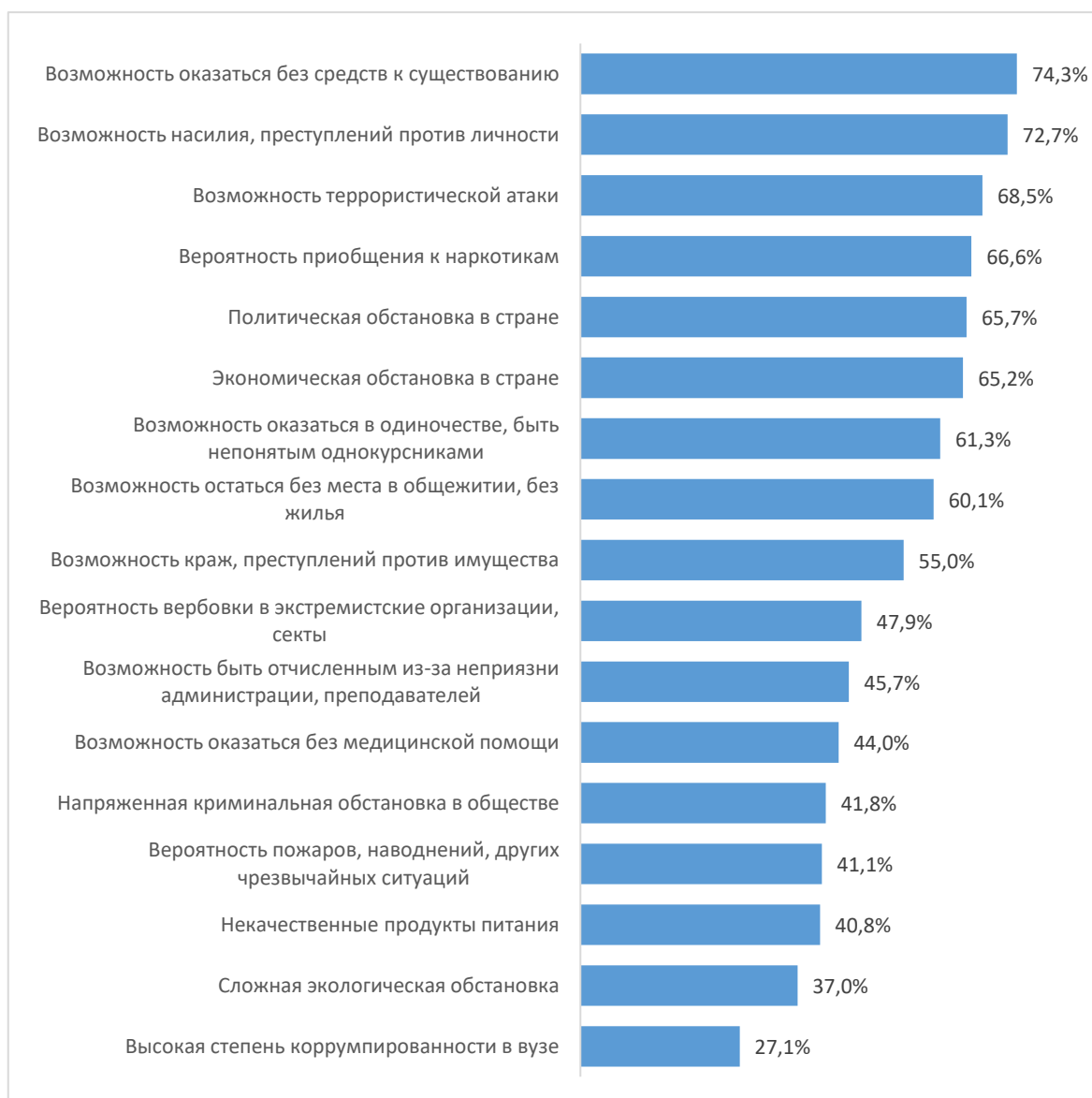

Рис. 11. Основные опасения студентов

Fig. 11. Student's main fears

Самыми критичными страхами для студентов является угроза их финансовой и личной безопасности – они боятся лишиться средств к существованию, стать жертвами преступлений. Также крайне высок страх террористической атаки и возможность приобщения к наркотикам, вербовки в экстремистские организации, секты. Второй комплекс страхов (проблем) связан с нестабильной экономической и политической ситуацией в стране. Также достаточно сильны страхи остаться без жилья, страх одиночества, стать жертвой кражи, быть отчисленным из вуза. В целом в части ожиданий по решению имеющихся в стране проблем, актуальных для студентов, 33 % верят в то, что ситуация должна улучшиться, еще 22 % верят, что улучшения произойдут, но не очень скоро. В негативный сценарий суммарно верят 23,3 % опрошенных. 18 % отвечают, что живут сегодняшним днем и не думают о ситуации в стране (рис. 12).

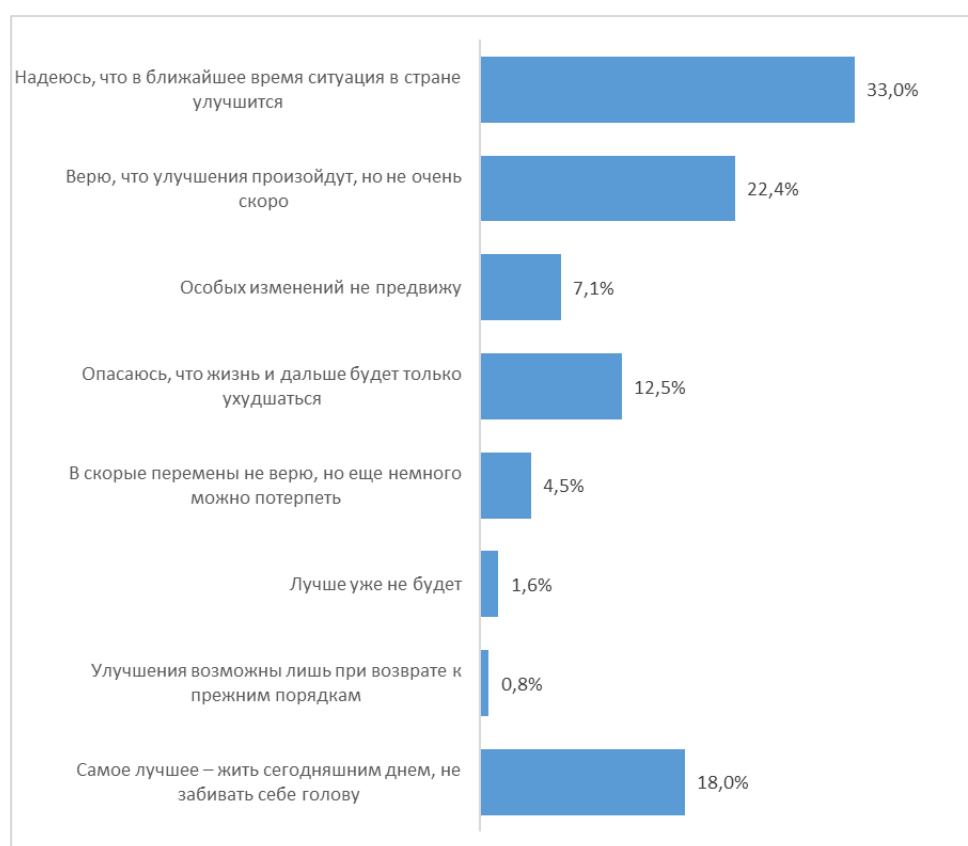

Рис. 12. Ожидания студентов относительно ситуации в стране
Fig. 12. Expectations about the situation in the country that prevail among students

Заклучение

В целом достаточно высокий уровень оптимизма студентов РТУ МИРЭА в отношении их смысловых планов обусловлен высоким уровнем доверия к государственным институтам, уверенностью в благополучной жизни в будущем, высокими шансами на трудоустройство. Это серьезный фундамент для построения собственного будущего, на который опирается большинство опрошенных.

В то же время у большинства студентов есть информация о возможностях самореализации, предоставляемых молодежи в стране и в конкретном вузе, но привлекательных триггеров для развития ее активности недостаточно. Так, анализ причин, которые могли бы побудить студентов более активно заниматься волонтерством, показал – для увеличения активного участия студентов в волонтерском движении нужно обеспечивать доверие к деятельности волонтеров и показывать потенциальным участникам движения, насколько важна их помощь.

Одновременно можно констатировать, что явно выраженных ограничений для проявления гражданской активности в вузе нет и возможность реализации гражданских прав и активности студентов в основном присутствует.

В своей активности студенты руководствуются потребностями в достижении личной самореализации, финансовой самодостаточности, гражданских свобод и возможности действовать, принимать самостоятельные решения. В их понимании личная свобода обуславливает комфортные правовые условия и социальное пространство для выбора жизненной позиции и практических действий.

Стремление прежде всего к самоопределению, самореализации, свободе действий в стартовых условиях как ценность и мотивация к самостоятельной деятельности во многом объясняет относительно слабую заинтересованность студентов в гражданской и политической активности.

Также результаты опроса показывают, что у студентов очень высокий уровень тревожности. С одной стороны, студентов мотивируют ценности самореализации, личной свободы, свободы действий и достижения успеха, с другой – они ежедневно сталкиваются с целым комплексом барьеров и страхов, которые приходится преодолевать на пути к личным целям.

Из этого следует вывод, что относительно невысокий уровень гражданской и политической активности напрямую связан, с одной стороны, с индивидуалистским ценностным профилем студентов, с другой – обусловлен страхами, связанными с экономической и политической ситуацией в стране, распространенными представлениями о социальной и национальной враждебности, а также отсутствием четкой взаимосвязи между гражданской активностью студентов и достижением ими социального и личного благополучия.

Список литературы

- Анфалова Н.С., Широкова Е.А., Шуклина Е.А. 2019. Особенности интеллектуального досуга студенческой молодежи северного города. *Вестник Сургутского государственного педагогического университета*, 2(59): 17. DOI: 10.26105/SSPU. 2019.59.2.017.
- Багирова А.П. и др. 2021. Молодежь о будущем России и о себе: вызовы настоящего и конструирование горизонтов грядущего (по материалам VIII этапа мониторинга динамики социокультурного развития уральского студенчества 1995–2020 гг.). Под ред. Ю.Р. Вишневого. Екатеринбург, Издательство Уральского университета, 372 с.
- Банникова Л.Н. 2017. СТУДЕНТ 1995–2016 гг.: динамика социокультурного развития студенчества Среднего Урала. Под ред. Ю.Р. Вишневого. Екатеринбург, УрФУ, 904 с.
- Быков А.В., Настина Е.А. 2020. Взаимосвязи ценностных установок и карьерных достижений (по данным исследования молодежи). *Социологические исследования*, 8: 67–77. DOI 10.31857/S013216250009288-9
- Дидковская Я.В., Трынов Д.В., Чистяков П.А. 2023. Профессиональные стратегии студентов в контексте образа социального будущего. *Социологические исследования*, 9: 63–77. DOI 10.31857/S013216250 027778-8
- Европейская Хартия об участии молодежи в жизни муниципальных и региональных образований. Серия: Документы Совета Европы = European charter on the participation of young people in municipal and regional life. 2004. Обнинск, Институт муниципального управления, 28 с.
- Леонов Ю.С. 2007. Молодежная политика: зарубежный и отечественный опыт. *Аналитический вестник Совета Федерации ФС РФ*, 4 (321): 31–43.
- Лисовский В.Т. 2000. Духовный мир и ценностные ориентации молодежи России: учебное пособие для студентов вузов. СПб., СПбГУП, 508 с.
- Основы государственной молодежной политики Российской Федерации на период до 2025 года (утв. распоряжением Правительства Российской Федерации от 29 ноября 2014 г. № 2403-р).
- Петрова Т.Э., Петрова И.Э. 2021. Организация работы с молодежью. Учебное пособие. М., Альфа-М, ИНФРА-М: URL: <https://znanium.ru/catalog/document?id=430893> (дата обращения: 01.04.2024).

- Пушкарева Г.В., Кузнецов И.И., Батоврина Е.В. 2021. Особенности включения российского студенчества в общественные солидарные связи. *Социологические исследования*, 10: 125–131. DOI 10.31857/S013216250012813-7
- Ростовская Т.К., Петрова Т.Э. 2018. Международный опыт реализации государственной молодежной политики. М., ИНФРА-М, 120 с.
- Смакотина Н.Л. 2006. Социальное развитие молодежи в России: концептуальная модель анализа. В кн.: Глобализация и социальные изменения: материалы научной конференции: Сборник научных докладов. Ломоносовские чтения. URL: <http://lib.socio.msu.ru/l/library> (дата обращения: 01.04.2024).
- Чупров В.И., Зубок Ю.А. 2009. Молодежный экстремизм: сущность, формы проявления, тенденции. Российская акад. наук, Ин-т социально-политических исслед. М., Academia, 320 с.
- Шуклина Е.А., Широкова Е.А. 2020. Студенты о доверии к вузу: типологические характеристики. *Известия Уральского федерального университета. Сер. 1, Проблемы образования, науки и культуры*, 26-4 (201): 177–185.
- Ядова М.А. 2022. Жизненные траектории молодежи в XXI веке: риски и возможности. *Социологические исследования*, 2: 83–93. DOI 10.31857/S013216250011067-6

References

- Anfalova N.S., Shirokova E.A., Shuklina E.A. 2019. Osobennosti intellektualnogo dosuga studentcheskoy molodeji severnogo goroda [Features of intellectual leisure of student youth of the northern city]. *Bulletin of Surgut State Pedagogical University*, 2(59): 17. DOI: 10.26105/SSPU.2019.59.2.017
- Bagirova A.P. and others. 2021. Molodej o buduschem Rossii i o sebe: vizovy nastoyashego i konstruirovaniye gorizontov griadushego (po materialam VIII etapa monitoring dinamiki sosiokulturnogo razvitiya uralskogo studentchestva 1995–2020 rr.) [Young people on the future of Russia and themselves: challenges of the present and constructing the horizons of the future (Based on the materials of the VIII Stage of monitoring the dynamics of the socio-cultural development of Ural Students in 1995–2020)]. Ed. Y.R. Vishnevskogo. Ekaterinburg, Ural University Publishing House, 372 p.
- Bannikova I. dr. 2017. STUDENT 1995–2016 gg.: dinamika sosiokulturnogo razvitiya studentchestva Srednego Urala [STUDENT 1995–2016: Dynamics of socio-cultural development of students in the Middle Urals]. Ed. Y.R. Vishnevskogo. Ekaterinburg, Ural University Publishing House, 904 с.
- Bykov A.V., Nastina E.A. 2020. Vzaimosvyazi cennostnykh ustanovoc b karyernykh dostigeniy (po dannym issledovaniya molodeji) [Relationship between values and career achievements (based on youth research)]. *Sociological research*, 8: 67–77. DOI 10.31857/S013216250009288-9
- Didkovskaya Y.V., Trynov D.V., Chistyakov P.A. 2023. Professionalnye strategii studentov v kontekste obraza socialnogo budushego [Students' professional strategies in the context of the image of the social future]. *Sociological research*, 9: 63–77. DOI 10.31857/S013216250 027778-8
- Evropeyskaya khartya ob utchastii molodeji v gizni municipalnykh i regionalnykh obrazovaniy 2004. [European charter on the participation of young people in municipal and regional life]. Obninsk, Institute of Municipal Administration, 28 p.
- Leonov Y.S. 2007. Molodejnaya politika: zarubejnyi i otechestvennyi opyt [Youth policy: foreign and domestic experience]. Analytical bulletin of the Federation Council of the Federal Assembly of the Russian Federation, 4(321): 31–43.
- Lisovskiy V.T. 2000. Dukhovnyi myr I cennostnye oryentacii molodeji Rossii: utchebnoe posobie dlya studentov vuzov [The Spiritual World and Value Orientations of the Youth of Russia: Textbook for University Students]. SPb., SPbGUP, 508 p.
- Osnovy gosudarstvennoy molodejnoy politiki Rossiyskoy Phederatcyi na period do 2025 goda (utvergdyeny rasporyajeniem Pravitelstva Rossiyskoy Phederatcyi ot 29 nojabrya 2014 g. № 2403-r) [Fundamentals of the state youth policy of the Russian Federation for the period up to 2025 (approved by the Decree of the Government of the Russian Federation of November 29, 2014 No. 2403-r)].
- Petrova T.E., Petrova I.E. 2021. Organizatsiya raboty s molodejyu. Utchebnoe posobie [Organization of work with youth]. M., Alpha-M, INFRA-M: ISBN 978-5-98281-416-6 URL: <https://znanium.ru/catalog/document?id=430893> (date of application: 01.04.2024).

- Pushkareva G.V., Kuznetsov I.I., Batovrina E.V. 2021. Osobennosti vklytcheniya rossiyskogo studenchestva v obshchestvennye solidarnye svyazi [Peculiarities of the Inclusion of Russian Students in Public Solidarity Relations]. *Sociological research*, 10: 125-131. DOI 10.31857/S013216250012813-7
- Rostovskaya T.K. Petrova T.E. 2018. Mejdunarodny opyt realizatsii gosudarstvennoy molodejnoj politiki international experience in the implementation of the state youth policy. M., INFRA-M, 120 c.
- Smacotyna N.L. 2006. Socyальноe razvitiye molodeji v Rossii: konceptualnaya model analiza [Electronniy resurs]. In: Globalizatsiya i socialnye izmeneniya [Social development of youth in Russia: a conceptual model of analysis. In: Globalization and social change: Proceedings of a scientific conference: Collection of scientific reports. Lomonosov's Readings. URL: <http://lib.socio.msu.ru/l/library> (date of application: 01.04.2024).
- Tchuprov V.I., Zuboc Y.A. 2009. Molodejnyy ekstremizm: suhcnost, formy proyavleniya, tendencyi [Youth extremism: essence, forms of manifestation, trends]. Russian Acad. Sci., Institute of social and political research. M., Academia, 320 c.
- Tshuklina E.A., Tshirokova E.A. 2020. Studenty o doverii k vuzu: tipologitcheskiye haracteristiki Students on Trust in the University: Typological Characteristics. Proceedings of the Ural Federal University. Ser. 1, Problems of Education, Science and Culture, 26(4 (201)): 177-185.
- Yadova M.A. 2022. Giznennyye traektorii molodeji v XXI vece: ryski i vozmognosty [Life trajectories of young people in the 21st century: risks and opportunities]. *Sociological research*, 2: 83-93. DOI 10.31857/S013216250011067-6

Конфликт интересов: о потенциальном конфликте интересов не сообщалось.
Conflict of interest: no potential conflict of interest has been reported.

Поступила в редакцию 13.11.2024
Поступила после рецензирования 05.03.2025
Принята к публикации 07.03.2025

Received November 13, 2024
Revised March 05, 2025
Accepted March 07, 2025

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Селиванов Леонид Иванович, кандидат социологических наук, доцент кафедры гуманитарных и социальных наук, МИРЭА – Российский технологический университет, г. Москва, Россия.

Соколовская Светлана Анатольевна, кандидат философских наук, доцент кафедры гуманитарных и социальных наук, МИРЭА – Российский технологический университет, г. Москва, Россия.

Еремеева Юлия Николаевна, преподаватель кафедры гуманитарных и социальных наук, МИРЭА – Российский технологический университет, г. Москва, Россия.

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Leonid I. Selivanov, Candidate of Sociological Sciences, Associate Professor of the Chair of Humanities and Social Sciences, MIREA – Russian Technological University, Moscow, Russian Federation.

Svetlana A. Sokolovskaya, Candidate of Philosophical Sciences, Associate Professor of the Chair of Humanities and Social Sciences, MIREA – Russian Technological University, Moscow, Russian Federation.

Yulia N. Eremeeva, Lecturer of the Chair of Humanities and Social Sciences, MIREA – Russian Technological University, Moscow, Russian Federation.

ТЕОРЕТИКО-ИСТОРИЧЕСКИЕ ПРАВОВЫЕ НАУКИ THEORETICAL AND HISTORICAL LEGAL SCIENCES

УДК 348.031

DOI 10.52575/2712-746X-2025-50-1-59-69

Переход Русского государства от концепции «симфонии властей» к протестантской модели управления церковью (на примере Белгородской духовной консистории)

Евтушенко В.И.

Белгородский государственный национальный исследовательский университет,
Россия, 308015, г. Белгород, ул. Победы, д. 85

evtushenko@bsuedu.ru

Аннотация. Становление Московской Руси как единого самостоятельного государства происходило в рамках «симфонии властей» – тесного взаимодействия православной церкви и государства, сложившегося ещё в Древнерусском государстве. Каждая из сторон осознавала необходимость и полезность взаимного сотрудничества. Центральная власть в рамках продолжающегося государственного строительства нуждалась в опоре на сохранившуюся четко выстроенную церковную иерархическую структуру, а церковные власти ставили своей целью укрепить и узаконить свое место в общественной и государственной иерархии нового единого Русского государства. Отказ от политики «симфонии властей» и переход к протестантской модели государственного управления церковью многочисленные исследования в данной области, как правило, связывают с эпохой Петра I, но анализ архивных документов, правовых актов XV–XVIII вв. показывает, что правоприменительный процесс перехода властных полномочий по управлению церковью к государственным структурам происходил постепенно, по мере становления самодержавия в Русском государстве. Рассмотрение сложившейся практики государственного управления в XVIII веке государственными структурами, в том числе Святейшим Синодом, церковными структурами на примере Белгородской и Обоянской епархии показывают подчиненное положение церковных структур в тот период, зачастую сводящееся к роли своего рода пропагандистского механизма при государственном аппарате, что позволяет по новому оценить данный период истории взаимоотношения Русского государства и православной церкви, а также становления церковного права.

Ключевые слова: симфония властей, православная церковь, церковное право, обычное право, соборность, самодержавие, протестантская модель управления церковью, Монастырский Приказ, Святейший Синод, Белгородская губерния, Белгородская и Обоянская епархия

Для цитирования: Евтушенко В.И. 2025. Переход Русского государства от концепции «симфонии властей» к протестантской модели управления церковью (на примере Белгородской духовной консистории). *NOMOTHETIKA: Философия. Социология. Право*, 50(1): 59–69. DOI: 10.52575/2712-746X-2025-50-1-59-69

Transition of the Russian State from the Concept of “Symphony of Powers” to the Protestant Model of Church Governance (Based on the Example of the Belgorod Spiritual Consistory)

Vladimir I. Evtushenko

Belgorod State National Research University,
85 Pobeda St, Belgorod 308015, Russian Federation
evtushenko@bsuedu.ru

Abstract. The formation of Muscovite Rus as a unified independent state took place, among other things, within the framework of the symphony of powers – close interaction between the Orthodox Church and the state, which had largely taken shape in the Old Russian state. Each side recognized the necessity and usefulness of mutual cooperation. In the context of ongoing state building, the central government needed to rely on the preserved, clearly structured hierarchical church system and the church authorities aimed to strengthen and legitimize their place in the social and state hierarchy of the new unified Russian state. Numerous studies in this area usually associate the rejection of the “symphony of powers” policy and the transition to a Protestant model of state governance of the church with the era of Peter I, but an analysis of archival documents and legal acts of the 15th-18th centuries shows that the law enforcement process of the transfer of powers to govern the church to state structures occurred gradually, as autocracy was established in the Russian state. The author analyses the established practice of state structures, including the Holy Synod, governing church entities in the 18th century. The example of Belgorod and Obayan dioceses shows the subordinate position of the church during that period, often reduced to the role of a kind of propaganda mechanism in the state apparatus, which allows us to re-evaluate this period in the history of the relationship between the Russian state and the Orthodox Church, as well as the formation of church law.

Keywords: symphony of powers, Orthodox Church, church law, customary law, conciliarity, autocracy, Protestant model of church administration, Monastic Order, Holy Synod, Belgorod province, Belgorod and Obayan Diocese

For citation: Evtushenko V.I. 2025. Transition of the Russian State from the Concept of “Symphony of Powers” to the Protestant Model of Church Governance (Based on the Example of the Belgorod Spiritual Consistory). *NOMOTHETIKA: Philosophy. Sociology. Law*, 50(1): 59–69 (in Russian). DOI: 10.52575/2712-746X-2025-50-1-59-69

Введение

Взаимоотношение церкви и государства по сути представляют собой противоборство двух взаимоисключающих идей – права государства в полном объеме распоряжаться всеми сторонами жизни своих граждан (подданных) и так называемой концепции «симфонии властей», подразумевающей гармоничное, взаимовыгодное, параллельное сосуществование и взаимодействие.

Взаимоотношение Русского государства и православной церкви на протяжении их совместного сосуществования были достаточно неоднозначным и противоречивым, переживая по ходу истории совместных отношений самые радикальные изменения. Трансформации, как правило, были вызваны стремлением государственных структур в той или иной степени воздействовать на церковь, причем инициатива всегда исходила от руководства государства независимо от формы правления. Данную тенденцию можно проследить от Крещения Руси вплоть до современности.

Сравнительно малоисследованным вопросом в истории Русского государства остается процесс слома в XV–XVIII веках государственными структурами политики «симфонии властей» и перехода к протестантской модели государственного управления

церковью. Как правило, такой поворот в русской истории связывают с эпохой Петра I [Бодрин, 2019; Дробина, 2005; Талина, 2022], но анализ архивных документов и нормативно-правовых актов того периода показывает, что правоприменительный процесс перехода властных полномочий по управлению церковью к государственным структурам происходил постепенно, по мере становления самодержавия в Русском государстве.

Цель настоящего исследования – в результате анализа правовых актов XVI–XVIII вв. и хранящихся в государственных архивах Белгородской области архивных материалов раскрыть процесс перехода в Русском государстве от «симфонии властей» к подчинённому по отношению к государству положению православной церкви и показать на основе архивных документов конкретные примеры государственного управления церковными структурами в Русском государстве в XVIII веке.

Материалы и методы исследования

Использованы общенаучные, частнонаучные и специальные методы. В числе общенаучных: системный, функциональный и системно-структурный методы исследования. Для рассмотрения отдельных аспектов данной проблемы использовались частнонаучные методы, такие как культурологический, исторический, социологический, и специальные: сравнительно-правовой, формально-юридический и другие методы исследования.

Общетеоретическую и специальную базу исследования составили труды историков и правоведов как в области истории государства и права, так и в области церковного права (Белкин А.И., Брыкина В.С., Меркулов А.Н., Вагнер Б.Б., Воронова Т.С., Кузахметов Р.К., Ткаченко Т.В., Кривоченков Р.С., Николин А., Удальцов А.А., Байкеева С.Е., Устинова И.А., Фадеев В.И., Черепнин Л.В., Шайрян Г.П. и др.), нормативно-правовые акты Русского государства XV–XVIII веков, архивные документы Государственного архива Белгородской области.

Соборность как форма воплощения симфонии властей

Процесс становление Московской Руси как самостоятельного единого государства обусловил необходимость совершенствования действующих и принятия новых нормативных актов, учитывающих существующие реалии и призванных решать поставленные задачи внутренней и внешней политики Русского государства. В их числе – вопросы взаимоотношений православной церкви и государства [Евтушенко, 2024].

В XIV–XV веках каждая из сторон осознавала необходимость и полезность от взаимного сотрудничества. Центральная власть в рамках продолжающегося государственного строительства нуждалась в опоре на сохранившуюся четко выстроенную церковную иерархическую структуру, а церковные власти ставили своей целью укрепить и узаконить свое место в общественной и государственной иерархии нового единого Русского государства. Подобное положение дел первоначально способствовало продолжению «симфонии властей», которая сложилась ещё в Древнерусском государстве, что во многом связано с аналогичными обстоятельствами построения нового единого государства [Кузахметов, 2019].

Одним из основных элементов данной политики стала соборность, созыв в XVI–XVII веках череды земских и церковно-земских соборов, которые по сути вышли из церковных соборов, сохранив в большей степени организационные форму и содержание, представительство как иерархов церкви, деятелей государства, так и широкого круга различных слоев общества [Фадеев, 2011]. Как правило, при личном участии царя рассматривался широкий круг вопросов, а с учетом отсутствия системы разделения компетенций данных совещаний зачастую одним и тем же составом разбирались как государственные, так и церковные вопросы [Черепнин, 1978, св. 67].

Рассматривались на соборах и вопросы взаимодействия церкви и государства, в том числе на Церковно-Земском Соборе 1551 года, принявшем по итогам сборник постановлений, который вошёл в историю под названием «Стоглав». Сложившееся как «...писания царских вопросов и святельских ответов...» соборное уложение Церковно-Земского Собора, рассматривая взаимодействие духовной и светской власти и необходимость его единения, в соответствии со статьёй 62 определяет, что «...два есть дара божия от вышняго дарована человеколюбия: священничество же и царство... от единого и того же начала обоя происходят человеческое украшают житие»¹. Данная часть Стоглава имеет своей основой преамбулу шестой новеллы святого Юстиниана Великого, в которой получила закрепление концепция «симфонии властей» [Шайрян, 2017, с. 14].

Политика ограничения власти церкви в XVI–XVII веках

При анализе процесса становления единого Русского государства и его правовой системы становится очевидным постепенное движение в сторону укрепления центральной государственной власти и ограничения церковных правомочий в разных областях. В первую очередь это коснулось материальной и финансовой сфер. Эта тенденция прослеживается уже начиная с «Судебника 1497 года», в соответствии с которым (хотя и в ведение церковных судов полностью отдавались все дела, связанные с духовенством и той категорией населения, «...которые питаются от церкви божия...», а в случае разной подсудности граждан – «...простой человек с церковным, ино суд вопчей»²) сокращался состав дел, подведомственных церковному суду. Например, наиболее опасные, резонансные уголовные дела передавались на рассмотрение государственного суда независимо от того, кто его совершил. Для церкви такое нормативное решение, помимо чисто репутационных потерь, означало потерю значительных финансовых потоков в виде уплачиваемых судебных пошлин, которые теперь поступали в государственный бюджет.

Дальнейшее выведение из-под судебной юрисдикции церкви различных категорий населения отражает «Судебник 1550 года», статья 91 которого запрещала «...торговым людям...», которые «...питаются не от церкви божией, а живет своим домом...»³ жить на территории монастырей. Действия были направлены в первую очередь на выведение из-под юрисдикции церкви лиц, обладающих финансовой самостоятельностью, имеющих в собственности недвижимое имущество, которые зачастую таким образом старались уйти от государственных налогов. Соответственно, данным решением значительные финансовые потоки перенаправлялись от церкви в государственную казну в виде налогов и сборов.

Следующим значительным этапом ограничения власти церкви стало принятие «Соборного уложения 1649 года», в соответствии с главой XIII которого учреждалось чисто государственное учреждение – Монастырский приказ, в ведении которого, помимо ведения монастырских дел, дополнительно передавалось рассмотрение взаимных исков духовных и светских лиц. На практике по мере функционирования Монастырский приказ стал активно контролировать другие области церковной деятельности – экономическую, административную, кадровую – вплоть до назначения и смещения церковных священнослужителей [Брыкина, Меркулов, 2022, с. 161]. И несмотря на то, что через

¹ Стоглав // Российское законодательство X–XX веков: в 9 т. / под общей редакцией О.И. Чистякова. М., Юридическая литература. 1984. Том 2. Законодательство периода образования и укрепления Русского централизованного государства. С. 253–379.

² Судебник 1497 года // Российское законодательство X–XX веков: в 9 т. / под общей редакцией О.И. Чистякова. М., Юридическая литература. 1984. Том 2. Законодательство периода образования и укрепления Русского централизованного государства. С. 54–62.

³ Судебник 1550 года // Российское законодательство X–XX веков: в 9 т. / под общей редакцией О.И. Чистякова. М., Юридическая литература. 1984. Том 2. Законодательство периода образования и укрепления Русского централизованного государства. С. 97–120.

некоторое время Монастырский приказ чисто формально был ликвидирован, в соответствии с царским Указом его функции были переданы приказу Большого Дворца¹, и тенденция постепенного подчинения церковных структур государственным органам все больше и больше набирала силу.

Соборное уложение 1649 года содержало и другие правовые нормы антицерковной направленности, ограничивающие в той или иной области права церкви и его служителей. Например, статья 37 главы XVII касалась купленных, в том числе детям церковных иерархов, «...порозжая поместные земли в Московском уезде и в городеях...». В соответствии со статьей вотчина оставалась только у той категории владельцев, кто переходил на государеву службу, а «...кто из патриарших, и митрополичьих, и архиепископских, и епископских детей... государевы службы служить не хочет, и у него купленная его вотчина...» отбиралась для последующей раздачи «...кому Государь укажет». А в соответствии с ст. 42 главой XVII Соборным уложением напрямую запрещалось всякое отчуждение вотчин в пользу церкви: покупка, заклад, дарение, завещание и т. д.

Также в соответствии со ст. 1 главы XIX Соборного уложения был окончательно решен получивший свое отражение ещё в «Судебнике 1550 года» вопрос о так называемых белых слободах – обособленных местах постоянного проживания ремесленников, торговцев и т. д., которые в связи с проживанием в основном на церковных и монастырских землях, в отличие от «черных слобод», не платили государственные и городские налоги. Проживающие в белых слободах с момента принятия Соборного уложения были обязаны платить все государственные и городские налоги – «...всех взяти за государя в тягло и в службы безлетно и бесповоротно...»². Таким образом, церковь оказалась не в состоянии защитить проживающих на её землях людей, что не могло не сказаться негативно на её авторитете. Кроме того, церковные структуры потеряли значительные финансовых поступления. Так, например, в ближнем Подмосковье в XVI веке насчитывалось порядка 26 церковных и монастырских слобод [Вагнер, Воронова, 2019, с. 66]. Таким образом устанавливались правовые основания изъятия церковных вотчин в Москве и около Москвы.

Постепенно, по мере своего укрепления, государство стремилась к переходу от равных, партнерских отношений с церковью к подчиненному положению церковных структур. Мало того, пробной попыткой создания Монастырского приказа верховная власть государства впервые продемонстрировала желание интегрировать, поглотить церковные структуры [Ткаченко, Кривоченков, 2022].

Переход к протестантской модели подчинения церкви государству

Полный же отказ от равного партнерства, от концепции «симфонии властей», произошел в правление Петра I. Образцом для новой политики взаимодействия государства и церкви была выбрана протестантская модель подчинения церкви государству, с которой Петр I ознакомился во время своего пребывания в Англии [Белкин, 2010, с. 72]. Такая политика Петра I связана в первую очередь со все большим переосмыслением роли и значения верховной власти в Русском государстве как абсолютной и авторитарной. Соответственно, меняется взгляд государства на роль церкви в их взаимоотношениях: от симфонии властей и союзнических отношений до полного подчинения государственным интересам, фактического положения церкви как одного из государственных инструментов при решении государственных задач по преобразованию

¹ Указ Царя и Великого князя Фёдора Алексеевича «Об уничтожении Монастырского приказа». 19 декабря 1677 года // Полное собрание законов Российской Империи, с 1649 года. Том II. 1676–1688. СПб., Типография II Отделения Собственной Его Императорского Величества Канцелярии. 1830. С. 148.

² Соборное уложение 1649 года // Российское законодательство X–XX веков: в 9 т. / под общей редакцией О.И. Чистякова. М. : Юридическая литература. 1984. Том 3. Акты земских соборов. С. 83–257.

России [Устинова, 2022, с. 230]. Первоначально в рамках реализации данной стратегии, которая, как всегда, оправдывалась высшими государственными интересами, 21 января 1701 года именным Указом Петра I был заново учрежден Монастырский приказ, который в соответствии с нормативным актом размещался «...на Патриаршем дворе в палатах, где был Патриарший разряд...». Собственно, в соответствии с данным нормативным актом и это здание, и все Патриаршие, и Архиерейские дома, и монастыри передавались в ведение Монастырского приказа¹.

Основополагающим нормативным актом церковной реформы Петра I стал «Регламент или Устав Духовной Коллегии», в соответствии с которым была создана облеченная полномочиями, полученными от государственной власти, Духовная Коллегия, которая «...имеет всякие Духовные дела во Всероссийской церкви управлять»². Духовная Коллегия вскоре получила название «Святейший Синод».

Духовный регламент и действующий в соответствии с ним Святейший Синод, являющийся органом государственной власти, полностью поставили церковные структуры в подчинение государственной власти. Это касалось не только управления церковной недвижимостью и имуществом, организации своего рода налогообложения и сборов с церковных земель, причем достаточно грабительских, когда лишь небольшая часть доходов шла на церковные нужды, введения подушного налога и т. д. [Николин, 1997, с. 89]. Духовный регламент полностью менял и некоторые основополагающие догмы канонического права [Удальцов, Байкеева, 2019, с. 362]. Так, например, в соответствии с «Прибавлением к Духовному Регламенту», священник был обязан открывать тайну исповеди и доносить о готовящихся преступлениях «...в Тайную Канцелярию и Преображенский приказ...»³.

Интересно, что при Екатерине Великой с целью как большего охвата населения, так и увеличения поступления денежных средств в государственный бюджет исповедь была возведена в ранг обязательной государственной процедуры, отказ от прохождения которой карался штрафом. Священников дополнительно обязали предоставлять в государственные органы списки тех, «...кто исповедоваться и Святым Тайн приобщаться... не будешь, ктоб какого звания и чина не был... по подаваемым от духовных правительств о тех неисповедавшихся именным реестрам взыскивать штрафы без упущения...»⁴.

Практика государственного управления церковными структурами в XVIII веке на примере Белгородской и Обоянской епархии

Рассматривая сложившуюся в XVIII веке практику взаимодействия государственных органов и церковных структур на примере Белгородской духовной консистории и

¹ Именной указ Царя и Великого князя Петра Алексеевича «Об учреждении Монастырского приказа, и о владении оному Патриарших и Архиерейских домов и монастырей, и о передаче в оной из приказа Большого дворца монастырских дел». 21 января 1701 года. // Полное собрание законов Российской Империи, с 1649 года. Том IV. 1700–1712. СПб., Типография II Отделения Собственной Его Императорского Величества Канцелярии. 1830. С. 133.

² Регламент или Устав Духовной Коллегии. 25 января 1721 года // Полное собрание законов Российской Империи, с 1649 года. Том VI. 1720–1722. СПб., Типография II Отделения Собственной Его Императорского Величества Канцелярии. 1830. С. 314–346.

³ Прибавление к Духовному Регламенту. – Прибавление о правилах причта церковного и чина монашеского. мая 1722 года // Полное собрание законов Российской Империи, с 1649 года. Т. VI. 1720–1722. СПб., Тип. II Отделения Собственной Его Императорского Величества Канцелярии. 1830. С. 699–716.

⁴ Указ Её Императорского Величества Самодержицы Всероссийской. Как брать штрафы с неисповедававшихся // Указы Всепресветлейшей Державнейшей Великой Государыни Императрицы Екатерины Алексеевны, Самодержицы Всероссийской, состоявшиеся в 1765 году. СПб., Императорская Академия Наук. 1786. С. 220–223.

Валуйского Успенского мужского монастыря, можно сделать вывод об их подчиненном положении, зачастую сводящем роль церковных структур к своего рода роли пропагандистского механизма при государственном аппарате. Так, указания о проведении молебнов в честь различного рода торжественных мероприятий регулярно направлялись из государственных органов различного уровня. В обязательном порядке молебны проводились в честь коронации, именин и свадеб различных членов императорской семьи, государственных праздников и т.д.

Например, в соответствии с Указом Её Императорского Величества Самодержицы Всероссийской, по определению Правительствующего Синода и канцелярии преосвященнейшего Епифания – епископа Белгородского и Обоянского игумену Валуйского мужского монастыря Похомию и протопопу Никите Нестереву, 14 (3) мая 1731 года «...велено в день коронации Всепресветлейшей Государыни Её Императорского Величества Анны Иоанновны Самодержицы Всероссийской» провести молебны «...о здравии её императорского величества» в доме его преосвященства, всех монастырях, соборах, приходских церквях¹.

Также молебны должны были проводиться при начале военных действий и в честь военных побед. Так, при вступлении России в Семилетнюю войну с Пруссим королевством «Всенародное известие» Императрицы Елизаветы Петровны провозгласило, что «...мы несомненную имеем надежду, что Всевышний сие праведное намерение благословить совершенным исполнением... объявляя о том через сие не сомневаемся, что все наши верные подданные совоюют с нами усердные к Всевышнему молитвы, да Его Всемогушая десница защитит праведное дело и восставит твердый мир и покой во славу Его Пресвятого имени, почему и нашему синоду повелеваем приносить во всех церквях еже данное о том моление ...»². А в соответствии с Указом Преосвященного Петра – епископа Белгородского и Обоянского Валуйского Успенского монастыря игумену Похомию и управителю соборной церкви протопопу Никите о проведении молебна по случаю взятия Перекопа войсками фельдмаршала Миниха 6 июля (25 июня по старому стилю) 1736 года указывалась, что «...велено за таковую славную и дарованную от Всевышнего Бога победу над теми вероломными неприятелями оружием Императорского Величества победу: Ему ж Всемогушему со всем усердием благодарственное молебствие Белгородской его преосвященства епархии во всех храмах отправить при получении о том указа того ж дня..., на другой день о победе тех неприятелей молебствие ко Всещедрому Богу приносить ...»³.

Указы верховной власти касались и тревожных для государства событий. Например, Указ Её Императорского Величества Самодержицы Всероссийской Екатерины II из Московского Святейшего Правительствующего Синода в Белгородскую духовную консисторию о мерах по недопущению повторения эпидемии чумы («опасной болезни»), начавшейся в Москве в 1771 году и распространившейся в других городах и уездах, 4 декабря (23 ноября) 1772 года. В связи с тем, что «...вкравшаяся в прошедшем году в Москву, а оттуда и в некоторые города и уезды разнесённая опасная болезнь по благости Всевышнего не только в прошедшем генваре месяце вовсе пересеклась, но и в конечно истребление оной все заразившиеся дома и вещи немалое время уже очищены... почему и повелевает принеся Богу Всемогушему благодарственное молебствие... за утоление смертоносной язвы принести... во всех каждого ведомства монастырях и церквях те благодарственные по вышепрописанному ж молебствий»⁴.

Некоторые документы, присылаемые в тот период из Святейшего Синода, имели фальсификационное назначение. Например, реестр печатных манифестов, текстов

¹ Государственный архив Белгородской области. Ф. 133. Оп. 1. Д. 1. Л. 5 – 5 об.

² Государственный архив Белгородской области. Ф. 133. Оп. 1. Д. 1. Л. 45-46.

³ Государственный архив Белгородской области. Ф. 133. Оп. 1. Д. 1. Л. 8 – 8 об.

⁴ Государственный архив Белгородской области. Ф. 127. Оп. 1. Д. 25. Л. 31-32, 34.

присяги, регламентов и других письменных под титулом принца Иоанна (бывшего императора Иоанна VI, свергнутого Елизаветой Петровной 6 декабря 1741 года), направленных из правительствующего Синода в епархии, лавры, монастыри и прочие подчинённые Святейшему Синоду места. Среди них: Манифест о кончине Императрицы Анны Иоанновны 28 (17) октября 1740 года; о восшествии на престол Принца Иоанна 31 (20) октября 1740 года и т. д.¹ Всё это было связано с подготовкой Елизаветой Петровной мероприятий по замене и изъятию деловых бумаг и прочих документов, связанных с именем свергнутого императора Иоанна Антоновича. Структуры, подчинённые Синоду, как и другие государственные учреждения, получали подобные предписания.

Некоторые Указы Святейшего Синода касались и вполне практических вопросов. Например, Указ от 20 (9) марта 1752 года в Белгородскую духовную консисторию о розыске беглого иеромонаха Акиндина, бежавшего из московского Заиконоспасоучилищного монастыря². Такого рода запрос связан с повсеместным открытием в соответствии с именным Указом Петра I Святейшему Синоду при монастырях военных госпиталей и нормативно-правовым закреплением монахов за своими монастырями, которые фактически превратились в бесплатный обслуживающий персонал. Чтобы не допустить их бегства, данный нормативный акт постановил, что «...исход из монастыря крепче положить... монахам весьма выезд отсечь, ибо кода оставили мир, уже возвращаться в оной не полегит»³.

Выводы

Сложившаяся в период становления Московской Руси в сфере взаимоотношений православной церкви и верховной власти государства политика симфонии властей соответствовала нуждам каждой из сторон. Государственное строительство нового единого Русского государства нуждалось как в духовно-нравственной поддержке церкви, так и в опоре на четко выстроенную церковную структуру. Для православной церкви создание единого самостоятельного сильного Русского государства и союзнические отношения с его верховной властью открывали перед церковными структурами новые возможности, в том числе путем распространения православной веры на новые территории.

Анализ дальнейшего становления и формирования законодательства Русского государства в XVI–XVIII веках показывает постепенное, по мере усиления самодержавной модели государственного управления, ограничение прав церкви во всех сферах государственной и общественной жизни – в области прав собственности на недвижимое и движимое имущество путём введения дополнительных финансовых сборов и лишения большей части судебных полномочий и т. д., то есть происходит постепенный отход от политики симфонии властей, равноправного согласия церкви и государства в деле управления страной и обществом к политике безоговорочного укрепления государства и его верховной власти, в том числе за счет церкви, вплоть до её полного поглощения государственными структурами, что и произошло в период правления Петра I.

Проведенный анализ практики управления в XVIII веке в Русском государстве правительственными органами, в том числе Святейшим Синодом, церковными структурами, на примере Белгородской и Обоянской епархии по сохранившимся

¹ Государственный архив Белгородской области. Ф. 133. Оп. 1. Д. 1. Л. 28, 28 а, 29.

² Государственный архив Белгородской области. Ф. 127. Оп. 1. Д. 11. Л. 7.

³ О звании монашеском, об определении в монастыри отставных солдат и об учреждении Семинарии и госпиталей. 31 января 1724 года // Полное собрание законов Российской Империи, с 1649 года. Том VII. 1723–1727. СПб.: Типография II Отделения Собственной Его Императорского Величества Канцелярии. 1830. С. 226–233.

архивным документам Белгородской духовной консистории и Валуйского Успенского мужского монастыря показал подчиненное положению церковных структур, зачастую сводящееся к роли своего рода пропагандистского механизма при государственном аппарате. Причем поставленные перед церковными структурами задачи могли варьироваться от возвеличивания отдельных представителей царствующей династии до постановки конкретных задач при неблагоприятных для государства событиях, как, например, при эпидемиях опасных болезней.

Список литературы

- Белкин А.И. 2010. К вопросу о причинах церковной реформы Петра I (методологический аспект). *Гуманитарий: актуальные проблемы гуманитарной науки и образования*, 2(10): 64–72.
- Бодрин А.В. 2019. Учреждение Синода Петром I. Формирование новой системы управления Русской православной церковью. *Современные исследования социальных проблем*, 4-3: 25–32.
- Брыкина В.С., Меркулов А.Н. 2022. Монастырский приказ в эпоху правления Алексея Михайловича. В кн.: Актуальные проблемы социально-гуманитарных наук и методики их преподавания. Материалы Всероссийского научно-практического форума, Воронеж, 11–23 апреля 2022 года, Воронеж, Воронежский государственный педагогический университет: 160–163.
- Вагнер Б.Б., Воронова Т.С. 2019. География средневековых слобод Москвы и их след в московской топонимии. *Вестник МГПУ. Серия: Естественные науки*, 2(34): 65–75. DOI: 10.25688/2076-9091.2019.34.2.6
- Дробина М.Г. 2005. Правовое положение Русской православной церкви в период проведения церковной реформы Петра I (историко-правовой аспект). Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Краснодар, 25 с.
- Евтушенко В.И. 2024. Становление механизма правового регулирования взаимодействия Русского государства и православной церкви. *НОМОТНЕТІКА: Філософія. Соціологія. Право*, 1(49): 71–78. DOI: 10.52575/2712-746X-2024-49-1-71-78
- Кузахметов Р.К. 2019. Симфония властей – цивилизационная ценность и феномен Русской истории в XIII – XVII веках. *Вестник Оренбургской духовной семинарии*, 2(11): 147–157.
- Николин А. 1997. Церковь и государство (история правовых отношений). М., Издание Сретенского монастыря, 430 с.
- Талина Г.В. 2022. Прима́т государства над церковью: вариант Петра I. *Тетради по консерватизму*, 3: 51–60.
- Ткаченко Т.В., Кривоченков Р.С. 2022. Предыстория церковной реформы Петра I. В кн.: Пути повышения результативности современных научных исследований. Сборник статей Международной научно-практической конференции, Воронеж, 10 мая 2022, Том 1. Уфа, Аэтерна: 116–121.
- Удальцов А.А., Байкеева С.Е. 2019. Предпосылки реорганизации церковного управления в ходе реформ Петра I. В кн.: Деятельность правоохранительных органов в современных условиях. Сборник материалов XXIV международной научно-практической конференции. Иркутск, 06–07 июня 2019. Иркутск, Восточно-Сибирский институт МВД России: 360–362.
- Устинова И.А. 2022. Начальный этап церковной реформы Петра I: преобразование патриарших приказов. *Вестник церковной истории*, 3-4(67-68): 223–235.
- Фадеев В.И. 2011. Идеи симфонии властей и соборности и развитие народного представительства в России. *Современное общество и право*, 2(3): 3–15.
- Черепнин Л.В. 1978. Земские соборы Русского государства в XVI–XVII вв. М., Наука, 420 с.
- Шайрян Г.П. 2017. О правах российского монарха как главы церкви. *Право и государство: теория и практика*, 5(149): 14–17.

References

- Belkin A.I. 2010. K voprosu o prichinah cerkovnoj reformy Petra I (metodologicheskij aspekt). [The reasons of Peter i church reforms (methodological aspect)]. *Gumanitarij: aktual'nye problemy gumanitarnoj nauki i obrazovaniya*, 2(10): 64–72. (In Russian)

- Bodrin A.V. 2019. Uchrezhdenie Sinoda Petrom I. Formirovanie novoy sistemy upravleniya Russkoj pravoslavnoj cerkov'yu. [The establishment of the Synod by Peter I. Formation of a new system of governance of the Russian Orthodox Church]. *Sovremennye issledovaniya social'nyh problem*, 4-3: 25-32.
- Brykina V.S., Merkulov A.N. 2022. Monastyrskij prikaz v epohu pravleniya Alekseya Mihajlovicha. [The monastic order during the reign of Alexei Mikhailovich]. In: *Aktual'nye problemy social'no-gumanitarnykh nauk i metodiki ih prepodavaniya* [Current issues of social and humanitarian sciences and methods of their teaching]. Materials of the All-Russian Scientific and Practical Forum, Voronezh, April 11–23, 2022, Voronezh, Publ. Voronezh State Pedagogical University: 160–163.
- Vagner B.B., Voronova T.S. 2019. Geografiya srednevekovykh slobod Moskvy i ih sled v moskovskoj toponimii. [Geography of medieval slobodas of Moscow and their trace in the moscow toponymy]. *Vestnik MGPU. Seriya: Estestvennye nauki*, 2(34): 65-75. (In Russian). DOI: 10.25688/2076-9091.2019.34.2.6
- Drobina M.G. 2005. Pravovoe polozhenie Russkoj pravoslavnoj cerkvi v period provedeniya cerkovnoj reformy Petra I (istoriko-pravovoj aspekt). [The legal status of the Russian Orthodox Church during the period of the church reform of Peter I (historical and legal aspect)]. Abstract. dis. ... cand. legal sciences. Krasnodar, 25 p.
- Evtushenko V.I. 2024. Stanovlenie mekhanizma pravovogo regulirovaniya vzaimodejstviya Russkogo gosudarstva i pravoslavnoj cerkvi. [Formation of the mechanism of legal regulation of interaction between the Russian state and the Orthodox Church]. *NOMOTHETIKA: Philosophy. Sociology. Law*, 49(1): 71-78 (in Russian). DOI: 10.52575/2712-746X-2024-49-1-71-78
- Kuzahmetov R.K. 2019. Simfoniya vlastej – civilizatsionnaya cennost' i fenomen Russkoj istorii v XIII – XVII vekah. [Symphony of authorities – civilization value and phenomenon of Russian history in XIII – XVII centuries]. *Vestnik Orenburgskoj duhovnoj seminarii*, 2(11): 147-157 (in Russian).
- Nikolin A. 1997. Cerkov' i gosudarstvo (istoriya pravovykh otnoshenij) [Prehistory of the church reform of Peter I]. Moscow, Publ. Sretenskogo monastyrya, 430 p.
- Talina G.V. 2022. Primat gosudarstva nad cerkov'yu: variant Petra I. [The primacy of the state over the church: the version of Peter I]. *Tetradi po konservatizmu*, 3: 51-60.
- Tkachenko T.V., Krivochenkov R.S. 2022. Predystoriya cerkovnoj reformy Petra I [Prehistory of the church reform of Peter I]. In: *Puti povysheniya rezul'tativnosti sovremennykh nauchnykh issledovanij* [Ways to improve the effectiveness of modern scientific research]. Collection of articles from the International Scientific and Practical Conference, Voronezh, May 10, 2022, Volume 1. Voronezh, Ufa, Publ. Aeterna: 116-121.
- Udal'cov A.A., Bajkeeva S.E. 2019. Predposylki reorganizatsii cerkovnogo upravleniya v hode reformy Petra I [Prerequisites for the reorganization of church administration during the reforms of Peter I]. In: *Deyatel'nost' pravoohranitel'nykh organov v sovremennykh usloviyakh* [Law enforcement activities in modern conditions]. Collection of materials of the XXIV international scientific and practical conference. Irkutsk, June 06–07, 2019. Irkutsk, Publ. East Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia: 360–362.
- Ustinova I.A. 2022. Nachal'nyj etap cerkovnoj reformy Petra I: preobrazovanie patriarskih prikazov. [The initial stage of peter i's church reform: the transformation of patriarchal prikazy]. *Vestnik cerkovnoj istorii*, 3-4(67-68): 223-235 (in Russian)
- Fadeev V.I. 2011. Idei simfonii vlastej i sobornosti i razvitie narodnogo predstavitel'stva v Rossii. [The ideas of the authorities symphony and collegiality and development of the people representation in Russia]. *Sovremennoe obshchestvo i pravo*, 2(3): 3-15 (in Russian)
- Cherepnin L.V. 1978. Zemskie sobory Russkogo gosudarstva v XVI – XVII vv. [Zemsky Sobors of the Russian State in the XVI-XVII centuries]. Moscow, Publ. Nauka, 420 p.
- Shajryan G.P. 2017. O pravah rossijskogo monarha kak glavy cerkvi. [On the rights of the Russian monarch as head of the church]. *Pravo i gosudarstvo: teoriya i praktika*, 5(149): 14-17 (in Russian).

Конфликт интересов: о потенциальном конфликте интересов не сообщалось.
Conflict of interest: no potential conflict of interest has been reported.

Поступила в редакцію 16.11.2024
Поступила после рецензирования 21.12.2024
Принята к публикации 25.12.2024

Received November 16, 2024
Revised December 21, 2024
Accepted December 25, 2024

ІНФОРМАЦІЯ ОБ АВТОРЕ

Евтушенко Владимир Иванович, доктор юридических наук, профессор кафедры административного права и процесса юридического института, Белгородский государственный национальный исследовательский университет, г. Белгород, Россия.

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Vladimir I. Evtushenko, Doctor of Law, Professor of the Department of Administrative Law and Procedure of the Law Institute, Belgorod State National Research University, Belgorod, Russia.

УДК 34.09

DOI 10.52575/2712-746X-2025-50-1-70-79

Осуществление государственного контроля за иностранными конфессиями и сектантскими общинами в Российской империи

Дурнева Н.С.

Белгородский юридический институт МВД России имени И.Д. Путилина,
Россия, 308024, г. Белгород, ул. Горького, д. 71

durnev4nat@yandex.ru

Аннотация. Становление и развитие государственно-конфессиональных отношений – одна из особенностей, характеризующих индивидуальность каждого государства в своей религиозной политике, которая заключается в выборе государством типа взаимоотношения с религией: клерикального, светского, теократического и атеистического. От выбора статуса религии в обществе зависит и установление соответствующего государственного контроля за конфессиями, религиозными объединениями, религиозными организациями. На сегодняшний день возникла острая необходимость в проведении анализа правовых норм, регулирующих особенности контрольно-надзорной деятельности по отношению к религиозным объединениям в зависимости от модели взаимоотношения с религией. Цель исследования – выявить основной круг полномочий государственных органов в области осуществления контроля за иностранными конфессиями и сектантскими общинами в Российской империи. Определение предпосылок образования государственного органа, осуществляющего контроль и надзор за иностранными исповеданиями, а также анализ правовых основ его функционирования, позволило выявить динамику развития государственно-конфессиональных отношений в Российской империи, когда в стране была провозглашена государственная религия. Сделан вывод о том, что несмотря на религиозное многообразие, основанное на политике веротерпимости, государственный контроль за иностранными конфессиями и сектантскими общинами в рассматриваемый период был направлен не только на соблюдение ими правил, определяющих их правовое положение, но и на недопущение участия в антиправительственной и антивоенной деятельности.

Ключевые слова: государственно-конфессиональные отношения, Департамент духовных дел иностранных исповеданий МВД Российской империи, иностранные конфессии, религиозные объединения, сектантские общины, религиозная политика, государственный контроль

Для цитирования: Дурнева Н.С. 2025. Осуществление государственного контроля за иностранными конфессиями и сектантскими общинами в Российской империи. *NOMOTHETIKA: Философия. Социология. Право*, 50(1): 70–79. DOI: 10.52575/2712-746X-2025-50-1-70-79

Implementation of State Control Over Foreign Confessions and Sectarian Communities in the Russian Empire

Natalya S. Durneva

I.D. Putilin Belgorod Law Institute of Ministry of the Interior of the Russian Federation
71 Gorky St, Belgorod 308024, Russian Federation

durnev4nat@yandex.ru

Abstract. The establishment and development of state-confessional relations is one of the features that characterise the individuality of each state in its religious policy, which consists in the state's choice of the type of relationship with religion: clerical, secular, theocratic and atheistic. The choice of the status of religion in society also determines the establishment of appropriate state control over confessions,

© Дурнева Н.С., 2025

religious associations and religious organisations. To date, there is an urgent need to analyse the legal norms regulating the peculiarities of control and supervisory activities in relation to religious associations, depending on the model of relationship with religion. The purpose of the study is to identify the main range of powers of state bodies in the field of control over foreign confessions and sectarian communities in the Russian Empire. Determining the prerequisites for the formation of the state body exercising control and supervision over foreign confessions, as well as analysing the legal foundations of its functioning, allowed to identify the dynamics of the development of state-confessional relations in the Russian Empire, when the state religion was proclaimed in the country. It is concluded that despite the religious diversity based on the policy of religious tolerance, the state control over foreign confessions and sectarian communities in the period under consideration was aimed not only at their compliance with the rules defining their legal status, but also at preventing them from participating in anti-government and anti-war activities.

Keywords: state-confessional relations, Department of Spiritual Affairs of Foreign Confessions of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Empire, foreign confessions, religious associations, sectarian communities, religious policy

For citation: Durneva N.S. 2025. Implementation of State Control Over Foreign Confessions and Sectarian Communities in the Russian Empire. *NOMOTHETIKA: Philosophy. Sociology. Law*, 50(1): 70–79 (in Russian). DOI: 10.52575/2712-746X-2025-50-1-70-79

Введение

До сегодняшнего дня не сложилось единства мнений по поводу точного количества религиозных вероучений в мире, поэтому так важно разобраться в причинах, обусловивших их существование, а также в факторах, поставивших перед государством задачу создания центрального органа, контролирующего деятельность религиозных объединений. Для поисков ответов на данные вопросы необходимо проанализировать предпосылки в историографии всеобщей истории, которые послужили «рычагом» для создания централизованного органа, регулирующего деятельность религиозных объединений.

Предпосылки образования государственного органа, контролирующего неправославные конфессии в Российской империи, тесно связаны с процессом Реформации в Центральной и Западной Европе XVI – начала XVII веков. В 1534 году парламентом в Англии принимается «Акт о суперматии», провозгласивший англиканство государственной религией, а короля Англии главой англиканской церкви. В 1536 году в Женеве теологом Жаном Кальвином проводится религиозная реформа на основе его теологического сочинения «Наставление в христианской вере». 25 сентября 1555 года в немецком городе Аугсбург между представителями двух христианских конфессий: лютеранство и католичество, подписывается Аугсбургский религиозный мир, признававший лютеранство официальной религией и устанавливавший право имперских сословий на свободу вероисповедания в Священной Римской империи [Богданчикова, 2020, с. 38].

Принятие вышеупомянутых актов свидетельствует о появлении новых христианских конфессий в мире: лютеранство, англиканство, кальвинизм, что не могло не отразиться на государственно-конфессиональных отношениях. С появлением новых христианских течений, связанных с процессом Реформации, стало возрастать и число сект, появившихся на почве протестантских учений. Так, профессор В.И. Немцев считает, что протестантизм – это совокупность церквей и сект, возникших в результате Реформации XVI века. В своем исследовании он неоднократно подчеркивает, что первоначальными формами протестантизма были: лютеранство, кальвинизм, англиканство, однако их появление стало «толчком» для образования в последующем таких сект, как баптисты, методисты, квакеры, пятидесятники [Немцев, 2020, с. 92]. Е.С. Галибина-Лебедева считает, что протестантские

секты через свои проповеди распространяют свой образ жизни и систему ценностей, применяя различные способы гипноза и практическую психологию. Она подчеркивает, что необходимость контроля за сектами обусловлена потребностями безопасности не только общества, но и государства [Галибина-Лебедева, 2019, с. 72].

Таким образом, мы видим, что процесс Реформации в Европе, связанный с образованием новых христианских конфессий, в последующем привел и к образованию различных протестантских сект. Отметим, что данный процесс не распространился в Восточную Европу, но стал одной из причин проведения церковных реформ, направленных на укрепление роли православной церкви.

В 1654 году Московским Собором принимается новый перевод Символа веры, который фактически означал соборное одобрение церковных реформ, проводимых патриархом Никоном. Нововведения патриарха Никона, заключающиеся в переписи русских богослужебных книг по греческим образцам, стали причиной Церковного раскола, разделения общества на тех, кто одобрил церковные реформы, и тех, кто выступал против них (в дальнейшем получивших название «старообрядцы») [Курган, 2021, с. 127].

Значимым шагом в развитии государственно-конфессиональных отношений в России стало принятие Петром I 16 апреля 1702 года манифеста «О вызове иностранцев в Россию, с обещанием им свободы вероисповедания», который гарантировал свободу вероисповедания иностранным поданным, но запрещал им пропаганду своей веры, поощряя переход в православие ¹.

Таким образом, процесс Реформации в странах Европы, связанный с образованием не только новых христианских течений, но и сектантских движений, а в последующем и принятие Петром I Манифеста, гарантировавшего свободу вероисповедания иностранным поданным, привело к иммиграции иностранцев иных религиозных учений в Россию. Кроме этого, Церковный раскол разделил российское общество на два лагеря: принявших церковную реформу и старообрядцев. Данные обстоятельства свидетельствовали о необходимости создания государственного органа, контролирующего деятельность не только иностранных конфессий и различных сектантских объединений, но и лиц, исповедующих иную религию и проживающих в России на постоянной основе.

Цель исследования – выявить основной круг полномочий государственных органов в области осуществления контроля за иностранными конфессиями и сектантскими общинами в Российской империи.

Объект и методы исследования

Объектом исследования являются государственно-конфессиональные отношения, складывающиеся в области государственного контроля за религиозными объединениями в Российской империи.

Использованы общенаучные методы (анализ, синтез, сравнение, обобщение, индукция и дедукция, аналогия); частнонаучные методы в области правовой регламентации государственного контроля за деятельностью религиозных объединений в Российской империи (исторический, сравнительно-правовой, формально-юридический, метод юридического толкования); теоретические методы (историко-методологический анализ, анализ научной и учебной литературы).

Становление государственного контроля за неправославными религиями

В 1897 году в Российской империи была проведена первая всеобщая перепись населения, согласно данным которой основная часть населения России придерживалась

¹ Манифест «О вызове иностранцев в Россию, с обещанием им свободы вероисповедания // Полное собрание законов Российской империи. Собрание I. Т. 4. – СПб. : Тип. II Отделения Собственной Его Императорского Величества Канцелярии, 1830. – С. 1967–1982.

православной веры (57,7 млн человек, или 86,9 % населения). Старообрядцев было 1,6 млн (2,5 %). Протестантов (в основном немецких колонистов в Поволжье) насчитывалось 767 тыс. человек (1,1 %), католиков – 292 тыс. человек (0,4 %). Ислам исповедовали 5 млн человек (7,6 %). К их числу относились татары, башкиры, большинство горцев Кавказа, некоторые другие народы. Иудаизм исповедовали 175 тыс. человек (0,2 %). Численность буддистов и «язычников» точно не была подсчитана [Зак, 1897, с. 21].

Данные всеобщей переписи населения свидетельствуют о политике веротерпимости в Российской империи конца XIX века, в которой православие было государственной религией. Кроме того, в процентную долю лиц, составляющих протестантизм, входят и такие вероисповедания, как лютеранство, кальвинизм и протестантские секты, упомянутые выше. Существование в Российской империи иностранных конфессий поставило перед государством задачу создания государственного органа, который регулировал бы взаимоотношения с ними. 25 июля 1810 года Александром I издается Манифест «О разделении государственных дел на особые управления, с означением предметов, каждому управлению принадлежащих», учреждающий Главное управление духовных дел иностранных исповеданий. В пункте 13 данного Манифеста было закреплено, что новому государственному органу подведомственно разрешение вопросов, касающихся лиц, исповедующих иностранные религии на территории Российской империи¹. В том же году был назначен и руководитель новообразованного учреждения – князь А.Н. Голицын. Отметим, что этот орган был создан для осуществления контроля и надзора за иностранными исповеданиями, церковно-государственное управление Русской православной церковью осуществлялось, как и ранее, Святейшим правительствующим синодом.

17 августа 1810 года издается Манифест «Высочайше утвержденное разделение государственных дел по министерствам». 24 октября 1817 года Манифестом Александра I был учрежден новый государственный орган «Министерство Духовных дел и Народного Просвещения». Отметим, что все полномочия Главного управления перешли к новообразованному Министерству². Указ Александра I от 15 мая 1824 года не только внес изменения в наименование Министерства Духовных дел, но и наделил данное ведомство самостоятельностью. Самостоятельное учреждение снова называлось Главным управлением духовных дел иностранных исповеданий³.

Дальнейшее реформирование государственного органа, осуществляющего контроль и надзор за религиозными объединениями, связано с его переходом в подведомственность МВД Российской империи. В 1832 году Главное управление духовных дел иностранных исповеданий преобразуется в Департамент духовных дел иностранных исповеданий МВД Российской империи⁴. Важным шагом в области правового регулирования данного государственного органа стало утверждение в 1857 году Устава духовных дел иностранных исповеданий.

¹ Манифест «О разделении государственных дел на особые управления, с означением предметов, каждому управлению принадлежащих» // Полное собрание законов Российской империи. Собрание I. Т. 31. СПб.: Тип. II Отделения Собственной Его Императорского Величества Канцелярии, 1830. – С. 24099 – 24152.

² Манифест «Об учреждении Министерства Духовных дел и Народного Просвещения» // Полное собрание законов Российской империи. Собрание I. Т. 34. – СПб.: Тип. II Отделения Собственной Его Императорского Величества Канцелярии, 1830. – С. 26589 – 26631.

³ Указ «Об учреждении Главного управления духовных дел иностранных исповеданий» // Полное собрание законов Российской империи. Собрание I. Т. 39. – СПб.: Тип. II Отделения Собственной Его Императорского Величества Канцелярии, 1830. – С. 29793 – 29815.

⁴ Указ «Об учреждении Департамента духовных дел иностранных исповеданий МВД Российской империи» // Полное собрание законов Российской империи. Собрание II. Т. 7. – СПб.: Тип. II Отделения Собственной Его Императорского Величества Канцелярии, 1833. – С. 5067 – 5091.

Особую роль в развитие государственно-конфессиональных отношений в Российской империи внес Указ Николая II от 17 апреля 1905 года «Об укреплении начал веротерпимости». Именно данный Указ положил начало реализации в России права на свободу совести [Лазаревский, 2019, с. 56]. Подчеркнем, что данным актом всем подданным Российской империи предоставлялось право исповедовать любое вероучение. Помимо этого, за выбор вероисповедания запрещались дискриминация, преследования и ограничения в правах. Но в то же время равенство между вероучениями не устанавливалось, как и прежде приоритет принадлежал православию. Нельзя не заметить, что, несмотря на принятие этого Указа, Российская империя в начале XX века все еще оставалась клерикальным государством.

Таким образом, в Российской империи в XIX – начале XX в. функционировал государственный орган, осуществляющий контроль за религиозными объединениями. Причиной перехода данного органа в ведение МВД Российской империи являлись участвовавшие случаи распространения сектантских общин, на собраниях которых поднимались вопросы политического характера.

Государственный контроль за иностранными конфессиями

Важнейшей реформой в области правового регулирования вопросов деятельности иностранных конфессий стало принятие 17 августа 1810 года Манифеста «Высочайше утвержденное разделение государственных дел по министерствам», в котором нашли отражение полномочия Главного управления духовных дел иностранных исповеданий. Так, в соответствии с Манифестом в компетенцию новообразованного органа входили такие полномочия, как представление предложений о лицах, претендующих на замещение духовного чина епископа не только в католическом, но и в униатском вероучении; назначение лиц, претендующих на замещение мест директоров католических учреждений по управлению епархий и высших церковных должностей лютеранских исповеданий; рассмотрение и разрешение жалоб на действия предстоятелей местных церквей; осуществление надзора за состоянием имений и капиталов подконтрольных исповеданий; разрешение вопросов при вступлении в брак лиц протестантского вероисповедания в случае, если они находятся в близких степенях родства, а также рассмотрение иных спорных вопросов, возникающих между представителями иностранных конфессий ¹.

Весомую роль в области развития взаимоотношений государства с иностранными конфессиями сыграло принятие в 1857 году Устава духовных дел иностранных исповеданий. Этот Устав определял правовое положение каждого иностранного исповедания на территории Российской империи, к числу которых относили: духовные дела Римско-Католического и Армянно-Католического исповеданий; Протестантского исповедания; Евангелическо-Лютеранской Церкви и другие. Устав зафиксировал основные вопросы, разрешаемые Департаментом духовных дел иностранных исповеданий, а именно: управление имуществом, принадлежащим духовным установлениям; вопросы регулирования деятельности духовно-учебных заведений; вопросы общественного богослужения; совершение молитв в домах; совершение таинств. Кроме этого, Устав закрепил вопросы необходимых условий для брака, законных препятствий для брака, заключения и расторжения брака между лицами, не только принадлежащими к разным религиозным конфессиям, но и протестантского вероисповедания при близких степенях родства. Помимо этого, Устав закреплял главенствующее место Православной Церкви.

¹ Манифест «Высочайше утвержденное разделение государственных дел по министерствам» // Полное собрание законов Российской империи. Собрание I. Т. 31. – СПб. : Тип. II Отделения Собственной Его Императорского Величества Канцелярии, 1830. – С. 24179–24199.

Только приверженцы православной веры обладали исключительным правом «убеждать» представителей иностранных исповеданий к принятию своего учения¹.

Таким образом, государственный контроль за иностранными конфессиями в Российской империи был направлен не только на область финансирования и управления их имуществом и назначения церковных должностей, но и на решение спорных вопросов между их представителями, таких как заключение и расторжение брака.

Государственный контроль за старообрядцами

После Церковного раскола, разделившего общество на лиц, принявших церковную реформу Патриарха Никона, и старообрядцев, возникла необходимость и в осуществлении контроля за религиозным течением старообрядческих раскольников. Начиная со второй половины XVII века, государство преследовало последователей старообрядчества: проводило аресты и ссылки, применяло церковные штрафы и конфискацию имущества, прибегало к такому виду наказания, как смертная казнь. Положение старообрядцев обуславливалось клерикальной религиозной политикой государства. С появлением государственного органа, осуществляющего контроль за всеми неправославными религиями в XIX веке, произошли значительные улучшения и в политике веротерпимости. Но несмотря на послабления в области гонений на старообрядцев, все же оставались преграды для последователей иных вероучений. В частности, для неправославных поданных было недоступно замещение некоторых должностей в государстве.

Так, в июне 1837 году Императору Николаю I были поданы на рассмотрение прошения Пермских раскольников о возможности замещения начальствующих должностей старообрядцами. 23 июня 1837 года Император дал указание министру внутренних дел сообщить пермскому гражданскому губернатору и главному начальнику горных заводов хребта Уральского назначать на начальствующие должности лиц преимущественно православного исповедания или единоверцев, а не раскольников. Кроме того, Императором было указано на необходимость установления особого контроля за лидерами старообрядческих общин, но с осторожностью, чтобы не давать повода для разговоров о пристальном внимании. Кроме того, старообрядцам не позволялось строить новые часовни или молитвенные дома. В данном Постановлении нашло отражение и то, что для урегулирования спорных вопросов, возникающих у старообрядцев, требуется специальная санкция Министра Внутренних Дел².

Сравнивая религиозную политику государства в отношении старообрядцев в годы Церковного раскола и в первой половине XIX века, можно выявить положительную тенденцию к смягчению преследований. Но в то же время, в силу установления в стране государственной религии, данные послабления отнеслись не ко всем сферам деятельности. В частности, запрещалось замещение многих должностей представителям неправославных религий.

Особенности государственного контроля за деятельностью сектантских общин

Данные МВД Российской империи, полученные в ходе учета лиц, входящих в сектантские общины, свидетельствуют о том, что на 1 января 1912 г. число последователей сектантских течений достигало 393 565 человек.

¹ Уставы Духовных дел иностранных исповеданий URL: <http://pravo.gov.ru/proxy/ips/> (дата обращения: 05.11.2024).

² Собрание постановлений по части раскола – Санкт-Петербург : Тип. Министерства внутренних дел, 1875. – 764 с.

Количество зарегистрированных сектантских общин не превышало 244, а число их последователей достигало 59 193 человека ¹. Отметим, что сектанты боялись преследований со стороны государственной власти, поэтому и избегали официальной регистрации, полагая, что главной целью данной процедуры является подчинение обществ властям.

Важным шагом в вопросах регулирования деятельности сектантских общин стала разработка МВД Российской империи «Правил о сектантских съездах». Необходимость принятия данных Правил обуславливалась тем, что все чаще сектантские съезды проводились в крупных городах, привлекая к себе внимание лиц, исповедующих другие религии. Данное обстоятельство обуславливалось тем, что съезды сектантских обществ были направлены на пропаганду своих учений. В целях соблюдения правил, установленных Уставом, 31 марта 1910 года П.А. Столыпин направил городским губернаторам «Правила о сектантских объединениях», согласно которым съезды не должны носить агитационный характер, а должны преследовать лишь цели, затрагивающие интересы их вероучения. Фактически принятые Правила были направлены на соблюдение норм, предусмотренных Уставом Департамента духовных дел иностранных исповеданий, который закреплял, что только приверженцы православной веры обладали исключительным правом «убеждать» представителей иностранных исповеданий к принятию своего учения. Помимо этого, Правила впервые закрепляли присутствие на каждом съезде полицейского чиновника, который наделялся контрольными полномочиями при проведении сектантских съездов. 4 октября 1910 г. П.А. Столыпин утвердил «Правила для устройства сектантами богослужебных и молитвенных собраний», разработанные Департаментом полиции совместно с Департаментом духовных дел. Правилами впервые закреплялась официальная процедура утверждения проведения собраний. Так, для проведения собраний требовалась специальная санкция: уведомление полиции о времени и месте проведения собрания. Помимо этого, для организаторов собраний устанавливались сроки для подачи соответствующих уведомлений, которые не должны были превышать двух-трех недель до его проведения ².

Таким образом, переход Департамента духовных дел иностранных исповеданий в подведомственность МВД Российской империи был обусловлен тем, что деятельность сектантских общин все чаще носила нелегитимный характер (пропаганда своих вероучений, неуведомление о съездах и собраниях, критика политической обстановки в государстве), что требовало пристального внимания со стороны МВД. Помимо этого, для принятия законного и обоснованного решения в части, касающейся легальности проведения съездов и собраний сектантских общин, МВД Российской империи были необходимы разъяснения компетентного государственного органа о каком-либо вероучении, что и находилось в ведении Департамента.

Так, в 1911 году в МВД с жалобой на сотрудников местной полиции обратились члены общины баптистов Екатеринославской губернии. В своей жалобе они изложили, что полицейские чиновники запрещают им совершать обряд водного крещения под открытым небом. Для более подробного рассмотрения жалобы Министерство обратилось за соответствующим разъяснением к Департаменту, который разъяснил, что крещение под открытым небом не относится к обязательным элементам их вероучения ³.

Взаимодействие Департамента полиции и Департамента духовных дел иностранных исповеданий прослеживается и в области контроля за сектантскими общинами, в действиях которых усматривается антиправительственная пропаганда. В январе 1912 г.

¹ Сведения о лицах, отпавших за время с 17 апреля 1905 г. по 1 января 1909 г. от господствующей веры // Законопроекты по вопросам, внесенным Министерством внутренних дел на рассмотрение Государственной Думой III созыва. – СПб. – 1912 г.

² Правила о сектантских съездах // Полное собрание законов Российской империи. Собрание III. Т. 7. – СПб.: Отделение Свода законов Государственной канцелярии, 1913. – С. 32897 – 32979.

³ Циркуляр МВД 15 декабря 1911 г., № 11320 // «Миссионерский посох». – СПб. – 1911 г.

Департаменту полиции стало известно о том, что в имении Ржевском Богучаровского уезда Воронежской губернии активно функционирует секта, члены которой собираются не только для обсуждения целей и интересов своего вероучения, но и для проведения антиправительственной пропаганды. Данная информация стала основанием для принятия решения Департаментом полиции об установлении наружного наблюдения за членами сектантской общины. Наблюдение показало, что одним из дворян Воронежской губернии И.А. Беневским было создано общество, на собраниях которого звучали крайние религиозные взгляды. К представителям данного религиозного общества относились: нищие, толстовцы, свободные христиане. Наблюдение также показало, что члены этих общин не представляют какой-либо угрозы государственной власти. После завершения наблюдения вся полученная информация была направлена в Департамент духовных дел и Синод. Кроме этого, Департамент полиции через начальника Воронежского ГЖУ обязал местного пристава посещать съезды и собрания сектантских общин, находившихся под наблюдением¹.

Стоит отметить, что не всегда религиозные объединения не представляли угрозы для действующей государственной власти. В марте 1912 г. участились случаи посещаемости собраний секты «методисты» нижними чинами кораблей Балтийского флота «Гремящий», «Слава», «Рюрик» «Цесаревич». Эта тенденция связана с нарастанием революционных настроений в Российской империи в 1912 году. Как отмечал агент охранного отделения, на собраниях общины не только обсуждались вопросы, связанные с вероучением, но и давалась оценка государственной власти, реализуемой ею политике. Посещение этих собраний негативно сказывалось на патриотическом настрое матросов и солдат, давало почву для революционного настроения, поэтому Департаментом полиции было принято решение о недопущении посещений собраний «методистов». Полученная информация была направлена в Департамент духовных дел иностранных исповеданий².

Исходя из вышеизложенного, можно сделать вывод о том, что увеличение числа революционных движений, социальные и экономические проблемы, сказались и на государственно-конфессиональных отношениях. В частности, возрос надзор за проведением съездов и собраний сектантских общин, на которых все чаще не только звучали вопросы, непосредственно затрагивающие интересы последователей вероучения, но и велись дискуссии по поводу политической обстановки в государстве. Особую роль в области осуществления контроля за такими общинами играл Департамент духовных дел, входящий в подведомственность Российской империи. Кроме этого, ключевую роль в данном взаимодействии играл и Департамент полиции, наделенный полномочием контролировать религиозные общины, присутствуя на съездах и собраниях, а также занимаясь совместно с Департаментом духовных дел вопросами рассмотрения жалоб представителей различных религиозных учений.

Февральская революция 1917 года, которая привела к отречению императора Николая II от престола, поставила и новые проблемы в области религиозной политики. Департамент духовных дел иностранных исповеданий МВД Российской империи, долгое время существовавший как государственный орган Российской империи, в силу образования республики должен был также подлежать реформированию. 5 августа 1917 года Временное правительство издает Постановление «Об учреждении Министерства исповеданий»³. Подчеркнем, что данный орган просуществовал вплоть до Октябрьской революции 1917 года. Дальнейшее создание, развитие и функционирование

¹ Ильин Исправник. Имение Ржевское Богучаровского уезда, Воронежской губернии / Исправник Ильин // Вестник полиции. – 1912. – № 46. – С. 813–814.

² Еженедельное обозрение // Вестник полиции. – 1912. – № 57. – С. 85–94.

³ «Об учреждении Министерства исповеданий» от 5 августа 1917 г. // Собрание узаконений и распоряжений правительства, издаваемое при Правительствующем сенате. Отдел I. – 23 августа 1917. – № 71. – Ст. 406. – С. 604–605.

государственных органов, осуществляющих контроль за религиозными объединениями, определялось атеистической политикой советского государства, направленной на искоренение религии из жизни общества.

Заключение

Анализ правовых норм, регулирующих государственно-конфессиональные отношения в России, позволяет сделать обоснованное суждение о том, что существовали определенные предпосылки для создания государственного органа, осуществляющего контроль за религиозными объединениями. Это не только образование в странах Европы новых конфессий, таких как лютеранство, кальвинизм, англиканство, приведших к появлению сектантских общин, но и принятие Петром I 16 апреля 1702 года Манифеста «О вызове иностранцев в Россию, с обещанием им свободы вероисповедания». Принятие данного Манифеста привело к иммиграции иностранцев иных религиозных учений в Россию. Кроме этого, Церковный раскол разделил российское общество на два лагеря: принявших церковную реформу и старообрядцев. Данные обстоятельства свидетельствовали о необходимости создания государственного органа, контролирующего деятельность не только иностранных конфессий и различных сектантских объединений, но и лиц, исповедующих иную религию и проживающих в России на постоянной основе. В Российской империи эти полномочия возлагались на Департамент духовных дел иностранных исповеданий, входящий в подведомственность МВД Российской империи и функционирующий на основе Устава, принятого в 1857 году. Деятельность сектантских общин все чаще носила нелегитимный характер (пропаганда своих вероучений, неуведомление о съездах и собраниях, критика политической обстановки в государстве), что требовало пристального внимания со стороны МВД.

В связи с этим принимаются различные Правила, устанавливающие порядок проведения съездов и собраний: «Правила о сектантских объединениях» и «Правила для устройства сектантами богослужебных и молитвенных собраний».

Помимо этого, для принятия законного и обоснованного решения в части, касающейся легальности проведения съездов и собраний сектантских общин, МВД Российской империи были необходимы разъяснения компетентного государственного органа о каком-либо вероучении, что и находилось в ведении Департамента.

Список литературы

- Белов А.М. 2014. Проявление революционных и антиреволюционных настроений в условиях модернизации России в начале XX века. *Вестник Костромского государственного университета им. Н.А. Некрасова*, 6: 88–91.
- Богданчикова Е.С. 2020. Феномен реформации в трудах дореволюционных исследователей. *Молодой ученый*, 4 (294): 440–442.
- Галибина-Лебедева Е.С. 2019. Протестантские церкви и секты как новый субъект политики. *Мировая политика*, 3: 72–91.
- Зак Л.С. 1897. Народные переписи: общедоступный очерк. Одесса., Типография Южно-Русского общества печатного дела. 52 с.
- Лазаревский Н.И. 1913. Русское государственное право. Санкт-Петербург., Кн. маг. «Право». 672 с.
- Немцев В.И. 2020. Протестантство в новой истории. *Известия Самарского научного центра Российской академии наук. Социальные, гуманитарные, медико-биологические науки*, 5: 92–97.
- Орлов М.А. 2024. Политика веротерпимости в Российской империи в годы Первой мировой войны. *Научный журнал Санкт-Петербургской духовной академии РПЦ*, 3: 300–311.
- Прохорова М.Ю. 2021. Особенности властных отношений в России. Концепция Н.Н. Алексеева. *Вестник Санкт-Петербургского университета*, 4: 157–161.
- Тюрокова Е.А. 2010. Департамент духовных дел иностранных исповеданий и этноконфессиональная политика Российского государства (XVIII–начала XX веков). *Государство, религия, церковь в России и за рубежом*, 4: 204–208.

Шингарева Н.В. 2015. Роль Департамента духовных дел иностранных исповеданий в процессе реализации государственной политики в вероисповедной сфере. *Вестник Московского университета МВД России*, 10: 54–56.

References

- Belov A.M. 2014. The manifestation of revolutionary and anti-revolutionary sentiments in the context of Russia's modernization at the beginning of the 20th century. *Bulletin of Kostroma State University named after N.A. Nekrasov*, 6: 88–91. (In Russian).
- Bogdanchikova E.S. 2020. The phenomenon of the Reformation in the works of pre-revolutionary researchers. *Young Scientist*, 4 (294): 440–442. (In Russian).
- Galibina-Lebedeva E.S. 2019. Protestant churches and sects as a new subject of politics. *World Politics*, 3:72–91. (In Russian).
- Lazarevsky N.I. 1913. Russian state law. St. Petersburg., Book of mag. «Right». 672 p. (In Russian).
- Nemtsev V.I. 2020. Protestantism in modern history. *Proceedings of the Samara Scientific Center of the Russian Academy of Sciences. Social, Humanitarian, Medical and Biological Sciences*, 5: 92–97. (In Russian)
- Orlov M.A. 2024. The policy of religious tolerance in the Russian Empire during the First World War. *Scientific Journal of the St. Petersburg Theological Academy of the Russian Orthodox Church*, 3:300–311. (In Russian).
- Prokhorova M.Y. 2021. Features of power relations in Russia. The concept of N.N. Alekseev. *Bulletin of St. Petersburg University*, 4:157–161. (In Russian).
- Shingareva N.V. 2015. The role of the Department of Spiritual Affairs of Foreign Confessions in the implementation of state policy in the religious sphere. *Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia*, 10: 54–56. (In Russian).
- Tyurokova E.A. 2010. The Department of Spiritual Affairs of Foreign Confessions and the ethno-confessional policy of the Russian state (XVIII-early XX centuries). *State, Religion, and the Church in Russia and Abroad*, 4: 204–208. (In Russian).
- Zak L.S. 1897. National censuses: a public essay. Odessa, Printing house of the South Russian Society of Printing. 52 p. (In Russian).

Конфликт интересов: о потенциальном конфликте интересов не сообщалось.

Conflict of interest: no potential conflict of interest has been reported

Поступила в редакцию 13.11.2024

Поступила после рецензирования 20.12.2024

Принята к публикации 25.12.2024

Received November 13, 2024

Revised December 20, 2024

Accepted December 25, 2024

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Дурнева Наталья Сергеевна, адъюнкт, Белгородский юридический институт МВД России имени И.Д. Путилина, г. Белгород, Россия.

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Natalya S. Durneva, Adjunct, I.D. Putilin Belgorod Law Institute of Ministry of the Interior of the Russian Federation, Belgorod, Russia.

ПУБЛИЧНО-ПРАВОВЫЕ (ГОСУДАРСТВЕННО-ПРАВОВЫЕ) НАУКИ PUBLIC LAW (STATE LAW) SCIENCES

УДК 342

DOI 10.52575/2712-746X-2025-50-1-80-89

Доверие как основа функционирования муниципальной публичной власти

¹ Гуторова А.Н. , ^{2,3} Кожевников О.А.

¹ Юго-Западный государственный университет
Россия, 305040, г. Курск, ул. 50-лет Октября, д. 94,

² Уральский государственный юридический университет им. В.Ф. Яковлева
Россия, 620066, г. Екатеринбург, ул. Комсомольская, д. 21

³ Уральский государственный экономический университет
Россия, 620144, г. Екатеринбург, ул. 8 Марта / Народной Воли, д. 62/45
allagutorova@mail.ru, jktu1976@yandex.ru

Аннотация. Народное доверие предполагает предсказуемость законодательной политики, уверенность в правомерности выбранных приоритетов государственно-правового развития, широкую народную поддержку публичной политики и действий властей в целом. Несмотря на общепризнанность вышеуказанных ценностей и их несомненную применимость к условиям современной России, в конституционно-правовом регулировании и государственно-правовом обеспечении данных общественных отношений актуализируется проблема народного доверия к местному самоуправлению. Цель исследования – определение значения общественного доверия как основы формирования и развития единой системы публичной власти, в частности на уровне формируемой системы местного самоуправления. Использован ряд специальных правоведческих подходов к научному познанию (формально-юридический, системно-структурный и системно-функциональный), методы конкретного социально-правового исследования, статистические и эмпирико-прикладные подходы. Выявлены обстоятельства, оказывающее влияние на институт доверия, и проблемные аспекты законопроекта № 40361-8 «Об общих принципах организации местного самоуправления в единой системе публичной власти»: действенных инструментов по обеспечению доверия населения к институтам муниципальной власти не сформировано, законопроект не направлен на повышение доверия, а лишь пытается формально «встроить» местное самоуправление в систему публичной власти, не решая проблемы отсутствия доверия.

Ключевые слова: система публичной власти, отзыв выборного лица, местное самоуправление, недоверие, муниципальные выборы

Финансирование: работа выполнена в рамках Государственного задания Правовые меры обеспечения стратегических приоритетов по противодействию угрозам национальной безопасности (FENM-2025-0010). № 1024031900131-7-5.5.1

Для цитирования: Гуторова А.Н., Кожевников О.А. 2025. Доверие как основа функционирования муниципальной публичной власти. *Nomothetika: Философия. Социология. Право*, 50(1): 80–89
DOI: 10.52575/2712-746X-2025-50-1-80-89

Trust as the Basis for the Functioning of Municipal Public Authority

¹ Alla N. Gutorova , ^{2,3} Oleg A. Kozhevnikov

¹ Southwest State University

50 Let Oktyabrya Str. 94, Kursk 305040, Russian Federation

² V. F. Yakovlev Ural State Law University

21 Komsomol'skaya St, Yekaterinburg 620137, Russian Federation

³ Ural State University of Economics

62/45 8 Marta / Narodnoy Voli St, Yekaterinburg 620144, Russian Federation

allagutorova@mail.ru, jktu1976@yandex.ru

Abstract. Public trust implies predictability of legislative policy, confidence in the legitimacy of the chosen priorities of state and legal development, broad public support for public policy and actions of the authorities in general. Despite the general recognition of the above-mentioned values and their undoubted applicability to the conditions of modern Russia, the problem of public trust in local self-government is becoming more and more relevant in the constitutional and legal regulation and state and legal support of these public relations. The purpose of the study is to determine the significance of public trust as the basis for the formation and development of a unified system of public authority, in particular, at the level of the local self-government system being formed. The research employed special legal approaches to scientific knowledge (formal-legal, systemic-structural and systemic-functional ones), methods of specific socio-legal research, statistical and empirical-applied approaches. The authors identify the circumstances influencing the institution of trust and reveal the problematic aspects of draft law No. 40361-8 "On the General Principles of Organizing Local Self-government in a Single System of Public Authority", namely, a lack of effective instruments for ensuring public trust in municipal government institutions and a formal character of the draft law, which means it is not aimed at increasing trust, but only tries to formally "integrate" local self-government into the public authority system, without solving the problem of lack of trust.

Keywords: public authority system, recall of an elected official, local self-government, lack of trust, municipal elections

Funding: The work was carried out within the framework of the State assignment Legal Measures to Ensure Strategic Priorities to Counter Threats to National Security (FENM-2025-0010). Registration number 1024031900131-7-5.5.1

For citation: Gutorova A.N., Kozhevnikov O.A. 2025. Trust as the Basis for the Functioning of Municipal Public Authority. *Nomothetika: Philosophy. Sociology. Law*, 50(1): 80–89 (in Russian). DOI: 10.52575/2712-746X-2025-50-1-80-89

Введение

Российская Федерация уже четвертый год живет в состоянии трансформации конституционно-правовых основ власти и общества. Инициированная Президентом РФ в 2020 году конституционная реформа власти опосредовала формирование во многом нового конституционно-правового института единой системы публичной власти [Готов и др., 2024; Дементьев и др. 2023] и в 2024 году достигла третьего, но, несомненно, самого приближенного к населению уровня власти – местного самоуправления. В настоящее время идет подготовка к рассмотрению во втором чтении в Государственной Думе РФ законопроекта № 40361-8 «Об общих принципах организации местного самоуправления в единой системе публичной власти», который во-многом является ярким свидетельством неиспользования потенциала доверия к населению со стороны институтов власти, прежде всего, федеральной. В частности, данный законопроект не проходил общенародного обсуждения, население и представители профессионального научного экспертного сообщества не привлекались к обсуждению названного законопроекта. Все это позволяет

с новой очевидностью и остротой поднять вопрос о значимости доверия населения как основы формирования и развития единой системы публичной власти, в частности на уровне формируемой системы местного самоуправления.

Цель исследования состоит в определении значения общественного доверия как основы формирования и развития единой системы публичной власти, в частности на уровне формируемой системы местного самоуправления. Проанализировав текст законопроекта № 40361-8 «Об общих принципах организации местного самоуправления в единой системе публичной власти» выявить обстоятельства, влияющие на доверие населения к органам муниципальной власти.

Материалы и методы исследования

Для проведения исследования использован ряд специальных правоведческих подходов к научному познанию (формально-юридического, системно-структурного и системно-функционального), методы конкретного социально-правового исследования, статистические и эмпирико-прикладные подходы. С помощью формально-юридического и формально-логического методов изучались научная литература и практика Конституционного суда РФ. Методы конкретного социально-правового исследования, статистические и эмпирико-прикладные подходы позволили рассмотреть и проанализировать эмпирические данные и сформулировать выводы.

Институт доверия местному самоуправлению

В Большом толковом словаре русского языка термин «доверие» трактуется как отношение к кому-либо, основанное на убеждённости в его честности, добросовестности¹.

Принцип доверия к закону и действиям публичной власти неоднократно использовался в позициях Конституционного суда РФ, который под категорией доверия предлагает понимать: правовую определенность и недопустимость внесения произвольных изменений в действующую систему норм, предсказуемость законодательной политики, разумную стабильность регулирования, предполагающую адекватные условия изменения правового статуса участников длящихся правоотношений². В монографии судьи Конституционного суда РФ, доктора юридических наук, профессора А.Н. Кокотова «Доверие. Недоверие. Право» [Кокотов, 2020] доверие между людьми, обществом и властью называется фундаментальным основанием правового регулирования, без которого никакой правовой инструментарий не работает или используется в ненадлежащем режиме.

На уровне местного самоуправления институт доверия к власти имеет особое значение по нескольким обстоятельствам. Во-первых, местное самоуправление, в отличие от государственной власти, есть форма воплощения как самостоятельного проявления населением своего непосредственного народовластия, так и народовластия путем участия в формировании органов местного самоуправления. Во-вторых, именно на уровне местного самоуправления населению предоставляется максимальная возможность непосредственного участия в решении вопросов, имеющих принципиальное значение для жителей соответствующей территории как наиболее заинтересованной стороны.

¹ Большой толковый словарь русского языка: А-Я 1998. РАН. Ин-т лингв. исслед.; Сост., гл. ред. канд. филол. наук С. А. Кузнецов. СПб.: Норинт, С.166.

² См., например: Постановление Конституционного Суда РФ от 15 февраля 2019 г. № 10-П «По делу о проверке конституционности статьи 402 Налогового кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданки О.Ф. Низамовой»; Постановление Конституционного Суда РФ от 24 мая 2001 г. № 8-П «По делу о проверке конституционности положений части первой статьи 1 и статьи 2 Федерального закона "О жилищных субсидиях гражданам, выезжающим из районов Крайнего Севера и приравненных к ним местностей" в связи с жалобами граждан А.С. Стах и Г.И. Хваловой»; Постановление Конституционного Суда РФ от 6 февраля 2014 г. № 2-П «По делу о проверке конституционности подпункта 5 статьи 4 Федерального закона "О ветеранах" в связи с жалобой гражданина В.А. Корсакова».

В-третьих, именно на уровне местного самоуправления проявляется наибольшая «квазиистенция» ответственности населения и органов местного самоуправления за общее решение вопросов местного значения, поскольку уровень непосредственного жизнеобеспечения населения зависит не только от качества и эффективности работы органов местного самоуправления, но и ответственного отношения граждан к формированию как органов местного самоуправления, так и самой инфраструктуры жизни муниципального образования, ее сохранения и преумножения [Бялкина, 2023, с. 30].

Несмотря на такую важность формирования и поддержания «доверия» между населением и муниципальной публичной властью, следует констатировать, что доверие, а точнее ее антипод «недоверие», или безразличие, нарастает, и это приводит к выхолащиванию местного самоуправления и формированию централизованной основы управления муниципальными территориями, подконтрольными государственным властям, органами местного самоуправления. Причем инициаторами сложившейся ситуации и ее проводниками являются федеральные власти. Приведем лишь несколько фактов, обращая внимание на текст предложенного ко второму чтению законопроекта № 40361-8 «Об общих принципах организации местного самоуправления в единой системе публичной власти».

Институты прямой демократии

Ст. 130 Конституции РФ определяет, что местное самоуправление осуществляется гражданами путем референдума, выборов, других форм прямого волеизъявления, через выборные и другие органы местного самоуправления. За прошедшее двадцатилетие институты прямой демократии, непосредственного участия населения, настолько видоизменились, что говорить об их изначально заложенном конституционно-правовом смысле уже не приходится. Местный референдум стал буквально «исчезнувшим» видом прямого участия населения в определении вариантов решения вопросов местного значения, а ставшие еще в практике примеры проведения местного референдума связаны с их обязательностью проведения, преимущественно по вопросам самообложения. Баллотировка представителей федеральных партий в муниципалитетах представляет весьма спорный конституционно-правовой институт, который имеет сравнительные достоинства и недостатки. С одной стороны, таким образом обеспечивается своего рода «апробация» текущих приоритетов федеральной политики на местном уровне. С другой – указанный подход препятствует полноценному участию населения в решении публично-правовых вопросов местного значения, в том числе самостоятельно, под свою ответственность.

В связи с этим полагаем, что основным средством реализации мандата народного доверия в муниципалитетах должно быть индивидуальное, а не партийное электоральное представительство. Гражданам целесообразно голосовать за кандидатов, а не за списки кандидатов от федеральных политических партий. Федеральные партийные программы, конечно, могут содержать «муниципальный» компонент, но это скорее касается деятельности государственных органов по развитию и поддержке муниципальной политики, чем непосредственного функционирования самих муниципалитетов. Полагаем оптимальными для имеющейся в современной России системы местного самоуправления мажоритарную избирательную систему относительного большинства для выборов депутатского корпуса и мажоритарную систему абсолютного большинства – при организации выборов глав муниципальных образований (если это предусмотрено действующим законодательством).

Партийное представительство в наименьшей степени применимо именно для уровня местного самоуправления [Измаилова, 2013, с. 307]. Это не означает, что муниципалитеты не вправе организовывать свои политические общественные объединения, деятельность которых имела бы локально-политический характер. В связи с этим уместно вспомнить,

каким образом развивалось электоральное законодательство после конституционной реформы от 1993 года: первоначально правом выдвижения кандидатов и списков кандидатов обладали все без исключения общественные объединения (с оговоркой в учредительных документах о возможности участия в выборах); затем правом на электоральную деятельность стали обладать исключительно политические общественные объединения; третьим этапом стала институционализация политических партий для целей участия в избирательных кампаниях. Полагаем данные тенденции верными, только если речь идет об организации выборов в органы государственной власти [Рожков, 2015, с. 312]. Для местного самоуправления уместны либо «ратушные партии» (по терминологии Конституционного Суда РФ), либо их отсутствие.

Индивидуальная баллотировка кандидатов при организации выборов в органы местного самоуправления имеет ряд существенных преимуществ с точки зрения обеспечения мандата народного доверия. В их числе: индивидуализация публично-правовой ответственности, возможность личного взаимодействия представителей и представляемых, допустимость (при экстраординарных обстоятельствах) досрочного отзыва выборных лиц населением. Местные публично-правовые функции и задачи не настолько сложны, чтобы требовать разработки идеологической платформы соответствующей политической партии. Здесь достаточно знакомства с актуальными муниципальными проблемами и готовности участия в их эффективном разрешении. Важны также личные и деловые качества кандидатов на муниципальных выборах – чувство общественного долга, ответственность, активность, компетентность в вопросах местного самоуправления.

Институт муниципальных выборов все больше становится местом борьбы политтехнологов и информационных технологий, а не местом завоевания электората и повышения легитимности избранных депутатов. На выборы в представительные органы местного самоуправления в Челябинской области в единый день голосования 10 сентября 2023 года пришло 30,44 % избирателей. Двухдневное голосование в сентябре 2023 года на выборах в Екатеринбургскую городскую думу привело к явке избирателей с учетом ДЭГ – 20,71 %, на выборах депутатов Думы городского округа Верхняя Пышма с учетом ДЭГ – явка 19,13 %, на дополнительных выборах депутата Думы Каменск-Уральского городского округа восьмого созыва по одномандатному избирательному округу № 21 с учетом ДЭГ – явка 14,38 %. По итогам трехдневного голосования на выборах депутатов муниципальных советов внутригородских муниципальных образований Санкт-Петербурга явка составила 31,73 %. И только в Москве ситуация чуть лучше. В 2024 году на муниципальных выборах приняло участие рекордное количество избирателей – 52,6 %. По сравнению с предыдущими выборами явка возросла на 12,4 %.

Академик О.Е. Кутафин еще в 2008 году в книге «Российский конституционализм» справедливо указывал, что именно «выборы и создают один народ, одно представительство, одну общую волю» [Кутафин, 2008], а Д.А. Авдеев, в работе «Легитимность публичной власти в России» четко подметил взаимосвязь доверия населения и власти в избирательном процессе. В частности, он отметил, что «о легитимности публичного управления можно говорить лишь в случае, когда общественное мнение народного большинства, выраженное через политическую волю избирателей, соответствует результатам деятельности органов государственной власти и местного самоуправления. Ведь показатели эффективности деятельности органов публичной власти – это не только достижение поставленных задач и решение тех или иных проблем, но прежде всего одобрение со стороны народа той политики, тем методам и способам, которые используются представителями государственных органов при осуществлении своих компетенционных полномочий» [Авдеев, 2017, с. 105]. Такие показатели явки на выборах Президента РФ мгновенно бы стали предметом реакции Администрации Президента России в отношении руководителей территорий, показавших такие цифры, а вот в отношении муниципальной власти – молчание.

Отзыв выборного должностного лица

С новым законопроектом уходит в прошлое ответственность выборных должностных лиц органов местного самоуправления перед населением, именуемая как отзыв выборного лица. Муниципально-правовая доктрина всегда исходила из того факта, что право отзыва выборного должностного лица местного самоуправления предопределено самой природой и особенностями местного самоуправления как власти местного сообщества [Макарцев, 2022], наиболее приближенной к населению, призванной обеспечивать ему самостоятельное и под свою ответственность решение вопросов местного значения [Михеева, 2022]. Конституционный Суд Российской Федерации в своих решениях не раз подчеркивал, что, учреждая институт отзыва выборных должностных лиц, законодатель определил его в качестве одного из общих начал организации органов власти, что всецело согласуется с демократическими основами конституционного строя России¹. А в Постановлении Конституционного Суда РФ от 02.04.2002 № 7-П суд отметил, что «на выборные органы местного самоуправления, депутатов, выборных должностных лиц местного самоуправления возлагаются вытекающие из природы местного самоуправления обязанности по решению вопросов обеспечения жизнедеятельности населения конкретных муниципальных образований, а надлежащее исполнение обязательств, *взятых непосредственно перед населением*, является императивом демократического правового государства в сфере организации муниципальной публичной власти. Субъектом права на самостоятельное осуществление муниципальной власти – непосредственно и через органы местного самоуправления – выступает население муниципального образования (статья 3, часть 2; статьи 12 и 130, часть 2, Конституции Российской Федерации). Оно вправе защищать свои права и свободы, реализуемые на уровне местного самоуправления (статья 133 Конституции Российской Федерации), в том числе путем воздействия в различных не противоречащих закону формах на выборных должностных лиц местного самоуправления. Защищая такие конституционно-правовые ценности, как стабильность и непрерывность функционирования публичной власти, осуществляемой в том числе выборными органами местного самоуправления, законодатель обязан исходить из того, что за отзыв должно проголосовать по крайней мере не меньшее число граждан, чем то, которым отзываемое лицо было избрано, чтобы голосованием по отзыву не умалялось значение выявленного в ходе выборов волеизъявления избирателей и обеспечивалась охрана его результатов. Иначе создаются условия не только для произвольного, не основанного на действительной воле населения досрочного прекращения полномочий конкретных должностных лиц местного самоуправления, но и для сужения сферы действия представительной демократии, что может приводить (тем более в случае неназначения новых выборов) к нарушению баланса институтов народовластия и дестабилизации муниципальной власти»². Да, безусловно, действующая в федеральном законе модель отзыва предполагает, во-первых, невозможность его осуществления в случае, если все депутатские мандаты или часть депутатских мандатов в представительном органе

¹ Постановление Конституционного Суда РФ от 7 июня 2000 г. № 10-П «По делу о проверке конституционности отдельных положений Конституции Республики Алтай и Федерального закона «Об общих принципах организации законодательных (представительных) и исполнительных органов государственной власти субъектов Российской Федерации» // СЗ РФ. 2000. № 25. Ст. 2728.

² Постановление Конституционного Суда РФ от 2 апреля 2002 г. № 7-П «По делу о проверке конституционности отдельных положений Закона Красноярского края «О порядке отзыва депутата представительного органа местного самоуправления» и Закона Чукотского автономного округа «О порядке отзыва депутата представительного органа местного самоуправления, выборного должностного лица местного самоуправления в Чукотском автономном округе» в связи с жалобами заявителей А.Г. Злобина и Ю.А. Хнаева» // СЗ РФ. 2002. № 14. Ст. 1374.

муниципального образования замещаются депутатами, избранными в составе списков кандидатов, выдвинутых избирательными объединениями, а сама ответственность наступает лишь если за отзыв депутата, члена выборного органа местного самоуправления, выборного должностного лица местного самоуправления проголосовало *не менее половины избирателей, зарегистрированных в муниципальном образовании (избирательном округе)*. Несомненно, при таком правовом регулировании сущность отзыва как проявление доверия или недоверия к избранному лицу существенно нивелируется, но это не значит, что такую форму ответственности вообще следует уничтожить.

Депутат и выборное должностное лицо действительно могут *утратить* доверие населения, поэтому следует ставить в корреспонденцию гарантированное законом право электората на *выражение* соответствующего недоверия. Досрочный отзыв – это, строго говоря, не просто процедура, обратная выборам, но *юридическое средство выражения народного недоверия*. Такое недоверие может быть выражено посредством референдума или плебисцита, однако, если законодательство запрещает вынесение на народное голосование подобных вопросов, единственным легитимным способом выражения народного недоверия становится досрочный отзыв [Гуторова, 2024].

Изложенное дает основания полагать, что институт досрочного отзыва депутатов, члена выборного органа местного самоуправления, выборного должностного лица местного самоуправления может допускаться законодательством применительно к деятельности органов муниципальных образований с учетом полноты соответствующих конституционно-правовых обстоятельств, которые нуждаются в комплексном учете и соответствующей оценке.

Выборность главы муниципального образования

За прошедшее двадцатилетие утратилась выборность глав муниципальных образований, как и доверие им со стороны населения. Согласно статистическим данным, опубликованным в газете «Коммерсант» по состоянию на 22.02.2024 начиная с 2003 года по 2024 год количество глав муниципальных образований, являющихся административными центрами (столицами) субъектов РФ, прошедших процедуру прямых выборов, сократилось с 75 до 5 человек. В 2022 году Центром политических технологий было проведено социологическое исследование в части уровня доверия граждан к своим главам муниципальных образований. Опросив 3 226 респондентов в 57 субъектах федерации, организаторы опроса отмечают, что наилучшие показатели продемонстрировал Северный Кавказ (55 % опрошенных доверяют своим руководителям муниципалитетов), далее последовали Приволжский и Сибирский федеральный округ (по 53 %), Южный федеральный округ (52 %). В Центральном федеральном округе и Уральском федеральном округе доверием к мэрам на уровне 50 %. Далее следуют Дальневосточный федеральный округ (49 %) и Северо-Западный федеральный округ (мэрам доверяют 46 %) ¹. Приведенные цифры можно оценивать по-разному, кто-то считает их положительными, мы же полагаем, что чем ближе руководитель к населению, тем очевиднее наличие доверия к нему. Может быть, именно поэтому в числе критериев эффективности деятельности органов местного самоуправления муниципальных, городских округов и муниципальных районов отсутствует показатель доверия к власти, который присутствует для оценки высших должностных лиц субъектов Российской Федерации, но лишь в части доверия к Президенту Российской Федерации, высшим должностным лицам субъектов Российской Федерации, но не к органам местного самоуправления, действующим в границах субъекта РФ.

¹ Отношение общества к единой системе публичной власти. – Политком.RU. https://politcom.ru/files/file/2022_09_25_doklad_25_09_22_6536.pdf

Публичные слушания

Однако не только институты прямой демократии на муниципальном уровне демонстрируют упадок доверия населения к власти и его вовлеченности в ее качественном функционировании. Взять, например, институт публичных слушаний. В соответствии со ст. 28 Федерального закона от 06.10.2003 № 131-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в РФ» публичные слушания проводятся представительным органом муниципального образования, главой муниципального образования для обсуждения проектов муниципальных правовых актов по вопросам местного значения с участием жителей муниципального образования. И здесь возникает очень важный вопрос относительно доверия: что важнее – действительно услышать население или формализовать процедуру для легитимации в последующем муниципального-правового акта? К сожалению, практика показывает, что для инициаторов публичных слушаний в абсолютном большинстве случаев важным оказывается второе, то есть просто пройти соответствующую процедуру. Иначе как объяснить, что в итоговом документе публичных слушаний по проекту решения Челябинской городской Думы «О бюджете города Челябинска на 2024 год и на плановый период 2025–2026 годов» невозможно найти число принявших участие в публичных слушаниях, но с учетом того, что в протоколе имеется следующая фраза «На основании заключения Общественной палаты города Челябинска и заключений экспертов Оргкомитет рекомендует Челябинской городской Думе утвердить проект решения Челябинской городской Думы «О бюджете города Челябинска на 2024 год и на плановый период 2025–2026 годов»? Так все-таки, кто принимает решение – участники путем открытого голосования или оргкомитет? Найти количество участников публичных слушаний по аналогичному вопросу, только в городе Курске, также не получится, – на сайте опубликована резолюция публичных слушаний без такого рода сведений ¹. Чуть лучше обстоят дела в районном центре, в протоколе проведения публичных слушаний по проекту решения Собрания депутатов города Фатежа Фатежского района Курской области «О бюджете муниципального образования «городское поселение город Фатеж» Фатежского муниципального района Курской области на 2025 год и плановый период 2026 и 2027 годов» участие в решении принимали 17 человек (при общей численности чуть больше 6 000 человек в муниципальном образовании). В Екатеринбурге 03.12.2024 прошли публичные слушания по проекту решения Екатеринбургской городской Думы «О бюджете муниципального образования «город Екатеринбург» на 2025 год и плановый период 2026 и 2027 годов» ². Согласно протоколу публичных слушаний – за представленный проект муниципально-правового акта проголосовали 290 человек, против – 1, воздержались – 1. И это при численности населения почти 1,5 млн человек?

Заключение

Попытка федерального законодателя «встроить» муниципальную власть в единую систему публичной власти без формирования действенных инструментов доверия населения к институтам муниципальной власти – это очередная утопия, поскольку только наличие объективной оценки гражданами работы органов местного самоуправления, реальных, а не формальных инструментов влияния населения на формирование и деятельность местной власти способно позитивно отразиться на развитии муниципальных территорий, в противном случае мы и дальше будем видеть отток населения в крупнейшие агломерации, где удовлетворение материальных потребностей гражданина лежит в основе его жизнедеятельности, а громадные территории вне крупнейших муниципалитетов – центров агломерации будут и дальше деградировать, пока на этих

¹ <https://www.gorsobranie-kursk.ru/storage/docs/November2024/7ywTENqwTHYT3G0U8RDr.pdf>

² <https://екатеринбург.рф/официально/слушания/45085>

территориях не останется населения, в том числе людей, способных вызвать доверие и на этой основе создать позитивные изменения в жизни общества.

Список литературы

- Глотов С.А., Ларичев А.А., Пешин Н.Л. и др. 2024. Проблемы и перспективы развития публичной власти в условиях конституционной модернизации: Под редакцией Заслуженного деятеля науки РФ, Заслуженного юриста РФ, доктора юридических наук, профессора, судьи Конституционного Суда РФ (в отставке) Б.С. Эбзеева, доктора юридических наук, профессора Л.Т. Чихладзе. Москва: ЮНИТИ-ДАНА, 367 с.
- Дементьев А.Н., Кожевников О.А., Кучеренко П.А. и др. 2023. Трансформация публично-правового регулирования местного самоуправления в условиях конституционной реформы. Москва: Юнити-Дана, 456 с.
- Кокотов А.Н. 2020. Доверие. Недоверие. Право. М.: Норма: ИНФРА-М, 192 с.
- Бялкина Т.М. 2023. О некоторых аспектах взаимодействия субъектов государственной и муниципальной власти. *Конституционализм и государственное устройство*, 3(31): 29-35.
- Измаилова Д.Н. 2013. Вопросы оптимизации взаимодействия муниципальной власти с политическими партиями. *Каспийский регион: политика, экономика, культура*, 1: 307-312.
- Рожков Г.А. 2015. Функции политических партий в контексте национальной безопасности. *Евразийский юридический журнал*, 11: 312-314.
- Кутафин О.Е. 2008. Российский конституционализм. Москва: Инфра-М, 544 с.
- Авдеев Д.А. 2017. Легитимность публичной власти в России. *Вестник Тюменского государственного университета. Социально-экономические и правовые исследования*, 3: 99-112. DOI: 10.21684/2411-7897-2017-3-3-99-112
- Макарцев А.А., Шерстобоев О.Н. 2022. Отзыв выборных лиц местного самоуправления: правовая регламентация и проблемы реализации. *Гражданин. Выборы. Власть*, 1(23): 58-82.
- Михеева Т.Н., Михеев Д.С. 2022. Формы непосредственной муниципальной демократии: грядущие трансформации. *Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Экономика. Управление. Право*, 3(22): 304-309. DOI: 10.18500/1994-2540-2022-22-3-304-309
- Гуторова А.Н. 2024. Некоторые аспекты обеспечения народного доверия институтами прямой демократии. *Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России*, 2(102): 99-113. DOI: 10.35750/2071-8284-2024-2-99-113

References

- Problems and Prospects for the Development of Public Authority in the Context of Constitutional Modernization: Edited by Honored Scientist of the Russian Federation, Honored Lawyer of the Russian Federation, Doctor of Law, Professor, Judge of the Constitutional Court of the Russian Federation (retired) B.S. Ebzееv, Doctor of Law, Professor L.T. Chikhladze / S.A. Glotov, A.A. Larichev, N. L. Peshin [and others]. Moscow: IZDATELSTVO UNITY-DANA; 368 p. (In Russ.).
- Transformation of public-legal regulation of local self-government in the context of constitutional reform / A. N. Dementyev, O. A. Kozhevnikov, P. A. Kucherenko [et al.]. - Moscow: Limited Liability Company "Unity-Dana Publishing House"; 2023. 456 p. (In Russ.)
- Kokotov A.N. 2020. Trust. Distrust. Law: monograph. Rep. ed. M.: Norma: INFRA-M; 192 p. (In Russ.)
- Byalkina T.M. 2023. On some aspects of interaction between subjects of state and municipal power. *Constitutionalism and state studies*, 3 (31): 29-35. (In Russ.)
- Izmailova D.N. 2013. Issues of optimization of interaction of municipal authorities with political parties. *The Caspian region: politics, economics, culture*, 1: 307-312. (In Russ.)
- Rozhkov G.A. 2015. Functions of political parties in the context of national security. *Eurasian Law Journal*, 11: 312-314. (In Russ.)
- Kutafin O.E. 2008. Russian constitutionalism. Moscow: Infra-M; 544 p. (In Russ.)
- Avdeev D.A. 2017. Legitimacy of public authority in Russia. *Bulletin of Tyumen State University. Social, economic and legal research*, 3 (3): 99-112. (In Russ.) DOI: 10.21684/2411-7897-2017-3-3-99-112
- Makartsev A.A., Sherstoboev O.N. 2022. Recall of elected local government officials: legal regulation and implementation problems. *Citizen. Elections. Power*, 1 (23): 58-82. (In Russ.)

- Mikheeva T.N., Mikheev D.S. 2022. Forms of direct municipal democracy: upcoming transformations. *Bulletin of the Saratov University. New series. Series: Economy. Management. Law*, 3(22): 304-309. (In Russ.) DOI: 10.18500/1994-2540-2022-22-3-304-309
- Gutorova A.N. 2024. Some aspects of ensuring public trust in institutions of direct democracy. *Bulletin of the St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia*, 2 (102): 99-113. (In Russ.) DOI: 10.35750/2071-8284-2024-2-99-113

Конфликт интересов: о потенциальном конфликте интересов не сообщалось.

Conflict of interest: no potential conflict of interest has been reported.

Поступила в редакцию 30.10.2024

Поступила после рецензирования 01.11.2024

Принята к публикации 15.11.2024

Received October 30, 2024

Revised November 01, 2024

Accepted November 15, 2024

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Гуторова Алла Николаевна, доктор юридических наук, доцент, профессор кафедры конституционного права, Юго-Западный государственный университет, г. Курск, Россия.

 [ORCID: 0000-0003-0345-6903](https://orcid.org/0000-0003-0345-6903)

SPIN-код: 2021-0929

Кожевников Олег Александрович, доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры конституционного права, Уральский государственный юридический университет им. В.Ф. Яковлева; профессор кафедры конституционного и международного права, Уральский государственный экономический университет, г. Екатеринбург, Россия.

 [ORCID: 0000-0003-1371-7249](https://orcid.org/0000-0003-1371-7249)

SPIN-код: 1494-4895

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Alla N. Gutorova, Doctor of Law, Associate Professor, Professor of the Department of Constitutional Law, Southwest State University, Kursk, Russia.

 [ORCID: 0000-0003-0345-6903](https://orcid.org/0000-0003-0345-6903)

SPIN-код: 2021-0929

Oleg A. Kozhevnikov, Doctor of Law, Professor, Professor of the Department of Constitutional Law, V. F. Yakovlev Ural State Law University; Professor of the Department of Constitutional and International Law, Ural State University of Economics, Yekaterinburg, Russia.

 [ORCID: 0000-0003-1371-7249](https://orcid.org/0000-0003-1371-7249)

SPIN-код: 1494-4895

УДК 342.56

DOI 10.52575/2712-746X-2025-50-1-90-101

Судебное управление: восприятие термина в контексте независимости судебной власти

Кравцова Л.Е.

Амурский государственный университет,
Россия, 675028, г. Благовещенск, ул. Игнатьевское шоссе, д. 21
larisafakeeva@yandex.ru

Аннотация. Осуществление правосудия в Российской Федерации несколькими десятками тысяч судей, которые ежегодно рассматривают миллионы дел, требует такой организации деятельности, которая обеспечила бы независимость судебной власти. Обращение к термину «судебное управление» при рассмотрении системы такой организации может не поддерживаться с позиций судебской независимости. Отрицательное отношение к нему было обусловлено опытом развития судебного управления и независимости судебной власти в России, но в теории и практике этот термин применяется все чаще. При этом, несмотря на многочисленность публикаций по вопросам организации деятельности судов, практически отсутствуют исследования, направленные на выявление факторов, которые привели к изменению такого восприятия. Целью исследования является определение факторов, изменивших отношение к термину «судебное управление» в Российской Федерации в постсоветский период со свидетельствующего об искажении независимости судебной власти до подтверждающего её укрепление. В результате исследования установлено, что изменение обусловлено следующим: судебная система рассматривается как организационная; применяется международный опыт в сфере организации деятельности судов; создано внутрисистемное судебное управление, что привело к укреплению независимости судебной власти в Российской Федерации. Полученные результаты вносят вклад в развитие теории обеспечения конституционного принципа независимости судебной власти системой организации деятельности судебной власти.

Ключевые слова: конституционный принцип независимости судебной власти, система организации деятельности судов

Для цитирования: Кравцова Л.Е. 2025. Судебное управление: восприятие термина в контексте независимости судебной власти. *NOMOTHETIKA: Философия. Социология. Право*, 50(1): 90–101. DOI: 10.52575/2712-746X-2025-50-1-90-101

Judicial Governance: Perception of the Term in the Context of Judicial Independence

Larisa E. Kravtsova

Amur State University,
21 Ignatyevskoye Shosse St, Blagoveshchensk 675028, Russian Federation
larisafakeeva@yandex.ru

Abstract. There are tens of thousands of judges working in Russia. They handle millions of cases every year. Their work must be organized in such a way that should secure independence of the judicial power. Reference to the term “judicial governance” in the context of such organization may lack support from the perspective of the judges’ independence. This negative attitude is due to the previous experience in the development of judicial governance and the independence of the judiciary in Russia. But in modern

© Кравцова Л.Е., 2025

theory and practice, this term is used more and more often. There is a lot of literature on how courts are organized. However, almost no research has been conducted to establish what factors have changed this perception. The aim of the study is to establish the factors that changed the attitude towards the term “judicial governance” that existed in post-Soviet Russia to the one that exists today, and confirming the fact of strengthening the independence of the judiciary. The study established that the attitude towards the term “judicial governance” has changed for the following reasons: the judicial system is considered as an organizational one; international experience in the field of organizing the activities of courts is applied; intra-system judicial governance has been created. The obtained results contribute to the development of the theory of ensuring the constitutional principle of judicial independence by the system of organizing the activities of judicial bodies.

Keywords: constitutional principle of judicial independence, system of organization of court activities

For citation: Kravtsova L.E. 2025. Judicial Governance: Perception of the Term in the Context of Judicial Independence. *NOMOTHETIKA: Philosophy. Sociology. Law*, 50(1): 90–101 (in Russian). DOI: 10.52575/2712-746X-2025-50-1-90-101

Введение

Теоретические подходы к понятию «управление»

Ежегодно российскими судами рассматриваются десятки миллионов дел (так, за 9 месяцев 2024 г. Верховным Судом Российской Федерации, судами общей юрисдикции, включая мировых судей, арбитражными судами по первой инстанции рассмотрено почти по 34 млн дел, что на 19 % больше по сравнению с аналогичным периодом 2023 года¹). Правосудие в России отправляют около 30 000 судей, их деятельность обеспечивают свыше 70 000 работников аппаратов судов, более 6 600 работников Судебного департамента при ВС РФ и его управлений в субъектах РФ², объединение людей, осуществляющих организованную деятельность в условиях высокой служебной нагрузки, при которой не всегда может быть обеспечено независимое правосудие, эффективно защищающее права и свободы граждан. Поэтому сфера организации судебной власти нуждается в научном осмыслении с позиций обеспечения независимого правосудия.

Действующее законодательство не содержит термина «судебное управление», а указывает на «организацию деятельности» Конституционного Суда РФ³; «надзор за деятельностью судов» (применительно к Верховному Суду РФ⁴; «организационное, кадровое, ресурсное обеспечение»⁵; «организацию деятельности судов»⁶; «организационное обеспечение деятельности мировых судей»⁷; «организационное

¹ Судейское сообщество подводит итоги 2024 года. URL: <https://zhurnalsudya.ru/news/tpost/bkbnps5rn1-sudeiskoe-soobschestvo-podvodit-itogi-20> (дата обращения: 27.01.2025).

² См.: О федеральном бюджете на 2024 год и на плановый период 2025 и 2026 годов : ФЗ от 27.11.2023г. № 540-ФЗ. // URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_462891/109d87c6367c8a875c3bc1fec7450ea48fb89db6/ (дата обращения: 01.09.2024); Отчет об итогах деятельности Судебного департамента при ВС РФ за 2023 г. // URL: http://www.cdep.ru/userimages/Otchet_ob_itogah_deyatelnosti_Sudebnogo_departamenta_za_2023_god.pdf (дата обращения: 01.09.2024).

³ О Конституционном Суде Российской Федерации : ФКЗ от 21.07.1994 № 1-ФКЗ // URL: <https://base.garant.ru/10101207/> (дата обращения: 12.11.2023).

⁴ О Верховном Суде Российской Федерации : ФКЗ от 05.02.2014 № 3-ФКЗ // URL: <https://base.garant.ru/70583616/741609f9002bd54a24e5c49cb5af953b/> (дата обращения: 12.11.2023).

⁵ Об органах судейского сообщества в Российской Федерации : ФЗ от 14.03.2002 № 30-ФЗ // URL: <https://base.garant.ru/12126061/1cafb24d049dcd1e7707a22d98e9858f/> (дата обращения: 12.11.2023).

⁶ О статусе судей в Российской Федерации : Закон РФ от 26.06.1992 № 3132-I // URL: <https://base.garant.ru/10103670/7dc915bc75cfffbb81484b76070f99d35/> (дата обращения: 12.11.2023).

⁷ О мировых судьях в Российской Федерации : ФЗ от 17.12.1998 № 188-ФЗ // URL: <https://base.garant.ru/12113961/> (дата обращения: 12.11.2023).

обеспечение деятельности федеральных судов, органов судейского сообщества»¹, «организационно-распорядительные, административные полномочия председателя (заместителя председателя) суда»². Термин «организация» используется в сочетании с термином «обеспечение» как совокупность целого ряда разных видов обеспечения, в которых нуждаются суды; отдельный вид обеспечительной деятельности; обязанность аппарата судов [Носков, 2018, с. 53-54]. В теории термин «организация» имеет более широкое значение.

В философии под организацией понимается внутренняя упорядоченность, согласованность взаимодействия более или менее дифференцированных и автономных частей целого; совокупность процессов, действий, ведущих к образованию и совершенствованию взаимосвязей между частями целого; объединение людей, совместно реализующих некоторую программу или цель, действующих на основе определенных процедур и правил [Ильичев и др., 1983, с. 463], в теории управления – свойство, процесс, организационная система [Новиков и др., 2011, с. 14]. Такая система реализует «целенаправленную активность человека» [Новиков и др., 2011, с. 16], организованную через управление [Новиков и др., 2011, с. 21]. То есть, содержание понятия «управления» шире содержания понятия «организация». Дефиниции «организация» и «управление» существуют в отношении, в котором находятся род и вид, где род – это «управление» [Носков, 2018, с. 53-54].

Организация деятельности – это объединение активно работающих с определенной целью людей, а управление – деятельность по организации деятельности такого объединения людей. Изложенное свидетельствует о том, что термин «организационное обеспечение», предусмотренный законодательством, не охватывает всех отношений, составляющих механизм управления деятельностью судебной власти.

Под управлением (приводится та часть определения, которая соответствует исследуемому вопросу) понимается элемент, функция организованных систем различной природы, обеспечивающая сохранение их структуры, реализацию цели деятельности; социальное управление предполагает осуществление субъектом подготовки и принятия решений, организации их выполнения, контроля за их выполнением, подведения результатов [Ильичев и др., 1983, с. 704-705]. Такой подход к управлению как к системе, обладающей структурой (субъект-объектной и временной), согласован с менеджментом, «наукой об управлении социально-экономическими системами» [Новиков и др., 2011, с. 20], и имеет связь с наукой конституционного права (так, Д.А. Ковачев отнес к объективным закономерностям (законам), которым подвергается конституционное право, общие (кибернетические) принципы управления – общие закономерности процессов и систем управления в технических устройствах, живых организмах и человеческих организациях (соответствие субъекта управления объекту управления, иерархия между звеньями системы, прямая и обратная связь, соответствие меры информации и эффективности управления) [Ковачев, 1997, с. 73].

Целью исследования является определение факторов, изменивших отношение к термину «судебное управление» в Российской Федерации в постсоветский период со свидетельствующего об искажении независимости судебной власти до подтверждающего её укрепление.

¹ О Судебном департаменте при Верховном Суде Российской Федерации : ФЗ от 08.01.1998 № 7-ФЗ // URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_17412/ (дата обращения: 23.07.2024).

² Кодекс судейской этики : утв. VIII Всероссийским съездом судей 19.12.2012 (в ред. от 08.12.2016) // URL: https://vsrf.ru/about/info/documents_regulations/1979/ (дата обращения: 15.11.2023).

Историческое развитие управления судами и независимости судебной власти в России

Отношение к термину «управление» применительно к судам в России обусловлено особенностью исторического развития двух факторов – управления судами и их независимостью. На независимое и беспристрастное правосудие в России указывалось в XIII в. [Калачов, 1850, с. 29]. Дальнейшие попытки по созданию «независимой фигуры судьи» были предприняты в период политико-правовых преобразований в судебной сфере в XVIII в. [Тиганов, 2012, с. 203], когда в ходе судебной реформы 1717-1723 г. зарождался институт судебного управления и впервые появилась структурно отделенная от органов управления система органов правосудия, управлявшаяся судами [Серов, 2011, с. 22]. До 1864 г. «законодатель использовал усиление административного контроля и надзора за судами» [Щедрина, 2015, с. 5], в 1864 г. впервые нормативно закреплён принцип независимости судей, отделение суда от административных органов в сфере судебного управления [Щедрина, 2015, с. 5]. С принятием в 1889 году закона о земских участковых начальниках (уполномоченных на отправление правосудия) судебская независимость была формально ликвидирована [Тиганов, 2012, с. 203]. После Октябрьской революции судебное управление осуществлялось Народным комиссариатом юстиции (НКЮ) [Абова и др., 2003, с. 73-80]. В 1924 г. впервые употреблен термин «судебное управление», установлено, что губернские суды являются по отношению к народным судам органами судебного управления, подчинены народному комиссариату юстиции¹, при описании управленческих функций наркоматов юстиции использовалось словосочетание «в организационной области» [Кузнецова, 2021, с. 102]. 30 января 1928 г. ВЦИК и СНК РСФСР принято постановление «О порядке руководства судебными органами»², на основании которого коллегия НКЮ РСФСР реорганизована с целью обеспечения управления прокуратурой и судебными органами, к ведению Верховного Суда РСФСР отнесено руководство судебной практикой, судебная политика. В 1936 г. в Конституции СССР³, в Законе СССР «О судостроительстве СССР, союзных и автономных республик» 1938 г.⁴ текстуально закреплён принцип судебской независимости⁵, который не мог быть реализован в условиях советского тоталитарного режима. С 1929 г. до 1938 г. в судебном управлении участвовал Верховный Суд РСФСР [Захарова, 2018, с. 73-80], с 1930-х гг. организационные и контрольные функции переданы региональным управлениям юстиции [Захарова, 2018, с. 73-80]. В 1950-е годы принцип судебской независимости закреплён в Основы законодательства СССР о судостроительстве Союза СССР, союзных и автономных республик от 25 декабря 1958 г.⁶, Положении о военных трибуналах⁷, Основы гражданского судопроизводства Союза СССР и союзных республик от 8 декабря 1961 г.⁸, Основы уголовного судопроизводства Союза СССР и союзных республик от 25 декабря

¹ Основы законодательства Союза ССР и союзных республик о судостроительстве : Постановление ЦИК СССР от 29.10.1924 СПС «КонсультантПлюс».

² О порядке руководства судебными органами : Постановление ВЦИК и СНК РСФСР от 30.01.1928 // URL: <http://docs.historyrussia.org/ru/nodes/371077-postanovlenie-vserossiyskogo-tsentralnogo-ispolnitelnogo-komiteta-i-soveta-narodnyh-komissarov-o-poryadke-rukovodstva-sudebnymi-organami-r-s-f-s-r-30-yanvary-1928-goda#mode/inspect/page/1/zoom/4> (дата обращения: 12.11.2023).

³ Конституция СССР 1936 г. НКЮ. М. 1937.

⁴ О судостроительстве СССР, союзных и автономных республик. Закон СССР от 16.08.1938 г. СПС «Консультант Плюс».

⁵ Конституция СССР 1936г. НКЮ. М. 1937.

⁶ Основы законодательства СССР о судостроительстве СССР, союзных и автономных республик. Закон СССР от 25.12.1958 г. СПС «Консультант Плюс».

⁷ Положение о военных трибуналах : Сборник законов СССР. 1968. № 2.

⁸ Основы гражданского судопроизводства Союза СССР и союзных республик от 8 декабря 1961 г // Ведомости ВС СССР. 1961. № 50. Ст. 526.

1958 г.¹. Судебное управление в середине XX в. находилось в руках органов исполнительной власти. Затем расширены функции областных судов, способствовавшие созданию иерархических механизмов управления, контроль за судами со стороны Министерства юстиции РСФСР воспринимался как вмешательство в независимость и самостоятельность судов [Захарова, 2018, с. 73-80]. В 1963 г. указанное Министерство было упразднено, функции судебного управления переданы Верховному Суду РСФСР, на местах – президиумам краевых (областных) судов. Многие управленческие задачи решались местными Советами и их исполнительными комитетами [Захарова, 2018, с. 73]. В 1970-е годы завершено оформление принципа независимости советских судей (в ст. 155 Конституции СССР 1977 г. провозглашалась независимость судей и народных заседателей и подчинение их только закону, запрет на какое-либо вмешательство в деятельность судей и народных заседателей²), но воссоздано Министерство юстиции СССР, Министерство юстиции РСФСР, его территориальные подразделения, осуществлявшие организацию судебной деятельности. Председателей судов отчитывались перед Советом народных депутатов. С принятием Конституции СССР 1977 г. и Конституции РСФСР 1978 г. органам юстиции предписывалось не допускать ограничения принципа независимости судей и подчинения их только закону, что в реальности не обеспечивалось из-за партийного контроля, особенностей финансирования судов, стойких, основанных большевиками, традиций, неудачной структуры полномочий органов юстиции [Захарова, 2018, с. 82].

Краткий исторический анализ процессов развития независимости и управления судами в России свидетельствует, что до 1917 г. формирование независимости судебной власти сопровождалось передачей функций управления судебным органам; в Советском государстве провозглашение принципа независимости судебной власти в 1936 г., его оформление в 1977 г., было связано с передачей функций управления вышестоящим судам, но осуществлялось такое управление под руководством Коммунистической партии [Абдулин, 2015, с. 346]; в целом, задача по обеспечению независимости судов и судей в тот период отсутствовала [Абова и др., 2003, с. 546]. Обеспечение независимости судебной власти фактически связывалось с участием (неучастием) в её деятельности исполнительных органов и наличием (отсутствием) полномочий на осуществление функций в сфере управления судами у судебных органов.

Негативное восприятие термина «судебное управление» и предпосылки его изменения

Советский опыт руководства судами, соотносившийся с понятиями «организационное руководство судами», «управление в области юстиции», «государственное руководство судами», «процессуальные и внепроцессуальные формы надзора» и др. [Абдулин, 2014, с. 16-36], сформировал негативное отношение к термину «судебное управление», вызванное восприятием деятельности Минюста как вмешательства в правосудие, противоречащее независимости судей [Мамыкин, Петухов, 2016, с. 24]. Поэтому в 1990-е годы появились возражения против идеи какого бы то ни было судебного управления, связанные с выполняемыми судебной властью функциями (формами). В 1998 г. В.А. Ржевский и Н.М. Чепурнова к формам осуществления судебной власти отнесли, в частности, судебное управление (цит. по: [Абова и др., 2003, с. 85]). В 2003 г. И.Л. Петрухин, указал, что «судебного управления уже давно нет (когда-то эта

¹ Основы уголовного судопроизводства Союза СССР и союзных республик от 25 декабря 1958 года // Свод законов СССР. 1990. Т. 10. С. 577.

² Конституция СССР 1977 г. // URL: https://constitution.garant.ru/history/ussr-rsfsr/1977/red_1977/5478732/ (дата обращения: 23.07.2024).

функция выполнялась Минюстом), деятельность Судебного департамента при Верховном Суде и в субъектах Федерации – не управление, не руководство, а не связанная с осуществлением правосудия работа по кадровому и материально-техническому обеспечению судов как предпосылка эффективного осуществления судебной власти, а не сама эта власть» [Абова и др., 2003, с. 85]. Но за более чем 30-летний период со времени принятия Концепции судебной реформы в РСФСР 1991 г. отношение к этому термину изменилось, и он используется аналитиками, что обусловлено рядом причин.

Системный подход к организации деятельности судебной власти

Во-первых, к процессу организации деятельности судебной власти стал применяться системный подход. Так, Б.В. Россинский указал на использование в работе судов различных каналов обратной связи (элемента системы управления организацией), наличие у судебной власти как у субъекта государственного управления форм и методов осуществления управленческой деятельности, разновидности социального управления [Россинский, 2023, с. 127-130]. И.Б. Михайловская при рассмотрении вопросов управления в судебной системе указала, что судья, являясь элементом организационной системы, подчиняется организационным законам, основанным на управленческих принципах [Михайловская, 2011, с. 23-33]. Д.А. Пяткин, Т.В. Андрейчук отметили, что системный подход к управлению в судебной системе даёт возможность более продуктивно реализовать основные управленческие функции, в полной мере обеспечивая безупречное и эффективное функционирование судебной системы [Пяткин, Андрейчук, 2024]. По мнению Ю.А. Цветкова, если участниками правовых отношений становятся субъекты, являющиеся элементами организационных систем (судов и т.д.), то эти отношения не являются чисто правовыми, а связаны с управленческими отношениями [Цветков, 2019, с. 74]. Р.В. Патюкова, М.Р. Комбаева предложили применить к судебной системе методы антикризисного управления [Патюкова, Комбаева, 2022]. Б.А. Едидин указал на возможность рассмотрения всей системы органов государственной власти, куда относятся и суды, как открытой, самоуправляемой, самоорганизующейся, развивающейся, сложной динамической системой с обратными связями [Едидин, 2005, с. 7]. Е.И. Алексеевская, рассматривая судебную систему с точки зрения теории систем, определила её как многоуровневую, сложную, структурно открытую, вариативную, подчиняющуюся определенным закономерностям, отметив невозможность постичь истинную природу феномена судебной системы России без общей теории систем и системного анализа, теории информации и организации [Алексеевская, 2020, с. 28]. Изложенное свидетельствует о том, что организация деятельности судебной власти рассматривается аналитиками в качестве организационной системы, обладающей механизмом реализации, состоящим взаимосвязанных элементов.

Формирование в Российской Федерации внутрисистемной организации деятельности судов

Во-вторых, внутри судебной системы сформирована организация деятельности, возникающая с принятием в 1989 г. Закона СССР «О статусе судей в СССР»¹, ставшего основой формирования независимой и сплоченной корпорации судей, и «возврата» применения термина «судебное управление» в новой формулировке – как «внутрисистемное судебное управление», то есть управление судейского сообщества [Кузнецова, 2021, с. 104]. С принятием Конституции 1993 г. стал применяться термин «административная самостоятельность судов», охватывающий внутрисистемную

¹ О статусе судей в СССР : Закон СССР от 04.08.1989 № 328-І. // Ведомости Съезда народных депутатов СССР и Верховного Совета СССР. 1989. № 9. Ст. 223.

организацию судебной деятельности [Бурдина, 2016, с. 44]. Процессы управления «в судебной системе» нашли отражение в теории в работах И.Б. Михайловской (см., например, [Михайловская 2007, 2012]). Т.Г. Морщакова к судебному управлению (администрированию) в широком смысле отнесла деятельность специальных органов судейского сообщества, функции, осуществляемые внутрисудебными органами управления, внепроцессуальные функции председателей судов на всех их уровнях [Морщакова, 2017 с. 83]. В.П. Кашепов рассматривает органы судейского сообщества как органы «государственного управления судебной системой» [Кашепов, 2011, с. 270]. С.В. Романов отмечает самостоятельность судебной власти в вопросах кадрового, финансового, иного обеспечения деятельности, относя их к «сфере судебного управления» [Арутюнян и др., 2022, с. 147-152]. О.В. Гутник определяет «институт судебного управления (органы судейского сообщества, управление судом) как неотъемлемую часть судебной системы»¹ [Гутник, 2017]. О.А. Капустин также указывает на реализацию управленческой функции руководителями судов, органами судейского сообщества во внутрисистемном судебном управлении деятельностью судов [Капустин, 2022, с. 12-41]. Управление внутри судебной системы определяется также терминами «организационное обеспечение деятельности судов (судебное администрирование)» [Романова, 2022, с. 103], «организационное обеспечение правосудия» [Северин, 1991], «организационно-вспомогательная деятельность по повышению качества правосудия» [Носкова, 2016, с. 19], «организационная деятельность судов» [Бобренев и др., 2016]. В целом, в литературе нет расхождений относительно содержания внутрисистемного управления как сферы организации деятельности судов, включающей организационное обеспечение деятельности судов, судейское самоуправление; внепроцессуальные функции руководителей судов; работу Судебного департамента РФ при Верховном Суде РФ, его подразделений.

Восприятие в России понимания судебного управления, сложившегося за рубежом

Еще одной причиной использования термина «судебное управление» явилось восприятие российской правовой системой норм и практики международного права. В ряде зарубежных правопорядков «не только применяются организационно-управленческие инструменты в отношении судебной системы, но и получают обоснование теории судебного управления и судебного администрирования как правовые теории» [Капустин, 2022, с. 12-41]. Термин «управление» и связанные с ним термины (иерархия, менеджмент) применяется в Европейской Хартии о статуте для судей 1998 г.²: «судьи привлекаются к принятию решений по управлению судами», «управление системой юстиции и конкретными судебными юрисдикциями», «судейская иерархия»; в Заключении КСЕС № 10 (2007) «О судебной системе на службе общества», принятом 23.11.2007³: «управление правосудием», «автономное управление судебной властью», «управление судебной системой»; в Заключении КСЕС от 23.11.2001 № 2 «О финансировании и управлении судами для обеспечения эффективности судебных

¹ Гутник О.В. 2017. Ломоносовские чтения 2017 года. Сборник материалов научной конференции (22 марта 2017 года, г. Севастополь): 99. URL: https://sev.msu.ru/wp-content/uploads/2017/06/Sbornik_Lomonosovskie-chteniya-2017-goda.pdf (дата обращения: 16.07.2024).

² Европейская Хартия о статуте для судей и Пояснительный Меморандум (Страсбург, 8-10 июля 1998 г.) // URL: <https://base.garant.ru/2559965> (дата обращения: 02.02.2024).

³ Консультативный Совет Европейских Судей (КСЕС) для Комитета министров Совета Европы Заключение n 10 (2007) «О судебной системе на службе общества», г. Страсбург, 21-23 ноября 2007 г. // URL: <https://e-ecolog.ru/docs/RXIMRRodCexIPvDJcYO8> (дата обращения: 02.02.2024).

органов и выполнения ст. 6 Европейской конвенции о правах человека»¹; в Заключении КСЕС от 24.11.2004 № 6 «По вопросу справедливого судебного разбирательства в разумный срок и роли судьи в судебном процессе с учетом альтернативных способов урегулирования споров»²: «судебный менеджмент» и др.

Термины «управление», «администрирование», используются в текстах конституций, законов, решений органов конституционного контроля зарубежных стран. Так, Закон Республики Армения «О регулировании управленческих отношений» от 23.03.2018³ указывает на их наличие в Конституционном суде в отношении Аппарата данного суда, в Высшем судебном совете в отношении судебного департамента. Согласно Конституция Республики Кыргызстан⁴ судебное самоуправление действует для решения вопросов внутренней деятельности судов. В Законе Республики Молдова «О судостроительстве» № 514 от 06.07.1995⁵ регламентировано управление судебными инстанциями. Руководители органов судебной власти по Конституции Республики Болгария⁶ именуются «административными руководителями». Конституции Венгрии⁷, Словацкой Республики⁸ указывают на участие органов судебного самоуправления в управлении судами. В силу Конституции Испании⁹ закон о судебной власти регулирует управление судами и трибуналами, Генеральный совет является органом управления судебной власти. Закон № 6/2002 Сб. «О судах, судьях, судьях и административном управлении судами и о внесении изменений в другие законы» Чешской Республики от 30.11.2001¹⁰ предусматривает осуществление Председателем суда или его заместителем государственного администрирования судов.

КС Чешской Республики¹¹ указал на некоторые функции председателей судов как относящиеся по своей природе к административной деятельности (не признав частью общего (государственного) администрирования по своему характеру); к ним Суд отнес полномочия по установлению рабочего графика, проверке судебных дел, надзору за качеством судебных разбирательств и рассмотрению жалоб, отметив возможность их влияния на реализацию судебной власти¹². КС Венгрии¹ отнес к судебному управлению

¹ Заключение КСЕС от 23.11.2001 № 2 «О финансировании и управлении судами для обеспечения эффективности судебных органов и выполнения ст.6 Европейской конвенции о правах человека» // URL: <https://rm.coe.int/1680747dde> (дата обращения: 16.07.2024).

² Заключение КСЕС от 24.11.2004 № 6 «По вопросу справедливого судебного разбирательства в разумный срок и роли судьи в судебном процессе с учетом альтернативных способов урегулирования споров» // URL: https://e-ecolog.ru/docs/jUrAyV4Hl1q1S9b3gvETw?utm_referrer=https%3A%2F%2Fyandex.ru%2F (дата обращения: 16.07.2024).

³ О регулировании управленческих отношений : Закон РА № 3Р-207 от 23.03.2018 // URL: <http://parliament.am/legislation.php?sel=show&ID=6287&lang=rus> (дата обращения: 02.07.2023).

⁴ Конституция Кыргызской Республики от 11.04.2021 г. // URL: <https://www.gov.kg/ru/p/constitution> (дата обращения: 18.08.2024).

⁵ О судостроительстве : Закон Республики Молдова № 514 от 06.07.1995 // URL: https://www.legis.md/cautare/getResults?doc_id=94438&lang=ru (дата обращения: 01.07.2023).

⁶ Конституция Республики Болгарии от 12.07.1991 (с изм. от 18.12.2015) // URL: <https://www.president.bg/cat115/Constitution-of-the-Republic-of-Bulgaria/> (дата обращения: 18.08.2024).

⁷ Конституция Венгрии от 18.04.2011 (в ред. 01.01.2024) // URL: <https://njt.hu/jogszabaly/en/2011-4301-02-00> (дата обращения: 18.08.2024).

⁸ Конституция Словацкой Республики // URL: <https://worldconstitutions.ru/?p=110> (дата обращения: 14.08.2024).

⁹ Конституция Испании 1978 г. (в ред. от 2011) // URL: <http://www.parliament.am/library/sahmanadrutyunner/ispania.pdf> (дата обращения: 19.08.2024).

¹⁰ Закон о судах, судьях, заседателях и государственном управлении судами от 30.11.2001 // URL: <https://www.zakonyprolidi.cz/cs/2002-6> (дата обращения: 19.08.2024).

¹¹ Постановление от 18 июня 2002 г. Дело Pl. US 7/02. Конституционный Суд Чешской Республики и некоторые его решения (с. 47-49) // URL: <http://www.ksrf.ru/ru/Info/External/ComparativeOverview/Documents/%D0%9A%D0%A1%20%D0%A7%D0%B5%D1%85%D0%B8%D0%B8.pdf> (дата обращения: 17.06.2022).

¹² Постановление от 11 июля 2006 г. Дело Pl. ÚS 18/06. Конституционный Суд Чешской Республики и некоторые его решения (с. 66-67) // URL: <http://www.ksrf.ru/ru/Info/External/ComparativeOverview/>

назначение судей, присвоение им званий министром юстиции; проверку президентом областного суда деятельности судьи; отметил допустимость административных воздействий извне и изнутри судебной системы. Верховный Суд Канады² признал административными по существу властные полномочия руководителя суда. КС Республики Молдова³ назначение председателя и заместителей председателя судов на неограниченный срок признал наносящими вред независимости «осуществления управления деятельностью высшей судебной инстанции».

Анализ текстов приведенных актов свидетельствует о том, что в них выделяется внешнее управление судами (например, со стороны Министра юстиции при решении вопросов о назначении на судейские должности, прекращении полномочий судей), и внутреннее управление (реализуемое руководителями судов, иногда с участием Министра юстиции), признаются административные (управленческие) полномочия в отношении судебной власти. Термины «управление», «администрирование», «самоуправление» применяются по отношению к судам, руководителям судов, органам судейского сообщества, секретариату, суда, автоматизированной системе распределения дел, Министру юстиции. Отмечаются факторы, влияющие на независимость управления судом извне, – назначение руководителей судов на неограниченный срок (Молдова), реализацию судебной власти изнутри – административные полномочия руководителей судов (Чешская Республика), при этом само по себе управление судами не отрицается, находит отражение на уровне Конституции или закона, в правоприменительной практике; судебная система воспринимается как объект, на который воздействуют процессы управления извне и внутри.

Заключение

С учетом исторически сложившегося в России восприятия термина «судебное управление» ключевым является вопрос о том, не свидетельствует ли «возврат» к его использованию об ограничении независимости судебной власти. С 1990-х годов на конституционном уровне судебная власть в Российской Федерации утверждена в качестве самостоятельного и независимого органа государственной власти; закреплён статус судьи на основе гарантий самостоятельности, независимости, неприкосновенности и несменяемости; созданы и действуют орган конституционного контроля, органы судейского сообщества, институт суда присяжных; преобразовано организационное устройство судебной системы и т. д.⁴ Такие результаты получены при реализации всех рассмотренных выше подходов к организации деятельности судебной системы. Вклад автора в науку конституционного права состоит в выявлении указанных подходов и демонстрации их направленности на укрепление независимости судебной власти – рассмотрение судебной системы как организационной системы обосновано

Documents/%D0%9A%D0%A1%20%D0%A7%D0%B5%D1%85%D0%B8%D0%B8.pdf (дата обращения: 17.06.2022).

¹ Решение от 11 июня 1993 г. HUN-93-2-011. Конституционный Суд Венгрии и некоторые его решения (с. 17-28) // URL: <http://www.ksrf.ru/ru/Info/External/ComparativeOverview/Documents/%D0%9A%D0%A1%20%D0%92%D0%B5%D0%BD%D0%B3%D1%80%D0%B8%D0%B8.pdf> (дата обращения: 16.06.2022).

² Верховный Суд Канады и некоторые его решения (с. 18-19) // URL: <http://www.ksrf.ru/ru/Info/External/ComparativeOverview/Documents/%D0%92%D0%A1%20%D0%9A%D0%B0%D0%BD%D0%B0%D0%B4%D1%8B.pdf> (дата обращения: 17.06.2022).

³ Конституционный Суд Республики Молдова и некоторые его решения (с. 20-23) // URL: <http://www.ksrf.ru/ru/Info/External/ComparativeOverview/Documents/%D0%9A%D0%A1%20%D0%9C%D0%BE%D0%BB%D0%B4%D0%BE%D0%B2%D1%8B.pdf> (дата обращения: 17.06.2022).

⁴ Постановление X Всероссийского съезда судей от 1 декабря 2022 г. № 1 «О развитии судебной системы Российской Федерации». URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/405810965/#review> (дата обращения: 30.10.2024).

необходимостью повышения эффективности правосудия с применением механизмов управления, исключающих давление на судей; международное право и опыт других стран оказали влияние на формирование обширного круга гарантий независимости судебной власти; с целью обеспечения судебской независимости создано внутрисистемное судебное управление. Не исключается вероятность наличия других факторов, которые изменили отношение к термину «судебное управление» в науке и в практике, и могли иным образом повлиять на состояние независимости судебной власти, что может составить предмет дальнейших научных исследований.

Список литературы

- Абдулин Р.С. 2015. Формирование и развитие судебного управления в России (февраль 1917 – январь 1998 гг.): диссертация доктора юридических наук, М.: 546.
- Абдулин Р.С. 2014. Судебное управление как структурно-функциональный элемент в системе советского государственного управления. *Genesis: исторические исследования*. 3: 16–36. DOI: 10.7256/2306-420X.2014.3.11044.
- Абова Т.Е. 2003. Судебная власть. М.: 720.
- Алексеевская Е.И. 2020. Суд. 2030. М.: 212.
- Арутюнян А.А. и др. 2022. Судостроительство и правоохранительные органы. М.: 768.
- Бобренов В.А. и др. 2016. Организация судебной деятельности. М.: 390 с.
- Бурдина Е.В. 2016. Правовая природа, организация и деятельность органов судейского сообщества в судебной системе России: диссертация доктора юридических наук. М.: 44.
- Едидин Б.А. 2005. Суд в системе органов государственной власти в России: автореферат диссертации кандидата юридических наук. М.: 24.
- Захарова П.В. 2018. Эволюция судебного управления в России (XVIII–XX века). *Историко-правовые проблемы: новый ракурс*. № 4. С. 73–80.
- Ильичев Л.Ф., Федосеев П.Н., Ковалев С.М., Панов В.Г. 1983. Философский энциклопедический словарь. М.: 839.
- Калачов Н.В. 1850. Мерило Праведное. Архив историко-юридических сведений, относящихся до истории России. М.: 1. 516.
- Капустин О.А. 2022. Организация судебной деятельности в современный период: диссертация кандидата юридических наук. М.: 12–41.
- Кашепов В.П. 2011. Конституционные принципы судебной власти Российской Федерации. М.: 420.
- Ковачев Д.А. 1997. Конституционный принцип: его понятие, реальность и фиктивность. *Журнал российского права*, 9: 71–77.
- Кузнецова Е.В. 2021. Судебное управление: основные походы к понятию и содержанию. *IUS PUBLICUM ET PRIVATUM*, 3 (13): 101–106.
- Мамыкин А.С., Петухов Н.А. 2016. Судебное управление (администрирование судами): прошлое, настоящее, будущее. *Российское правосудие*, 1: 22–42.
- Михайловская И.Б. 2007. Независимость судей и процессы управления в судебной системе. *Сравнительное конституционное обозрение*, 3 (60): 137–142.
- Михайловская И.Б. 2011. Соотношение процессуальных и управленческих отношений в уголовном судопроизводстве. *Государство и право*, 7: 23–33.
- Михайловская И.Б. 2012. Процессы управления в судебной системе. М.: 128.
- Морщакова Т.Г. 2007. Судебное управление в международных нормах «мягкого права» и российских практиках. *Сравнительное конституционное обозрение*, 1 (116): 81–94. DOI: 10.21128/1812-7126-2017-1-81-94.
- Новиков Д.А. и др. 2011. Механизмы управления. М.: 216.
- Носков И.Ю. 2016. Судебная деятельность: понятие, виды, основные характеристики: диссертация кандидата юридических наук. М.: 187.
- Носков И.Ю. 2018. К вопросу об употреблении понятия «организационное обеспечение» применительно к деятельности судов и судей. *Современное право*, 3: 52–57.
- Патюкова Р.В., Комбаева М.Р. 2022. Эффективный коммуникативный инструментарий управления кризисными ситуациями в деятельности органов судебной системы Российской Федерации. Коммуникационные процессы: теория и практика. Сборник материалов XVII международной научно-практической очно-заочной конференции. Краснодар: 219–227.

- Пяткин Д.А., Андрейчук Т.В. 2014. Теоретические аспекты системного подхода к управлению в судебной системе в контексте её реформирования. *Сборник трудов конференции «Судебные реформы в России: история и современность»*, СПб.: 291-295.
- Россинский Б.В. 2023. Проблемы государственного управления с позиций теории систем. М.: 264.
- Северин Ю.Д. 1991. Судебная реформа: Проблемы организационного обеспечения правосудия: автореферат диссертации кандидата юридических наук. М.: 32.
- Серов Д.О. 2011. Судебное управление в России: становление и организационные модели. *Администратор суда*, 2: 19–24.
- Тиганов А.И. 2012. Правовой статус судей в России в XVII – начале XX века: диссертация кандидата юридических наук. Курск, 255.
- Цветков Ю.А. 2019. Независимость судей в механизм управления судебной системой. *Российский журнал правовых исследований*, Том 6. 1 (18): 73–88.
- Щедрина Ю.В. 2015. Становление и развитие гарантий обеспечения независимости судей в России во второй половине XIX – начале XX вв.: автореф. дис. д-ра юр. Н., Курск: 38.

References

- Abduln R.S. 2015. Formirovanie i razvitie sudebnogo upravleniya v Rossii (fevral' 1917 – yanvar' 1998gg.): dissertaciya doktora yuridicheskikh nauk [Formation and development of judicial administration in Russia (February 1917 – January 1998)], М.: 546.
- Abduln R.S. Judicial administration as a structural and functional element in the system of Soviet public administration [Judicial administration as a structural and functional element in the system of Soviet public administration]. *Genesis: historical research*, 3: 16–36. DOI: 10.7256/2306-420X.2014.3.11044.
- Abova T.E. 2003. Sudebnaya vlast' pod red. I. L. Petruhina. [Judicial power]. М., ООО "TK Velbi": 720.
- Alekseevskaya E.I. 2020. Sud. 2030 [Court. 2030] М., Infotropik Media: 212.
- Arutyunyan A.A. i dr. 2022. Sudoustrojstvo i pravoohranitel'nye organy [Judicial system and law enforcement agencies]. М., Gorodec: 768.
- Bobrenov V.A. i dr. 2016. Organizaciya sudebnoj deyatel'nosti: uchebnik [Organization of judicial activity: textbook]. М., RGUP: 390.
- Burdina E.V. 2016. Pravovaya priroda, organizaciya i deyatel'nost' organov sudejskogo soobshchestva v sudebnoj sisteme Rossii: dissertaciya doktora yuridicheskikh nauk [Legal nature, organization and activities of the bodies of the judicial community in the judicial system of Russia]. М.: 44.
- Edidin B.A. 2005. Sud v sisteme organov gosudarstvennoj vlasti v Rossii: avtoreferat dissertacii kandidata yuridicheskikh nauk [The court in the system of state authorities in Russia]. М.: 24.
- Zaharova P.V. 2018. Evolyuciya sudebnogo upravleniya v Rossii (XVIII-XX veka) [Evolution of judicial administration in Russia (XVIII-XX centuries)]. *Istoriko-pravovye problemy: novyj rakurs*. 4: 73-80.
- Il'ichev L.F., Fedoseev P.N., Kovalev S.M., Panov V.G. 1983. Filosofskij enciklopedicheskij slovar' [Philosophical Encyclopedic Dictionary]. М.: 839.
- Kalachov N.V. 1850. Merilo Pravednoe. Arhiv istoriko-yuridicheskikh svedenij, otnosyashchih k istorii Rossii [The Righteous Measure. Archive of historical and legal information relating to the history of Russia]. М., Sovetskaya enciklopediya: 1. 516.
- Kapustin O.A. 2022. Organizaciya sudebnoj deyatel'nosti v sovremennyy period: dissertaciya kandidata yuridicheskikh nauk [Organization of judicial activity in the modern period: dissertation of a candidate of legal sciences]. М.: 12–41.
- Kashepov V.P. 2011. Konstitucionnye principy sudebnoj vlasti Rossijskoj Federacii [Constitutional principles of the judicial power of the Russian Federation]. М., YUrisprudenciya: 420.
- Kovachev D.A. 1997. Konstitucionnyj princip: ego ponyatie, real'nost' i fiktivnost' [Constitutional principle: its concept, reality and fictitiousness]. *ZHurnal rossijskogo prava*, 9: 71–77.
- Kuznecova E.V. 2021. Sudebnoe upravlenie: osnovnye pohody k ponyatiyu i soderzhaniyu [Judicial management: main approaches to the concept and content]/ *IUS PUBLICUM ET PRIVATUM*, 3 (13): 101–106. (In Russian).
- Mamykin A.S., Petuhov N.A. 2016. Sudebnoe upravlenie (administrirovanie sudami): proshloe, nastoyashchee, budushchee [Judicial Management (Court Administration): Past, Present, Future]. *Rossiyskoe pravosudie*, 1: 22–42.
- Mihajlovskaya I.B. 2007. Nezavisimost' sudej i processy upravleniya v sudebnoj sisteme [Independence of judges and governance processes in the judicial system]. *Sravnitel'noe konstitucionnoe obozrenie*, 3 (60): 137–142.

- Mihajlovskaya I.B. 2011. Sootnoshenie processual'nyh i upravlencheskih otnoshenij v ugolovnom sudoproizvodstve [The relationship between procedural and administrative relations in criminal proceedings]. *Gosudarstvo i pravo*, 7: 23–33.
- Mihajlovskaya I.B. 2012. Processy upravleniya v sudebnoj sisteme [Management processes in the judicial system: a study guide]. M., Prospekt: 128.
- Morshchakova T.G. 2007. Sudebnoe upravlenie v mezhdunarodnyh normah «myagkogo prava» i rossijskih praktikah [Judicial governance in international soft law norms and Russian practices]. *Sravnitel'noe konstitucionnoe obozrenie*, 1 (116): 81–94. DOI: 10.21128/1812-7126-2017-1-81-94.
- Novikov D.A. i dr. 2011. Mekhanizmy upravleniya [Control mechanisms: a tutorial]. M., URSS (Editorial URSS): 216.
- Noskov I. YU. 2016. Sudebnaya deyatel'nost': ponyatie, vidy, osnovnye harakteristiki: dissertaciya kandidata yuridicheskij nauk [Judicial activity: concept, types, main characteristics]. M.: 187.
- Noskov I. YU. 2018. K voprosu ob upotreblenii ponyatiya «organizacionnoe obespechenie» primenitel'no k deyatel'nosti sudov i sudej [On the issue of using the concept of “organizational support” in relation to the activities of courts and judges]. *Sovremennoe pravo*, 3: 52–57.
- Patyukova R.V., Kombaeva M. R. 2022. Effektivnyj kommunikativnyj instrumentarij upravleniya krizisnymi situacijami v deyatel'nosti organov sudebnoj sistemy Rossijskoj Federacii [Effective communication tools for crisis management in the activities of the judicial system of the Russian Federation]. *Kommunikacionnye processy: teoriya i praktika. Sbornik materialov XVII mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoj ochno-zaochnoj konferencii*. Krasnodar: 219–227.
- Pyatkin D. A., Andrejchuk T. V. 2014. Teoreticheskie aspekty sistemnogo podhoda k upravleniyu v sudebnoj sisteme v kontekste eyo reformirovaniya [Theoretical aspects of a systems approach to management in the judicial system in the context of its reform] *Sbornik trudov konferencii «Sudebnye reformy v Rossii: istoriya i sovremennost'»*, SPb.: 291–295
- Rossinskij B. V. 2023. Problemy gosudarstvennogo upravleniya s pozicij teorii system. [Problems of public administration from the standpoint of systems theory]. M., Norma: INFRA-M: 264.
- Severin YU. D. 1991. Sudebnaya reforma: Problemy organizacionnogo obespecheniya pravosudiya: avtoreferat dissertacii kandidata yuridicheskij nauk [Judicial reform: Problems of organizational provision of justice]. 32.
- Serov D.O. 2011. Sudebnoe upravlenie v Rossii: stanovlenie i organizacionnye modeli. *Administrator suda*, 2: 19–24.
- Tiganov A. I. 2012. Pravovoj status sudej v Rossii v XVII – nachale XX veka: dissertaciya kandidata yuridicheskij nauk [Legal status of judges in Russia in the 17th – early 20th centuries]. Kursk: 255.
- Cvetkov YU. A. 2019. Nezavisimost' sudej v mekhanizm upravleniya sudebnoj sistemoj [Independence of judges in the mechanism of governance of the judicial system]. *Rossijskij zhurnal pravovyh issledovanij*, 6. 1(18): 73–88.
- Shshedrina YU. V. 2015. Stanovlenie i razvitie garantij obespecheniya nezavisimosti sudej v Rossii vo vtoroj polovine XIX – nachale XXvv.: avtoreferat dissertacii doktora yuridicheskij nauk [Formation and development of guarantees for ensuring the independence of judges in Russia in the second half of the 19th – early 20th centuries], Kursk: 38.

Конфликт интересов: о потенциальном конфликте интересов не сообщалось.

Conflict of interest: no potential conflict of interest has been reported.

Поступила в редакцию 18.09.2024

Поступила после рецензирования 21.10.2024

Принята к публикации 30.10.2024

Received September 18, 2024

Revised October 21, 2024

Accepted October 30, 2024

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Кравцова Лариса Евгеньевна, старший преподаватель кафедры уголовного права, Амурский государственный университет, г. Благовещенск, Россия.

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Larisa E. Kravtsova, Senior Lecturer, Department of Criminal Law, Amur State University, Blagoveshchensk, Russia.

УДК 342

DOI 10.52575/2712-746X-2025-50-1-102-110

Конституционное право на высшее образование в России: курс на потребности государства и общества

Куксин И.Н.

Московский городской педагогический университет,
Россия, 129226, г. Москва, 2-й Сельскохозяйственный проезд, д. 4
Белгородский государственный национальный исследовательский университет,
Россия, 308015, г. Белгород, ул. Победы, д. 85
proffKuk-1944@yandex.ru

Аннотация. В настоящий период перед российским обществом в числе других стоят приоритетные задачи – достичь демилитаризации и денацификации Украины и осуществить переход на новые уровни образования. 19 ноября 2024 года Председатель Правительства РФ М.В. Мишустин провел стратегическую сессию по вопросам развития общего и профессионального образования. На сессии были определены подходы к тому, как университеты и колледжи должны организовывать свою деятельность, чтобы выпускать специалистов, которые бы максимально отвечали потребностям экономики и социальной сферы. Было также заявлено о необходимости сформировать четкую систему оценки качества образования на каждом ее уровне. 10 декабря 2024 года Президент России В.В. Путин обсудил с членами Совета по развитию гражданского общества и правам человека комплекс вопросов, где затрагивались и проблемы образования. С учетом остроты указанной проблемы, автор указывает на накопившиеся недочеты в этой области и вносит ряд предложений, касающихся дальнейшего совершенствования юридического образования и особенно его мировоззренческой направленности.

Ключевые слова: образование, Совет по развитию гражданского общества и правам человека, молодежная политика, Единый государственный экзамен, специальная военная операция, Стратегия развития образования

Для цитирования: Куксин И.Н. 2025. Конституционное право на высшее образование в России: курс на потребности государства и общества. *NOMOTHETIKA: Философия. Социология. Право*, 50(1): 102–110. DOI: 10.52575/2712-746X-2025-50-1-102-110

The Constitutional Right to Higher Education in Russia: a Course Towards the Needs of the State and Society

Ivan N. Kuksin

Moscow City Pedagogical University,
4 2nd Selskokhozyaystvenny Passage, Moscow 129226, Russian Federation
Belgorod State National Research University,
85 Pobedy St, Belgorod 308015, Russian Federation
proffKuk-1944@yandex.ru

Abstract. Russia's priority tasks today include the demilitarization and denazification of Ukraine and the transition to new levels of education. On November 19, 2024, the Russian Prime Minister Mikhail Mishustin held a strategic session on the development of general and vocational education. The session identified approaches to how universities and colleges should organize their activities in order to train specialists who would best meet the needs of the economy and the social sphere. The speakers also stated the need to create a transparent system for assessing the quality of education at each of its levels. On December 10, 2024, Russian President Vladimir Putin discussed with members of the Council for the

© Куксин И.Н., 2025

Development of Civil Society and Human Rights a range of issues that also addressed education. Taking into account the severity of this problem, the author points out the accumulated shortcomings in this area and makes a number of proposals for further improvement of legal education, especially its ideological focus.

Keywords: education, Council for the Development of Civil Society and Human Rights, youth policy, Unified State Exam, special military operation, Education Development Strategy

For citation: Kuksin I.N. 2025. The Constitutional Right to Higher Education in Russia: a Course Towards the Needs of the State and Society. *NOMOTHETIKA: Philosophy. Sociology. Law*, 50(1): 102–110 (in Russian). DOI: 10.52575/2712-746X-2025-50-1-102-110

Введение

10 декабря во всем мире отмечается День прав человека, который был установлен резолюцией Генеральной Ассамблеи ООН, принятой 4 декабря 1950 года. Значимость и полезность этого документа для человечества подтверждены всем ходом послевоенного исторического периода, а в настоящее время он приобрел еще большую востребованность в связи с незащищенностью прав многих народов мира. В этом документе провозглашены и закреплены права людей независимо от расы, национальности, религии, пола и убеждений.

Не случайно именно 10 декабря 2024 года было проведено ежегодное заседание Совета по развитию гражданского общества и правам человека (далее – СПЧ), в рамках которого состоялся диалог между представителями гражданского общества и государством. Президент России В.В. Путин, открывая заседание Совета, обозначил перечень вопросов, которые поставлены на повестку, – это защита прав участников специальной военной операции, механизм поиска без вести пропавших в зоне боевых действий, школьное образование, проблемы уголовно-исполнительной системы и о Едином государственном экзамене. Глава Российского государства особо подчеркнул, что «интересы россиян – первоочередная задача, и СПЧ играет ключевую роль в обеспечении их прав и свобод»¹.

Руководство страны, начиная с ноября 2004 г., через СПЧ выявляет и решает актуальнейшие проблемы, которые касаются подавляющего большинства россиян, чтобы наиболее полно удовлетворить их интересы в разнообразных ракурсах и сопряжениях. В научном плане это не раз акцентировалось в статейных и монографических форматах [Мархгейм, 2021, 2024; Новикова, 2013, 2021; Конституционно-правовые институты..., 2024]. Разноплановое и открытое обсуждение проблем прав человека в научном и практическом ключах служит примером заинтересованного конструктивного длящегося взаимодействия институтов публичной власти и гражданского общества, прежде всего в лице некоммерческих организаций, роль которых отмечалась не только в выступлениях членов Совета², но и в научной литературе [Куksин, Шухов, 2020]. Общий курс на удовлетворение социальных интересов россиян – реализация права на жилище, на образование, на достойную оплату и пенсию – дает основание утверждать, что и глава государства, и СПЧ, и некоммерческие организации выступают с партнерских позиций, конечно с учетом ресурсов каждой стороны.

Анализируя те вопросы, которые были поставлены участниками СПЧ перед руководством страны, можно констатировать, что они касались самых разных областей. По словам Президента России, «мы действуем для людей и ради людей, и, конечно, люди

¹ Что сказал Путин на заседании СПЧ: курс на защиту прав россиян и поддержку СВО // URL.: <https://fedpress.ru/news/77/policy/3352972>

² Заседание Совета по развитию гражданского общества и правам человека // <http://www.kremlin.ru/events/president/news/75816>

должны знать об этом ...»¹. Соответственно есть основания для ориентированности власти на интересы российских граждан, в том числе в сфере высшего образования. Приведем один из научных выводов о советском опыте конституирования высшего образования, согласно которому «уроки этого периода отечественного конституционного развития нашей страны сквозь призму права на высшее образование интересны и полезны для сегодняшней России, определенно ищущей путь к возвращению некогда лучшего в мире образования [Мархгейм, Гаврилина, 2024, с. 75].

С учетом изложенного автором в качестве предмета исследования вычленена проблема российского образования, которая была акцентирована участниками Совета, поскольку в наступивших новых условиях она требует дальнейшего пристального обсуждения в целях совершенствования отечественного высшего образования в интересах государства и общества. В рамках предмета выделен ряд принципиальных аспектов, на которых и сосредоточено авторское внимание.

Роль общественных и гуманитарных наук в патриотическом воспитании молодежи

Одной из приоритетных задач, которая требует незамедлительного решения, – это задача дальнейшего реформирования российского общественного и гуманитарного образования и его качества.

Особенностью нынешнего гуманитарного образования является то, что оно тесно связано с надстройкой. Практикой государственного строительства многих стран мира подтверждается, что при социальных потрясениях (будь то перестройка, революция и прочее) общественные и гуманитарные науки более всего подвержены пересмотру. Более того, со стороны новой власти к этим наукам вырабатывается определенный уровень скептицизма, недооценки их роли в служении интересам общества. Те негативные процессы, которые имеют место в гуманитарной области российского образования как раз и доказывают приведенные утверждения. Иначе как можно объяснить, когда с выходом Указа Президента Российской Федерации от 21 сентября 2022 г. № 647 «Об объявлении частичной мобилизации в Российской Федерации»² из России бежало в Казахстан, Грузию, Финляндию, Монголию, Кыргызстан, Армению, Узбекистан, Таджикистан, Азербайджан, Турцию, Египет и ОАЭ около миллиона человек³? Надо признать, что это последствие той молодежной, культурной политики, которой фактически не было. Была только имитация. За тридцать с лишним лет такой политики в определенной части молодежи произошли негативные изменения, породившие бездуховность, эгоизм, бескультурье, потребительское отношение к действительности, неуважение к старшим, озлобленность.

Переломный момент в молодежной политике наступил с началом проведения специальной военной операции. Наметилась тенденция к началу нового, живого и энергичного. Сегодня уже видны первые результаты в области патриотического воспитания подрастающего поколения. Например, набирают силу в своем развитии такие нужные проекты, как «Зарница 2.0», «Хранители памяти», «Движение первых», «Защитники Отечества», «письма на фронт». Так, наши бойцы на передовой получили более трех миллионов посланий, и в каждом из них – поддержка, которая очень много

¹ Что сказал Путин на заседании СПЧ: курс на защиту прав россиян и поддержку СВО // URL.: <https://fedpress.ru/news/77/policy/3352972>

² Указ Президента РФ от 21.09.2022 № 647 «Об объявлении частичной мобилизации в Российской Федерации» // URL.: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_426999/ (дата обращения 24.11.2024).

³ Кремль оценил число бежавших от мобилизации россиян в миллион человек // <https://dzen.ru/a/YzwxtHL4JhezYbfQ?ysclid=m88tftzdnn235822876>

значит для них, согревает их души. А участники «Движение первых» своими главными ценностями называют «жизнь и достоинство», «патриотизм», «добро и справедливость», «созидательный труд», «крепкая семья», «взаимопомощь и взаимоуважение», «единство народов России», «историческая память», «служение Отечеству». Сделаны важные и показательные кадровые назначения. Например, Президент России своим указом назначил ветерана специальной военной операции, героя России Артура Орлова новым председателем правления Российского движения детей и молодежи «Движение Первых»¹. И это только первые шаги, привносящие новые идеи в молодежное воспитание.

Если посмотреть на опыт молодежной политики СССР образца 1930-х годов, то в ней была главная идея – общее Дело. Строилось общество будущего, общество знания, служения и созидания. В результате вводились такие ценности, как знание, творчество, нацеленность на будущее. Авиация, глубины океана, космос, ядерная энергетика – все это закреплялось реальными достижениями народного хозяйства, науки и техники. Автор не призывает копировать прошлое, но и нельзя игнорировать то положительное, что было в истории нашего государства.

Касаясь проблем молодежи, нельзя не упомянуть и о пресловутом едином государственном экзамене (ЕГЭ) (заимствовано с Запада), о необходимости или вредности которого российское общество размышляет не одно десятилетие. Несмотря на то, что практически в каждую сессию в Государственную Думу депутатами вносятся законопроекты, связанные с реформированием ЕГЭ, до сих пор, как заявил депутат Петр Толстой, «мы не нашли с правительством общих подходов к этой проблеме»². Не мог ее обойти в своем докладе на заседании СПЧ ее глава В.А. Фадеев – это «...проблема необразованности молодых людей, которых в школах просто натаскивают на ЕГЭ»³. Для убедительности он сослался на данные опроса, проведенного ВЦИОМ по школьной программе. На вопросы «куда впадает река Волга?», «что означает слово "Кузбасс"?», «кого убил Чичиков в поэме Гоголя "Мертвые души"?» правильный ответ дали из молодых людей в возрасте от 18 до 24 лет только 18 процентов⁴.

Известно, что от состояния национальной системы образования напрямую зависит эффективность взаимодействия личности и государства. Именно через образование государство добивается главной своей цели – заложить в сознание гражданина желание и стремление строить личные и деловые отношения на принципах равенства, диалога, взаимного уважения. Через образование формируется мировоззрение молодых людей. В этой связи до сих пор нет однозначного ответа на вопрос: правильно ли было при принятии Конституции Российской Федерации вводить запрет на государственную идеологию (ст. 13), «перейдя к бездумному копированию западных ценностей, не соответствующих нашему цивилизационному коду и историческому опыту ...»⁵. По прошествии более тридцати лет со дня принятия Конституции можно с уверенностью констатировать, что это был сознательный шаг ельцинской правящей верхушки, интересы которой не совпадали с национальными интересами России. «Не могла же она в Основном законе узаконить идеологию грабежа советского наследия, построения дикого капитализма с социальным расслоением» [Куксин, Матюхин, 2023, с. 139]. Поэтому

¹ Указ Президента Российской Федерации от 14.09.2024 № 790 «О Председателе Правления Общероссийского общественно-государственного движения детей и молодежи «Движение первых» // <http://www.kremlin.ru/acts/bank/51102>

² Зампред Госдумы Толстой о ЕГЭ: в России не приживаются заимствования с Запада // URL.: <https://woman.rambler.ru/children/52457062-zampred-gosdumy-tolstoy-o-ege-v-rossii-ne-prizhivayutsya-zaimstvovaniya-s-zapada/> (дата обращения 28.10.2024)

³ Кремль оценил число бежавших от мобилизации россиян в миллион человек // URL.: <https://dzen.ru/YzwxHtHL4JxezYbfQ> (дата обращения 28.10.2024)

⁴ Миссия защиты // Российская газета. 2024, 11 декабря

⁵ Эскандеров М., Пляйс Я. О фундаментальности фундаментально // Российская газета. 2024, 16 апреля.

следует признать, что отказ от государственной идеологии был большой сознательной стратегической ошибкой, ибо ни одна страна мира не имеет в своей конституции запрета на идеологию.

Ради справедливости следует констатировать, что нынешним руководством страны предпринимаются конкретные меры, направленные на частичное исправление данного положения. Так, был подписан Президентом России Указ от 9 ноября 2022 г. № 809 «Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей»¹. Этот документ является основой при построении воспитательной системы, ориентированной на молодежь, и учебно-методической базы вузовского образования.

Как представляется автору, следующим шагом, скорее всего в будущем, станет пересмотр позиции ст. 13 Конституции в силу ее противоречия государственным интересам. Внедрение западных ценностей в российскую действительность породили не только в сознании молодежи, но и в значительной части нашего взрослого населения утрату идеологических ориентиров и нравственных основ. Однако последнее десятилетие XXI в. наглядно показывает, что Россия умеет извлекать уроки из 90-х годов прошлого века. С трудом, но уверенно Россия освобождается от той модели, которую ей уготовили реформаторы и их западные покровители, а именно превратить ее в послушного вассала и ресурсную колонию. И подтверждением данного вывода являются те боевые успехи, которые нам демонстрирует Российская армия на поле боя, двигаясь к достижению целей специальной военной операции.

Крах в России западной модели образования

Текущий период развития российского общества настоятельно диктует «выкорчевывать» западные ценности, которые были взяты за образец в такой чувствительной сфере, как образование, в том числе и в его базовой мировоззренческой части. Те, кто стоял у истоков «новой» политики в этой области, начиная с 90-х годов прошлого столетия «в основу перестройки образования положили признание западной модели образования...» [Куксин, 2014, с. 68]. Уже тогда многие видные юристы убеждали общественность, что «...качество подготовки юридических кадров – это в конечном счете проблема конституционной безопасности; причем она (безопасность) в одинаковой степени касается как общества и государства, так и каждой конкретной личности. Ведь конституционная безопасность и есть не что иное, как состояние защищенности жизненных интересов личности, общества и государства на основе последовательного обеспечения верховенства права, баланса конституционных ценностей» [Бондарь, 2014, с. 28]. Это положение принадлежит профессору Н.С. Бондарю, судье Конституционного Суда Российской Федерации в отставке.

Внедрялся в образовательную практику и такой подход, когда, например, в «юридическую» магистратуру зачисляли желающих получить образование в рамках магистерской подготовки, но не имевших базового образования, т. е. не владевших отраслевыми юридическими знаниями. Ведь магистр – это следующая, более высокая образовательная ступень, освоение которой возможно только при наличии исходной базы, в качестве которой могут выступать только знания бакалавра юриспруденции либо юриста-специалиста. В Европе, например во Франции, нельзя поступить в юридическую магистратуру, если отсутствует предшествующая ступень подготовки в юридической сфере.

Автор разделяет мнение тех, кто утверждает, что «так называемый компетентностный подход к обучению и Болонская система, практика не изучения

¹ Указ Президента Российской Федерации от 09.11.2022 № 809 «Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей» // URL.: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/48502> (дата обращения 28.10.2024).

школьных предметов, а натаскивание к ЕГЭ принесли свои «несъедобные плоды». Уровень культуры (особенно гуманитарной), способность выражать свои мысли и усваивать новые знания у поколения, которое училось в школе после 2000 г., сильно упал по сравнению с предшественниками»¹.

Возвратим российскому образованию фундаментальность

Не первый год мы говорим о том, что высшее образование теряет фундаментальность, особенно в области гуманитарной подготовки. И как будто бы на всех уровнях это все понимают. Но на практике реальная картина не меняется. К чему это ведет? А ведет это к тому, что современный студент не приучен к познанию глубокого теоретического материала. Представляется, что это связано с тенденцией получать научную информацию не из источника, а из интернета без попытки ее глубокого осмысления. Возьмем, к примеру, область юриспруденции. Это сложная область знаний и требует к себе системности в овладении ее теоретической части. Ввиду отсутствия фундаментальности знаний у большинства студентов вырабатывается поверхностный подход к сложному теоретическому материалу. Это особенно проявляется, когда они готовятся и выступают с научными сообщениями на конференциях, семинарах. Действительный смысл цитируемого материала ими не всегда всесторонне прорабатывается в силу отсутствия общетеоретических знаний, и, соответственно, они затрудняются дать развернутое аргументированное толкование.

Вторая сторона фундаментальности включает мировоззренческую составляющую. Ее необходимо наращивать. Можно быть высококласным профессионалом, но быть антипатриотом. Начало специальной военной операции на Украине лучшее этому подтверждение. Следует согласиться, что мировоззренческая фундаментальность из-за неустойчивости идейных ценностей подвержена деформации. Например, выпускники вуза предшествующей и нынешней общественно-экономической системы будут отличаться, причем существенно, именно по критерию мировоззренческой фундаментальности. Поэтому одной из задач российского высшего образования является поиск и внедрение через преподавание предметов гуманитарного профиля действенных воспитательных инструментов, чтобы выпускник был профессионально ориентированным патриотом. Выпускник со слабо сформированными гражданско-патриотическими свойствами личности, вероятнее всего, не будет трудиться на благо Родины, заботиться о защите и развитии своего государства.

И еще одна примета сегодняшнего студента, которая также влияет на качество профессиональных знаний: многие студенты стремятся как можно раньше приступить к практической деятельности. Они считают, что получают хороший практический опыт. Казалось бы, такое стремление надо только поддерживать. Но все должно быть в меру. Именно начало обучения в высшем учебном заведении, а это, как правило, первый и второй курс, закладывают теоретическую базу профессионального образования. «Профессиональные основы будущего специалиста, – отмечал Президент России В.В. Путин в послании Федеральному Собранию 29 февраля 2024 г. – закладываются на первых курсах, где преподаются фундаментальные дисциплины»². На практике совмещение обучения и практической деятельности приводит к пропускам занятий и в конечном итоге к пробелам в знаниях. Этот изъян сказывается на фундаментальных знаниях. В дальнейшем такой студент не всегда может оценить законность правоприменительной практики и тиражирует ошибки, встает на путь ремесла. Эти вопросы требуют разумного регулирования с тем, чтобы не снижать качество теоретического обучения.

¹ Четверикова А. Яблочко, куда ты? // Российская газета. 2024, 16 декабря.

² Послание Президента РФ Федеральному Собранию от 29.02.2024 // URL.: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_471111/ (дата обращения 28.10.2024).

Надо признать, что сегодня высшее образование стало гораздо более доступным, что тоже играет не всегда положительную роль. Зачастую получать образование приходят не очень мотивированные абитуриенты. Задача вуза в данной ситуации – это, конечно, повышать мотивацию, находить баланс между теорией и практикой, делать занятия более интересными, привлекать к учебному процессу практикующих юристов. Конечно, юридическое образование должно быть прогрессивным, развиваться и модернизироваться с учетом потребностей рынка труда.

В настоящий период российское образование на очередном витке реформирования. На основании Указа Президента Российской Федерации от 12 мая 2023 г. № 343 «О некоторых вопросах совершенствования системы высшего образования»¹ шестью российскими вузами проводится пилотный проект, направленный на изменение уровней профессионального образования. Он предусматривает следующие уровни высшего образования: базовое высшее образование – срок освоения программы от четырех до шести лет и специализированное высшее образование от одного года до трех лет в зависимости от направления подготовки, специальности и (или) профиля подготовки. Аспирантура (адъюнктура) становится третьей ступенью профессионального образования. Она будет готовить научные и научно-практические кадры. Поступить смогут люди с базовым высшим образованием, но со сроком обучения не менее пяти лет или выпускники магистратуры.

Под руководством вице-премьера России Д.Н. Чернышенко разрабатывается Стратегия развития образования на период до 2036 года с перспективой до 2040 года. В эту масштабную работу вовлечено более 650 экспертов: представители сферы образования, бизнес-сообществ, институтов развития и органов власти, а также учёные, общественные деятели и родители.

По заявлению министра науки и высшего образования Российской Федерации В.Н. Фалькова, «один из ключевых вызовов для всей системы образования связан с качеством и количеством подготовки соответствующих квалифицированных кадров. Необходимо выстроить работу таким образом, чтобы зазор между системой высшего образования и рынком труда, был минимальным. Это предполагает достаточно серьезные корректировки по профилю образовательных программ вузов, по работе всей инфраструктуры, связанной с государственными образовательными стандартами и необходимостью внесения оперативных изменений. Все эти вопросы мы планируем должным образом учесть в Стратегии»².

Документ готовится по поручению Президента России и будет представлен на обсуждение российскому обществу весной 2025 года. Как заявил Председатель Правительства М.В. Мишустин 19 ноября 2024 г., это будет наш фундаментальный документ. Он определит основные векторы развития образования на ближайшие полтора десятилетия. Пока в России нет такого документа, который бы включал в себя все основные задачи развития образования. Они распределены в других проектах. Например, кроме национального проекта «Образование», существует государственная программа «Развитие образования» с разделом «Стратегические приоритеты в сфере реализации госпрограммы до 2030 года», а также отдельный проект по развитию высшего образования – «Приоритет-2030».

¹ Указ Президента Российской Федерации от 12.05.2023 № 343 «О некоторых вопросах совершенствования системы высшего образования» // URL.: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202305120005> (дата обращения 28.10.2024).

² Чернышенко рассказал о разработке Стратегии развития образования // URL.: <https://iz.ru/1809699/2024-12-18/chernyshenko-rasskazal-o-razrabotke-strategii-razvitiia-obrazovaniia> (дата обращения 18.12.2024).

Заклучение

В современных условиях российское гуманитарное образование должно быть ориентировано на выполнение следующих задач.

1. В условиях конституционного запрета государственной идеологии в основу системы воспитания и учебно-методической базы вузовского образования должен быть положен Указ Президента Российской Федерации № 809, где изложены те ценности, на основе которых должна строиться мировоззренческая часть фундаментальности образования.

2. В готовящейся Стратегии развития образования должны найти отражения основы, дающие направления профессорско-преподавательскому составу, как через преподаваемые дисциплины формировать фундаментальную мировоззренческую и профессиональную составляющие.

3. Фундаментальность мировоззрения должна найти место прежде всего в общественных и гуманитарных дисциплинах, отбор которых осуществляет самостоятельно каждый вуз и распределяет их таким образом, чтобы они сопровождали студента с первого до завершающего курса обучения.

Современной России нужен активный гражданин-патриот – настроенный на созидание и ориентированный на государственные и семейные интересы. Это те оптимальные условия, которые позволят как в настоящем, так и в ближайшей перспективе не только сохранять, но и развивать российское образование.

Список литературы

- Бондарь Н.С. 2014. Современные ориентиры российского юридического образования: национальные традиции и космополитические иллюзии. М., Юрист: 72 с.
- Безуглая А.А., Гелуненко В.В., Мархгейм М.В., Никонова Л.И., Новикова А.Е. 2024. Конституционно-правовые институты стран мира: взгляд российских ученых-юристов. Под общ. ред. проф. М.В. Мархгейм. Deutschland, Gelsenkirchen, Henze Verlag. 200 с.
- Куксин И.Н. 2014. О некоторых проблемах юридического образования. *Историко-правовые проблемы: новый ракурс*, 9: 67-76.
- Куксин И.Н., Матюхин А.А. 2023. Конституция как основа государственной идеологии: постановка проблемы. *Теория государства и права*, 4(33): 137-144. DOI: 10.25839/MATGIP_2023_4_137
- Куксин И.Н., Шухов Ф.Г. 2020. Поправки к Конституции России в фокусе общественных объединений. *Наука и образование: хозяйство и экономика; предпринимательство; право и управление*, 5(120): 65-69.
- Мархгейм М.В. 2024. Феномен интереса в советской конституционно-регулятивной призмe. *Вопросы государства и права*, 2(5): 42-48. DOI 10.24888/2949-3293-2024-2-5-42-48
- Мархгейм М.В. 2021. Право на национальность в фабуле конституционных поправок и национальных интересов. *Наука и образование: хозяйство и экономика; предпринимательство; право и управление*, 8(135): 54-56.
- Мархгейм М.В., Гаврилина Т.А. 2024. Конституционное право на высшее образование: советский вклад в гарантирование. В кн.: Права человека: история, теория, практика. Сборник научных статей XII Всероссийской научно-практической конференции. Курск: 72-75.
- Новикова А.Е. 2013. Политико-правовой аспект управления правозащитными рисками в российской федерации. *Наука и образование: хозяйство и экономика; предпринимательство; право и управление*, 7(38): 57-63.

References

- Bondar' N.S. 2014. Sovremennye orientiry rossijskogo yuridicheskogo obrazovaniya: nacional'nye tradicii i kosmopoliticheskie illyuzii [Modern landmarks of Russian Legal Education: National Traditions and Cosmopolitan Illusions]. M., Publ. Yurist, 72 p.

- Bezuglaya A.A., Gelunenko V.V., Markhey M.V., Nikonova L.I., Novikova A.E. 2024. Konstitucionno-pravovye instituty stran mira: vzglyad rossijskikh uchenykh-yuristov [Constitutional and legal institutions of the world: the view of Russian legal scholars]. Under the general editorship of Prof. M.V. Marhgeym. Deutschland, Gelsenkirchen, Henze Verlag, 200 p.
- Kuksin I.N. 2014. About some problems of legal education. *Istoriko-pravovye problemy: novyj rakurs*, 9: 67-76. (In Russian)
- Kuksin I.N., Matyuhin A.A. 2023. The constitution as the basis of state ideology: statement of the problem. *Teoriya gosudarstva i prava*, 4(33): 137-144. (In Russian). DOI: 10.25839/MATGIP_2023_4_137.
- Kuksin I.N., Shuhov F.G. 2020. Popravki k Konstitucii Rossii v fokuse obshchestvennykh ob"edinenij [Amendments to the Constitution of Russia in the focus of public associations]. *Nauka i obrazovanie: hozyajstvo i ekonomika; predprinimatel'stvo; pravo i upravlenie*, 5(120): 65-69.
- Marhgeym M.V. 2024. The phenomenon of interest in the soviet constitutional and regulatory prism. *Voprosy gosudarstva i prava*, 2(5): 42-48. DOI 10.24888/2949-3293-2024-2-5-42-48. (In Russian).
- Marhgeym M.V. 2021. Pravo na nacional'nost' v fabule konstitucionnykh popravok i nacional'nykh interesov [The right to nationality in the plot of constitutional amendments and national interests]. *Nauka i obrazovanie: hozyajstvo i ekonomika; predprinimatel'stvo; pravo i upravlenie*, 8(135): 54-56.
- Marhgeym M.V., Gavrilina T.A. 2024. Konstitucionnoe pravo na vysshee obrazovanie: sovetskij vklad v garantirovanie [The constitutional right to higher education: the Soviet contribution to guaranteeing]. In: Human rights: history, theory, practice. Collection of scientific articles of the XII All-Russian Scientific and Practical Conference. Kursk: 72-75.
- Novikova A.E. 2013. Politiko-pravovoj aspekt upravleniya pravozashchitnymi riskami v rossijskoj federacii [The political and legal aspect of human rights risk management in the Russian Federation]. *Nauka i obrazovanie: hozyajstvo i ekonomika; predprinimatel'stvo; pravo i upravlenie*, 7(38): 57-63.

Конфликт интересов: о потенциальном конфликте интересов не сообщалось.

Conflict of interest: no potential conflict of interest has been reported.

Поступила в редакцию 26.11.2024

Поступила после рецензирования 25.12.2024

Принята к публикации 10.01.2025

Received November 26, 2024

Revised December 25, 2024

Accepted January 10, 2025

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Куксин Иван Николаевич, доктор юридических наук, профессор, профессор департамента права института экономики, управления и права, Московский городской педагогический университет, заслуженный юрист Российской Федерации, г. Москва, Россия; профессор кафедры конституционного и международного права юридического института, Белгородский государственный национальный исследовательский университет, г. Белгород, Россия.

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Ivan N. Kuksin, Doctor of Law, Professor, Professor of the Department of Law of the Institute of Economics, Management and Law of the Moscow City Pedagogical University, Honored Lawyer of the Russian Federation, Moscow, Russia; Professor of the Department of Constitutional and International Law of the Law Institute, Belgorod State National Research University, Belgorod, Russia.

УДК 342

DOI 10.52575/2712-746X-2025-50-1-111-121

Защита конституционного строя как фундаментальный национальный интерес: ресурсы судебной власти

Стус Н.В., Намитокров Ю.А.

Белгородский государственный национальный исследовательский университет,
Россия, 308015, г. Белгород, ул. Победы, д. 85
stus@bsuedu.ru, 1685169@bsuedu.ru

Аннотация. Основы конституционного строя России задают иерархически закреплённые параметры современного государственного строительства и исследуются юридической наукой в качестве не только ведущего публично-правового института, аксиологически оттенённого феномена, но и фундаментального национального интереса, требующего соответствующей защиты, которая, в результате внесения в 2020 г. в Конституцию России изменений, определена в качестве цели деятельности Конституционного Суда, а также получила отражение в Стратегии национальной безопасности России, в обеспечение которой включены все элементы публичного механизма и институтов гражданского общества. Однако наиболее действенным признаётся судебный сегмент публичной власти в России, потенциал которого применительно к защите конституционного строя не в полной мере раскрыт. Восполнению ряда научных и практических юридических лакун и посвящено настоящее исследование. В работе анализируются основные направления правоприменительной деятельности судов, способствующей укреплению основ государственности и обеспечению баланса публичных и частных интересов; обосновано утверждение, что эффективная судебная защита фундаментальных конституционных ценностей предопределяет устойчивость российского правопорядка и формирует гарантии суверенитета страны. Сделан вывод о значимости превентивного и стабилизирующего потенциала судебной власти в условиях современных вызовов конституционному строю России.

Ключевые слова: национальная безопасность, конституционная безопасность, конституционная идентичность, конституционные ценности, конституционная реформа, конституционный контроль

Для цитирования: Стус Н.В., Намитокров Ю.А. 2025. Защита конституционного строя как фундаментальный национальный интерес: ресурсы судебной власти. *NOMOTHETIKA: Философия. Социология. Право*, 50(1): 111–121. DOI: 10.52575/2712-746X-2025-50-1-111-121

Protection of the Constitutional System as a Fundamental National Interest: Resources of the Judicial Power

Nina V. Stus, Yuri A. Namitokov

Belgorod State National Research University,
85 Pobedy St, Belgorod 308015, Russian Federation
stus@bsuedu.ru, 1685169@bsuedu.ru

Abstract. The foundations of the constitutional system of Russia proclaimed in the first chapter of the country's Constitution set hierarchically fixed parameters of modern state building that are studied by legal science not only as a leading public law institution and an axiologically shaded phenomenon, but also as a fundamental national interest that requires appropriate protection. As a result of the amendments

to the Russian Constitution in 2020, it was defined as the goal of the Constitutional Court's activities, and was also reflected in the Russian National Security Strategy, which includes all elements of the public mechanism and institutions of civil society. Though the judicial segment of public power in Russia is recognized as the most effective one, its potential in relation to the protection of the constitutional system is not fully disclosed. This article has been prepared to fill in a number of scientific and practical legal gaps. It analyzes the main areas of law enforcement activities of courts that help strengthen the foundations of statehood and ensure a balance of public and private interests. The authors substantiate the claim that effective judicial protection of fundamental constitutional values determines the stability of the Russian legal order and forms guarantees of the country's sovereignty. The conclusion is made about the importance of the preventive and stabilizing potential of the judicial power in the context of modern challenges to the constitutional system of Russia.

Keywords: national security, constitutional security, constitutional identity, constitutional values, constitutional reform, constitutional control

For citation: Stus N.V., Namitokov Yu.A. 2025. Protection of the Constitutional System as a Fundamental National Interest: Resources of the Judicial Power. *NOMOTHETIKA: Philosophy. Sociology. Law*, 50(1): 111–121 (in Russian). DOI: 10.52575/2712-746X-2025-50-1-111-121

Введение

Современная мировая политическая архитектура переживает фазу интенсивной трансформации, обусловленной одновременно несколькими взаимодополняющими факторами: стремительным ростом влияния новых геополитических центров силы, эскалацией существующих межгосударственных противоречий, обострением внутривнутриполитических конфликтов в ряде государств, а также общим кризисным состоянием мировой экономической системы. В условиях усугубляющейся глобальной турбулентности каждая страна вынуждена вырабатывать эффективные механизмы реагирования на вызовы внешней и внутренней среды, чтобы сохранять и укреплять собственную государственность, национальную безопасность и конституционный строй. Для России этот императив приобретает особенно насущный характер, учитывая масштабность введенных против неё санкций и попытки внешних сил повлиять на ее внутренние политико-правовые процессы.

Анализ динамики современных международных отношений показывает, что мировое сообщество переживает период поиска новых форматов взаимодействия, балансирования интересов и упрочения национального суверенитета. При этом традиционные центры политического влияния, стремясь сохранить геополитическое превосходство, нередко прибегают к инструментам экономического, информационного и идеологического давления на страны, обладающие альтернативными моделями социально-экономического развития или собственными претензиями на региональное и мировое лидерство. Россия в свою очередь продемонстрировала способность к экономической самодостаточности и политической автономии, пройдя своеобразный стресс-тест мирового сообщества: она смогла адаптировать свою внешнюю политику и хозяйственный комплекс к масштабным внешним ограничениям.

Сущностные характеристики конституционного строя как основы российского государства определяют его уникальную роль в структуре национальных интересов. Конституционный строй, будучи ядром публичного правопорядка [Мархгейм, 2022], отражает основные принципы организации государства и гарантирует реализацию прав и свобод человека и гражданина. Защита конституционных устоев неизбежно связана с задачей сохранения и развития конкурентных преимуществ России, предотвращения социальной дестабилизации, обеспечения национального суверенитета и укрепления общественного согласия. В условиях глобальной конкурентной борьбы и региональных конфликтов эта задача выходит на первый план и становится неотъемлемым элементом государственно-правовой доктрины.

Вместе с тем защита конституционного строя не ограничивается мерами только силового, политико-дипломатического или экономического характера. Особую значимость здесь приобретают ресурсы судебной власти [Стус, Намитоков, 2023], которая призвана выступать самостоятельным гарантом законности и справедливости, а также институциональным механизмом, обеспечивающим баланс интересов государства и общества [Кемрюгов, 2020].

С учетом сказанного, целью настоящего исследования является раскрытие существующих форм защиты конституционного строя в системе национальных интересов Российской Федерации, а также обоснование потенциала судебной власти в этом процессе с учетом свойственной ей специфики и ресурсов.

Материалы и методы исследования

Методологический базис исследования конституируется синтезом современных методов познания, позволяющих обеспечить комплексность и объективность научного анализа. Применение метода описания и обобщения дает возможность выявить основные тенденции развития судебного контроля и правовой охраны и защиты конституционного строя, а также систематизировать имеющиеся научные подходы. Дедуктивный и индуктивный методы способствуют формированию обоснованных умозаключений как на общем теоретическом уровне, так и на основе конкретной эмпирической базы судебной практики. Кроме того, активно используются другие научные инструменты, в том числе историко-правовой метод (позволяющий оценить генезис и эволюцию институтов судебной защиты), логико-нормативный анализ (выявляющий внутренние противоречия и пробелы правового регулирования) и прогностические методы (позволяющие сформулировать предложения по дальнейшему развитию правовой системы).

Конституционно-стратегический компонент защиты конституционного строя России

Анализ эволюции доктринальных подходов к обеспечению национальной безопасности в российском конституционно-правовом пространстве демонстрирует определенную трансформацию концептуального восприятия защиты конституционного строя как фундаментального национального интереса. Стратегия национальной безопасности Российской Федерации 2021 года¹ (далее – Стратегия), ключевыми положениями которой во многом детерминирован современный вектор развития российской государственности, в сравнении с предыдущими редакциями² демонстрирует более подчеркнутую ориентацию на эндогенные факторы устойчивого развития государства.

Аксиологическая иерархия национальных интересов в актуальной редакции Стратегии характеризуется приоритизацией гуманистического измерения государственной политики, что находит отражение в акценте на такие направления, как сохранение и приумножение народа, улучшение качества жизни, укрепление национального согласия, обеспечение законности и повышение эффективности

¹ Указ Президента Российской Федерации от 2 июля 2021 г. № 400 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации» // СЗ РФ. 2021. № 27 (часть II). Ст. 5351.

² Указ Президента Российской Федерации от 17 декабря 1997 г. № 1 «Об утверждении Концепции национальной безопасности Российской Федерации» // Российская газета. 1997. 26 декабря (утратил силу); Указ Президента Российской Федерации от 1 января 2000 г. № 24 «О Концепции национальной безопасности Российской Федерации» // СЗ РФ. 2000. № 2. Ст. 170 (утратил силу); Указ Президента Российской Федерации от 12 мая 2009 г. № 537 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации до 2020 года» // СЗ РФ. 2009. № 20. Ст. 2444 (утратил силу); Указ Президента Российской Федерации от 31 декабря 2015 г. № 683 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации» // СЗ РФ. 2016. № 1 (ч. II). Ст. 212 (утратил силу).

механизмов взаимодействия между гражданским обществом и правовым государством. Отдельное внимание уделяется поступательному развитию российской экономики, инновационным прорывам и созданию благоприятных социально-правовых условий для раскрытия человеческого потенциала. Данная эволюция приоритетов свидетельствует об усилении роли и ответственности внутренних институтов государства за целостное поддержание конституционного строя как системообразующего элемента национального правопорядка.

Анализ содержания Стратегии 2021 года, в частности п. 25, указывает на наличие восьми пунктов национальных интересов, которые рассматриваются в качестве объективно значимых потребностей личности, общества и государства в сфере безопасности и устойчивого развития. Второе место по значимости после «сбережения народа» занимает защита конституционного строя, а также сопряженных с ним суверенитета, государственной и территориальной целостности Российской Федерации при одновременном укреплении обороны страны. Фактически формулирование защиты конституционного строя в числе приоритетных национальных интересов подчеркивает бесспорную значимость конституционных основ российской государственности.

Конституция Российской Федерации¹ выполняет амбивалентную роль: она не только провозглашает ценности и основные принципы национальной безопасности, но и устанавливает правовой механизм, обеспечивающий прочность конституционных устоев и гарантии их охраны. Положения о недопустимости пересмотра основ конституционного строя содержатся в статьях 16 и 135 Конституции РФ, фактически закрепляя особый порядок, исключающий произвольное изменение базовых установлений о характере государственного устройства. Это подчеркивает высокую степень защиты тех норм, которые рассматриваются как ядро национального правопорядка и нацелены на долгосрочное обеспечение суверенитета, стабильности и преемственности российской государственности [Мархгейм, 2024]. Относительно преемственности полагаем значимым привести тесно связанные с вопросами национальных интересов нашей страны слова Н.В. Бондаря: «Каждый народ имеет такую систему конституционализма, которая соответствует его национальным, историческим, социокультурным потребностям и традициям и, конечно, которой он... достоин. Судьба российского конституционализма, науки конституционного права и практики конституционного строительства отражает общую сложную и противоречивую судьбу нашего Отечества. Ее необходимо не только понимать и принимать, но и уважать, любить такой, какая она есть, а не пытаться "обосновывать" в угоду кому бы то и чему бы то ни было...» [Бондарь, 2010, с. 13].

Следует отметить, что в ходе конституционной реформы 2020 года некоторые положения, изначально зафиксированные в актах стратегического планирования, получили прямое закрепление на уровне конституционных норм. Речь идет, в частности, о важности сохранения исторической правды, памяти защитников Отечества и недопустимости умаления значения их подвига, что отражено в статье 67.1 Конституции РФ. Эти поправки иллюстрируют тесную взаимосвязь между приоритетами стратегических документов и конституционными трансформациями, способствующими более четкому нормативному оформлению задач по укреплению духовно-нравственных основ российского общества. В свою очередь, Стратегия 2021 года, будучи опубликованной после осуществления данных поправок, дополнила палитру национальных интересов особыми целевыми установками по сбережению народа России и развитию человеческого потенциала. Такие положения концептуально соотносятся с закрепленными конституционными идеями о ребенке и семье как важнейших приоритетах государственной политики.

¹ Конституция Российской Федерации: принята всенародным голосованием 12.12.1993 (с учетом поправок, внесенных Законами РФ о поправках к Конституции РФ от 30.12.2008 № 6-ФКЗ, от 30.12.2008 № 7-ФКЗ, от 05.02.2014 № 2-ФКЗ, от 21.07.2014 № 11-ФКЗ; с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020) // Российская газета. 1993, 25 декабря; 2020, 4 июля.

При всем многообразии национальных интересов и закрепленных в Стратегии приоритетов защита конституционного строя не оформлена в ней отдельным блоком специфических задач и направлений. Однако базовые принципы, обуславливающие обеспечение устойчивости основ конституционного строя, имплицитно пронизывают все положения Стратегии и конкретизируются посредством иных нормативных правовых актов, включая федеральные законы и подзаконные акты и, разумеется, саму Конституцию РФ.

Совокупный анализ данных источников дает возможность сформулировать несколько ключевых форм и механизмов обеспечения (и укрепления) конституционного строя, которые, в свою очередь, определяют оперативное содержание национальной безопасности и обуславливают ресурсы судебной власти в этой сфере.

Во-первых, важнейшей формой защиты основ конституционного строя является нормативно-правовое закрепление соответствующих принципов и ценностей, а также регламентация механизма их «самозащиты». Под последним подразумевается установление процедурной сложности для изменения положений Конституции РФ, прямо затрагивающих фундаментальные начала государственного строя. В соответствии со статьями 16 и 135 Конституции РФ любые попытки пересмотра основ конституционного строя подчиняются особому порядку, имеющему более жесткие критерии, чем внесение поправок в другие конституционные нормы. Данный порядок призван исключить возможность формального или скоропалительного изменения базовых государствообразующих принципов, что в конечном счете служит профилактикой политических кризисов и антиконституционных действий.

Во-вторых, реализация мер по повышению эффективности государственного управления представляется неотъемлемым сегментом обеспечения национальной безопасности и защиты конституционного строя. Государство, декларируя приоритеты социально ориентированной политики и правового государства, обязано повышать качество публичных услуг, добиваться оптимального взаимодействия между органами власти и гражданами, а также совершенствовать механизмы системной демократии. В условиях экономических санкций, турбулентности мировых рынков и возрастания социального напряжения государственное управление не может быть статичным; напротив, оно должно развиваться в русле большей прозрачности процедур, соблюдения принципов законности и баланса интересов. Слабые точки – снижение уровня доходов населения, рост нагрузки на социальные институты, недостаток гарантий для уязвимых слоев общества и прочие факторы – затрудняют укрепление конституционных устоев, поскольку подрывают доверие к органам публичной власти. Значимость феномена доверия в данного рода отношениях не раз акцентировалась в юридической литературе [Аврамцев, 2022; Напольских, 2022; Гуторова, 2024; Денисенко, 2024]. При этом надлежащая организация государственного управления напрямую сопряжена с охраной конституционных ценностей [Новикова, Стус, 2023], поскольку дисфункции в сфере публичного управления могут провоцировать радикализацию и создавать почву для правового нигилизма.

В-третьих, важную роль в укреплении и защите конституционного строя играет участие самого населения, что может быть обозначено как народная защита основ российского государства. Действующее законодательство предоставляет широкий спектр возможностей для граждан и объединений, начиная от осуществления общественного контроля и участия в выборах различного уровня и заканчивая правом инициировать обсуждение законодательных актов, направленных на защиту основ конституционного строя. Гражданское общество через правозащитные организации, общественные палаты и иные институты способно формировать среду, в которой антиконституционные идеи и дестабилизирующие действия не находят широкой поддержки. В контексте судебной защиты данный аспект проявляется в том, что любой гражданин, считая свои

конституционные права нарушенными, вправе обращаться в суды, способствуя тем самым упрочнению фундаментальных конституционных положений.

В-четвертых, особое место в заявленной структуре мер защиты занимает совершенствование системы профилактики и пресечения преступлений против основ конституционного строя. Здесь ведущая роль традиционно отводится правоохранительным органам и специальным службам, призванным оперативно выявлять и нейтрализовать антиконституционные действия и угрозы, в том числе экстремистского и террористического характера. В условиях нарастающего киберпространственного влияния и информационных войн все более актуальными становятся новые формы и методы противодействия, основанные на современных технологиях анализа данных и высокоточной правовой экспертизе. Однако сама эффективность правоохранительного аппарата во многом зависит от четкой и стабильной правовой базы, профессиональной подготовки кадров, а также от квалифицированного судебного контроля, обеспечивающего баланс между защитой публичных интересов и соблюдением прав и свобод личности.

Судебный ресурс защиты конституционного строя

Во всех перечисленных формах защиты конституционного строя серьезную роль играют судебные органы, поскольку именно судебная власть выступает своеобразным «фильтром» и «арбитром» в спорах, затрагивающих фундаментальные конституционные ценности и принципы. В нормативно-правовой сфере суды реализуют контроль за соответствием законодательства Конституции РФ, а также способствуют единству правоприменительной практики, формируя «судебные прецеденты», правовые позиции и разъяснения, которые определяют дальнейшее развитие правовой системы. Такая функция судебных органов особенно востребована в условиях ускоренных трансформаций законодательства, резкого изменения внешнеполитической конъюнктуры, создающего угрозы стабильности национального правопорядка, и роста социально-политической напряженности. В области государственного управления судебная власть обеспечивает механизм ответственности должностных лиц за действия (или бездействие), противоречащие законодательным требованиям и конституционным нормам. Гражданская защита напрямую связана с ролью судов при рассмотрении исков, жалоб и заявлений, связанных с посягательствами на права и свободы, а также при проверке законности решений, затрагивающих общественные интересы. Профилактика и пресечение антиконституционных преступлений также не могут быть реализованы эффективно без судебного санкционирования соответствующих мер, процедур и приговоров, выносимых на основе состязательного процесса и основополагающего принципа справедливости. Иными словами, судебная защита является ключевым механизмом, позволяющим уравновесить интересы государства, общества и личности и сохранить приоритет конституционных положений в сфере правоприменения.

В данном контексте специального внимания заслуживает Конституционный Суд Российской Федерации – высший судебный орган конституционного контроля, осуществляющий судебную власть в целях защиты основ конституционного строя, основных прав и свобод человека и гражданина, обеспечения верховенства и прямого действия Конституции РФ на всей территории страны. Отсюда вытекает его «статус образца» в доктринальном понимании судебного конституционного контроля: решения и постановления Конституционного Суда РФ формируют прецедентные ориентации, обязательные для применения другими судами, органами государственной власти и должностными лицами. С помощью этой компетенции Конституционный Суд РФ не только устраняет противоречия между нормативными актами и верховенствующими конституционными положениями, но и формирует долгосрочную линию правовой политики, ориентированную на сохранение основ государственности, прав и свобод человека и гражданина.

Значимость роли Конституционного Суда РФ особенно отчетливо проявилась после комплексного реформирования его статуса в 2020 году, существенно расширившего инструментарий судебной защиты конституционного строя. В частности, Конституционному Суду РФ было предоставлено право осуществлять предварительный контроль проектов законов о поправках на соответствие базовым фундаментальным установлениям Конституции РФ. Суть данного правомочия состоит в том, что до вступления в силу федеральных конституционных законов о внесении изменений в определенные главы Основного Закона требуется заключение Конституционного Суда РФ о том, что предлагаемые поправки не затрагивают основы конституционного строя и не противоречат принципиальным положениям самой Конституции.

Подобная процедура предварительного контроля стала важным механизмом самозащиты конституционного строя, позволяющим вовремя выявить и нейтрализовать потенциальные риски подрыва конституционных устоев. Расширение роли конституционной юрисдикции таким образом стало ответом на необходимость более гибко реагировать на новые вызовы, возникающие в конституционно-правовой сфере, и одновременно подчеркивает трансформацию институционального баланса государственной власти в сторону укрепления защитных механизмов Основного Закона.

Важным новшеством, вошедшим в правовую материю с конституционными поправками 2020 года, стало усиление роли Конституции РФ во внешнеполитических и внешнеэкономических правоотношениях. Так, Конституционный Суд РФ, помимо традиционного контроля за соответствием внутренних нормативных актов Основному Закону, наделен полномочиями проверять исполнимость решений межгосударственных органов, международных и иностранных судов с точки зрения их совместимости с конституционными принципами и суверенными интересами Российской Федерации. Данное положение отражает значимость защиты национальных интересов в международно-правовом поле, где нередко происходит столкновение различных юрисдикций, правовых систем и подходов к защите прав человека.

Следует отметить, что такой механизм предварительной проверки решений международных органов на конституционность продиктован необходимостью обеспечения конституционной идентичности российского государства, охраны государственного суверенитета и основных установок российского конституционализма от возможного внешнего давления. В ситуации, когда международные судебные инстанции выносят резонансные решения, затрагивающие не только права отдельных заявителей, но и базовые интересы государства, возникает потребность в доктринально и нормативно четко оформленном механизме определения приоритетов. В данном отношении доктринальное значение имеет правовая позиция Конституционного Суда РФ, выраженная в решении по делу «ОАО «Нефтяная компания «ЮКОС» против России»¹: ни одно решение международных судебных органов не может отменять или преодолевать фундаментальные положения российской Конституции и принципы, вытекающие из основ конституционного строя. При этом Конституционный Суд РФ признает приоритет международных договоров над федеральным законодательством, но указывает на неоспоримое верховенство самой Конституции РФ, которое не может быть умалено никакими иными нормами – ни международными, ни внутригосударственными.

Таким образом, расширение полномочий Конституционного Суда РФ и консолидация его роли в предварительном контроле законопроектов и международных актов стали логичным продолжением развития российской модели конституционного

¹ Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 19 января 2017 г. № 1-П «По делу о разрешении вопроса о возможности исполнения в соответствии с Конституцией Российской Федерации постановления Европейского Суда по правам человека от 31 июля 2014 года по делу "ОАО "Нефтяная компания "ЮКОС" против России" в связи с запросом Министерства юстиции Российской Федерации» // СЗ РФ. 2017. № 5. Ст. 866.

контроля и свидетельствуют об укреплении национального суверенитета в правовой сфере. Судебная ветвь власти, в том числе через решения Конституционного Суда, выступает своеобразным гарантом стабильности и последовательности конституционного развития, обеспечивая баланс между динамикой правотворческих процессов и неизменностью базовых конституционных ценностей.

Существенный вклад в защиту конституционного строя вносит и Верховный Суд Российской Федерации, занимающий статус высшего судебного органа по гражданским, уголовным, административным и иным делам, подведомственным судам общей юрисдикции. Его институциональное значение для защиты конституционного строя трудно переоценить.

Во-первых, одна из центральных задач Верховного Суда РФ состоит в том, чтобы посредством систематической работы по обобщению судебной практики и формулированию руководящих разъяснений устанавливать определенные стандарты правоприменения. Акты Пленума Верховного Суда РФ не обладают прямой конституционной силой, однако они обладают прецедентными свойствами и обязательны для нижестоящих судов. Тем самым обеспечивается единообразное и непротиворечивое применение правовых норм, в том числе и тех, которые направлены на охрану основ государственного строя. При возникновении правовой неопределенности, когда положения законов могут толковаться неоднозначно, зачастую именно Верховный Суд РФ своими разъяснениями устраняет пробелы и коллизии, приводя правоприменительную практику в соответствие с конституционными принципами.

Во-вторых, существенное место в деятельности Верховного Суда РФ занимает кассационная и апелляционная юрисдикция, которая непосредственно связана с реализацией и защитой конституционных ценностей. Рассмотрение жалоб на судебные решения в высшей инстанции дает возможность пересмотреть дело и устранить ошибки, допущенные нижестоящими судами. В тех случаях, когда затрагивается широкий круг общественных отношений или возникают вопросы, сопряженные с конституционно гарантированными правами и свободами, вмешательство Верховного Суда РФ обеспечивает защиту от ошибок судебного правоприменения, способных подорвать доверие к правосудию (следовательно, к государству, функцией которого является правосудие) и в конечном счете пошатнуть основы конституционного строя. Более того, в уголовном судопроизводстве Верховный Суд РФ нередко оценивает обоснованность квалификации деяний, связанных с преступлениями экстремистского и террористического характера, что имеет непосредственное отношение к поддержанию внутренней безопасности и соблюдению конституционной стабильности.

В-третьих, Верховный Суд РФ участвует в экспертно-аналитической деятельности, направленной на совершенствование законодательства и правоприменительной практики в целях укрепления основ конституционного строя. Так, в процессе рассмотрения конкретных категорий дел, Судебные коллегии Верховного Суда РФ выявляют нормативные пробелы, коллизии и несоответствия между федеральными законами и подзаконными актами. Результаты такой работы нередко становятся поводом для законодателя инициировать поправки или дополнения в законодательство. Помимо этого, заключения Верховного Суда РФ по законопроектам, иногда запрашиваемые Федеральным Собранием Российской Федерации, служат своеобразной «правовой экспертизой», позволяющей предотвратить принятие законов, потенциально угрожающих стабильности правовой системы и основам конституционного строя.

Таким образом, Верховный Суд РФ выполняет многоуровневую функцию в механизме защиты конституционного строя. Его деятельность охватывает различные сферы: правотворческую (через разъяснения и консультативные заключения), правоприменительную (через рассмотрение конкретных дел и пересмотр судебных актов), а также доктринальную (через формирование правовых позиций и толкование норм

с учетом конституционных ценностей). Являясь высшей инстанцией для судов общей юрисдикции и арбитражных судов, Верховный Суд РФ способствует поддержанию согласованности и преемственности правоприменения, что в конечном итоге укрепляет доверие общества к государству и обеспечивает стабильность правовой системы.

Помимо институциональных аспектов, защита конституционного строя посредством судебного механизма имеет и доктринальную составляющую. Судебные органы выполняют функцию правоприменительного «толчка» для эволюции российской правовой системы, когда формируются правовые позиции, доктрина и стандарты толкования конституционных положений, учитывающие национальные интересы и особенности правового развития государства. Решения высших судебных органов, отражающие приоритет суверенных полномочий Российской Федерации и подтверждающие верховенство конституционных принципов над иными правовыми нормами, становятся ориентирами для всего корпуса правоприменителей. Такая единая линия способствует устойчивому и предсказуемому развитию правовой системы, предотвращает возникновение правовых коллизий и конфликтных ситуаций, способных подорвать основы конституционного строя.

Следовательно, с точки зрения стратегических установок национальной безопасности и упрочения российской государственности, судебная власть в целом обладает значительными ресурсами защиты конституционного строя. Органы российской судебной власти не только обеспечивают разрешение правовых споров и контроль за соблюдением Конституции РФ, но и формируют правовую парадигму, ориентированную на сохранение национального суверенитета, защиты государственного единства и территориальной целостности, а также на поддержание достойного уровня прав и свобод граждан. В этом контексте можно говорить о своеобразной превентивной и стабилизирующей функции судебной власти: предотвращение неконституционных актов, парирование негативного влияния извне, сохранение единства и целостности правоприменения обеспечивают долгосрочную прочность отечественного конституционного фундамента.

Итогом динамического взаимодействия разных уровней судебной системы становится концептуально выверенная правовая политика, согласующаяся с конституционными установками и эффективно отвечающая на вызовы времени. Расширение компетенции Конституционного Суда РФ, усиление роли судов общей юрисдикции и арбитражных судов в делах, связанных с защитой национальных интересов, отражают стремление государства к укреплению правовых гарантий от возможных деструктивных процессов – как внутренних, так и внешних. Подобная эволюция свидетельствует о том, что ресурсы судебной власти перестали быть исключительно инструментом постфактумного разрешения споров: в настоящее время они выступают эффективным средством системного предупреждения и пресечения посягательств на конституционные устои государства. Это дает основания говорить о судебной ветви государственной власти как о ключевом компоненте национальной безопасности и стабильности, гармонизирующем политические, экономические и социальные процессы в интересах российских граждан и государства в целом.

Заключение

Защита конституционного строя как фундаментального национального интереса Российской Федерации обладает многоплановым характером, в котором сочетаются нормативные, организационные, социальные и оперативно-розыскные компоненты, и требует консолидированных усилий различных институтов государства и гражданского общества. При этом судебная власть является не просто одним из элементов государственной власти, но выступает центральным гарантом стабильности конституционного правопорядка. Поэтому обеспечение эффективности судебной

системы, ее открытости и способность оперативно реагировать на посягательства на конституционные устои становится одним из ключевых инструментов, формирующих и поддерживающих системный каркас национальной безопасности Российской Федерации.

Список литературы

- Аврамцев В.В. 2020. Конституционные реформы 2020 и доверие граждан к публичной власти. *Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России*, 2(50): 194-195.
- Бондарь Н.С. 2010. Личное и публичное: в поисках баланса... Публикации разных лет. Ростов н/Д: Альтаир, 674 с.
- Гуторова А.Н. 2024. Политические партии и народное доверие. *Конституционное и муниципальное право*, 12: 18-21. DOI 10.18572/1812-3767-2024-12-18-21
- Денисенко В.В. 2024. Доверие как основа легитимности: сравнительно-правовой анализ. *Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Право*, 2(57): 342-347. DOI: <https://doi.org/10.17308/law/1995-5502/2024/2/342-347>
- Кемрюгов Т.Х. 2020. Метод баланса (пропорциональности) в конституционном праве. *Наука и образование: хозяйство и экономика; предпринимательство; право и управление*, 5(120): 59-64.
- Мархгейм М.В. 2024. Преемственность как логика конституционного строительства России. *Наука и образование: хозяйство и экономика; предпринимательство; право и управление*, 4(167): 67-72.
- Мархгейм М.В. 2022. Публичный правопорядок Российской Федерации: конституционный абрис нового ориентира. *Юридический вестник Ростовского государственного экономического университета*, 3(103): 24-31.
- Напольских И.М. 2022. Доверие как правовая ценность. *Вестник юридического факультета Южного федерального университета*, 9(4): 161-164. DOI: 10.18522/2313-6138-2022-9-4-21
- Новикова А.Е., Грищенко Н.В. 2023. Конституционные духовно-нравственные феномены: формализованный опыт стран СНГ. *Ученые записки Крымского федерального университета имени В.И. Вернадского. Юридические науки*, 9(75): 409-413.
- Новикова А.Е., Стус А.А. 2023. Конституционные духовно-нравственные феномены России. *Наука и образование: хозяйство и экономика; предпринимательство; право и управление*, 5(156): 84-89.
- Стус Н.В., Намитокоев Ю.А. 2023. Классификационная характеристика функций судебной власти в диапазоне современных правовых подходов. *Наука и образование: хозяйство и экономика; предпринимательство; право и управление*, 4(155): 117-123.

References

- Avramtsev V.V. 2020. Constitutional reforms 2020 and citizens' trust in public authority. *Yuridicheskaya nauka i praktika: Vestnik Nizhegorodskoj akademii MVD Rossii*, 2(50): 194-195. (In Russian).
- Bondar' N.S. 2010. Lichnoe i publichnoe: v poiskah balansa... Publikacii raznykh let [Personal and public: in search of balance... Publications from different years]. Rostov n/D, Publ. Al'tair, 674 p.
- Gutorova A.N. 2024. Politicheskie partii i narodnoe doverie [Political parties and people's trust]. *Konstitucionnoe i municipal'noe pravo*, 12: 18-21. DOI 10.18572/1812-3767-2024-12-18-21
- Denisenko V.V. 2024. Trust as the basis of legitimacy: comparative legal analysis. *Vestnik Voronezhskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Pravo*, 2(57): 342-347. (In Russian). DOI: <https://doi.org/10.17308/law/1995-5502/2024/2/342-347>
- Kemryugov T.H. 2020. Metod balansa (proporcional'nosti) v konstitucionnom prave [The method of balance (proportionality) in constitutional law]. *Nauka i obrazovanie: hozyajstvo i ekonomika; predprinimatel'stvo; pravo i upravlenie*, 5(120): 59-64.
- Markhgeym M.V. 2024. Continuity as the logic of Russia's constitutional construction. *Nauka i obrazovanie: hozyajstvo i ekonomika; predprinimatel'stvo; pravo i upravlenie*, 4(167): 67-72. (In Russian).
- Markhgeym M.V. 2022. Publichnyj pravoporyadok Rossijskoj Federacii: konstitucionnyj abris novogo orientira [Public law and order of the Russian Federation: the constitutional outline of a new

landmark]. *Yuridicheskij vestnik Rostovskogo gosudarstvennogo ekonomicheskogo universiteta*, 3(103): 24-31.

Napolskikh I.M. 2022. Trust as a legal value. *Vestnik yuridicheskogo fakul'teta Yuzhnogo federal'nogo universiteta*, 9(4): 161-164. (In Russian). DOI: 10.18522/2313-6138-2022-9-4-21

Novikova A.E., Grishchenko N.V. 2023. Constitutional spiritual and moral phenomena: formalized experience of the CIS countries. *Uchenye zapiski Krymskogo federal'nogo universiteta imeni V.I. Vernadskogo. Yuridicheskie nauki*, 9(75): 409-413. (In Russian)

Novikova A.E., Stus A.A. 2023. Constitutional spiritual and moral phenomena of Russia. *Nauka i obrazovanie: hozyajstvo i ekonomika; predprinimatel'stvo; pravo i upravlenie*, 5(156): 84-89. (In Russian).

Stus N.V., Namitokov Yu.A. 2023. Classification characteristics of the functions of the judiciary in the range of modern legal approaches. *Nauka i obrazovanie: hozyajstvo i ekonomika; predprinimatel'stvo; pravo i upravlenie*, 4(155): 117-123. (In Russian).

Конфликт интересов: о потенциальном конфликте интересов не сообщалось.

Conflict of interest: no potential conflict of interest has been reported.

Поступила в редакцию 11.11.2024

Поступила после рецензирования 10.12.2024

Принята к публикации 17.12.2024

Received November 11, 2024

Revised December 10, 2024

Accepted December 17, 2024

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Стус Нина Владимировна, доктор юридических наук, профессор кафедры конституционного и международного права юридического института, Белгородский государственный национальный исследовательский университет, г. Белгород, Россия.

Намиток Юри Азметович, аспирант кафедры конституционного и международного права юридического института, Белгородский государственный национальный исследовательский университет, г. Белгород, Россия.

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Nina V. Stus, Doctor of Law, Professor of the Department of Constitutional and International Law of the Law Institute, Belgorod State National Research University, Belgorod, Russia.

Yuri A. Namitokov, Postgraduate Student of the Department of Constitutional and International Law of the Law Institute, Belgorod State National Research University, Belgorod, Russia.

УДК 342.417

DOI 10.52575/2712-746X-2025-50-1-122-134

Актуальные проблемы правового регулирования экономических отношений в Российской Федерации на современном этапе

^{1, 2} Чинаев Т.В., ¹ Юсупов Р.Г.

¹ Уфимский университет науки и технологий,
Россия, Республика Башкортостан, г. Уфа, 450076, ул. Заки Валиди, д. 32

² Уфимский государственный нефтяной технический университет,
Россия, Республика Башкортостан, г. Уфа, 450064, ул. Космонавтов, д. 1

uchebnyaya.rabota.21@mail.ru

Аннотация. В современных условиях вызова для российской экономики проверяется эффективность управления органами государственной власти и уровень качества правового регулирования экономических отношений в стране. Цель исследования – выявить характерные черты эволюции актуальных проблем правового регулирования реализации функций государства и бизнеса в системе экономических отношений в Российской Федерации в конце XX – первой четверти XXI века. В процессе комплексного исследования был определен переход государства от декларируемого и нормативного в 90-х годах XX века принципа либерализации экономики на активное его участие во всех рыночных процессах, который позволил сформировать партнерские отношения между государством и частным сектором, и эта концепция нашла отражение в национальном законодательстве. Системный анализ особенностей правового регулирования реализации функций государства и бизнеса в системе экономических отношений конца XX – первой четверти XXI века позволил установить, что, несмотря на реформы по развитию малого и среднего предпринимательства, оно стало одним из проблематичных секторов экономики. В связи с этим, а также с наличием установленных в работе правовых пробелов в регулирующих законодательных актах, связанных с применением инструментов по стимулированию развития этого сектора экономики, авторами предлагается внесение конкретных изменений в действующие нормативно-правовые акты, которые регламентируют экономические отношения в России. Полагаем, что предложенные меры могут способствовать преодолению кризисных проявлений в экономике и стабилизировать экономические отношения.

Ключевые слова: правовые условия, регулирование экономических отношений, генезис, малое и среднее предпринимательство, совершенствование российского законодательства

Для цитирования: Чинаев Т.В., Юсупов Р.Г. 2025. Актуальные проблемы правового регулирования экономических отношений в Российской Федерации на современном этапе. *NOMOTNETIKA: Философия. Социология. Право*, 50(1): 122–134. DOI: 10.52575/2712-746X-2025-50-1-122-134

Contemporary Issues of Legal Regulation of Economic Relations in the Russian Federation at the Present Stage

^{1, 2} Timur V. Chinaev, ¹ Rakhimian G. Yusupov

¹ Ufa University of Science and Technology,
32 Zaki Validi St, Ufa 450064, Republic of Bashkortostan, Russian Federation

² Ufa State Petroleum Technological University,
1 Kosmonavtov St, Ufa 450064, Republic of Bashkortostan, Russian Federation

uchebnyaya.rabota.21@mail.ru

Abstract. In today's challenging conditions for the Russian economy, the efficiency of government administration and the quality of legal regulation of economic relations in the country are put to test. The

© Чинаев Т.В., Юсупов Р.Г., 2025

aim of this study is to identify the features characterizing the evolution of the current legal regulation problems connected with the implementation of the functions of the state and business in the system of economic relations in the Russian Federation from the late 20th to the first quarter of the 21st centuries. As a result of this comprehensive research, the authors identified the transition of the state from the principle of liberalization of the economy that was declared and normative in the 1990s to an active participation in all market processes, which allowed the formation of partnership relations between the state and the private sector, and this concept was reflected in the national legislation. System analysis into the features of legal regulation of the implementation of the state and business functions in the system of economic relations in the late 20th – the first quarter of the 21st centuries has shown that it has become one of the problematic sectors of the economy, despite the reforms to develop small and medium-sized entrepreneurship. In this regard and taking into consideration legal gaps in the regulatory legislative acts related to the application of tools to stimulate the development of this sector of the economy, the authors propose specific changes to the current legal acts that regulate economic relations in Russia.

Keywords: legal conditions, economic relations regulation, genesis, small and medium-sized enterprises, improvement of Russian legislation

For citation: Chinaev T.V., Yusupov R.G. 2025. Contemporary Issues of Legal Regulation of Economic Relations in the Russian Federation at the Present Stage. *NOMOTHETIKA: Философия. Социология. Право*, 50(1): 122–134 (in Russian). DOI: 10.52575/2712-746X-2025-50-1-122-134

Введение

Экономика России за последние четыре десятка лет прошла нелегкий путь перехода к рынку – от сомнений в перспективности социалистической системы, а также полного отказа от нее до попытки многоэтапного установления баланса взаимоотношений государственного и частного секторов экономики. Однако до настоящего времени Россия по ряду показателей так и не приблизилась к уровню эффективности экономик развитых стран. В связи с этим представляется важным разобраться, почему в России правовое регулирование экономической сферы на этапе перехода к рынку по либеральной (успешной в отдельных государствах) модели, предполагающей минимизацию государственной собственности и участия государства в хозяйственной деятельности в 1990-е годы, привело к тому, что социально-экономические отношения деградировали в сравнении с поздними социалистическими, которые, собственно, планировалось исправить в лучшую сторону.

Обзор научных трудов, посвященных теме нашего исследования, позволил выявить, что часть ученых уделяют внимание только проблемам правового регулирования экономических отношений на этапе перехода Российской Федерации к рынку и результатам проведенных реформ [Колобова, 2012; Лавровский, 2021; Хаиткулов, Самулкин, 2007 и др.]. Кроме того, в научном сообществе исследуются вопросы правового регулирования экономических реформ, начатых в России в 2000-х годах, в аспекте отдельных их направлений и стратегических решений [Маковецкий, 2017; Мамонов, 2020], причем экспертные выводы зависят от времени написания трудов и текущего состояния экономики на момент публикаций, что подтверждает сложность и динамичность запущенных экономических процессов. Таким образом, даже при беглом обзоре законов и трудов ученых нетрудно заметить, что с начала 2000-х и на протяжении последующих лет правовые нормы, нацеленные на поддержку участников экономических процессов, принимались, но желаемого результата в полном объеме не приносили.

На основании этого можно предположить, что законодатель решал в текущем временном режиме точечные задачи, не выстраивая сбалансированную систему экономических отношений, учитывающую многоплановые интересы государства, бизнеса и потребителей. Заметим также, что после введения западными странами

беспрецедентного количества санкций, нацеленных на разрушение российской экономики, отечественная экономика, напротив, продемонстрировала тенденцию к росту. Этот процесс, конечно же, сопровождается масштабными изменениями в законодательстве. Важно понять, являются ли новые правовые нормы временной ситуативной реакцией на возникшие проблемы или на фоне освобождения экономических ниш они действительно выстраиваются в систему, и что в этой предполагаемой системе, возможно, не учтено.

Генезис правового регулирования функций государства и бизнеса в системе экономических отношений в Российской Федерации

В России в 1990-е годы в ходе рыночных реформ не был урегулирован баланс публичной и частной собственности, целесообразный для достижения эффективного социально-экономического развития. Проще говоря, государство стало экономически беспомощнее и беднее, чем следовало, и не смогло на достойном уровне исполнять социальные и иные функции, что ставило под сомнение правильность выбранного рыночного курса [Абазов, Галимханов, Юсупов, 2024; Лавровский, 2021; Шестаков, Хаиткулов, Самулкин, 2007].

Новый лидер государства В.В. Путин вопрос о принятии новой Конституции РФ не ставил. А это означало, что все положения Основного закона, касающиеся общественного строя, остались в силе и возврат даже к рыночному социализму исключался. Вместе с тем было понятно, что рыночный курс в вариации 1990-х годов стране не подошел. Как отметил сам В.В. Путин в 2000 году, экономическая слабость приблизила Россию к странам третьего мира. В своем первом Послании к Федеральному Собранию он заявил, что экономическую систему России нужно менять, чтобы она стала конкурентоспособной, эффективной, социально справедливой и способной обеспечивать стабильное политическое развитие ¹. В исследуемый период уточнялось, в каких организационно-правовых формах может осуществляться хозяйственная деятельность публичного сектора. Так, в 1999 году В.В. Путин, находясь в должности Председателя Правительства РФ, инициировал разработку Концепции управления государственным имуществом и приватизации в РФ, в которой были обозначены способы коммерческого использования объектов государственной собственности. Уже в 2002 году был принят Федеральный закон «О государственных и муниципальных унитарных предприятиях». Речь идет о коммерческих предприятиях, имущество которых принадлежит на праве собственности Российской Федерации, субъекту РФ или муниципальному образованию, однако распоряжается имуществом на праве хозяйственного ведения или на праве оперативного управления само предприятие. Закон установил, что имущество унитарного предприятия является неделимым, не распределяемым по вкладам (долям, паям). Исключается передача части имущества даже для создания дочернего предприятия (ст. 3) ².

В новых условиях сохранились естественные монополии, правда, в основном формально. Конкурентная среда не развилась, например, у железных дорог, переживших лишь некоторую трансформацию (Министерство путей сообщения РФ в 2003 г. было преобразовано в ОАО «Российские железные дороги» (РЖД), в котором 100 % акций принадлежат РФ). В основном же естественные монополии доминируют на отечественном рынке, но конкурируют с частными, в т. ч. достаточно крупными игроками. Так, к числу крупнейших частных компаний России относится производитель природного газа ПАО «Новатэк», серьезный конкурент ПАО «Газпром».

¹ Послание Президента Российской Федерации от 08 июля 2000 г. [Электронный ресурс] // Президент РФ: сайт. URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/22401> (дата обращения: 10 декабря 2024).

² Федеральный закон от 14 ноября 2002 г. № 161-ФЗ «О государственных и муниципальных унитарных предприятиях» // Российская газета. 2002. 3 декабря.

Исходя из вышесказанного и анализа трудов ряда ученых [Абазов, Юсупов, 2023; Левина, 2019] можно сделать вывод о том, что при корректировке экономической системы в начале 2000-х годов власть сфокусировалась на правовом регулировании экономической деятельности публичного сектора на основе более взвешенного отношения к государственной и муниципальной собственности. В это время были приняты и законодательно закреплены базовые принципы и формы участия государства в хозяйственной деятельности, причем в более широком, чем ранее, отраслевом спектре. Соответствующие правовые нормы впоследствии корректировались и дополнялись, но принципиально ситуация не менялась.

Обобщим изложенное, чтобы понять, как в целом на начальном этапе реформы правового регулирования функций государства и крупного бизнеса произошел процесс трансформации системы экономических отношений в Российской Федерации. В сложившейся в тот период ситуации власть озадачилась не столько стратегией развития экономической системы, сколько антикризисными мерами, хотя в свой первый президентский срок (2000–2004 гг.) В.В. Путин в ежегодных Посланиях Федеральному Собранию систематизировал стратегические подходы к реформам, в т. ч. изложил стратегическое видение экономических преобразований. К 2004 году им были выделены общие задачи: создание правовых условий для реализации промышленной и инвестиционной политики, стимулирования наукоемких отраслей, формирования эффективной корпоративной экономики, а также партнерских отношений между государством и частным бизнесом. Были выделены и направления законотворческой деятельности, проблематичные и наиболее актуальные с точки зрения поставленных задач: совершенствование правового регулирования рыночных институтов экономики и бюджетно-налоговой системы РФ. Особую роль Президент отвел созданию условий для эффективного использования природных ресурсов. Но, как следует из доклада Совета Федерации Федерального Собрания РФ за 2004 год, некоторые шаги по реализации положений президентских Посланий совершались, однако явно не в полном объеме. Например, за период 2000–2004 гг. в рамках развития корпоративного законодательства были приняты законы, регулирующие единую систему государственной регистрации юридических лиц и индивидуальных предпринимателей. Реформировалось бюджетно-налоговое законодательство, о чем говорит принятие 43 федеральных законов, регулирующих эту сферу. Но о стабилизации в ней, как утверждалось в докладе, «говорить еще рано». О правовом реформировании таких важных направлений, как партнерство государства и бизнеса или экономика знаний и технологий, в документе вообще ничего не сказано, хотя Президент касался этих тем в каждом послании. В итоговой части доклада Совета Федерации за 2004 год отмечено, что стабилизация политической ситуации, достигнутая в период президентства В.В. Путина, «создала условия для решения масштабных и сложных задач по выводу страны на траекторию устойчивого развития и конкурентоспособные позиции в мировом сообществе», но законодательство в этих условиях на нужную высоту не поднялось. За истекший с 2000 год период оно продемонстрировало отсутствие системности, по сути, представив собой совокупность разрозненных и тематически узких актов¹.

Итак, Российское государство, официально стоящее на либеральной экономической платформе, фактически от чисто либеральной модели методично отказывалось. Скажем больше. В научной литературе стало прослеживаться мнение, что государство излишне отступает от либерального экономического курса. Обзор соответствующих публикаций еще в 2012 году сделала Г.А. Колобова. Она, в частности, отметила убежденность экономиста В.Ф. Яковлева в том, что публично-правовое регулирование может выполнять

¹ Доклад о состоянии законодательства в Российской Федерации (законодательное обеспечение основных направлений внутренней и внешней политики в 2004 г.) от 25 февраля 2005 г. // Совет Федерации Федерального Собрания РФ. URL: <http://council.gov.ru/events/news/24858/> (дата обращения: 12 декабря 2024).

лишь вспомогательную функцию по охране институтов частного права, без чего «частное право гибнет», и в том, что следует законодательно закрепить соотношение между публичным и частным правом в пользу частного права. Кроме того, в статье сделан вывод о том, что происходит процесс укрепления собственно институтов государственной власти, а также его усиление путем прямого вмешательства в экономику государства. Для ряда ученых, как пишет автор, «стал очевиден государственный курс на демонтаж рынка» [Колобова, 2012, с. 20]. Полагаем, демонтаж рынка не был столь очевиден, как представляли экономисты либерального толка, ибо частную собственность на средства производства законодатель не отменял и на рыночные законы и механизмы не посягал. Более того, не был остановлен процесс приватизации. Нелишне также вспомнить о том, что государство в 2000-е годы допустило, чтобы у естественных монополий, которые в 1990-е годы безальтернативно служили интересам государства, появились конкуренты, причем в секторе крупного частного бизнеса. Иными словами, тревоги либералов по поводу якобы «курса на демонтаж рынка» не имели связи с реальностью. Вместе с тем эволюционировало правовое регулирование функций государства в российской системе экономических отношений [Колобова, 2012, с. 1829].

По принципу равноправия собственности государство расширило ареал своего участия в рыночных процессах. Помимо «подушек безопасности» (естественных монополий) в сфере государства оказались свои коммерческие (унитарные) организации, а также право на участие в других коммерческих организациях (прежде всего в акционерных обществах). Последний пункт не в последнюю очередь был связан с актуализированной со временем идеей установления партнерских отношений между государством и частным сектором, и эта идея нашла отражение в праве.

Будучи действенным участником экономических отношений, государство активизировалось как инвестор. Формы государственного инвестирования разнились и развивались. Начинали с формы, лежащей на поверхности, – государственного инвестиционного фонда. Потом появились и иные. Например, были закреплены правовые основы деятельности корпораций (коммерческих организаций, в т. ч. государственных) и госкорпораций (некоммерческих организаций) [Краузов, 2022, с. 207]. В последние годы широко проводится грантовая политика, имеющая конкурсный характер и касающаяся как государственных, так и частных проектов. Одна из основных ее целей – финансовая мотивация внедрения результатов научных исследований в сферу практического применения. Инвестиционная стратегия государства в настоящее время имеет системный характер и реализуется в рамках национальных проектов. Причем система нацпроектов гибко адаптируется к объективно меняющимся внутренним и геополитическим условиям.

Государство урегулировало отношения прежде всего с крупным бизнесом и сумело постепенно финансово укрепить. Укрепить так, чтобы не только поддержать сферы социального и стратегического значения, но также стимулировать развитие экономических отношений посредством государственного инвестирования в науку, современные технологии, образование, социальные лифты для наиболее перспективных представителей различных сфер деятельности и пр. Особое внимание уделяется профессиональному потенциалу молодежи.

В настоящее время государство в рамках отношений, возникающих между ним и рынком, использует различные формы участия в экономической деятельности и, соответственно, выступает в различных ролях. Во-первых, оно управляет государственными организациями и выступает в роли собственника. Во-вторых, оно организует госзакупки и выступает в роли заказчика. В-третьих, оно предоставляет государственные займы, осуществляет инвестиционную деятельность и выступает в роли инвестора. В-четвертых, оно является стороной государственно-частного партнерства и выступает в роли партнера.

Сегодня есть основания констатировать, что современная Российская Федерация в состоянии исполнять свои обязательства в социальной, правоохранительной, оборонной и иных сферах. В целом можно говорить и о росте экономики, о чем свидетельствует ряд макроэкономических показателей: рост ВВП (по предварительным прогнозам, на 3,9–4,3 % в 2024 г.), снижение безработицы до исторического минимума (примерно до 2,3 % в 2024 г.) и пр. Среди негативных итогов 2024 году эксперты выделяют разгон инфляции до 9 %, но на фоне роста зарплат и, соответственно, покупательной способности. Для бизнеса негативным фактором стала высокая ключевая ставка (21 % на конец 2024 г.), которую Национальный банк РФ поддерживает в целях снижения инфляции¹. Опустим комментарии по этому поводу, поскольку Национальный банк РФ анализирует все виды кредитования, включая потребительский, все болезненные и пока не решенные последствия западных санкций, и оперирует масштабными выводами. Но даже с учетом негативных факторов состояние российской экономики оценивается позитивно, что говорит о том, что в ключевых сферах экономические отношения урегулированы грамотно (это к слову о балансе в отношениях крупного государственного и крупного частного бизнеса).

В рамках анализа правового регулирования развития малого и среднего предпринимательства (МСП) в РФ и ряда мнений ученых [Маковецкий, 2020; Мамонов, 2017] нами сделан вывод о том, что растянувшаяся на четверть века проблема низкой доли малого и среднего бизнеса в создании ВВП – примерно 20 % – определена тем, что базовые принципы развития МСП были изложены в 2000 году, а базовый закон для данной сферы был принят в 2007 году. Затем происходило совершенствование законодательства. Иными словами, формирование условий для предпринимателей происходило постепенно, и быстрого результата ожидать не приходилось. Однако заметный рост этого показателя прогнозируется в 2024 году – до 32,5 % (для сравнения: в развитых странах он составляет 60–70 %). Можно заключить, что на фоне оттока западных компаний российский малый и средний бизнес начал занимать освободившиеся ниши (импортозамещение) и заметно подрос. Кроме того, государство в рамках национального проекта «Малое и среднее предпринимательство и поддержка индивидуальной предпринимательской инициативы»² действительно внедрило большое количество мер поддержки бизнеса, что отразилось на деловой активности предпринимателей. Но, как выясняется, достигнутый рост не является уверенной тенденцией. В 2020 году Промсвязьбанк (ПСБ) совместно с «Опорой России» внедрил индекс RSBI, отражающий поведение МСП. В сентябре 2024 г. индекс RSBI составлял 55,2 пункта, в октябре – 53,9 пункта, в ноябре – 53,4 пункта³. Вообще, показатель выше 50 пунктов считается оптимистичным, но в данном случае наблюдается его снижение. Деловая пресса опубликовала комментарии экспертов по этому поводу. Если их обобщить, получается следующая картина.

Предприниматели пессимистично оценивают деловые перспективы в основном ввиду высокой ключевой ставки. Во-первых, растет число предпринимателей, не готовых в текущих условиях брать кредиты на развитие бизнеса (снижение компоненты Кредиты). Во-вторых, в текущих условиях предприниматели сталкиваются с цепочкой проблем: повышение цен на услуги поставщиков, транспортировку и пр. – рост производственных затрат – рост себестоимости продукции и, как следствие, цены – проблемы со сбытом товаров и услуг (снижение компоненты Продажи).

¹ ВВП, безработица, инфляция. Подведены главные экономические итоги 2024 года // Аргументы и факты. 2024. 26 декабря.

² Что ждет малый и средний бизнес в России после 2024 года [Электронный ресурс] // Опора России: сайт. URL: <https://opora.ru/news/media-about-us/chto-zhdet-malyy-i-sredniy-biznes-v-rossii-posle-2024-goda/> (дата обращения: 26 декабря 2024).

³ Индекс Russia Small Business Index [Электронный ресурс] // Индекс RSBI по годам: сайт. URL: <https://www.psbank.ru/business/rsbi>

В-третьих, ввиду проблем со сбытом товаров и услуг предприниматели перестают нанимать новых сотрудников (снижение компоненты Кадры) ¹. Фактически главный метод снижения инфляции (ключевая ставка) в отношении деятельности МСП стал импульсом для ее роста.

Надо сказать, это общая картина, которая не отражает ситуации в конкретных отраслях или компаниях. Где-то, например, сталкиваются с нехваткой кадров, где-то – с трудностями расчетов по импорту и пр. Есть сферы, которые успешно развиваются и смотрят в будущее вполне оптимистично. Причем оптимистично в будущее смотрят в основном компании из приоритетных отраслей экономики, для которых были разработаны особые стимулирующие меры: кредиты по сниженной ставке (ключевая ставка + максимум 2,75 % годовых), освобождение от уплаты НДС до 30 июня 2027 г. (гостиничный сектор) или в течение 5 лет после регистрации (туристический сектор), нулевая ставка по налогу на прибыль и временный мораторий на налоговые проверки (IT-сектор) и т. д. В конце 2024 г. Министерство экономического развития РФ обнародовало данные об отраслях МСП, отличившихся за 5 лет максимальными показателями экономического роста: обрабатывающие производства (6,76 % от общего количества субъектов МСП) – рост на 91 %; информация и связь (3,92 %) – на 94 %; гостиничный бизнес и общепит (3,33 %) – на 185 %, сельское хозяйство (2,68%) – на 70 % ². Заметим, что все перечисленные отрасли относятся к числу приоритетных, т. е. особым образом стимулируемых государством.

И все же звоночек в конце 2024 года прозвенел, и его нельзя игнорировать. Но на сайте Общероссийской общественной организации МСП «Опора России» появилась следующая информация. Поскольку действие национального проекта «Малое и среднее предпринимательство и поддержка индивидуальной предпринимательской инициативы» в 2024 году завершается, развернута работа по созданию нового национального проекта «Эффективная и конкурентная экономика» до 2030 года, включающего федеральный проект «Малое и среднее предпринимательство и поддержка индивидуальной предпринимательской инициативы». Финансирование мер поддержки МСП планируется сократить на 21 % в сравнении с объемом предшествующего периода. По мнению специалистов, в условиях роста ключевой ставки, инфляции и значительности производственных издержек МСП нуждается в увеличении, а не уменьшении государственной поддержки, ибо в сравнении с крупным бизнесом имеет меньшую прочность, и в этом же нуждается экономика, которая рискует потерять налаженную гибкость и адаптивность ³. Мы с пониманием относимся к причинам перераспределения бюджетных средств на фоне СВО. Вместе с тем считаем, что МСП, будучи источником пополнения бюджетов, должно развиваться эффективно и рационально, что требует от государства такого регулирования экономических отношений, которое при существующих вызовах обеспечило бы взаимную поддержку интересов.

Таким образом, наиболее проблематичным сектором экономики на фоне геополитической трансформации и особых условий формирования бюджетов РФ и субъектов РФ оказался сектор МСП, для которого в последние годы были созданы комфортные условия, но который объективно оказался (не во всех отраслях) не вполне готовым принять кризисные реалии сложного для экономики России периода.

¹ Усиливающийся пессимизм МСП продолжает сдерживать бизнес-активность // Коммерсант. 2024. 25 декабря; Пессимизм малого и среднего бизнеса в России нарастает // Деловой квартал. 2024. 25 декабря и др.

² В Минэкономразвития назвали отрасли МСП с максимальным вкладом в достижение национальных целей [Электронный ресурс] // Министерство экономического развития РФ: сайт. URL: https://www.economy.gov.ru/material/news/v_minekonomrazvitiya_nazvali_otrasli_msp_s_maksimalnym_vkladom_v_dostizhenie_nacionalnyh_celey.html (дата обращения: 30 декабря 2024).

³ Что ждет малый и средний бизнес в России после 2024 года [Электронный ресурс] // Опора России: сайт. URL: <https://opora.ru/news/media-about-us/chto-zhdet-malyi-i-sredniy-biznes-v-rossii-posle-2024-goda/> (дата обращения: 26 декабря 2024).

Предложения по совершенствованию российского законодательства в экономической сфере

С 2000 года, когда в Российской Федерации сменилось политическое руководство, начался новый этап формирования экономической системы и экономических отношений. Государство урегулировало отношения прежде всего с крупным бизнесом и сумело постепенно финансово укрепить. Укрепить так, чтобы не только поддержать сферы социального и стратегического значения, но также стимулировать развитие экономических отношений посредством государственного инвестирования в науку, современные технологии, образование, социальные лифты для наиболее перспективных представителей различных сфер деятельности и пр.

Наиболее эффективна экономическая система, в которой гармонично сочетаются государственная и все частные формы хозяйственной деятельности, т. е. малый, средний и крупный бизнес. Задачи по регулированию основных направлений взаимодействия государства и МСП были определены еще в 2000 году, но законодательство развивалось относительно медленно. Зато в последние годы внедрены самые разнообразные формы защиты поддержки МСП, результатом чего стал существенный вклад бизнеса в решение проблем занятости, сокращения социального неравенства, импортозамещения и пр. Обозначился рост вклада МСП в ВВП.

По результатам исследования вопросов экономических отношений в России выявлено, что за почти четверть века реформ они постепенно были урегулированы на устойчивый рост. Однако на фоне текущей геополитической обстановки и ведения СВО, послуживших основанием для пересмотра прицелов бюджетного планирования, а также фактора западных санкций в экономической сфере сформировались новые условия – на макро- и микроэкономическом уровнях проявились как позитивные, так и негативные результаты. На макроэкономическом уровне негативный эффект создает прежде всего инфляция. На микроэкономическом – ее последствия. Наиболее уязвимым звеном в плане реакции на инфляцию оказался сектор МСП.

В связи с изложенным считаем целесообразным внести некоторые предложения по совершенствованию российского законодательства в экономической сфере.

Исходим из того, что любой бизнес работает на прибыль и должен рассчитывать прежде всего на себя. Другое дело, что бизнес связан с рисками, которые усиливаются в независимых от него кризисных условиях, и тогда государство должно учитывать эти риски и принимать защитные меры.

В рамках нового национального проекта, планирующего поддержку МСП до 2030 года, предусмотрено сокращение финансирования на 21 %. Соответственно, необходим правильный подход к распределению средств.

Прежде всего необходимо четко определить цели. Национальный проект «Малое и среднее предпринимательство и поддержка индивидуальной предпринимательской инициативы» (до 2024 г.) был нацелен на увеличение занятости в сфере МСП до 25 млн человек, доли МСП в ВВП до 32,5 %, доли экспорта в общем объеме несырьевого экспорта до 10 %¹. То есть на период, когда бизнес дождался внимания к своим, годами не решаемым, проблемам и реальной государственной поддержки, упор делался на количественные показатели (хотя государство свои стратегические приоритеты из виду не выпустило (достаточно оценить количество мер поддержки, например, IT)). Для начального этапа реформ МСП это было логичное решение. Пройденный этап позволил выявить тенденции. Так, увеличение занятости в сфере МСП было достигнуто благодаря

¹ Паспорт национального проекта «Малое и среднее предпринимательство и поддержка индивидуальной предпринимательской инициативы» [Электронный ресурс] // Министерство экономического развития РФ: сайт. URL: https://www.economy.gov.ru/material/file/590794813211b644ea136d7da5a7c9cf/Passport_NP_MSP.pdf (дата обращения: 20 декабря 2024).

росту числа самозанятых (10 млн), а непосредственно в МСП – занятых в торговле (в 2023 г. 43 % новых предприятий). Старт был полезен, но сегодня стратегические цели в экономике диктуют изменение целей федерального проекта поддержки МСП. С предполагаемыми целями правительство определилось еще летом 2024 г.: качественные изменения сектора МСП, переход организаций в более высокую категорию сектора МСП, рост среднего бизнеса¹. Поставленные цели должны отразиться на распределении бюджетных затрат и особенно наиболее затратных мер поддержки. В связи с изложенным предлагаем разделить все сферы МСП по приоритетному принципу. Но не только с точки зрения значимости для экономики и прибыльности, а с точки зрения целесообразности льготной государственной поддержки.

Первое звено в этой цепи – приоритетные сферы экономики, что и поддерживалось ранее с прогрессивным результатом (ИТ, обрабатывающие производства, туризм, сельское хозяйство и др.). В этой части важно сохранить все существующие меры поддержки и учесть нюансы.

Что касается обрабатывающих производств, а это очень многообразная категория, от производства безалкогольных напитков до производства электроники или оптики, то важно, опираясь на статистику, определить наиболее значимые для экономики и ВВП отрасли, где МСП проседает, и сконцентрировать внимание на них. Один из методов стимулирования высокотехнологичных предприятий МСП, которые на сегодня составляют всего 0,6 % всех субъектов сектора, – введение правовой нормы, позволяющей им функционировать на условиях УСН при более высоких доходах, чем предусмотрено в Налоговом кодексе РФ (337,5 млн руб., согласно ст. 346.12²). Полагаем, в формате МСП высокотехнологичная сфера получит шанс на развитие, если упрощенный налоговый режим будет распространяться на нее и прикратно больших доходах, от 3 и более млрд в год. Еще один способ качественно изменить сектор МСП в сторону высокотехнологичных производств – заключение с ними офсетных контрактов, при которых государственный заказчик принимает долгосрочные обязательства по закупке производимой продукции на взаимовыгодных условиях (со стороны производителя принимаются, например, обязательства по освоению выпуска заказанного вида продукции и пр.). Офсетные контракты могут существенно и точно дополнить такую меру поддержки, как квота обязательных закупок государства и госкомпаний у МСП.

Здесь отметим, что офсетные контракты используются на практике, но само понятие не закреплено в законодательстве. Как форма государственно-частного партнерства, оно должно быть определено в Федеральном законе от 13 июля 2015 г. № 224-ФЗ «О государственно-частном партнерстве, муниципально-частном партнерстве в Российской Федерации и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации».

Что касается туризма и индустрии гостеприимства, следует принять во внимание фактор территориальных перспектив развития отрасли. В России существуют перегретые туристические центры с развитой инфраструктурой гостиничного, ресторанного, досугового сервиса и торговли (Москва, Санкт-Петербург, Краснодарский край и пр.). А есть территории с хорошим природным и/или историко-культурным потенциалом, которые только начали наращивать турпотоки или которые планируется развивать. Для них федеральная поддержка наиболее актуальна, и при распределении средств на меры поддержки этот фактор важно учесть. Совершенствование инфраструктуры в развитых центрах может осуществляться в рамках мер поддержки МСП регионального значения.

¹ За количеством и качеством подтянется // Коммерсант. 2024. 04 июня.

² Налоговый кодекс РФ. Ч. II от 5 августа 2000 г. № 117-ФЗ (с изм. и доп. от 29 октября 2024 г. № 362-ФЗ) [Электронный ресурс] // Официальный интернет-портал правовой информации: сайт. URL: <http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody=&nd=102067058> (дата обращения: 25 декабря 2024).

Второе звено в цепи не имеет связи с отраслями. Речь о начинающих компаниях. Практика показывает, что больше половины из них живут не более 2 лет. Значит, прибыль не дотягивает до инвестиций. Соответственно, есть смысл на правом уровне предусмотреть для них прежде всего налоговые и кредитные льготы.

Предлагаем распространить на вновь зарегистрированные предприятия МСП опыт налогового режима, апробированный в сфере общественного питания, но на других условиях.

Сфера общепита в целом была урегулирована особым образом. Для отнесения ее предприятий к МСП изменили предельные значения по численности работников с 250 до 1500 и доходам от ниже 2 млрд руб. до свыше 2 млрд руб. (средние предприятия), что отражено в Законе № 209. С 2022 года вступили в силу налоговые нормы, освобождающие предприятия общепита от НДС и вводящие пониженную ставку по страховым взносам при условии, если численность персонала превышает 250 человек. Возможность применения этих норм предполагает выполнение и других условий: в предшествующем году доходы не превысили 2 млрд руб., удельный вес доходов от оказания услуг общепита составил не менее 70 % от общей суммы облагаемых доходов; среднемесячная зарплата работников соответствовала среднемесячной региональной зарплате по отрасли (пп. 38 п. 3 ст. 149 НК РФ¹).

У вновь зарегистрированных организаций, у которых нет показателей за предыдущий год и нет изменений по критериям отнесения к категориям МСП, главный критерий – регистрация в едином реестре субъектов МСП. Предлагается в целях поддержки начинающих организаций, в т. ч. не имеющих приоритетного кода ОКВЭД, включить в п. 3 ст. 149 НК РФ новый подпункт, освобождающий их от НДС на 2 года даже при налогообложении по УСН. Второй шаг – целевое льготное кредитование с процентной ставкой от 1 до 5 % (как для IT-отрасли) в течение 2 лет – на приобретение оборудования, сырья, развитие бизнеса, выплату заработной платы на стартовом этапе. Еще вариант – зонтичные поручительства (вид поддержки, при котором часть обязательств заемщика, даже имеющего недостаток собственного залога, берет перед банком Корпорация МСП). Актуальны также программы наставничества, помогающие преодолеть сложности начального этапа и настраивающие на развитие и переход в следующую категорию МСП.

Третье звено в цепи оценено нами как критическое ввиду формальной нецелесообразности роста. Это «переростки» (МСП+), готовые к переходу в крупный бизнес, но предпочитающие дробить бизнес, чтобы не терять льготы, предусмотренные для МСП. На наш взгляд, действовать надо поэтапно, чтобы обеспечить постепенный переход в новый статус.

В отношении организаций из приоритетных отраслей следует пересмотреть классификационные параметры объектов МСП, увеличить их нормативную кадровую численность и размер прибыли, как это было сделано в отношении общепита. Следует также на законодательном уровне выделить МСП как переходную категорию с частично и временно сохраняющимися льготами, например, льготным кредитованием, зонтичными поручительствами Корпорации МСП (зонтичные поручительства помогают не только получить кредит при дефиците залога, но и снизить процентную ставку, что приветствуется в том числе компаниями с низким уровнем рисков).

Для всех категорий МСП необходимо сохранить гранты на перспективные разработки, от стартапов до инновационных, экспортных и иных проектов.

Полагаем, предложенные меры могут способствовать преодолению кризисных проявлений в экономике и стабилизировать экономические отношения.

¹ Налоговый кодекс РФ. Ч. II от 5 августа 2000 г. № 117-ФЗ (с изм. и доп. от 29 октября 2024 г. № 362-ФЗ) [Электронный ресурс] // Официальный интернет-портал правовой информации: сайт. URL: <http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody=&nd=102067058> (дата обращения: 25 декабря 2024).

Заключение

Анализ правовых документов показал, что в ходе законотворческих действий на рубеже 1990-х годов последовательно решались две основные задачи: тотальное выкорчевывание наследия государственной экономической системы и подчинение российской экономики внешним игрокам. На существование первой задачи указывает выраженная тенденция к максимальному сокращению публичного сектора экономики, хотя государство остро нуждалось в средствах на социальные и иные нужды. Но за ним в основном оставляли либо то, что нигде и никогда не бывало в частном распоряжении (например, государственную казну), либо то, что бизнесу поддерживать был невыгодно. На существование второй задачи указывают: правовые нормы, позволившие приобретать государственное/муниципальное имущество в России иностранным физическим и юридическим лицам, и правовые нормы, вовлекшие в кредитование приватизационных сделок исключительно коммерческие, в т. ч. иностранные банки, причем в период, когда система российских коммерческих банков находилась в стадии становления и стабильностью не отличалась. В итоге началось формирование деструктивной экономической системы, гораздо более слабой, чем поздняя государственная. С 2000 года, когда в России сменилось политическое руководство, начался новый этап формирования экономической системы и экономических отношений. Государство урегулировало отношения прежде всего с крупным бизнесом и сумело постепенно финансово окрепнуть так, чтобы не только поддержать сферы социального и стратегического значения, но также стимулировать развитие экономических отношений посредством государственного инвестирования в науку, современные технологии, образование, социальные лифты для наиболее перспективных представителей различных сфер деятельности и пр.

Таким образом, в настоящее время государство в рамках отношений, возникающих между ним и рынком, использует различные формы участия в экономической деятельности и, соответственно, выступает в различных ролях объектно-субъектных отношений: управляет государственными организациями и выступает в роли собственника; организует госзакупки и выступает в роли заказчика; осуществляет инвестиционную деятельность и выступает в роли инвестора; является стороной государственно-частного партнерства и выступает в роли партнера. Наиболее эффективна экономическая система, в которой гармонично сочетаются государственная и все частные формы хозяйственной деятельности, т. е. малый, средний и крупный бизнес. Задачи по регулированию основных направлений взаимодействия государства и МСП были определены еще в 2000 году, но законодательство развивалось относительно медленно. Тем не менее в последние годы внедрены самые разнообразные формы защиты поддержки МСП, результатом чего стал существенный вклад бизнеса в решение проблем занятости, сокращения социального неравенства, импортозамещения и пр.

По результатам исследования вопросов правового регулирования экономических отношений в России выявлено, что за почти четверть века реформ они постепенно были урегулированы на устойчивый рост. Однако на фоне текущей геополитической обстановки и ведения СВО, послуживших основанием для пересмотра принципов бюджетного планирования, а также фактора западных санкций в экономической сфере сформировались новые условия – на макро- и микроэкономическом уровнях проявились как позитивные, так и негативные результаты. На макроэкономическом уровне негативный эффект создает прежде всего инфляция. На микроэкономическом – ее последствия. Наиболее уязвимым звеном в плане реакции на инфляцию оказался сектор МСП.

В связи с изложенным считаем целесообразным внести некоторые предложения по совершенствованию российского законодательства в экономической сфере, которые были представлены в работе. Полагаем, что предложенные меры могут способствовать преодолению кризисных проявлений в экономике и стабилизировать экономические отношения.

Список литературы

- Абазов А.А., Юсупов Р.Г. 2023. Мировые тенденции правового регулирования экономических отношений. *Вестник Института права Башкирского государственного университета*, 1(17): 7–20. DOI 10.33184/vest-law-bsu-2023.17.1
- Абазов А.А., Галимханов А.Б., Юсупов Р.Г. 2024. О правовом регулировании экономических отношений в России в период перехода к рыночной экономике (1990–1993 гг.) // *Вестник Института права Башкирского государственного университета*, 3: 20–34. <https://doi.org/10.33184/vest-law-bsu-2024.23.2>
- Колобова Г.А. 2012. Политико-правовые механизмы российского государства в условиях переходной экономики (1991–1999). *Правовое государство: теория и практика*, 1(27): 15–22.
- Колобова Г.А. 2012. Политический режим как ключевой детерминант развития системы политико-государственных механизмов регулирования российской экономики в постсоветский период. *Право и политика*, 11: 1829–1837.
- Краузов И.Н. 2022. Понятие и признаки корпораций в Российской Федерации. *Молодой ученый*, 13(408): 207–209.
- Лавровский И.К. 2021. Экономическая трансформация советской системы в 1980–1990-х годах: источники капитала и власти. *Всероссийский экономический журнал ЭКО*, 12: 24–45.
- Левина М.И. 2019. Исследование экономических систем и их классификация. *Экономика. Право. Инновации*, 2: 6–13.
- Маковецкий М.Ю. 2020. Малое и среднее предпринимательство как ключевой элемент экономического развития Российской Федерации. *Вестник Московского университета им. С.Ю. Витте. Серия 1: Экономика и управление*, 4(35): 66–74. DOI 10.21777/2587-554X-2020-4-66-74.
- Мамонов П.С. 2017. Правовое регулирование деятельности субъектов малого и среднего предпринимательства: теория и практика. *Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского*, 6: 108–113.
- Шестаков Д.Е., Хайткулов Р.Г., Самулкин А.С. 2007. Эволюция концепции российских экономических реформ 1980–1990-х гг.: Препринт WP11/2007/01. М.: ГУ ВШЭ, 56 с.

References

- Abazov A.A., Yusupov R.G. 2023. World trends in economic relations legal regulation. *Bulletin of the Institute of Law of the Bashkir State University*, 1(17): 7–20 (in Russian). DOI 10.33184/vest-law-bsu-2023.17.1
- Abazov A.A., Galimkhanov A.B., Yusupov R.G. 2024. On the Legal Regulation of Economic Relations in Russia during the Market Economy Transition (1990–1993). *Bulletin of the Institute of Law of the Bashkir State University*, 3: 20–34 (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.33184/vest-law-bsu-2024.23.2>
- Kolobova G.A. 2012. Politiko-pravovye mekhanizmy rossijskogo gosudarstva v usloviyah perekhodnoj ekonomiki (1991–1999) [Political and legal mechanisms of the Russian state in a transitional economy (1991–1999)]. *Pravovoe gosudarstvo: teoriya i praktika*, 1 (27): 15–22.
- Kolobova G.A. 2012. Politicheskij rezhim kak klyuchevoj determinant razvitiya sistemy politiko-gosudarstvennyh mekhanizmov regulirovaniya rossijskoj ekonomiki v postsovetskij period [The political regime as a key determinant of the development of the system of political and state mechanisms for regulating the Russian economy in the post-Soviet period]. *Pravo i politika*, 11: 1829–1837.
- Krauzov I.N. 2022. Ponyatie i priznaki korporacij v Rossijskoj Federacii [The concept and attributes of corporations in the Russian Federation. *Molodoj uchenyj*], 13 (408): 207–209.
- Lavrovsky I.K. 2021. The Economic Transformation of the Soviet System in the 1980s and 1990s: the Sources of Capital and Power. *Vserossiyskij ekonomicheskij zhurnal ECO*, 12: 24–45. (in Russian)
- Levina M.I. 2019. Issledovanie ekonomicheskikh sistem i ikh klassifikatsiya [The study of economic systems and their classification]. *Economics. Law. Innovations*, 2: 6–13. (in Russian)
- Makovetskiy M.Y. 2020. Small and medium-sized enterprises as a key element of the economic development of the Russian Federation. *Vestnik Moskovskogo universiteta im. S. Y. Witte* =

- Bulletin of the Moscow Witte University. Series 1: Economics and Management*, 4(35): 66–74 (in Russian). DOI 10.21777/2587-554X-2020-4-66-74
- Mamonov P.S. 2017. Legal regulation of activities of small and medium entrepreneurship subjects: theory and practice. *Bulletin of Lobachevsky University of Nizhny Novgorod*, 6: 108–113 (in Russian).
- Shestakov D.E., Haitkulov R.G., Samulkin A.S. 2007. Evolyuciya koncepcii rossijskih ekonomicheskikh reform 1980–1990-h gg. [The evolution of the concept of Russian economic reforms in the 1980s and 1990s]: Preprint WP11/2007/01. M.: GU VShE, 56 s.

Конфликт интересов: о потенциальном конфликте интересов не сообщалось.
Conflict of interest: no potential conflict of interest has been reported.

Поступила в редакцию 27.12.2024
Поступила после рецензирования 20.01.2025
Принята к публикации 25.01.2025

Received December 27, 2024
Revised January 20, 2025
Accepted January 25, 2025

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Чинаев Тимур Винерович, доцент кафедры финансового и административного права Института права, Уфимский университет науки и технологий; доцент кафедры региональной экономики и управления, Уфимский государственный нефтяной технический университет, г. Уфа, Россия.

Юсупов Рахимьян Галимьянович, профессор кафедры теории государства и права Института права, Уфимский университет науки и технологий, г. Уфа, Россия.

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Timur V. Chinaev, associate Professor, Department of Financial and Administrative Law, Institute of Law, Ufa University of Science and Technology; associate Professor, Department of Regional Economics and Management, Ufa State Petroleum Technological University, Ufa, Russia.

Rakhimian G. Yusupov, professor of the Department of Theory of State and Law, Ufa University of Science and Technology, Ufa, Russia.

ЧЕЛОВЕК. КУЛЬТУРА. ОБЩЕСТВО. ПРАВСТВЕННОСТЬ HUMAN. CULTURE. SOCIETY. MORALITY

УДК 32

DOI 10.52575/2712-746X-2025-50-1-135-145

Методы противодействия угрозе информационного воздействия на духовную сферу России

Ковалев А.А.

Северо-Западный институт управления – филиал Российской академии народного хозяйства
и государственной службы при Президенте Российской Федерации
Россия, 199178, Санкт-Петербург, Средний проспект В.О., д. 57/43
kovalev-aa@ranepa.ru

Аннотация. В условиях цифровизации и глобального распространения информационных технологий усиливаются угрозы, направленные на духовную сферу общества. Информационная война становится ключевым инструментом воздействия на массовое сознание, что требует анализа и поиска эффективных мер противодействия. Однако, несмотря на значительное число работ, посвященных вопросам информационного противоборства, аспекты защиты духовной сферы остаются недостаточно разработанными. Целью исследования является разработка комплекса мер, направленных на снижение негативного воздействия информационных угроз на духовные ценности российского общества. В работе рассмотрены эволюция информационной войны, ее влияние на систему ценностей, а также предложены конкретные меры защиты, учитывающие исторические, культурные и философские аспекты. Сделан вывод о необходимости системного подхода к защите духовной сферы, который охватывает патриотическое воспитание, развитие гуманитарного образования и правовое регулирование в сфере информационной безопасности.

Ключевые слова: информационная война, человек, защита, уникальность, самоидентичность, ценности, противостояние

Для цитирования: Ковалев А.А. 2025. Методы противодействия угрозе информационного воздействия на духовную сферу России. *NOMOTHETIKA: Философия. Социология. Право*, 50(1): 135–145. DOI: 10.52575/2712-746X-2025-50-1-135-145

Methods of Countering the Threat of Information Impact on the Spiritual Sphere of Russia

Andrey A. Kovalev

Northwestern Institute of Management – branch of the Russian Academy of National Economy
and Public Administration under the President of the Russian Federation
57/43 Sredny V.O. Av., St. Petersburg 199178, Russian Federation
kovalev-aa@ranepa.ru

Abstract. In the context of digitalization and the global spread of information technology, threats aimed at the spiritual sphere of society are increasing. Information warfare is becoming a key tool for influencing mass consciousness, which requires analysis and the search for effective countermeasures. However, despite a significant number of works devoted to the issues of information warfare, aspects of the protection of the spiritual sphere remain insufficiently studied. The purpose of the research is to develop a set of measures aimed at reducing the negative impact of information threats on the spiritual

values of Russian society. The paper examines the evolution of information warfare, its impact on the value system, and suggests specific protective measures that take into account historical, cultural, and philosophical aspects. The conclusion is made about the need for a systemic approach to the protection of the spiritual sphere, which covers patriotic education, the development of humanitarian education and legal regulation in the field of information security.

Keywords: information war, man, protection, uniqueness, self-identity, values, confrontation

For citation: Kovalev A.A. 2025. Methods of Countering the Threat of Information Impact on the Spiritual Sphere of Russia. *NOMOTHETIKA: Philosophy. Sociology. Law*, 50(1): 135–145 (in Russian). DOI: 10.52575/2712-746X-2025-50-1-135-145

Введение

В XXI веке человечество столкнулось с беспрецедентным экзистенциальным противоречием, вызванным развитием информационных технологий. С одной стороны, они значительно улучшили качество жизни миллионов людей, с другой – стали фактором, усугубившим глобальные кризисные процессы, затрагивающие устойчивость человеческого существования и всей планеты. Иными словами, современные технологии стали источником множества угроз глобального значения, а информационная война как новый способ межгосударственного противостояния стала основным средством практической реализации таких угроз. Человек становится главной мишенью информационных атак с помощью воздействия на его сознание, мышление, менталитет, а также на духовную сферу.

В чем опасность такого воздействия для человека, общества и государства в долгосрочной перспективе? Дело в том, что духовная сфера представляет собой систему ценностных ориентиров, регулирующих общественную жизнь. Она формирует сдерживающие рамки, направляет поведение и задает жизненные ориентиры. Однако длительное информационное воздействие способно нарушить целостность смыслообразующей структуры, что приводит к хаосу. Такой хаос не является стихийным – он формируется и управляется силами, стремящимися к дестабилизации общества и разрушению духовных основ. Разбалансированность общества-мишени в духовной сфере приводит к разрушению исторических и духовно-патриотических традиций, ослаблению защиты национальных ценностей и размыванию духовно-нравственных основ. Подобное состояние оказывает влияние на сознание человека и общества, провоцируя рост межнациональной и социальной напряженности, разжигание этнической и религиозной вражды. Целенаправленное информационное воздействие создает условия для распространения экстремистской идеологии и вовлечения новых сторонников в радикальные движения, что может привести к террористической деятельности.

Как отмечает Г.А. Никоноров, информационный ущерб духовной культуре может быть локальным (обратимым) и фатальным (необратимым) [Никоноров, 2012, с. 61]. Целью информационного воздействия в рамках информационной войны, безусловно, является фатальный ущерб. В таких условиях особую значимость приобретает разработка тех мер, которые позволили бы снизить влияние рассматриваемой угрозы и минимизировать ее последствия.

Исследование информационного воздействия как инструмента межгосударственного противоборства активно развивается с конца XX века. Мартин Либики (Martin C. Libicki) – американский эксперт в области информационной безопасности и военных технологий, в своей работе *Conquest in Cyberspace* анализирует роль киберпространства в национальной безопасности и специфику ведения информационных операций [Libicki, 2007]. Ричард Шафрански (Richard Szafranski) – военный аналитик, разработал концепцию «неокортикальной войны», рассматривая управление сознанием и восприятием как

стратегический инструмент влияния на принятие решений [Szafranski, 1997]. Джозеф Най (Joseph S. Nye, Jr.) – профессор Гарвардского университета, один из ведущих исследователей международных отношений, в книге *Soft Power: The Means to Success in World Politics* раскрывает значение «мягкой силы» как способа формирования общественного мнения и изменения политических процессов [Nye, 2004]. Мэри Калдор (Mary Kaldor) – британский политолог, профессор Лондонской школы экономики, в книге *New and Old Wars: Organized Violence in a Global Era* исследует трансформацию современных конфликтов, отмечая, что манипуляция сознанием становится ключевым элементом политического воздействия [Kaldor, 2012]. В отечественной науке профессор С.П. Расторгуев рассматривает информационное воздействие как целенаправленный процесс изменения массового сознания, подчеркивая, что успешное противостояние возможно только при активной стратегии, поскольку полное устранение информационного влияния недостижимо [Расторгуев, 2003].

Однако, несмотря на широкий спектр исследований, защита духовной сферы от информационного воздействия остается недостаточно изученной: существующие работы преимущественно сосредоточены на технологических, политических и экономических аспектах, тогда как влияние на систему ценностей, механизмы трансформации духовных ориентиров и пути их сохранения требуют дальнейшего осмысления.

Цель исследования – предложение и раскрытие мер по предотвращению влияния информационного воздействия на сферу духовной жизни россиян.

Объект исследования – защита духовной сферы России от угроз. Основным методом настоящей статьи выступает аксиологический метод, который позволяет изучить духовные ценности в качестве важнейшего объекта государственной защиты в условиях информационных угроз.

Информационное воздействие как военная угроза

Любая война, будь то классическая или относящаяся к новому типу, оказывает влияние на мировосприятие и сознание человека. Каждая форма вооруженного противостояния обладает собственной философией, определяющей цели, методы и средства ведения борьбы. В условиях технологического развития информационное воздействие перестает быть лишь инструментом пропаганды и постепенно трансформируется в самостоятельную форму противоборства, охватывающую все сферы общественной жизни. Манипуляция массовым сознанием, разрушение традиционных ценностных ориентиров и подрыв доверия к государственным институтам становятся ключевыми методами воздействия на противника.

Очевидно, что информационная война – это не традиционное вооружение и не классическая борьба на физическом поле боя с летальными людскими потерями, однако новейшие информационные технологии, с помощью которых происходит разрешение межгосударственных противоречий, приближены к вооруженным средствам противоборства. Тем самым в условиях информационной войны «внедрение результатов научных исследований в сфере цифровых технологий, искусственного интеллекта, управления массовым сознанием и пр. позволяет наносить врагу ощутимый урон в ходе ведения гибридной, информационной или кибер-войны» [Лукин, Хайрулин, 2022, с. 33].

Философские концепции информационной войны претерпели значительные изменения с конца XX века. Менее чем за три десятилетия произошло смещение акцентов в понимании ее целей и механизмов. Если ранее основным объектом воздействия считался разум лиц, принимающих ключевые политические, военные и экономические решения, то в третьем десятилетии XXI века главным объектом информационного влияния становится человек как представитель той или иной нации. Хотя элиты по-прежнему остаются в фокусе информационно-психологических операций, стратегические усилия в большей степени направлены на массовое сознание населения противостоящих государств.

Информационное воздействие рассматривается не просто как инструмент влияния, а как способ формирования новых поведенческих моделей, что делает население ключевым объектом информационной войны.

При этом важно учитывать, что объективная картина мира не играет ключевой роли в информационной войне. Для достижения победы необходимо изучить противника, понять его картину мира, мировоззрение и восприятие реальности. Иными словами, субъективные представления человека становятся главной целью воздействия и последующего изменения. Особую озабоченность вызывает влияние информационных атак на духовную сферу, которая в совокупности с целями, средствами, участниками и разрушительными последствиями рассматривается на официальном уровне как угроза национальной безопасности. В Стратегии национальной безопасности РФ (2021 года)¹ защите духовных основ уделяется значительное внимание, поскольку они стали одной из ключевых целей негативного информационного влияния.

Современные стратегии информационного воздействия направлены на размывание национально-культурных основ и формирование новой системы ценностей, враждебной традиционному укладу общества. Важной чертой таких атак является их комплексный характер: они охватывают не только прямую пропаганду, но и манипуляцию социальными процессами, культурную экспансию, подмену исторических и идеологических ориентиров. Исследование показывает, что информационное воздействие на духовную сферу осуществляется через медийные платформы, образовательные инициативы и общественно-политическую повестку, изменяя представления о морально-нравственных нормах и историческом наследии. Одним из ключевых инструментов становится перекодирование смыслов, в результате чего традиционные духовные и патриотические ценности подвергаются критике, а их носители – маргинализации. Подобные трансформации создают условия для формирования альтернативной идентичности, вступающей в конфликт с исторически сложившейся системой ценностей.

Вмешательство извне в культурную, образовательную и информационную сферы жизни человека создает основу для дальнейшего влияния на духовную сферу, изменения фундаментальных ориентиров и манипулирования сознанием и поведением. Особую озабоченность вызывает деструктивное информационное воздействие, инициируемое внешними акторами и направленное на молодежь. Молодое поколение становится ключевым фактором общественного развития, поскольку в его среде происходит обновление опыта, освоение новых идей и формирование будущих ценностных ориентиров. Подобные процессы, естественные для любой нации, в условиях цифровых технологий и информационного воздействия могут выйти из-под контроля, приобретая хаотичный характер и приводя к спонтанным изменениям, не учитывающим исторический, культурный и ментальный фундамент общества.

Информационная война между Западом и Россией, которая в настоящее время является объективной реальностью, стала одной из самых широкомасштабных по причине того, что Россия стремится защищать свои традиционные ценности, сохраняя тем самым свою уникальность и суверенность, тогда как страны коллективного Запада пытаются унифицировать весь мир (разумеется, по западному образцу). Здесь выявляется принципиальная несовместимость взглядов на глобальное существование этих двух центров силы, смысл которого для России заключается в реализации принципа единства в многообразии (по нему, по сути, и строится взаимодействие регионов и федерального центра внутри самой России). При этом Запад признает только свою гегемонию в процессе выстраивания международных взаимодействий. Важно отметить, что отстаивание своих духовных ценностей и исторической правды, пропаганда

¹ Указ Президента Российской Федерации от 02.07.2021 № 400 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации» // Официальные сетевые ресурсы Президента России. URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/47046> (дата обращения: 20.07.2024).

патриотических чувств и настроений, стремление к сохранению культурного кода со стороны национальных государств воспринимается на Западе как провокация агрессии и надуманность проблем и различий [Шевченко, 2015]. Очевидно, что сами национальные государства воспринимают такую политику как навязывание и нарушение своей самоидентичности и стремятся противостоять таким попыткам вмешательства.

Меры противодействия угрозе духовной сфере в информационной войне

Итак, рассмотренные далее мероприятия направлены на предотвращение угрозы информационного воздействия на население с целью подрыва исторических и духовно-патриотических традиций в области защиты Отечества (включая размывание духовно-нравственных ценностей), а также на индивидуальное, групповое и общественное сознание в целях нагнетания межнациональной и социальной напряженности, разжигания этнической и религиозной ненависти (вражды); пропаганды экстремистской идеологии и привлечения к террористической деятельности новых сторонников.

Важно осознавать, что информационное воздействие в рамках информационной войны основано на тщательном и непредвзятом изучении своего противника для разработки и внедрения наиболее жизнеспособных и эффективных стратегий, максимально приближенных к реалиям существования нации-мишени. Каждая нация как носитель уникального культурного кода имеет свои сильные и слабые стороны, которые и подлежат исследованию во время подготовки информационных атак. Именно поэтому народ должен принимать и свои достоинства, и свои недостатки объективно для того, чтобы предпринять действенные контрмеры, направленные на идентификацию информационного воздействия и минимизацию его последствий. При разработке и реализации данных мероприятий стоит уделять достаточное внимание военно-патриотическому воспитанию, укреплению его объединяющей роли, а также значимости военной службы. Именно поэтому необходимо ответственно подходить к подготовке высокопрофессиональных, преданных Отечеству военнослужащих, повышению престижа военной службы.

Согласимся с мнением А.В. Ореховского о том, что героико-патриотическое воспитание приобретает особую актуальность в современных условиях [Ореховский, 2015]. Именно с его помощью у современной молодежи может сформироваться полноценное патриотическое сознание, благодаря утверждению которого у его носителей стремление защищать свое Отечество будет автоматизировано, то есть закреплено на уровне подсознания. Основываться героико-патриотическое воспитание должно на научности, гуманизме, системности, преемственности, приоритетности исторического и культурного наследия России, ее традиций и духовных ценностей и на ряде других важнейших принципов [Лутовинов, 2001, с. 27]. Тем самым россияне, особенно молодого поколения, должны осознать (на уровне сознания) и почувствовать (на уровне подсознания) преемственность отечественной истории, ее особое место в мировой истории, а также собственную причастность к написанию новой главы нашей общей истории, происходящей в настоящее значимое для государства и всех россиян время.

Для противодействия рассматриваемой угрозе необходимо активное патриотическое воспитание через средства массовой информации и коммуникации. Важную роль в этом процессе играют фильмы, музыкальные произведения, литературные тексты, раскрывающие красоту подвига, самоотверженность и высокие идеалы. Приверженность высоким ценностям должна демонстрироваться не только населением, но и представителями власти, известными общественными деятелями, спортсменами и артистами, оказывающими значительное влияние на молодежь. Их пример может способствовать укреплению морально-нравственных ориентиров и формированию чувства ответственности перед страной. Возрастающий интерес к патриотической тематике подтверждается востребованностью музыкальных произведений

соответствующей направленности, появлением видеоматериалов, посвященных подвигам военнослужащих, а также популяризацией патриотической поэзии в цифровом пространстве.

В настоящее время противостояние России с Западом на Украине – это еще и борьба за сохранение российских традиционных духовно-нравственных ценностей, которые дискредитированы в западных странах и на государственном уровне заменяются другими ценностями (неолиберальными), сочетающимися с абсолютной свободой выбора, крайним индивидуализмом на грани эгоизма, трансгуманизмом и безбожием. Избежать подобного сценария в России – прямая задача государства и общества в ближайшее время совместными усилиями.

На фоне информационной угрозы особое значение приобретает развитие гуманитарного образования, включающего духовно-нравственное воспитание, а также изучение религиозных божественных заповедей и морально-нравственных принципов. Таким способом российскому обществу будут прививаться и в нем будут укрепляться гуманные духовные общечеловеческие ценности, с помощью которых будет обеспечен процесс консолидации общества. Православие как объединяющая религия для всей России проповедует идею единства в равенстве всех перед Богом. Мысль о единстве, которая направлена против социального деления человеческого общества на нации, расы, классы, касты, сословия, в настоящее время как никогда актуальна. Такая идеология, основанная на принципе единства, призывает к формированию свободного общества социального равенства. Исторически сложилось так, что именно православию великие отечественные философы отводили объединяющую роль не только для русских людей (шире – православных), но и в целом для всего мира [Лосский, 1994, с. 232-233]. Например, Ф.М. Достоевский был убежден, что «именно русские положат начало всепримирению народов и обновлению людей на истинных началах Христовых»¹. То есть именно христианское учение способно противостоять сословности, социальному неравенству, строгой общественной иерархии человечества, которые инициируются элитарным сообществом, имеющим транснациональный характер.

Для противодействия нагнетанию напряженности, разжиганию вражды и ненависти по тем или иным основаниям, необходимо стремиться к достижению высокого уровня межнациональной толерантности. Этого можно достичь, например, обращаясь в рамках поля публичного дискурса к консолидирующим темам (значимым историческим событиям, патриотическим чувствам, научным/культурным достижениям и т.д.) [Мажников, 2013], формируя с их помощью актуальную для государства и общества повестку.

Необходимо на государственном уровне организовать противодействие использованию информационных технологий с целью пропаганды экстремистской идеологии, распространения ксенофобии, идей национальной исключительности в целях подрыва суверенитета, политической и социальной стабильности, насильственного изменения конституционного строя, нарушения территориальной целостности Российской Федерации.

Зачастую зарубежные и оппозиционные медиа становятся инструментом для разжигания ненависти и вражды по религиозным, национальным, социальным, расовым и гендерным признакам, демонстрируя вербальные проявления экстремизма. Для противостояния данной угрозе, сосредоточенной в СМИ, необходимо, например, вовремя выявлять все подозрительные публикации (в том числе и в Интернете) и проводить лингвистическую (лингвокриминалистическую, психолингвистическую) экспертизу на предмет выявления основной интенции автора материала [Расопова, 2014, с. 132]. И если будет выявлено, что эта публикация направлена на формирование негативного стереотипа

¹ Достоевский Ф.М. Дневник писателя (1876). Июнь [Электронный ресурс] // Азбука веры [сайт]. – URL: <https://azbyka.ru/fiction/dnevnik-pisatelya-1876/6/> (дата обращения: 21.07.2024).

в отношении той или иной группы, то такой материал однозначно должен считаться экстремистским (разжигающим вражду, рознь по различным признакам, идентифицирующим группу).

По нашему мнению, чтобы подобная деятельность была своевременной и эффективной, государство должно, во-первых, готовить профессиональный штат лингвистов-экспертов; и, во-вторых, поощрять волонтерскую деятельность в данном направлении с дальнейшим профессиональным исследованием подозрительных материалов. После успешного выявления подобных деструктивных материалов необходимо сначала оперативно их изъять из свободного доступа и в дальнейшем опубликовать либо опровержение, либо аналитический разбор (если он уместен и понятен большинству аудитории, для которой предназначается) скомпрометировавшей себя публикации (актуально и для радиопередачи, видеоролика, ТВ-программы и т.д.). При этом важно понимать, что избыточные меры в выявлении правонарушений экстремистского характера, во-первых, увеличивают нагрузку на экспертов (особенно в период, когда в России начали наказывать за репосты в Сети¹); во-вторых, отвлекают внимание от действительно опасных преступлений. Решением проблемы может стать инициатива государства по внесению изменений в правовую сферу, направленных на повышение законности при расследовании и привлечении к ответственности за возбуждение ненависти либо вражды, а также на стабилизацию общественной обстановки в условиях нарастающей социальной дифференциации [Еремин, Романов, 2020, с. 212].

Организация работы по устранению угрозы разжигания ненависти и вражды, нагнетания напряженности должна проводиться с учетом ряда аспектов, которые подлежат выявлению и устранению, среди них:

- 1) возбуждение (подстрекательство) ненависти;
- 2) оскорбление (унижение достоинства) человека или группы населения по признакам расы, национальности, религии и т.п.;
- 3) пропаганда национальной исключительности (превосходства) или неполноценности;
- 4) угрозы по мотивам ненависти;
- 5) физические посягательства по мотивам ненависти;
- 6) литература ненависти и ее распространение;
- 7) призывы к дискриминации;
- 8) отрицание холокоста и его последствий [Капинус, 2007, с. 79-81].

Наряду с патриотическим воспитанием подрастающего поколения большое значение в вопросах противодействия пропаганде экстремистской идеологии и привлечения к террористической деятельности имеет объяснение молодому человеку того, что он должен состояться как личность, которая понимается как истинный представитель культуры своего народа, включающий его культурный код [Борзова, Лебедев, 2021]. То есть отдельный человек должен ощущать себя частью общего (нации, народа, общества, государства), при этом не теряя своей индивидуальности. А как это сделать? Чтобы воспитать в человеке личность, причастную к чему-то большому и целому, необходимо включать в учебно-воспитательный процесс дисциплину «Этика» и преподавать этические основы, выступающие в качестве традиционных нравственных ценностей, опирающихся на гуманизм и противостоящих трансгуманизму, циничному прагматизму, технократизму, нацизму, насаждению фрагментарного сознания.

Важно понимать, что борьба с экстремизмом и терроризмом в настоящее время должна быть комплексной, то есть включать в себя как превентивные меры, так и меры по фактической ликвидации последствий уже случившихся акций (с помощью правоохранительной, судебной и иной деятельности). К сожалению, превентивным мерам –

¹ Срок за репост: сколько в России осужденных за действия в интернете [Электронный ресурс] // Forbes [сайт]. – URL: <https://www.forbes.ru/tehnologii/369439-srok-za-repost-skolko-v-rossii-osuzhdennyh-za-deystviya-v-internete> (дата обращения: 14.03.2025).

мерам предотвращения и профилактики – уделяется в нашей стране недостаточно внимания. А это важно, ведь идеологический аспект борьбы с экстремизмом может привести к серьезным положительным результатам.

По нашему мнению, весьма эффективной может стать разработка и внедрение так называемой комплексной системы антиэкстремистской идеологии (идеологии борьбы), которая бы предназначалась для проведения с учащимися учебно-воспитательной работы в школах, вузах и ссузах страны. При этом разработчики такой программы должны учитывать разнородность и отсутствие монолитности в молодежной среде [Анисин, 2020, с. 109]. Серьезную подготовку к работе с учащимися должен пройти и педагогический состав учебных заведений [Перфилов, Иерусалимцева, 2018].

Также важно проводить просветительскую работу с молодежью, посвященную вопросам религиозности, роли религии в светском обществе, религиозных принципов и пресечения попыток эти принципы исказить и извратить в угоду политическим притязаниям отдельных групп, которые становятся причиной возникновения религиозного экстремизма и терроризма. При этом применяемый подход должен быть комплексным и единым в реализации по всей стране [Букаев, Волосова, 2020].

Важное место в вопросах противодействия рассматриваемой угрозе занимает защита духовно-нравственных ценностей от размывания, при этом особое значение здесь имеет воспитание патриотических ценностей и их охрана от внешних деструктивных воздействий. Для их защиты необходимо предпринимать следующие меры:

- 1) готовить преподавателей, тренеров, воспитателей, наставников, которые бы занимались трансляцией традиционных ценностей;
- 2) подготавливать и использовать в образовательно-воспитательном процессе наглядную учебную литературу и иные средства на основе объективных исторических данных. Это позволит выработать объективный автоматизм в восприятии тех вопросов российской и мировой истории, на которых особенно часто спекулируют идеологические противники России и манипулируют с целью подрыва и размывания патриотических чувств и духовно-нравственных ценностей в целом;
- 3) проводить разъяснительную работу в духе традиционных духовно-нравственных ценностей в религиозных общинах с целью укрепления межконфессионального диалога;
- 4) направить усилия на то, чтобы создать такие экономические условия, которые смогли бы препятствовать распространению религиозного экстремизма (например, этому может способствовать содействие занятости населения).

Важно понимать, что рассматриваемая угроза является комплексной, все ее приведенные аспекты взаимосвязаны, а это означает, что и меры по противодействию этой угрозе должны быть слаженными и подчиненными единой цели. Например, сложно не заметить очевидную обратную зависимость между патриотическим воспитанием и распространением радикальных (экстремистских и террористических) идеологий [Осокин, 2017]. То есть чем выше уровень патриотизма в стране, тем ниже приживаемость и распространение деструктивных идей среди населения, особенно среди молодежи; и наоборот. Поэтому и мероприятия по минимизации угрозы являются взаимообусловленными.

Таким образом, можно предложить следующие общие меры по противодействию этой комплексной угрозе, среди которых:

- повышение качества и уровня исторического образования и просвещения с помощью привлечения новых технологий исполнения и ресурсов, благодаря которым они распространяются;
- направление усилий на повышение уровня жизни населения в стране;
- отказ от насильственных и насаждаемых подходов в таких важнейших сферах жизни, как образование, а также культурологическое просвещение россиян в области традиционных для России религий и традиций народов страны;
- защита и поддержка тех культур народов России, которые являются самобытными;

– осуществление государственной поддержки семьи и детства, а также организация процесса просвещения родителей в сфере воспитания детей.

Иными словами, необходимо повышать благополучие общества во всех без исключения сферах общественно-государственной жизни, просвещать население, обучать его, повышать уровень его осознанности и сопротивляемости всем информационным атакам со стороны противодействующих сил. Ведь в благополучном обществе сложно сделать идеологию экстремизма популярной, непросто привлечь общество к террористической деятельности, а также практически невозможно успешно нагнетать напряженность и разжигать ненависть и вражду на религиозной, этнической, межнациональной и социальной почве [Дробижева, 2014; Монастырский, 2017]. Отсюда следует, что нужно направлять все силы на достижение роста благополучия российского общества. При этом социальная роль государства с одновременным сохранением сильной вертикали власти не должна уменьшаться или отходить на вторые роли.

Заключение

Информационное воздействие на духовную сферу общества признано на современном этапе угрозой национальной безопасности России. А поскольку одной из основных целей в нашем государстве признано народосбережение и человекоориентированность, то человек как исходная единица становится главной мишенью информационных атак со стороны противника и ключевым объектом защиты со стороны своего государства и общества. В настоящее время на фоне беспрецедентного давления на Россию практически во всех областях потребность в разработке мер противодействия информационной угрозе резко возросла. Поэтому предложенный комплекс мероприятий не может считаться исчерпывающим или полностью сформулированным и раскрытым и требует дальнейших исследований и проработок с учетом меняющейся реальной обстановки в мире и в нашей стране.

Список литературы

- Никоноров Г.А. 2012. Духовная культура современного российского общества как объект информационного воздействия. *Философия права*, 3 (52): 58–64.
- Libicki M. 2007. Conquest in cyberspace. National security and information warfare. Cambridge, 323 p.
- Szafranski R. 1997. Neocortical warfare? The acme of skill // In Athena's camp. Preparing for conflict in the information age. Ed. by J. Arquilla, D. Ronfeldt. Santa Monica, 501 p.
- Nye J.S. 2004. Soft Power: The Means to Success in World Politics. New York, Public Affairs, 216 p.
- Kaldor M. 2012. New and Old Wars: Organized Violence in a Global Era. Cambridge, Polity Press, 268 p.
- Расторгуев С.П. 2003. Философия информационной войны. М., Вузовская книга, МПСИ, 495 с.
- Лукин А.Н., Хайрулин Ш.Ш. 2022. Философия войны: формирование современного дискурса. *Социум и власть*, 3 (93): 25–36. DOI: 10.22394/1996-0522-2022-3-25-36.
- Шевченко В.Н. 2015. Информационная война Запада с исторической памятью россиян: логико-исторический аспект. *Философские науки*, 6: 7–21.
- Ореховский А.В. 2015. Героико-патриотическое воспитание российской молодежи как фактор национальной безопасности. *Современные проблемы социально-гуманитарных наук*, 2: 83–88.
- Лутовинов В.И. 2001. Патриотическое воспитание молодежи: концепция, программа, организационно-методические основы. М., Academia АПК и ПРО, 271 с.
- Лосский Н.О. 1994. Бог и мировое зло / Сост. А.П. Поляков, П.В. Алексеев, А.А. Яковлев. М., Республика, 436 с.
- Мажников В.И. 2013. Историческая память о сталинградской битве как фактор формирования межнациональной толерантности. *Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4: история. Регионоведение. Международные отношения*, 1(23): 8–13.
- Распопова Т.А. 2014. Признаки разжигания национальной и социальной вражды и ненависти и средства их выражения (на материале современных СМИ). *Ежегодник НИИ фундаментальных и прикладных исследований*, 1 (5): 131–142.

- Еремин Д.Ю., Романов И.В. 2020. Актуальные проблемы применения статьи 282 УК РФ «Разжигание ненависти либо вражды, а равно унижения человеческого достоинства». *Вопросы российского и международного права*, Т. 10, 6-1: 207–214.
- Капинус О.С., Додонов В.Н. 2007. Ответственность за разжигание расовой, национальной и религиозной вражды, а также другие «преступления ненависти» в современном уголовном праве. *Законы России: опыт, анализ, практика*, 8: 76–85.
- Борзова Е.П., Лебедев С.П. 2021. Русский характер, православный культурный код и менталитет российского народа. *Вестник Русской христианской гуманитарной академии*, Т. 22, 4-2: 145–162.
- Анисин А.Л., Бортников Д.В. 2020. Система противодействия идеологии экстремизма и терроризма в современной Российской Федерации. *Академическая мысль*, 2 (11): 107–111.
- Перфилов В.П., Иерусалимцева О.В. 2018. Повышение профессиональных компетенций педагогов по вопросам профилактики противодействия идеологии экстремизма и терроризма. *Педагогический журнал*, Т. 8, 6А: 267–274.
- Букаев Н.М., Волосова Н.Ю. 2020. Отдельные аспекты борьбы с экстремизмом и терроризмом на религиозной почве среди подростков и молодежи. *Вопросы российского и международного права*, Т. 10, 3-1: 147–157.
- Осокин Г.Е. 2017. Героико-патриотическое воспитание молодежи как фактор противодействия радикальным идеологиям. *Казанский педагогический журнал*, 2 (121): 179–184.
- Дробижева Л.М. 2014. Государственно-гражданская идентичность и межэтническое согласие: теоретические и социально-практические проблемы. *Власть*, 11: 12–16.
- Монастырский Д.В. 2017. Патриотическое воспитание как фактор формирования гражданской идентичности. *Историческая и социально-образовательная мысль*, Т. 9, 3-1: 87–91.

References

- Nikonov G.A. 2012. Dukhovnaya kul'tura sovremennogo rossiyskogo obshchestva kak ob'ekt informatsionnogo vozdeystviya [Spiritual Culture of Modern Russian Society as an Object of Information Influence]. *Filosofiya prava*, 3 (52): 58–64.
- Libicki M. 2007. Conquest in Cyberspace: National Security and Information Warfare. Cambridge, 323 p.
- Szafranski R. 1997. Neocortical warfare? The acme of skill. In: Athena's Camp: Preparing for Conflict in the Information Age, J. Arquilla, D. Ronfeldt (eds.). Santa Monica, pp. 501 p.
- Nye J.S. 2004. Soft Power: The Means to Success in World Politics. New York, Public Affairs, 216 p.
- Kaldor M. 2012. New and Old Wars: Organized Violence in a Global Era. Cambridge, Polity Press, 268 p.
- Rastorguev S.P. 2003. Filosofiya informatsionnoy voyny [Philosophy of Information Warfare]. M., Vuzovskaya kniga, MPSI, 495 p.
- Lukin A.N., Khayrulin Sh.Sh. 2022. Filosofiya voyny: formirovanie sovremennogo diskursa [Philosophy of War: Formation of Modern Discourse]. *Socium i vlast*, 3 (93): 25–36. DOI: 10.22394/1996-0522-2022-3-25-36.
- Shevchenko V.N. 2015. Informatsionnaya voyna Zapada s istoricheskoy pamyat'yu rossiyan: logiko-istoricheskiy aspekt [The Information War of the West with the Historical Memory of Russians: Logical-Historical Aspect]. *Filosofskie nauki*, 6: 7–21.
- Orekhovskiy A.V. 2015. Geroiko-patrioticheskoe vospitanie rossiyskoy molodezhi kak faktor natsional'noy bezopasnosti [Heroic and Patriotic Education of Russian Youth as a Factor of National Security]. *Sovremennye problemy sotsial'no-gumanitarnykh nauk*, 2: 83–88.
- Lutovinov V.I. 2001. Patrioticheskoe vospitanie molodezhi: kontseptsiya, programma, organizatsionno-metodicheskie osnovy [Patriotic Education of Youth: Concept, Program, Organizational and Methodological Foundations]. M., Academia APK i PRO, 271 p.
- Loskiy N.O. 1994. Bog i mirovye zlo [God and World Evil]. A.P. Polyakov, P.V. Alekseev, A.A. Yakovlev (eds.). M., Respublika, 436 p.
- Mazhnikov V.I. 2013. Istoricheskaya pamyat' o Stalingradskoy bitve kak faktor formirovaniya mezhnatsional'noy tolerantnosti [Historical Memory of the Battle of Stalingrad as a Factor in the Formation of Interethnic Tolerance]. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 4: istoriya. Regionovedenie. Mezhdunarodnye otnosheniya*, 1 (23): 8–13.
- Raspopova T.A. 2014. Priznaki razzhiganiya natsional'noy i sotsial'noy vrazhdy i nenavisti i sredstva ikh vyrazheniya (na materialakh sovremennykh SMI) [Signs of Inciting National and Social Hatred

- and Means of Their Expression (Based on Modern Media)]. *Ezhegodnik NII fundamental'nykh i prikladnykh issledovaniy*, 1 (5): 131–142.
- Eremin D.Yu., Romanov I.V. 2020. Aktual'nye problemy primeneniya stat'i 282 UK RF «Razzhiganie nenavisti libo vrazhdy, a ravno unizheniya chelovecheskogo dostoinstva» [Current Issues in the Application of Article 282 of the Criminal Code of the Russian Federation "Inciting Hatred or Enmity, as Well as Humiliation of Human Dignity"]. *Voprosy rossiyskogo i mezhdunarodnogo prava*, 10 (6-1): 207–214.
- Kapinus O.S., Dodonov V.N. 2007. Otvetstvennost' za razzhiganie rasovoy, natsional'noy i religioznoy vrazhdy, a takzhe drugie «prestupleniya nenavisti» v sovremennom ugolovnom prave [Responsibility for Inciting Racial, National and Religious Hatred, as well as Other "Hate Crimes" in Modern Criminal Law]. *Zakony Rossii: opyt, analiz, praktika*, 8: 76–85.
- Borzova E.P., Lebedev S.P. 2021. Russkiy kharakter, pravoslavnyy kul'turnyy kod i mentalitet rossiyskogo naroda [Russian Character, Orthodox Cultural Code and Mentality of the Russian People]. *Vestnik Russkoy khristianskoy gumanitarnoy akademii*, 22 (4-2): 145–162.
- Anisin A.L., Bortnikov D.V. 2020. Sistema protivodeystviya ideologii ekstremizma i terrorizma v sovremennoy Rossiyskoy Federatsii [System of Counteracting the Ideology of Extremism and Terrorism in Modern Russian Federation]. *Akademicheskaya mysl*, 2 (11): 107–111.
- Perfilov V.P., Ierusalimtseva O.V. 2018. Povyshenie professional'nykh kompetentsiy pedagogov po voprosam profilaktiki protivodeystviya ideologii ekstremizma i terrorizma [Improving the Professional Competence of Teachers on Issues of Preventing and Counteracting the Ideology of Extremism and Terrorism]. *Pedagogicheskiy zhurnal*, 8(6A): 267–274.
- Bukaev N.M., Volosova N.Yu. 2020. Otdel'nye aspekty bor'by s ekstremizmom i terrorizmom na religioznoy pochve sredi podrostkov i molodezhi [Certain Aspects of Combating Extremism and Terrorism on Religious Grounds among Adolescents and Youth]. *Voprosy rossiyskogo i mezhdunarodnogo prava*, 10 (3-1): 147–157.
- Osokin G.E. 2017. Geroiko-patrioticheskoe vospitanie molodezhi kak faktor protivodeystviya radikal'nym ideologiyam [Heroic and Patriotic Education of Youth as a Factor in Countering Radical Ideologies]. *Kazanskiy pedagogicheskiy zhurnal*, 2 (121): 179–184.
- Drobizheva L.M. 2014. Gosudarstvenno-grazhdanskaya identichnost' i mezhetnicheskoe soglasie: teoreticheskie i sotsial'no-prakticheskie problemy [State-Civil Identity and Interethnic Harmony: Theoretical and Socio-Practical Problems]. *Vlast*, 11: 12–16.
- Monastyrskiy D.V. 2017. Patrioticheskoe vospitanie kak faktor formirovaniya grazhdanskoy identichnosti [Patriotic Education as a Factor in the Formation of Civil Identity]. *Istoricheskaya i sotsial'no-obrazovatel'naya mysl*, 9 (3-1): 87–91.

Конфликт интересов: о потенциальном конфликте интересов не сообщалось.

Conflict of interest: no potential conflict of interest has been reported.

Поступила в редакцию 01.06.2024

Поступила после рецензирования 01.09.2024

Принята к публикации 28.02.2025

Received June 01, 2024

Revised September 01, 2024

Accepted February 28, 2025

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Ковалев Андрей Андреевич, кандидат политических наук, доцент, доцент кафедры государственного и муниципального управления, Северо-Западный институт управления – филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, г. Санкт-Петербург, Россия.

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Andrey A. Kovalev, Candidate of Political Sciences, Associate Professor, Associate Professor of the Department of State and Municipal Administration, North-Western Institute of Management – branch of the Russian Academy of National Economy and Public Administration under the President of the Russian Federation, St. Petersburg, Russia.

УДК 130.2

DOI 10.52575/2712-746X-2025-50-1-146-154

От эфира к алгоритмам: трансформация власти в эпоху цифровых медиа и социальных сетей

^{1,3} Римский А.В., ¹ Сорокопуд М.С., ² Ахмаров А.В.

¹ Белгородский юридический институт МВД России имени И.Д. Путилина, г. Белгород, 308024,
Россия, 308024, г. Белгород, ул. Горького, д. 71

² Чеченский государственный университет им. А.А. Кадырова,

Россия, Чеченская Республика, г. Грозный, 364024, ул. А. Шерипова, д. 32

³ Белгородский государственный национальный исследовательский университет,
Россия, 308015, г. Белгород, ул. Победы, д. 85

alex.rimskiy@yandex.ru, azarimariya@yandex.ru, ahmed.ahmarow@mail.ru

Аннотация. Исследование посвящено анализу влияния цифровых медиатехнологий на формирование культурных практик современного общества в условиях цифровизации. Актуальность темы обусловлена трансформацией механизмов власти и контроля, связанных с переходом от традиционных СМИ к цифровым платформам. Методология исследования основана на междисциплинарном подходе, включающем философский анализ, культурологическое осмысление и критический разбор медиатехнологий. В работе акцентируется внимание на феномене алгоритмического управления, которое становится скрытым регулятором информационных потоков и поведения пользователей. Особое внимание уделяется феномену «информационных пузырей», который ограничивает доступ пользователей к альтернативным точкам зрения, усиливает когнитивные искажения и снижает уровень критического мышления. В рамках исследования была выявлена двойственная природа цифровой власти. С одной стороны, она способствует демократизации информационного пространства, а с другой – усиливает скрытые формы контроля, направляя поведение людей и формируя их восприятие реальности. В выводах подчеркивается, что эпоха цифровизации породила новую форму власти – платформенную или алгоритмическую, которая действует посредством управления информацией, создавая иллюзию свободы выбора. Для снижения ее негативных последствий необходимы новые этические нормы и правовые механизмы, обеспечивающие прозрачность алгоритмов и защиту прав пользователей.

Ключевые слова: цифровые платформы, средства массовой информации, информационное пространство, алгоритмическое управление, власть, государство, цифровая идентичность, медиакорпорации

Для цитирования: Римский А.В., Сорокопуд М.С., Ахмаров А.В. 2025. От эфира к алгоритмам: трансформация власти в эпоху цифровых медиа и социальных сетей. *NOMOTNETIKA: Философия. Социология. Право*, 50(1): 146–154. DOI: 10.52575/2712-746X-2025-50-1-146-154

From Ether to Algorithms: Power Transformation in the Age of Digital Media and Social Networks

^{1,3} Alexey V. Rimsky, ¹ Maria S. Sorokopud, ² Akhmed V. Akhmarov

¹ I.D. Putilin Belgorod Law Institute of Ministry of the Interior of Russia

71 Gorky St., Belgorod 308024, Russian Federation

² A.A. Kadyrov Chechen State University,

32 A. Sheripova St., Grozny 364024, Chechen Republic, Russian Federation

³ Belgorod State National Research University,

85 Pobedy St, Belgorod 308015, Russian Federation

alex.rimskiy@yandex.ru, azarimariya@yandex.ru, ahmed.ahmarow@mail.ru

Abstract. The study analyzes the influence of digital media technologies on the formation of cultural practices of modern society in the context of digitalization. The relevance of the topic is due to the

transformation of the mechanisms of power and control associated with the transition from traditional media to digital platforms. The work focuses on the phenomenon of algorithmic control, which becomes a hidden regulator of information flows and user behavior. The research methodology is based on an interdisciplinary approach, including philosophical analysis, cultural understanding and critical analysis of media technologies. Particular attention is paid to the phenomenon of "information bubbles", which limits users' access to alternative points of view, enhances cognitive distortions and reduces the level of critical thinking. The study reveals the dual nature of digital power. On the one hand, it contributes to the democratization of the information space, and on the other, strengthens hidden forms of control, guiding people's behavior and shaping their perception of reality. The conclusions emphasize that the era of digitalization has given rise to a new form of power – platform-based or algorithm-based, which operates through information management, creating the illusion of freedom of choice. To reduce its negative consequences, new ethical standards and legal mechanisms are needed which will ensure the transparency of algorithms and the protection of user rights.

Keywords: Digital platforms, mass media, information space, algorithmic control, power, state, digital identity, media corporations

For citation: Rimsky A.V., Sorokopud M.S., Akhmarov A.V. 2025. From Ether to Algorithms: Power Transformation in the Age of Digital Media and Social Networks. *NOMOTHETIKA: Philosophy. Sociology. Law*, 50(1): 146–154 (in Russian). DOI: 10.52575/2712-746X-2025-50-1-146-154

Актуальность. Проблема власти занимает центральное место не только в философских, но и в междисциплинарных исследованиях, особенно в условиях стремительно меняющегося технологического ландшафта. Если в традиционных обществах власть была сосредоточена в институциональных структурах – государстве, церкви, армии, то в индустриальную эпоху медиа играли ключевую роль в распространении власти посредством контроля над информацией и формирования общественного мнения. С развитием цифровых технологий, сети Интернет, в особенности социальных сетей, происходит трансформация власти в части децентрализации, многослойности и очевидности. Начиная с XX века, медиаструктуры играли важнейшую роль в процессе легитимизации власти. Государства и корпорации использовали средства массовой информации в целях влияния на общественное сознание и управления общественным мнением.

Данное исследование вносит вклад в понимание двойственной роли цифровых медиатехнологий, которые одновременно развивают культурные практики и создают скрытые механизмы власти. Подчеркивается необходимость междисциплинарного подхода для создания устойчивой цифровой культуры, сбалансированной между свободой и контролем.

Целью исследования является изучение влияния цифровых медиатехнологий на культурные практики и механизмы власти в условиях цифровизации. *Гипотеза исследования:* алгоритмическое управление, внедренное в цифровые медиатехнологии, трансформирует механизмы власти, создавая иллюзию демократизации информационного пространства, вместе с тем усиливая скрытые формы контроля и ограничивая критическое мышление пользователей.

Методология. Методология нашего исследования основана на философском и культурологическом анализе с акцентом на междисциплинарный подход. В работе рассматриваются концепции: Мишеля Фуко о биовласти и дисциплинарных практиках, Жана Бодрийяра о гиперреальности и Макса Вебера и типах легитимности господства, применимых к цифровым реалиям. Методы включают критический анализ медиаресурсов, контент-анализ цифровых платформ, а также изучение влияния алгоритмического управления на когнитивные процессы.

Одним из первых философов, детально исследовавшим этот процесс, был Мишель Фуко. В своей работе «Надзирать и наказывать» [Фуко, 2020, с. 23] он описал механизмы власти, функционирующие посредством социальных институтов. В современных государствах медиаресурсы являются не только источником информации, но и одним из субъектов, формирующих реальность. В рамках цифровой культуры, характеризующейся массированным воздействием средств массовой информации и информационных потоков, на новом уровне находят свое отражение идеи М. Фуко. Подобно традиционным медиа, цифровые технологии становятся важными инструментами власти, не просто информирующими, но и формирующими идентичность пользователей. Социальные сети, поисковые системы и цифровые платформы активно влияют на восприятие и поведение людей. Здесь прослеживается схожесть между концепцией М. Фуко о биовласти и современными цифровыми методами контроля. Собирая и анализируя данные о гражданах, крупные корпорации оказывают влияние не только на материальные условия жизни, но и на психические, поведенческие и культурные аспекты. Одним из главных выводов М. Фуко является то, что власть всегда сопровождается производством знания, которое служит интересам власти, организуя и нормализуя социальные отношения. В условиях цифровой культуры информация о людях создается в основном не в традиционных социальных институтах, а на цифровых платформах.

В своих исследованиях легитимности власти и типов господства Макс Вебер [Вебер, 1990, с. 567] также уделял значительное внимание роли средств массовой информации в современном обществе. Он выделял три типа легитимного господства: традиционное, харизматичное и рационально-легальное. В индустриальную эпоху средства массовой информации стали важнейшим инструментом для легитимизации рационально-легальной власти, что выражалось в посреднической роли СМИ между государством и гражданами в процессе формирования общественных представлений о легитимности власти и дискуссиях вокруг ключевых политических и социальных вопросов. Такие известные государственные деятели как Франклин Рузвельт и Уинстон Черчилль, использовали СМИ в целях формирования своего публичного образа и укрепления своего положения в политических кругах, что, безусловно, усиливало влияние на целевую аудиторию.

В труде «Симулякры и симуляции» Жан Бодрийяр утверждал, что СМИ не просто передают информацию, но и конструируют реальность, превращая события в симулякры (копии, не имеющие оригинала) [Бодрийяр, 2018, с. 134]. По его мнению, СМИ создают гиперреальность, в которой реальность и вымысел сливаются так, что становится невозможно отличить одно от другого. Подобное понимание медиаресурсов как мощного инструмента, формирующего восприятие реальности, подчеркивает их роль в структуре власти: те, кто контролирует медиаресурсы, контролируют и саму реальность в глазах общественности.

Тем не менее развитие цифровых технологий и «всемирной паутины» в конце XX – начале XXI века привело к значительным изменениям в структуре властных отношений. Интернет стал пространством, в котором информация больше не контролируется централизованными медиаструктурами. На первый взгляд, этот сдвиг можно воспринимать как демократизацию власти, поскольку доступ к производству и потреблению информации стал более свободным. Подобная демократизация по мнению Мануэля Касстельса [Касстельс, 2020, с. 204], разрушает традиционные барьеры между элитами и массами, создавая «сетевое общество», в котором горизонтальные связи и децентрализованные структуры заменяют вертикальные и иерархические формы организации власти. Свобода кажется иллюзорной, поскольку контроль над информационными потоками переходит в руки новых «игроков», например транснациональных корпораций Google, Amazon, Facebook¹, Twitter и других.

¹ Facebook и Instagram признаны экстремистскими организациями и запрещены на территории РФ. Согласно решению Тверского районного суда города Москвы по гражданскому делу № 02-2473/2022 от

В России правовое регулирование цифровых взаимоотношений строится на принципах контроля за сбором и использованием данных, защиты инфраструктуры, противодействия киберугрозам, а также поддержки инноваций. Федеральный закон от 27.07.2006 № 152-ФЗ «О персональных данных» призван предотвратить несанкционированное использование личной информации, которая может нанести ущерб гражданам или быть использована во вред их интересам. Также закон определяет порядок сбора, хранения и обработки данных, устанавливает требования к их защите и вводит ответственность за нарушение прав субъектов данных. Еще одним важным шагом в этом же направлении стал закон о локализации данных, который обязывает компании хранить персональные данные российских пользователей на территории России, что усиливает возможности для контроля над их использованием со стороны государства и повышает уровень защиты данных.

Еще одним важным направлением регулирования цифровой индустрии в нашей стране стала регламентация функционирования интернет-ресурсов и крупных онлайн-платформ. Целью принятого в 2019 году закона об изоляции российского сегмента Интернета является обеспечение кибербезопасности и независимости российского интернета от зарубежных серверов. В рамках этого нормативно-правового акта реализуется система контроля над интернет-трафиком, которая позволяет государству создавать альтернативные маршруты и поддерживать работу интернета внутри страны в случаях внешних угроз. Также с 2021 года действует закон о «приземлении» IT-компаний, обязывающий крупные иностранные IT-компании открывать представительства в России. Наличие представительств позволяет оперативно реагировать на правонарушения, связанные с дезинформацией и экстермизмом, а также содействовать установлению порядка в информационном пространстве.

Не менее важное значение для государственного регулирования цифровой индустрии имеет кибербезопасность. В последние годы наша страна сталкивается с увеличением количества кибератак и мошеннических действий. Федеральный закон «О безопасности критической информационной инфраструктуры Российской Федерации» от 26.07.2017 № 187-ФЗ направлен на обеспечение безопасности и стабильности работы таких объектов, как государственные информационные системы, энергетика, транспорт и связь. Нормативно-правовой акт обязывает владельцев и операторов критической инфраструктуры внедрять меры по защите от кибератак и обеспечивать постоянный мониторинг состояния своих систем. Принятие данного закона позволило повысить уровень защиты ключевых объектов инфраструктуры, от которых зависит стабильность функционирования государства и общества в целом.

Для обеспечения устойчивого роста цифровой экономики и привлечения инвестиций в технологии российское правительство также внедряет меры по поддержке инновационного предпринимательства. Программа «Цифровая экономика Российской Федерации» направлена на создание благоприятной среды для технологического развития и внедрение цифровых решений в различных отраслях экономики. Программа предполагает развитие информационно-коммуникативных технологий, улучшение доступности интернета по всей стране и обучение населения цифровым навыкам, а также поддержку стартапов и IT-компаний, что создает основу для развития инновационной экосистемы и улучшения позиций России в глобальном технологическом пространстве.

21 марта 2022 г., под видом коммерческой деятельности по реализации продуктов – социальных сетей Facebook и Instagram американская транснациональная холдинговая компания Meta Platforms Inc распространяет на территории Российской Федерации материалы, содержащие призывы к осуществлению насильственных действий экстремистского характера в отношении граждан России, нарушает права граждан России, несет в себе угрозу конституционному строю Российской Федерации. В связи с чем Тверским районным судом города Москвы была запрещена деятельность американской транснациональной холдинговой компании Meta Platforms Inc по реализации продуктов-социальных сетей Facebook и Instagram на территории Российской Федерации по основаниям осуществления экстремистской деятельности.

В рамках этой программы реализуются проекты по созданию технологических парков, акселераторов и фондов поддержки, что способствует развитию цифровых технологий и повышению конкурентоспособности российской экономики.

Анализ результатов исследования. Примеры практического применения законодательства в области цифровой индустрии демонстрируют активную реализацию государственной политики. Например, требования о локализации данных уже привело к тому, что компании (Google и Apple) были вынуждены размещать серверы в России, чтобы продолжить свою деятельность на этом рынке. Вследствие принятия закона о «приземлении» IT-компаний, Twitter и Facebook открывают офисы в России.

Однако на фоне активного государственного регулирования возникает ряд критических вопросов, связанных с возможным ограничением свободного доступа к информации и прав на личные данные. Некоторые эксперты выражают опасения, что усиление контроля над интернет-пространством и требования по локализации данных могут ограничить право граждан на получение объективной информации и снизить возможности для международного сотрудничества в области технологий. В то же время другие считают, что данные меры необходимы для защиты национальной безопасности и предотвращения негативного влияния извне.

Ярким примером концентрации власти в руках цифровых корпораций является доминирующая роль Google в поисковой системе интернета. Компания контролирует свыше 90 % мирового рынка поисковых систем, что дает ей уникальную возможность влиять на то, какую информацию люди находят, когда ищут ответы на свои вопросы. Программное обеспечение Google формирует не только результаты поиска, но и ранжирует их, решая какие ссылки будут показаны первыми, а какие окажутся на последних страницах и, скорее всего, не будут замечены. Такая ситуация существенно влияет на восприятие актуальных мировых событий, компаний и политических процессов. Эли Паризер описывал подобное в книге «Фильтры пузырей» [Паризер, 2012, с. 89]. Пользователи видят только ту информацию, которая соответствует их убеждениям и взглядам, что способствует формированию «информационных пузырей» – замкнутых пространств, где альтернативные точки зрения не получают доступа к дискуссии.

Очевиден факт, что современные социальные сети играют ключевую роль в распределении и контроле информации в цифровую эпоху. Например, платформы Facebook, Instagram, TikTok используют сложные алгоритмы, определяющие какой контент увидит пользователь. Как отмечает Жиль Делез, власть в цифровую эпоху переходит от явных механизмов дисциплины к более гибким и незаметным формам контроля [Делез, 2007]. Алгоритмы, управляющие социальными сетями и цифровыми платформами, собирают данные о поведении пользователей и на их основе предлагают контент, который, с одной стороны, кажется персонализированным, а с другой – направляет действия и мышление людей в определенное русло, что привело к появлению феномена «эхо-камер» и «информационных пузырей». Описанный процесс изучался многими исследователями, в том числе Этаном Цукерманом, создает опасные предпосылки для поляризации общества и ослабления демократических институтов [Цукерман, 2015, с. 212]. Новые цифровые технологии действуют как невидимые управляющие механизмы, постоянно адаптирующиеся к поведению пользователей и направляющие их выбор и действия, часто даже без их осознанного участия.

Эволюция власти в цифровую культуру не только привела к новым формам контроля, но и изменила сам характер сопротивления власти. В традиционном обществе сопротивление выражалось через революции, бунты и забастовки, направленные против видимых и осязаемых источников власти (правительство и корпорации). В цифровую эпоху сопротивление приобретает другие формы: активизм в социальных сетях, хактивизм, а также создание альтернативных платформ для обмена информацией. Шошана Зубофф в своей работе «Эпоха надзорного капитализма» подчеркивает, что

«цифровые технологии могут быть использованы как для контроля над обществом, так и для его освобождения, и будущее этого баланса зависит от того, как общество будет регулировать цифровую инфраструктуру» [Зубофф, 2022, с. 115].

Однако цифровая власть, основанная на алгоритмах и данных, остается скрытой и часто непрозрачной для большинства пользователей. «Алгоритмическое управление» как новая форма власти контролирует поведение пользователей посредством персонализации контента, мониторинга их активности и предсказания их действий на основе анализа больших массивов данных, что порождает ряд серьезных этических вопросов, касающихся приватности, свободы воли и демократических процессов. Алгоритмическое управление также затрагивает вопрос автономии личности, поскольку программы все глубже вмешиваются в личные предпочтения и принимают решения вместо людей, постепенно ограничивая свободу выбора. Примером могут служить рекомендательные системы в стриминговых сервисах, которые, анализируя привычки пользователя, предлагают ему контент, совпадающий с его вкусами. Описываемое влияние вызывает сомнения в вопросе подлинной свободы выбора и самоопределения, потому что программное обеспечение способно направлять поведение, даже не осознаваемое самим человеком.

Социальные сети существенно изменили политические институты и способы функционирования власти в современном мире, что привело к трансформации как форм политического участия, так и механизмов демократических процессов. Ник Кулдри [Кулдри, 2014, с. 228] подчеркивает, что социальные сети предоставили гражданам новые возможности для участия в политической жизни, что часто рассматривается как шаг к демократизации общественной сферы. Благодаря социальным сетям пользователи могут активно выражать политические взгляды, участвовать в онлайн-движениях, организовывать протесты и влиять на политическую повестку, что было значительно сложнее в эпоху доминирования традиционных СМИ. Однако эта открытость и доступность имеют и обратную сторону – социальные сети только усилили феномены «эхо-камер» и «информационных пузырей», которые подпитывают принципы открытой и плюралистической демократии. Это явление можно соотнести с идеями Жана Бодрийера о «симулякрах», где реальность заменяется созданной медиакартиной мира. В этом случае социальные сети создают симулякры политической реальности.

Феномен «информационных пузырей» имеет более широкие последствия, чем просто ограничение доступа к разным точкам зрения. Как подчеркивает философ и политический теоретик Касс Санстейн [Санстейн, 1999], они могут способствовать усилению радикализации и политической поляризации. В ситуации, при которой люди неизменно сталкиваются с информацией, подтверждающей их убеждения, они начинают более уверенно считать свою точку зрения единственно верной, а противоположные взгляды – не только ошибочными, но и угрожающими их личным или общественным интересам. Подобное положение приводит к усилению поляризации и разрыву диалога между различными группами и расшатыванию демократических институтов.

Одним из ярких примеров такого воздействия стало вмешательство в выборы в России в 2018 году. В тот период социальные и интернет-платформы стали ключевыми аренами для обсуждения политической кампании и привлечения общественного внимания. Проведение флешмобов, создание вирусных видеороликов и их распространение на видеохостингах стали популярными инструментами политической мобилизации, в рамках которой интернет выступал значимым фактором политического процесса. Онлайн-площадки (например, блогосфера) предоставили уникальную возможность для диалога и формирования общественного мнения, заменив собой прежние формы неформальных обсуждений.

По данным Комитета по политическим технологиям Российской ассоциации по связям с общественностью (РАСО), в 2018 году произошел сдвиг в политической

реальности России. В ходе исследования были опрошены 80 практикующих политконсультантов, членов РАСО. Большинство респондентов (83 %) согласились с тезисом о наступлении в России новой политической реальности с характерным ростом антиистеблишментных настроений и изменения в медиапотреблении. Если еще в 2016 году социальные сети считались второстепенным инструментом для предвыборных кампаний, то в 2018 году они вышли на передний план, опередив традиционные методы (полевые кампании, наружная реклама и медийные кампании).

Среди социальных сервисов для предвыборной агитации чаще всего политтехнологи используют Telegram, показал опрос. Далее идут «ВКонтакте», YouTube, Instagram, «Одноклассники», WhatsApp, Facebook. В 2016 году в тройке лидеров были «ВКонтакте», Facebook, «Одноклассники». «Telegram воспринимается в качестве эффективного средства воздействия не на массовую аудиторию, а на элиты, хотя и в этом сегменте мессенджер уступает федеральному ТВ и деловым СМИ», – отмечено в докладе.

Социальные сети играют еще более разрушительную роль в распространении фейковой информации, что еще больше подрывает основы демократии. Например, политтехнолог Вячеслав Смирнов согласен с тем, что информация из Telegram-каналов сильно влияет на журналистов и начальников, но считает, что «70% материалов в политических каналах являются коммерческим размещением», и понимающие это люди во власти поэтому не оценивают подобные данные всерьез. «Конечно, влияние на кампанию соцсети оказывают, но не Telegram, а в первую очередь «Одноклассники», группы в WhatsApp и Instagram. Но я бы отнес это влияние скорее к тому, что соцсети стали эффективным каналом распространения слухов». Эксперт добавил, что большинство активных избирателей получают информацию по радио, телевизору и в «пересказе более продвинутых коллег или родственников подхваченной в соцсетях информации» [Смирнов, 2018].

Таким образом, когда информация становится инструментом манипуляции, а не открытого обмена мнениями, демократические институты становятся уязвимыми. В условиях постоянно растущей фрагментации информационной среды социальные сети становятся важным фактором, подрывающим возможности для конструктивного политического диалога и в конечном итоге ослабляющим основы демократии.

Выводы. Процесс эволюционирования власти в цифровую эпоху от традиционных медиа к социальным сетям представляет собой фундаментальное изменение в культурных и социальных механизмах контроля, влияния и формирования идентичности. Переход от централизованной модели (власть находилась в «руках» ограниченного числа институциональных медиакорпораций) к децентрализованной цифровой экосистеме (на основе цифровых платформ) создает сложные и противоречивые последствия. В эпоху традиционных средств массовой коммуникации власть строилась по линейному принципу (от центра к периферии, от элит к массовой аудитории), что позволяло монополизировать контроль над аудиторией и ограничивать доступ к альтернативным взглядам.

С появлением социальных сетей произошла трансформация социального взаимодействия. Любой пользователь получает возможность не только потреблять контент, но и участвовать в его создании. В этом контексте наблюдается усиление роли индивидуального выбора и коллективного участия, что открывает новые возможности для разнообразия мнений и культурной самореализации. Описанные изменения привели к рассредоточению публичного пространства и сформировали многогранный общественный дискурс с обширным спектром мнений и культурных идентичностей.

Эволюция власти в цифровой культуре представляет собой не линейный процесс, а является совокупностью взаимодействий множества децентрализованных процессов и скрытого контроля, что является подтверждением двойственности цифровой культуры. Изучение эволюции власти на современном этапе подчеркивает важность этической и культурологической рефлексии над ролью цифровых алгоритмов и платформ в жизни

современного человека, а также необходимость разработки новых нормативных подходов к прозрачности и ответственности, которые могли бы минимизировать негативное воздействие цифрового управления на свободу и самоопределение личности.

Философский и культурологический анализ цифровой власти в условиях алгоритмического контроля открывает перспективы для дальнейших исследований, которые будут направлены на понимание влияния цифровых технологий на формирование идентичности, социального взаимодействия и общественных институтов. В условиях стремительной цифровизации культура власти также продолжает трансформироваться. В этих условиях необходимо глубокое осмысление и постоянное обновление подходов, которые смогут учитывать возможности для демократизации и риски утраты свободы в условиях структурного контроля.

Список источников

- Политтехнологии назвали главные инструменты «новой реальности» на выборах. 2015. Электронная статья. URL: <https://www.rbc.ru/politics/14/12/2018/5c12814e9a794783f8363...> (дата обращения: 18 июня 2024).
- Распоряжение Правительства России от 28 июля 2017 г. № 1632-р. URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/71634878/?ysclid=m2ohxt5550636759960#1000> (дата обращения: 19 июня 2024).
- Федеральный закон «О безопасности критической информационной инфраструктуры Российской Федерации» от 26.07.2017 № 187-ФЗ. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_220885/?yscl (дата обращения: 18 июня 2024).
- Федеральный закон «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в части уточнения порядка обработки персональных данных в информационно-телекоммуникационных сетях» от 21.07.2014 № 242-ФЗ. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_165838/?yscl (дата обращения: 18 июня 2024).
- Федеральный закон «О внесении изменений в Федеральный закон «О связи» и Федеральный закон «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» от 01.05.2019 № 90-ФЗ. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_323815/#dst0 (дата обращения: 19 июня 2024).
- Федеральный закон «О персональных данных» от 27.07.2006 № 152-ФЗ. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_61801/?yscli (дата обращения: 18 июня 2024).
- Федеральный закон от 1 июля 2021 г. № 236-ФЗ «О деятельности иностранных лиц в информационно-телекоммуникационной сети «Интернет» на территории Российской Федерации». URL: <https://base.garant.ru/401414628/> (дата обращения: 18 июня 2024).

Список литературы

- Бодрийяр Ж. 2018. Симулякры и симуляции. М., Постум, 240 с.
- Вебер М. 1990. Избранные произведения. М., Просвещение, 706 с.
- Делез Ж. 1990. Общество контроля. PostScriptum. URL: <https://theanarchistlibrary.org/library/gilles-deleuze-posts...> (дата обращения: 18 июня 2024).
- Зубофф Ш. 2022. Эпоха надзорного капитализма. М., Институт Гайдара, 784 с.
- Кастельс М. 2020. Власть коммуникации. М., Издательский Дом ВШЭ, 592 с.
- Кулдри Н. 2003. Медиа-ритуалы: критический подход. Лондон, Routledge, 185 с.
- Кулдри Н. 2014. Медиатизация и будущее теории поля. В кн.: Медиатизация коммуникации. Берлин, Бостон, Walter de Gruyter GmbH: 227–248.
- Паризер Э. 2012. За стеной фильтров. Что интернет скрывает от вас? М., Пресс, 304 с.
- Санстейн Касс Р. Закон групповой поляризации. *Юриспруденция и экономика, работа*. № 91. URL: <https://ssrn.com/abstract=199668> (дата обращения: 18 июня 2024).
- Фуко М. 2020. Надзирать и наказывать. Рождение тюрьмы. М., Ад Маргинем Пресс, Музей современного искусства «Гараж», 383 с.
- Цукерман Э. 2015. Новые соединения. Цифровые космополиты в коммуникативную эпоху. М., Ад Маргинем, 336 с.

References

- Bodriyyar ZH. 2018. Simulyakry i simulyatsii [Simulacra and Simulations]. Moscow, Publ. Postum, 240 p.
- Veber M. 1990. Izbrannyye proizvedeniya [Selected Works]. Moscow, Publ. Prosveshcheniye, 706 p.
- Delez ZH. 1990. Obshchestvo kontrolya. PostScriptum [Society of Control. PostScriptum]. URL: <https://theanarchistlibrary.org/library/gilles-deleuze-posts...> (accessed: 18 June 2024).
- Zuboff SH. 2022. Epokha nadzornogo kapitalizma [The Age of Surveillance Capitalism]. Moscow, Publ. Institut Gaydara, 784 p.
- Kastel's M. 2020. Vlast' kommunikatsii [The Power of Communication]. Moscow, Publ. Izdatel'skiy Dom VSHE, 592 p.
- Kuldri N. 2003. Media-ritualy: kriticheskiy podkhod [Media rituals: a critical approach]. London, Routledge, 185 p.
- Kuldri N. 2014. Mediatizatsiya i budushcheye teorii polya [Mediatization and the future of field theory]. In: Mediatizatsiya kommunikatsii [Mediatization of communication]. Berlin, Boston, Walter de Gruyter GmbH: 227–248.
- Parizer E. 2012. Za stenoy fil'trov. Chto internet skryvayet ot vas? [Behind the wall of filters. What is the Internet hiding from you?]. Moscow, Publ. Press, 304 p.
- Sansteyn Kass R. Zakon gruppovoy polarizatsii [The Law of Group Polarization]. *Yurisprudentsiya i ekonomika, rabota*, № 91. URL: <https://ssrn.com/abstract=199668> (accessed: 18 June 2024).
- Fuko M. 2020. Nadzirat' i nakazyvat'. Rozhdeniye tyur'my [Supervise and Punish. The Birth of Priso]. Moscow, Publ. Ad Marginem Press, Muzei sovremennogo iskusstva "Garazh", 383 p.
- Tsukerman E. 2015. Novyye soyedineniya. Tsifrovyye kosmopolity v kommunikativnuyu epokhu [New Connections. Digital Cosmopolitans in the Communicative Age]. Moscow, Publ. Ad Marginem, 336 p.

Конфликт интересов: о потенциальном конфликте интересов не сообщалось.

Conflict of interest: no potential conflict of interest has been reported.

Поступила в редакцию 24.06.2024

Поступила после рецензирования 24.09.2024

Принята к публикации 25.02.2025

Received June 24, 2024

Revised September 24, 2024

Accepted February 25, 2025

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Римский Алексей Викторович, доктор философских наук, профессор кафедры государственно-правовых дисциплин, Белгородский юридический институт МВД России имени И.Д. Путилина; профессор кафедры философии и теологии, Белгородский государственный национальный исследовательский университет, г. Белгород, Россия.

Сорокопуд Мария Сергеевна, кандидат философских наук, старший научный сотрудник научно-исследовательского отдела, Белгородский юридический институт МВД России имени И.Д. Путилина, г. Белгород, Россия.

Ахмаров Ахмед Вахаевич, ассистент кафедры теории и технологии социальной работы, Чеченский государственный университет им. А.А. Кадырова, г. Грозный, Чеченская республика, Россия.

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Alexey V. Rimsky, Doctor of Philosophy, Professor of the Department of State and Legal Disciplines, I.D. Putilin Belgorod Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia; Professor of the Department of Philosophy and Theology, Belgorod State National Research University, Belgorod, Russia.

Maria S. Sorokopud, Candidate of Science in Philosophy, Senior Researcher, Research Department, I.D. Putilin Belgorod Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Belgorod, Russia.

Akhmed V. Akhmarov, Assistant of the Department of Theory and Technology of Social Work, Kadyrov Chechen State University, Grozny, Chechen Republic, Russia.

УДК 172.2

DOI 10.52575/2712-746X-2025-50-1-155-163

Концептуализация идеи служения Отечеству в философии античности

Тумин А.Ю.

Московский университет МВД России имени В.Я. Кикотя,
Россия, 117997, Москва, ул. Академика Волгина, д. 12

tumin-msk@mail.ru

Аннотация. Предметом данного исследования является становление идеи служения Отечеству как философской категории. Выявлена взаимосвязь исторических, религиозных и социальных факторов с формированием данного явления в греческой философии. С помощью метода исторической реконструкции выделяется зависимость понятия «служение Отечеству» от задач, которые ставили перед обществом того времени великие мыслители Аристотель и Платон. Рассматривается толкование данного понятия в трудах древних философов, исследуется корреляция общественных настроений и патриотических идей. Исследовательский интерес к данной теме помогает переосмыслить проблемы самоидентичности и национального самосознания, общественное внимание к которым связано с вызовами времени.

Ключевые слова: патриотизм, идея служения Отечеству, общество, государство, благо, гражданская позиция, древнегреческая философия

Для цитирования: Тумин А.Ю. 2025. Концептуализация идеи служения Отечеству в философии античности. *NOMOTHETIKA: Философия. Социология. Право*, 50(1): 155–163. DOI: 10.52575/2712-746X-2025-50-1-155-163

Conceptualization of the Idea of Serving the Fatherland in the Philosophy of Antiquity

Alexander Yu. Tumin

V.Ya. Kikot' Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia,
12 Academician Volgina St, Moscow 117997, Russian Federation

tumin-msk@mail.ru

Abstract. The subject of this study is the formation of the idea of serving the Fatherland as a philosophical category. The relationship between historical, religious and social factors with the formation of this phenomenon in Greek philosophy is revealed. Using the method of historical reconstruction, the author highlights the dependence of the concept of "serving the Fatherland" on the tasks that the great thinkers Aristotle and Plato set for the society of that time. The interpretation of this concept by ancient philosophers is considered, and the correlation between public sentiment and patriotic ideas is investigated. Research interest in this topic helps rethink the problems of self-identity and national self-consciousness which have recently become the focus of public attention due to the challenges of our time.

Keywords: patriotism, concept of serving the Motherland, society, state, well-being, civic stance, ancient Greek philosophy

For citation: Tumin A.Yu. 2025. Conceptualization of the Idea of Serving the Fatherland in the Philosophy of Antiquity. *NOMOTHETIKA: Philosophy. Sociology. Law*, 50(1): 155–163 (in Russian). DOI: 10.52575/2712-746X-2025-50-1-155-163

Введение

Тема служения Отечеству, патриотизма и преданности Родине является актуальным предметом исследования гуманитарной науки на протяжении многих веков. В разные периоды человеческой истории она толковалась по-разному. Государственные кризисы, международные военные конфликты, смена цивилизационных парадигм служили импульсом к переосмыслению основ данного явления. Обращение к первоисточкам возникновения и развития понятия не только позволяет понять исторические процессы и социокультурные изменения, но и актуализировать его значение в контексте современного мира, где глобализация и международные отношения играют ключевую роль. Понимание сути и значения патриотизма и служения Отечеству помогает увидеть его функцию в формировании национальной идентичности, укреплении государственности, а также в развитии общества и культуры в целом. В этом контексте изучение патриотизма становится важным элементом понимания и анализа современных глобальных вызовов и проблем. Таким образом, исследовательский интерес к данной теме перекликается с вниманием общественности к темам самоидентичности, связанной с вызовами времени.

Материалы и методы исследования

В данной работе ее методологическая направленность определяется необходимостью реконструировать идею служения Отечеству на материале ключевых философских текстов – первоисточников (Платон, Аристотель, Цицерон). Кроме того, в основе исследования – работы Е.И. Сурикова, С.Г. Карпюка по теме патриотизма в философии античности. Интерес представляют и труды В. Йегера и Д. Брайдана, которые обращаются к ключевым социально-политическим и этическим категориям античной философии и культуры.

В работе использованы концептуальный анализ, герменевтический метод, метод исторической реконструкции. Концептуальный анализ позволяет работать с текстами античных авторов, вычленив те наиболее значимые идеи, которые выступают в качестве материала для концептуализации идеи служения Отечеству в античной философии. Герменевтический метод позволяет углубить понимание текстов античной культуры и философии, учитывать не только содержание самих текстов, но и социокультурный контекст полисной культуры античности, определяющей содержание идеи служения Отечеству. Метод исторической реконструкции необходим для формирования полной и наиболее точной картины жизни полисной культуры, а также ее особенностей и трансформаций в эллинистический период.

Объектом исследования выступают социально-политические и этические идеи античной философии. Предметом выступает идея служения Отечеству в античной философии.

Результаты и их обсуждение

Осмысление истоков идеи служения Отечеству в античной философии невозможно без учета того социокультурного контекста, в котором она формировалась. Речь идет о полисном характере государственности древних греков. С.Г. Карпюк, обращавшийся к теме патриотизма в античной философии, указывал, что именно полис, а не национальные государства в современном смысле были объектом патриотических чувств древних греков [Карпюк, 2010, с. 101]. В целом это характерно для всей древнегреческой истории, но особенно ярко патриотическое сознание начало проявляться в период классики. В классический период Древней Греции значительно меняется общественное сознание греков. Происходит известный переход «от мифа к логосу», вместе с которым политическое и правовое сознание греков освобождается от власти авторитетов и кровнородственных отношений. На их место приходит осознание греками себя как

граждан своего полиса. Это позволяет представить полис как целое, где отдельный гражданин, будучи частью этого целого, приходит к пониманию необходимости несения личной ответственности за благосостояние целого. Об этом говорил и А. Дж. Тойнби, размышлявший об особенностях античной цивилизации. Он сравнивает греков и их полисную систему с людьми в одной лодке, которые перед лицом общей угрозы кооперируются и справляются с вызовами [Тойнби, 2010, с. 144].

Благосостояние полиса понимается уже не только в физическом измерении удовлетворения естественных потребностей собственных и своего племени. Становление логоса приводит к появлению духовных феноменов, способствующих социальной интеграции и воспроизводству жизни полиса. Идея полиса как целого, которому частная жизнь отдельного гражданина может быть принесена «в жертву», порождает не просто феномен патриотизма, но именно служение Отечеству в его архаичной античной форме. Ведь именно со становлением логоса формируется духовность. По мнению А.К. Уледова, понятие жертвенности является фундаментальным и образующим для патриотизма, где развитие духовности – ее необходимое условие [Уледов, 1992, с. 55].

В философском словаре термин «патриотизм» трактуется как «нравственный и политический принцип, социальное чувство, содержанием которого является любовь к Отечеству, преданность ему, гордость за его прошлое и настоящее...» [Скабицкий, 2024, с. 562]. Таким образом, необходимо реконструировать содержание греческого патриотизма понятого как любовь и служение Отечеству.

Интерес к государственным проблемам, формируя коллективное сознание древних греков, приводит к возникновению у них патриотических умонастроений. Они способствовали общему выживанию и процветанию нации в условиях конкуренции между полисами. Соперничество и войны между полисами грозили их суверенитету. Кроме того, много было и внутренних угроз, связанных с политическими распрями и склонностью правителей к тирании. Формировались специальные политические средства, позволяющие сохранить целостность полиса путем воздействия на граждан. Ярким примером тому выступает феномен остракизма. Слово «остракизм» имеет этимологические корни в слове «остраконы», что означает «черепки из глины». На них древние греки наносили надписи, с помощью которых граждане греческих демократических полисов принимали участие в общественных голосованиях. Так, Е.И. Суриков указывает, что одним из поводов для таких голосований было изгнание какого-либо гражданина из полиса, что было обусловлено политическими причинами. При этом процедура изгнания не подразумевала проведения судебного процесса, а реализовывалась на определенных условиях: житель Афин изгонялся на 10 лет, но при этом его права как гражданина на этот срок «замораживались» [Суриков, 2006, с. 279]. По истечении срока он вновь становился полноправным жителем полиса. Кроме того, остракизм имел часто превентивный характер, и такие меры обосновывались не столько преступным деянием, сколько его публичным характером. Целью этого было произвести впечатление на общественность, повлиять на людей, предупредить реальные политические преступления.

Кроме того, в рассматриваемый период древние греки осознали необходимость сохранить и передать гражданские ценности последующим поколениям. Собственный полис для гражданина приобретает сакральный характер, что особенно проявляется в восприятии греками времени сквозь призму «золотых веков», где величие предков определяется их вкладом в развитие и сохранение государства, которое достается последующим поколениям. Важно, «чтобы ни события, ни дела не изгладились из памяти людей» [Дионисий Галикарнасский, 1978, с. 227]. На них возлагается обязанность сохранить то, что досталось им от их предков, и также передать это последующим поколениям. Именно вклад в поддержание и сохранение целостности государства выступает в качестве критерия, благодаря которому древний грек мог оценить уровень

своей гражданской осознанности и верности своему полису. Задачу приумножения того полисного наследия, которое передалось нынешним поколениям, формулировал уже Фукидид в своей «Истории»: «Наши предки всегда неизменно обитали в этой стране и, передавая ее от поколения к поколению, своей доблестью сохранили ее свободу до нашего времени» [Фукидид, 1989, с. 303]. В этом проявлялась одна из высших античных добродетелей, которую принято называть «арете». Один из исследователей античной этики В. Йегер определяет это понятие как «собственный предикат знатности» [Йегер, 2001, с. 34]. Знатность здесь понимается не столько в смысле экономической стратификации, сколько через указание на то, что эта знать является носителем определенных благородных качеств. Служение собственному Отечеству, высокий уровень гражданского самосознания являются неотъемлемыми составляющими этих качеств [Брайан, 2022, с. 58].

Большую роль играет противопоставление греков и варваров – враждебных окружающих этносов, с которыми постоянно происходили столкновения. Социально-политические ценности, которые разделяли древние греки, понимались ими как подлинно человеческие. В этом смысле варвары были «менее человечны», чем сами греки, а их ценности – враждебными. Греки мыслили себя как народ, обладающий более развитым и свободным духом, нежели варвары: «Для рабства варвар рожден, а эллин – для свободы» [Боннар, 1994, с. 34]. Это противопоставление себя варварам способствовало социальной консолидации греков и формированию представлений об общем для них Отечестве. Однако не всегда древним грекам удавалось сохранить свои полисы. Подчинение собственного политического пространства внешним силам ставило государство в отношения зависимости. Это оборачивалось утратой гражданином этого полиса чувства личной свободы.

Таким образом, сохранение целостности полиса, поддержание его сохранения через общие, специфичные для каждого полиса ценности отвечали интересам как государства в целом, так и самих граждан. Так, известно, что жители полиса тесно взаимодействовали друг с другом в общественной жизни. Они часто проводили вместе досуг, активно участвовали в обсуждении социальных и политических проблем, собирались для проведения праздников и религиозных обрядов. Агональность древнегреческой культуры стимулировала постоянное взаимодействие жителей в соревнованиях – военных, спортивных, риторических и других. Данные действия приковывали внимание широкой публики.

Граждане города-полиса жили большим коллективом и были носителями коллективного сознания, не мысля себя вне социума. В Древней Греции были популярны выступления риторов: жители полиса собирались, чтобы послушать торжественные речи, служившие укреплению государственности, сплоченности и национального самосознания. Одним из таких чтецов был известный греческий историк Геродот, эмоционально рассказывавший жителям полиса о варварах. Даже свой знаменитый текст об истории он начинает со следующих слов: «Геродот из Галикарнаса собрал и записал эти сведения, чтобы прошедшие события с течением времени не пришли в забвение, и великие и удивления достойные деяния как эллинов, так и варваров не остались в неизвестности, в особенности же то, почему они вели войны друг с другом» [Геродот, 1972, с. 11].

К теме патриотизма и служения Отечеству обращались также два крупнейших древнегреческих философа – Платон и Аристотель. Платон в диалоге «Государство» предложил проект «идеального государства». Он размышлял над смыслом понятия «патриотизм», в основе которого – «общее благо», важное для большинства жителей государства. «Когда один из граждан такого государства испытывает какое-либо благо и зло, такое государство обязательно, по-моему, скажет, что это его собственное переживание, и все целиком будут вместе с этим гражданином либо радоваться, либо скорбеть» [Платон, 1994, с. 239]. По мнению Платона, государство – это необходимое

объединение, вне которого жизнь человека полна трудностей и практически невозможна. «Вместе мы сила» – примерно так можно сформулировать выводы философа. Платон, в частности, писал о том, что государство «возникает, когда каждый его житель не может удовлетворить сам себя, но во многом нуждается» [Платон, 1994, с. 145]. Только объединившись со своими согражданами человек может удовлетворить свои потребности во всех сферах: в труде, пище, духовных и культурных исканиях. Являясь частью большого единого целого, человек значим, он – гражданин. При этом мыслитель утопически описывает прекрасную идею общего блага как некой общей ценности, не вызывающей споров и противоречий внутри гражданского общества. По мысли Платона, в повседневной жизни поступками и помыслами людей – его соотечественников – должны управлять идеи справедливости и добра. А патриотические чувства должны иметь естественное происхождение от осознания каждым своей ценности для государства и ценности государства, его устройства, благ и законов для каждого человека. В идеальном государстве Платона все возникающие споры и конфликты должны решаться на основании логики справедливости: «... Закон ставит своей целью не благоденствие одного какого-нибудь слоя населения, но благо всего государства. То убеждением, то силой обеспечивает он сплоченность всех граждан, делая так, чтобы они были друг другу взаимно полезны в той мере, в какой они вообще могут быть полезны для всего общества» [Платон, 1994, с. 305].

Интересно отношение Платона к власти как гаранту соблюдения законов и справедливого мироустройства. Философ считает, что подчинение авторитету власти естественно для каждого гражданина прежде всего потому, что он видит выгоды такого положения вещей: когда общее благо важнее частного. Гражданин может трудиться на благо своего отечества, соблюдать законы и уважать власть, понимая, что таким образом он получает доступ ко всем благам объединения граждан, ко всем ресурсам, обеспечиваемым государством.

Говоря о древнегреческой философии и становлении понятия служения Отечеству и государству, следует учитывать исторические особенности рассматриваемого периода. Большую роль в развитии философских концепций играла колонизация чужих территорий. Греки были завоевателями, и идея патриотизма мотивировала нацию к сплочению перед лицом как внешнего врага и исходящих извне угроз, так и внутренних распрей. Идея служения Отечеству способствовала укреплению национального самосознания, сплоченности общества, выступала во многом залогом его существования. На протяжении веков мировой истории мы найдем множество подтверждений этой теории: во времена кризиса, войн, внутренних конфликтов и борьбы за власть патриотические настроения граждан усиливаются и обостряются, выступая некими «скрепами», спасающими нацию, государство от распада. В основе как ранних патриотических идей древних греков, так и современных взглядов на национальное единство – противопоставление «мы и они»: мы – единая нация, они – варвары и чужаки, люди других ценностей и другой культуры.

В «Государстве» Платон отразил собственное видение идеального мироустройства: это сплоченное и закрытое общество, находящееся в скрытом либо открытом противостоянии с варварами, враждебными народами. Однако такая изолированность не тяготит древних греков, единственный и главный путь социализации которых – единство со своими согражданами, основанное на идее совершенства и высоких ценностных установок греческого общества. Цель такого сплоченного общества – не личная выгода, а общее благо [Нерсисянц, 1979]. Все поступки и помыслы греков измеряются именно этим мерилom. Отказ от частного в пользу общего не вызывает у человека того времени когнитивного диссонанса или внутреннего протеста, несогласия. Он предан своему государству, он любит его, поскольку принадлежность к нему обеспечивает ему все необходимые блага: безопасность, чувство семьи или общины, обеспеченность всем

необходимым для жизни, ощущение национальной гордости и чувства морального и интеллектуального превосходства над чужаками. Платон, в частности, писал: «...Им должна быть присуща любовь к своему государству, испытанная и в радости, и в горе, и должно быть заметно, что от этого своего правила они не откажутся ни при каких трудностях, опасностях или иных превратностях» [Платон, 1994, с. 290].

По мысли Платона, патриотические чувства в гражданах – это то, о чем необходимо постоянно заботиться, что необходимо возвращать власть имущим. Так, философ считал, что разрушительное действие на идеи служения Отечеству оказывает социальное неравенство: оно порождает зависть, озлобленность, ощущение ущербности у бедных и тщеславие – у состоятельных: «Самые благородные нравы, пожалуй, возникают в таком общегитии, где рядом не обитают богатство и бедность. Ведь там не будет места ни наглости, ни ревности, ни зависти» [Платон, 1994, с. 150].

Аристотелевское понимание патриотизма во многом созвучно платоновскому: любовь к Родине – чувство, идущее не только от сердца, но и от разума. Соблюдая законы своего государства, работая на его благо, уважая правителей, человек многое получает взамен. Такой взаимовыгодный обмен, прежде всего экономического характера, подогревает и стимулирует в обществе идеи служения Отечеству. В отличие от Платона, Аристотель перемещает фокус внимания с противостояния «свои – чужие», «мы – они» и колонизаторско-военного пафоса на обычную мирную жизнь законопослушного гражданина. Идеи патриотизма и служения Отечеству толкуются им в несколько ином русле: служение как ежедневное соблюдение законов, жизнь в труде на благо Родины, воспитание детей в ценностях патриотизма, передача опыта, знаний и ценностей будущим поколениям, единство и сотрудничество со своими согражданами.

Новаторство Аристотеля в философском осмыслении патриотического чувства заключалось в том, что он видел патриотизм не как некое условие существования здорового общества и государственности, созданное извне, некими большими силами, а как чувство, идущее извне, рожденное в душе самого человека. Платон видел основу патриотизма в общем благе, которое превалирует над частным. В связи с этим в идеальном государстве Платона отсутствует институт семьи. Однако у Аристотеля ценность семьи, напротив, лишь укрепляет гражданское самосознание. По замечанию профессора Варшавского университета Лидии Винничук, у Аристотеля индивидуальное и общественное благо оказываются тесно связанными [Винничук, 1988, с. 139].

Сократ считал, что патриотические чувства можно внушить в рамках образования. Аристотель же большое внимание уделял внутренней мотивации человека, его воле и разуму. Добродетельный человек по Аристотелю – тот, кто ежедневно тренирует свою волю, совершает моральный и этический выбор в пользу правильных поступков и мыслей, формируя собственную личность: «Действительно, добродетель, так же как и порочность, зависит от нас. И в чём мы властны совершать поступки, в том – и не совершать поступков, и в чем от нас зависит "нет" в том и "да". Следовательно, если от нас зависит совершать поступок, когда он прекрасен, то от нас же – не совершать его, когда он постыден» [Аристотель, 184, с. 102].

Экономическая зависимость граждан от государства, о которой писал Платон, уходит в учении Аристотеля на второй план. Патриотизм и идея служения Отечеству становятся для человека личным выбором. Это так называемый деятельностный патриотизм. Так ученик Платона развивает постулаты своего учителя, адаптируя их к меняющимся историческим условиям: в греческом полисе расширился так называемый средний класс, который был экономически независим от государства.

О служении Отечеству как о приоритете общего над индивидуальным рассуждал и Цицерон в эпоху раннего эллинизма. Сущность добродетели индивида он видел в его законопослушности и гражданской сознательности. Примечательно, что сама идея патриотизма появляется впервые в его текстах. Патриотизм в эпоху эллинизма – более

развитая форма патриотизма, поскольку возникает противопоставление Родины «по праву» и Родины «по рождению». Для Цицерона наиболее важной здесь является Родина «по праву», которая есть государство в собственном смысле слова [Цицерон, 1966, с. 110]. В этом она противопоставляется гражданской общине. Цицерон в связи с этим утверждал, что «из всех общественных связей для каждого из нас наиболее важны, наиболее дороги наши связи с государством» [Цицерон, 1974, с. 78]. Для Цицерона эти связи стоят того, чтобы пойти за них на смерть, и в этом проявляется высшая форма служения Отечеству. В такой формулировке определение Цицерона в большей степени резонирует с его дефинициями в современной академической литературе. Так, А. А. Вилков определяет его схожим образом: «в основе гражданского патриотизма – готовность отдать на благо Отечества силы и знания». На это указывает и Д.И. Дубрава: «Тем самым государство в трактовке Цицерона предстает не только как выражение общего интереса всех его свободных членов, что было характерно и для древнегреческих концепций, но одновременно также и как согласованное правовое общение этих членов, как определенное правовое образование, общий правопорядок» [Дубрава, 2015, с. 130].

Заключение

Подводя итоги, подчеркнем, что формирование идей служения Отечеству и патриотизма в древнегреческой философии имеет своей целью сплочение общества перед лицом внешних вызовов и военных угроз, а также внутренних конфликтов. Это согласуется с общими этическими представлениями о добродетельном гражданине, который способен на жертвы по отношению к своей Родине. Верность государству толкуется философами как залог выживания индивида и нации в целом. И Аристотель, и Платон в своих политических трудах подчеркивают первенство общего над частным, вводя понятие общего блага. Человек-гражданин и патриот – это тот, кто принимает идею важности общественного и достигает личного счастья, становясь частью государства. Эти идеи послужили развитию и становлению греческого общества, однако впоследствии были трансформированы в эллинистической культуре. Чувство патриотизма расширяется до пределов всей цивилизации эллинов. В период Римской культуры идея служения Отечеству усложняется и дифференцируется. У Цицерона появляется противопоставление Отечества «по праву» и Отечества «по природе». Отечество «по праву» позволяет в большей степени понять идею служения Отечеству не только как политического, но и правового образования, которое требует от гражданина определенных обязанностей. Однако в конечном итоге пафос гражданственности сменяется ранними идеями индивидуализма.

Список литературы

- Аристотель. 1978. Большая этика. Соч. в 4-х т. Т. 2. М., Мысль, 687 с.
Аристотель. 1984. Политика. Соч. в 4 т. Т. 4. М., Мысль: 830 с.
Боннар А. 1994. Греческая цивилизация. Т. 1, кн. 1: от Илиады до Парфенона, Кн. 2: от Антигоны до Сократа. Ростов-на-Дону: Феникс, 443 с.
Брайан Д.Э. 2022. Пайдейя-характерные особенности и эволюция античной системы образования. *Южный Полюс. Исследования по истории современной западной философии*, Т. 8. 1-2: 51-63. DOI: 10.18522/2415-86-82-2022-8-51-63.
Вилков А.А., Колесников К.Ю. 2015. Особенности предметного пространства политологического анализа патриотизма. *Вестник Московского государственного областного университета (электронный журнал)*, №1. URL: www.evestnik-mgou.ru (дата обращения: 19.06.2024).
Винничук Л. 1988. Люди, нравы, обычаи Древней Греции и Рима. М., Высшая школа, 495 с.
Геродот. 1972. История в девяти книгах. Кн. 1. Клио. Ленинград, Наука, 600 с.
Дионисий Галикарнасский. 1978. Античные риторика. М., Изд. Московского университета, 352 с.
Дубрава И.Д. 2015. Учения Цицерона о государстве и праве. *Проблемы современной науки и образования*, 7(37): 130-135.

- Йегер В. 2001. Пайдейя. Воспитание античного грека. Том 1. М., греко-латинский кабинет Ю.А. Шичалина, 594 с.
- Карпюк С.Г. 2010. Два патриотизма в «Истории» Фукидида. *Вестник РГГУ. Серия: Литературоведение. Языкознание. Культурология*, 10(53): 101-116.
- Нерсисянц В.С. 1979. Политические учения Древней Греции. М., Наука, 262 с.
- Платон. 1994. Государство. Собр. соч.: в 4 т. Т. 3. М., Наука, 654 с.
- Суриков И.Е. 2006. Остракизм в Афинах. М., Языки славянских культур, 640 с.
- Тойнби А.Дж. 2010. Постигание истории: избранное. М., Айрис-Пресс, 640 с.
- Уледов А.К. 1992. «Русская идея» как феномен национального самосознания. *Вестник высшей школы*, 7-9: 52-60.
- Философский словарь. 2024. Под ред. А.А. Гусейнова и Ю.Н. Солодухина. М., Мир философии Алгоритм, 974 с.
- Фукидид. 1989. Историки античности: Древняя Греция, Древний Рим. В 2 т. Т. 1. М., Правда, 637 с.
- Цицерон. 1966. Диалоги. О государстве. О законах. М., Наука, 224 с.
- Цицерон. 1974. О старости. О дружбе. Об обязанностях. М., Наука, 245 с.

References

- Aristotel'. 1978. Bol'shaya etika. Soch. v 4-kh t. Tom 2 [Great Ethics. Works in 4 volumes. Vol. 2. Moscow,] Moscow, Publ. Mysl', 687 p.
- Aristotel'. 1984. Politika. Soch. v 4 t. T. 4. [Politics. Works in 4 volumes. Vol. 4]. Moscow, Publ. Mysl': 830 p.
- Bonnar A. 1994. Grecheskaya tsivilizatsiya. T. 1, kn. 1: ot Iliady do Parfenona, Kn. 2: ot Antigony do Sokrata [Greek Civilization. Vol. 1, Book 1: from the Iliad to the Parthenon, Book 2: from Antigone to Socrate]. Rostov-na-Donu: Feniks, 443 p.
- Brayan D.E. 2022. Paydeyya-kharakternyye osobennosti i evolyutsiya antichnoy sistemy obrazovaniya [Paideia: Characteristic Features and Evolution of the Ancient Education System]. *Yuzhnyy Polyus. Issledovaniya po istorii sovremennoy zapadnoy filosofii*, T. 8. 1-2: 51-63. DOI: 10.18522/2415-86-82-2022-8-51-63.
- Vilkov A.A., Kolesnikov K.Yu. 2015. Osobennosti predmetnogo prostranstva politologicheskogo analiza patriotizma [Features of the subject space of political science analysis of patriotism]. *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta (elektronnyy zhurnal)*, 1. URL: www.evestnik-mgou.ru (accessed: 19 June 2024).
- Vinnichuk L. 1988. Lyudi, nray, obychai Drevney Gretsii i Rima [People, morals, customs of Ancient Greece and Rome]. Moscow, Publ. Vysshaya shkola, 495 p.
- Gerodot. 1972. Istoriya v devyati knigakh. Kn. 1. Klio [History in nine books. Book 1. Clio]. Leningrad: Nauka, 600 p.
- Dionisiy Galikarnasskiy. 1978. Antichnyye ritoriki [Ancient rhetoric]. Moscow, Publ. Moskovskogo universiteta, 352 p.
- Dubrava I.D. 2015. Ucheniya Tsitserona o gosudarstve i prave [Cicero's Teachings on the State and Law]. *Problemy sovremennoy nauki i obrazovaniya*, 7 (37): 130-135.
- Yyeger V. 2001. Paydeyya. Vospitaniye antichnogo greka. Tom 1. [Paideia. Education of an Ancient Greek. Volume 1]. Moscow, Publ. greko-latinskiy kabinet YU.A. Shichalina, 594 p.
- Karpyuk S.G. 2010. Dva patriotizma v «Istorii» Fukidida [Two Patriotisms in Thucydides' "History"]. *Vestnik RGGU. Seriya: Literaturovedeniye. Yazykoznaneye. Kul'turologiya*, 10 (53): 101-116.
- Nersesyants V.S. 1979. Politicheskiye ucheniya Drevney Gretsii [Political Doctrines of Ancient Greece]. Moscow, Publ. Nauka, 262 p.
- Platon. 1994. Gosudarstvo. Sobr. soch.: v 4 t. T. 3. Obshch [State. Coll. comp.: in 4 volumes. Vol. 3.]. Moscow, Publ. Nauka, 654 p.
- Surikov I.Ye. 2006. Ostrakizm v Afinakh [Ostracism in Athens]. Moscow, Publ. Yazyki slavyanskikh kul'tur, 640 p.
- Toynbi A.Dzh. 2010. Postizheniye istorii: izbrannoye [Understanding History: Selected Works]. Moscow, Publ. Ayris-Press, 640 p.
- Uledov A.K. 1992. «Russkaya ideya» kak fenomen natsional'nogo samosoznaniya [“The Russian Idea” as a Phenomenon of National Self-Awareness]. *Vestnik vysshey shkoly*. 7-9: 52-60.

- Filosofskiy slovar'. 2024. Pod red. A.A. Guseynova i Yu.N. Solodukhina [Philosophical Dictionary. Ed. by A.A. Guseinov and Yu.N. Solodukhin]. Moscow, Publ. Mir filosofii Algoritm, 974 p.
- Fukidid. 1989. Istoriki antichnosti: Drevnyaya Gretsia, Drevniy Rim. V 2 t. T. 1. [Historians of Antiquity: Ancient Greece, Ancient Rome. In 2 volumes. Volume 1]. Moscow, Publ. Pravda. M., 637 p.
- Tsitseron. 1966. Dialogi. O gosudarstve. O zakonakh [Dialogues. On the State. On Laws]. Moscow, Publ. Nauka, 224 p.
- Tsitseron. 1974. O starosti. O druzhbe. Ob obyazannostyakh [On Old Age. On Friendship. On Duties]. Moscow, Publ. Nauka, 245 p.

Конфликт интересов: о потенциальном конфликте интересов не сообщалось.
Conflict of interest: no potential conflict of interest has been reported.

Поступила в редакцию 10.07.2024
Поступила после рецензирования 10.10.2024
Принята к публикации 28.02.2025

Received July 10, 2024
Revised October 10, 2024
Accepted February 28, 2025

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Тумин Александр Юрьевич, кандидат юридических наук, доцент кафедры философии, Московский университет МВД России имени В.Я. Кикотя, г. Москва, Россия.

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Alexander Yu. Tumin, Candidate of Legal Sciences, Associate Professor of the Department of Philosophy, V.Ya. Kikot' Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Moscow, Russia.

УДК 7.01

DOI 10.52575/2712-746X-2025-50-1-164-171

Природа героического в чеченских героико-эпических песнях – илли

Хамзатова З.Р.

Чеченский государственный университет им. А.А. Кадырова,
Россия, 364034, г. Грозный, ул. А. Шерипова, д. 32
Чеченский государственный педагогический университет,
Россия, 364068, г. Грозный, пр. Х. Исаева, д. 62
z.khamzatova@inbox.ru

Аннотация. Рассмотрена субстанциональная сущность героического, отраженная в мифопоэтическом творчестве чеченского народа. Материалом для исследования послужили такие образцы устного народного творчества чеченцев, как героико-эпические песни – илли. Автором предлагается концептуальный подход к рассмотрению героического как особенности философского мышления народа. Использован историко-философский анализ, позволяющий выявить аксиологию героического, интерпретировать концепт героя как формирующуюся реальность средневековой эпохи. Героическое при этом понимается как ценностно-смысловая система, а концепт героя – как одна из ключевых ценностей в чеченской этнорегиональной культуре. Анализ оснований категории героического, связанной с философией подвига, идеологией национального прочтения этого феномена, иллюстрирует преодоление искушения, жертвенности, несправедливости ради общей пользы. Преодоление дисгармонии профанного времени определяется свободой духовного восхождения народного героя. Несмотря на то, что каждая эпоха конструирует свою логическую схему героя, во всех них прослеживается архаичная символика героического. Автор приходит к выводу, что героическое (деяние) сопоставимо с актом установления баланса – справедливости, восполняющей дисгармонию профанного времени. Интенция героического определяется фундаментальной идеей личной ответственности героя перед всем сущим. Философская природа героического в чеченской культуре отражает центральную условную единицу народного мировоззрения, определяемую спектром духовных ценностей – благородством, честью, мужеством, храбростью, терпением и т.д. В народном мировоззрении природа героического связана с деяниями субъекта, способного к самопожертвованию.

Ключевые слова: героическое, порядок, героико-эпические песни илли, преодоление, справедливость, честь, достоинство, благородство, народный герой

Для цитирования: Хамзатова З.Р. 2025. Природа героического в чеченских героико-эпических песнях – илли. *NOMOTNETIKA: Философия. Социология. Право*, 50(1): 164–171. DOI: 10.52575/2712-746X-2025-50-1-164-171

The Nature of the Heroic in Chechen Heroic-Epic Songs – Illi

Zarema R. Khamzatova

Kadyrov Chechen State University
32 A. Sheripov St, Grozny 364034, Russian Federation
Chechen State Pedagogical University
62 H. Isaev Ave., Grozny 364068, Russian Federation
z.khamzatova@inbox.ru

Abstract. The study examines the essence of the heroic reflected in Chechen mythopoetic works. The material for the study is primarily Chechen oral folk art, such as illi, heroic-epic songs. The author proposes a conceptual approach to the heroic as a peculiarity of Chechen philosophical thinking. The

author sees the ontology of the heroic in Chechen folk culture as a historical and philosophical analysis that reveals the axiology of the heroic and interprets the concept of the hero as an emerging reality of the medieval epoch. The heroic is understood as a system of values and meanings, and the hero concept as one of the key values in Chechen ethno-regional culture. The analysis into the foundations of the category of the heroic, linked to the philosophy of the feat and the ideology of the national understanding of this phenomenon, illustrates overcoming (temptation, sacrifice, injustice for the common good). Overcoming the disharmony of profane time is determined by the freedom of spiritual ascent of the folk hero. Despite the fact that each epoch constructs its own logical scheme pattern of the hero, each of them traces the archaic symbolism of the heroic. The author concludes that the heroic (deed) is comparable to the act of establishing balance – justice, replacing the disharmony of profane time. The intension of the heroic is determined by the fundamental idea of the hero's personal responsibility to all things. The philosophical nature of the heroic in Chechen culture reflects the central conventional unit of the folk worldview, defined by the spectrum of spiritual values - nobility, honour, courage, bravery, patience, etc. In the folk worldview, the nature of the heroic is linked to the deeds of a subject capable of self-sacrifice.

Keywords: heroic, order, heroic-epic songs illi, overcoming, justice, honor, dignity, nobility, folk hero

For citation: Khamzatova Z.R. 2025. The Nature of the Heroic in Chechen Heroic-Epic Songs – Illi. *NOMOTHETIKA: Philosophy. Sociology. Law*, 50(1): 164–171 (in Russian). DOI: 10.52575/2712-746X-2025-50-1-164-171

Введение

Стремление раскрыть сущность категории героического или по крайней мере определить грани его проявления в народной памяти сопровождало человека в течение всего исторического периода. Легенды, былины, сказания, притчи донесли до нас информацию о преодолении, мужестве, самопожертвовании, меняющих ход истории. Осмысление содержательной основы категории героического необходимо во взаимосвязи с философией подвига, идеологией национального прочтения этого феномена. Конструируемый на основе содержательной спецификации идеал героического актуален своим механизмом регулятивного воздействия, обуславливающим поведенческую стратегию народа. Изучая феномен героизма как особую форму проявления социальной активности человека, возможно приблизиться к постижению качества духа, к самой сути созданной народом культуры. Эта задача становится архиважной в свете сверхпрагматичности настоящей эпохи.

Аксиология феномена героического, как и концепта героя соответственно, продуцируется на различных этапах общественного развития. Исторически наполняясь конкретным ценностным содержанием, героическое подвергалось видоизменениям и модификациям. Тем не менее сам феномен героического обладает целостным ядром, поскольку философская рефлексия не исчерпывается его внешним проявлением в социальном пространстве, этике, эстетике и др., а скорее продуцируется ценностными детерминантами бытия героического в духовной культуре.

Несмотря на то, что научные направления исследования героико-эпических песен илли сложились в фольклористике и литературе, рассматривающих устное народное творчество как явление культуры, представляется необходимым выйти за эти рамки. Огромный массив информации, наработанный по различным аспектам проявления героического в культурологии, социологии, истории, не исчерпывает полностью содержательные аспекты этого феномена.

Чеченские исследователи рассматривают эпическое творчество своего народа в основном с позиции филологии, истории или педагогики [Ошаев, 1968; Мунаев, 1981, Ахмадов, 1988; Джамбеков, 2012; Осмаев, 2017; Расумов, 2022, 2024; Мусханова, 2023] Так, Х.Д. Ошаев акцентирует внимание на времени возникновения и исторических особенностях развития илли. Исследователи О.А. Джамбеков и И.Б. Мунаев рассматривают поэтику и жанровую систему илли. Работы В.Ш. Расумова посвящены

анализу художественной ценности образа народного героя. А.Д. Осмаев и И.В. Мусханова выделяют в чеченском героическом эпосе его воспитательную составляющую и возможность ее использования в педагогическом процессе. В связи с этим концептуальная проекция рассмотрения илли и категории героического в ней, как особенности философского мышления, практически не изучена.

Цель исследования – выявить природу героического в чеченской культуре, а именно то, как эта ценностно-смысловая система была отображена в героико-эпических песнях – илли.

Материалы и методы исследования

Для объективации соответствующего духовного пласта чеченской народной культуры используются тексты героико-эпических песен – илли, относящиеся к средневековой исторической эпохе. Данные фольклорные материалы были введены в научный оборот в советскую эпоху и переизданы в постсоветское время в рамках сборников устного народного творчества чеченцев [Илли, 1979; Чудесные родники, 1963; Нохчийн фольклор, 2014 и др.]. Наряду с данными сборниками, автор использует тексты илли, приведенные отдельными исследователями, рассматривающими смежную проблематику.

Раскрыть сущностное ядро героического в народной культуре, в частности чеченских героико-эпических песнях, представляется возможным с концептуальных позиций историко-философского анализа, позволяющего выявить аксиологию героического, интерпретировать концепт героя как формирующуюся реальность определенной эпохи, а также отразить присущие ему логические схемы.

Результаты и обсуждение

Научное исследование героического, философского анализа этой эстетической категории начинается с XVIII века, с творчества Джанбатисто Вико. Автор в работе «Основания новой науки об общей природе наций» выделяет три этапа циклического развития человечества. Начало человеческого развития с его грубыми поведенческими стереотипами – это подросток золотого божественного времени, который, с точки зрения философа, сменяется эпохой героев, где доминирует героическое право, основанное на превосходстве собственной природы и силы. Третья эпоха – это эпоха людей или «всепонимающего разума» [Вико Дж., 1994, с. 308]. Век героев Дж. Вико, когда рождается классический героизм эпоса, связан со сменой родоплеменной организации общества государственной. В дальнейшем, с историческим развитием человечества, героическая составляющая определяется соотношением личного и общественного, так как образцы идеального героического поведения все больше и больше связываются с понятием собственности и ее защитой. Владелец собственности уже сам по себе есть обладатель героических качеств: средневековый рыцарь – вассал, транслирующий куртуазную доблесть, верность и благородство; универсальный индивид эпохи Возрождения закрепляет в статусе героического подвига интеллектуальный труд и т.д.

Во времена, когда границы Порядка и Хаоса были самоочевидны, именно в мифах и героических песнях фиксировалась реальная история пережитого героями. Собственно, демифологизированное отражение эпических героев, освобожденное от романтических наслоений поздней эпохи в виде богов, прослеживается уже в текстах классического эпоса (используя терминологию А.Ф. Лосева – «катафатическом») [Лосев, 1990, с. 523-524]. Поиск в эпосе и героических песнях реальных исторических прототипов героев, выдвигался в качестве главной исследовательской проблемы сторонниками исторической школы. Иной взгляд предлагает мифологическая школы, рассматривающая героев в качестве символической персонификации природных стихий или явлений. Здесь культурный герой добывает блага для человечества, является хранителем закона и

защитником границ. В дальнейшем данный подход лег в основу неомифологического (или ритуально-мифологического) направления, представители которого исходят из тезиса, что авторское видение цивилизации содержит в себе неосознаваемые коллективные представления, символически переосмысленные древнейшие мифологические архетипы, где культурный герой уже выступает трикстером (ловкач, хитрец – авт.) или антагонистом [Мелетинский, 2018]. Если в древнейшем мифе человек восполнял себя в бытии, фиксировал организацию «человеческих сил или самого себя» [Мамардашвили, 1990, с. 18, 20], то в XIX веке всякий поэт призван создать «нечто целое... собственную мифологию», из открывшихся ему материалов части мира [Шеллинг, 1966, с. 147].

При всей многозначности понятия «героическое» выделяется его общая сущностная основа в виде высшего духовного-нравственного императива, побуждающего к выходу за пределы естественных человеческих возможностей. Преодоление, выводит героя из конкретных пространственно-временных координат, придавая модели поведения формат образца для подражания. Преодоление, создающее новую реальность через жертвенность героя, и есть коннотация героического. Используя терминологию М.М. Бахтина, «хронотоп героя» позволяет дать пространственно-временную характеристику героического как полиморфной семиотической сети явленности героического в фольклорных нарративах [Бахтин, 1975, с. 234]. Собственно, автор предлагает различать сам поступок как действие субъекта и его предметно-содержательную часть. Именно поэтому героическое деяние, словно двуликий бог входов и выходов, «глядит в разные стороны: в объективное единство культурной области и в неповторимую единственность переживаемой жизни» [Бахтин, 2003, с. 7].

В цикле эпического наследия чеченского народа стоит выделить мифологическую и героическую части, составным элементом последней являются героико-эпические песни (илли). Илли, представляя собой уникальное явление духовной культуры чеченского народа, сохранили древнейшую эпическую героику. Формируясь на протяжении длительного времени, на основе мифологической поэзии и эпических сказаний, илли вобрали в себя все самое ценное, подытоживая предыдущий мировоззренческий опыт.

Складывание илли относят к эпохе выделения личностного субъективного начала, пришедшего на смену коллективному обрядово-эпическому мышлению. Нравственно-этическая оценка в илли получила наиболее полное выражение, так как героика, заложенная в них, стала квинтэссенцией средневекового народного духовного творчества. Так, например, эпическая героика железного века, красной нитью пронизывающая все героико-эпические песни, содержится в эпитетах в илли о легендарном предке чеченцев богатыре (турпале) Нохчо:

Как искры сыплются от булата,
Так мы рассыпались от турпала Нохчо.
Родились мы в ту ночь,
Когда от волчицы родятся щенки [Алироев, 1990, с. 349].

Героическое, будучи идеологически маркированным созидательным компонентом общественного сознания, является во многом неустрашимым и всегда востребованным, поскольку культурные прообразы постоянно актуализируются субъектом онтологического действия в процессе решения противоречий сущности и существования, определяя таким образом отношение человека к миру. Заданные критерии героического поведения рисуют определенную модель жизни, следование которой придает эмоциональную окрашенность убеждениям и мотивации человека. Так, например, героико-эпические песни чеченцев, в большей части имеющие историческую событийную канву нравственного выбора, транслируют характеристики высшей награды – статуса героя (къонах-кІант), приобщение к которому возможно через стойкость, честность, верность долгу, мужество, а также жертвенность во имя достижения справедливости [Илли, 1979, с. 46, 85, 167].

Историческое развитие чеченских обществ трансформировало смысловое значение «кѡнах-кІант», «точнее говоря, менялись акценты, обусловленные временем и событиями... однако главные качества чеченских героико-исторических песен... всегда оставались без изменений» [Джамбеков, 2008, с. 4]. В числе таких акцентов следует назвать, например, переход концепта героя-исполина или героя-пастуха в героя-воина. При этом существенные черты героев присутствуют в каждом эпическом произведении. О.А. Джамбеков выделяет такие ведущие смыслообразующие компоненты чеченских героико-эпических песен или, как «идея свободы, справедливости, готовность прийти на помощь другим...» [Джамбеков, 2008, с. 11].

Категория справедливости, являясь краеугольным камнем духовной культуры в широком смысле, в контексте героического в чеченском фольклоре выступает маркером должного, т. е. через справедливое происходит объективация смысла героического. Так, в или «О князе Мусосте и о Сурхо, сыне Ады, живших по Тереку» отец героя напутствует сына, отдавая его старцам аула: «Если они твою душу потребуют – Вырви из тела, отдай им душу...» [Чудесные родники, 1963, с. 44]. Справедливость в отношении чести отчетливо показана в «Илли об Умаре, сыне Тахи», когда герою предстоит выбор между отмщением за убийство отца, похищением невесты героя и помощи кунакам. Герой (по совету матери) отдает предпочтение кунакам [Илли, 1979, с. 76].

Верность долгу и чести читается в словах героя Алха, избравшего смерть на поле боя со своими товарищами:

Если от этих тяжелых ран мне смерть суждена,
Лучше погибну я с этими молодцами!
Без них какая утеха мне в жизни будет?
С какими глазами к их отцам, матерям я вернусь?..
Направил острие кинжала себе в грудь... [Ахмадов, 1984, с. 232]

Отметим, что справедливость в героико-эпических песнях или вкладывается и в особое понятие «хІонс»: добыча, обретаемая по законам справедливости во время военного похода. Этические установки предполагали приобретение добычи в честном бою, изъятие ее у социальных верхов и использование в помощь обездоленным, для гостя и др. «Согласно героическим песням вайнахов, в походе за хонсом как действе самом по себе благородном могли принимать участие только достойные молодцы («дика кІентий»), «гордость» («яхь») имеющие» [Ахмадов, 1984, с. 58-63].

Героические нарративы не обязательно транслируют безграничную храбрость или жертвенность (гибель героя). Часто проявление в критической ситуации сдержанности, терпения, толерантности понималось как проявление героизма. Проявление таких качеств, как «собар» (терпение, толерантность) и «бартбар» (миротворчество) считались равноценными совершению героического подвига или даже выше него [Мунаев, 1981].

Героическое в чеченском фольклоре всегда рождается через преодоление. И если преодоление героем искушения лестью, гордыней, соблазном и т. д. достаточно распространены, то самоотречение, добровольная аскеза, принятая во благо общины, – редкое явление. Так, в «Илли об Автархе, сыне Дибы» герой добровольно принимает на себя высшую меру наказания – изгнание из родного края за «чрезмерную храбрость», красоту, отвагу, несущих потенциальную угрозу «праву и силе» общины [Илли, 1979, с. 46].

Героическое, проявленное на эпическом уровне через борьбу с природными стихиями, мифическими существами и иноземными захватчиками, в песенном жанре эпохи средневековья уже сосредоточено в ратных подвигах, устанавливающих социальную справедливость.

Заключение

Героическое является сквозным в истории человечества понятием, соответствующим принципу глобального эволюционизма. В данной работе рассматривалось ценностное наполнение героического в концептуальном ракурсе чеченской культуры. Средневековая героическая песня чеченцев транслирует процесс выделения из общей коллективности героя – защитника порядка, справедливости, хранителя закона и границ социума.

Представлена лишь небольшая часть фольклорного материала чеченского народа, транслирующего сущностные характеристики героического, выраженные в высшей награде – приобщение к статусу народного героя (кьо́нах-кIант, чеч.). Однако уже здесь прослеживается объективация реальности, получившей свою символическую интерпретацию в средневековых илли, в которой герой и есть интенция смысла.

Суммарно философская природа героического как многоаспектного понятия в чеченской культуре отражает центральную условную единицу народного мировоззрения, определяемую спектром духовных ценностей – благородством, честью, мужеством, храбростью, терпением и т.д. В народном мировоззрении природа героического связана с деяниями субъекта, способного осуществить духовную жертву.

Выделим следующие положения, определяющие природу героического в чеченской культуре:

- героическое конструируется свободным героем, чье величие заключено в постоянном преодолении искушения (сдержанность, терпение и др.);
- глубинность героического (деяние, подвиг) в первую очередь связана с фундаментальной идеей личной ответственности перед всем сущим, реализуемой через соблюдение/возвращение справедливого баланса (порядка);
- преодоление дисгармонии профанного времени определяется свободой духовного восхождения, честью, благородством, жертвенностью ради общего блага.

Список источников

- Илли. Героико-эпические песни чеченцев и ингушей. 1979. Отв. ред. Р.С. Ахматова Грозный: Чечено-Ингушское книжное издательство, 235 с.
- Нохчийн фольклор. Чеченский фольклор. 2014. Нохчийн Республикин Илманийн акад. Академия наук Чеченской Республики. Сост.: З. Д. Джамалханов, С. С. Эльмурзаев. Грозный: Грозненский рабочий, 479 с.
- Чудесные родники. Сказания, сказки и песни народов Чечено-Ингушской АССР 1963. Подбор, подготовка текста и примеч. Арсанов С.А. Грозный, Чечено-Ингушское книжное издательство, 375 с.

Список литературы

- Алироев И.Ю. 1990. Язык, история и культура вайнахов. Грозный, Чечено-Ингушское издательско-полиграфическое объединение «Книга», 368 с.
- Ахмадов Я.З. 1988. К вопросу о взаимосвязях героя с боевым скакуном «дин» в героико-исторических песнях илли. В кн.: Героико-исторический эпос народов Северного Кавказа: сборник научных трудов ЧИИИСФ. Грозный, 168 с.
- Ахмадов Я.З. 1984. Мир вещей и «хонс» в героико-исторических илли. В кн.: Вопросы поэтики и жанровой классификации чеченских героико-исторических илли. Грозный с. 24-36
- Бахтин М.М. 1975. Вопросы литературы и эстетики. М.: Худож. лит., 275 с
- Бахтин М.М. 2003. Т.І. К философии поступка. Бахтин М.М. Собр. соч.: в 7 т. М.: Русские словари; Языки славянских культур, 957 с.
- Вико Дж. 1994. Основания Новой науки об общей природе наций. Киев: REFL-book: ИСА, 656 с.
- Джамбеков О.А. 2008. Жанровые и поэтические особенности чеченских героико-исторических песен илли. Автореф. дис. к. филол. н. Майкоп, 25 с.
- Лосев А.Ф. 1990. Диалектика мифа. М., С. 523-524
- Мамардашвили М.К. 1990. Как я понимаю философию. М., Прогресс, 363 с.

- Мелетинский Е.М. 2018. Поэтика мифа. СПб., 478 с.
- Мунаев И.Б. 1981. Поэтика чечено-ингушских героико-исторических песен илли. (Проблема формирования жанра и его системные связи). Автореф. дис. к. филол. наук. М., 21 с.
- Мусханова И. В. 2023. Народные илли чеченцев как средство патриотического воспитания личности. Искусство – диалог культур. Сборник материалов IX Международной научно-практической конференции, Грозный. Махачкала, С. 378-383.
- Осмаев А.Д. 2017. Чеченский героический эпос «илли» в воспитании молодежи. Проблемы совершенствования межнациональных отношений и противодействия идеологии и практике ваххабизма на Северном Кавказе. – Грозный: Академия наук Чеченской Республики, с. 74-77.
- Ошаев Х.Д. 1960. К истории возникновения чеченских героико-исторических песен. Известия Чечено-Ингушского НИИЯЛ, т. 2, вып. 1. Грозный, с. 81-94.
- Расумов В. Ш. 2022. Образ одинокого героя в чеченских героико-исторических песнях илли. Мир науки, культуры, образования. № 3(94), с. 433-436.
- Расумов В. Ш. 2024. Чеченские героико-эпические песни илли как средство сохранения этнокультурной идентичности. Вестник Института развития чеченского языка и истории, 20, с. 87-96.
- Шеллинг Ф.В.И. 1966. Философия искусства / пер. П.С. Попова. М., Мысль, 498 с.

References

- Aliroev I.Y. 1990. Vainakh language, history and culture. Grozny, Chechen-Ingush publishing and Printing Association "Book", 368 p.
- Akhmadov Ya.Z. 1988. On the question of the hero's relationship with the warhorse "Dean" in Illy's heroic-historical songs. In: The Heroic and Historical Epic of the Peoples of the North Caucasus: a collection of scientific papers of the Institute of Historical Sciences. Grozny, 168 p.
- Akhmadov Ya.Z. 1984. The world of things and "khons" in heroic historical images. In: Questions of poetics and genre classification of Chechen heroic-historical images. Grozny, pp. 24-36
- Bakhtin M.M. 1975. Questions of literature and aesthetics. Moscow: Art. lit., 275 p.
- Bakhtin M.M. 2003. T.I. Towards the philosophy of action. Bakhtin M.M. Collected works: in 7 volumes. Moscow: Russian dictionaries; Languages of Slavic cultures, 957 p.
- Vico J. 1994. The foundations of a New science about the common nature of nations. Kiev: REFL-book: ISA, 656 p.
- Dzhambekov O.A. 2008. Genre and poetic features of Chechen heroic-historical songs illi. Abstract of the dissertation of K. philol. N. Maikop, 25 p.
- Losev A.F. 1990. Dialectics of myth. Moscow, pp. 523-524
- Mamardashvili M.K. 1990. How I understand philosophy. M., Progress, 363 p.
- Meletinsky E.M. 2018. Poetics of myth. St. Petersburg, 478 p.
- Munaev I.B. 1981. Poetics of Chechen-Ingush heroic-historical songs illi. (The problem of genre formation and its systemic connections). Abstract of the dissertation of the Candidate of Philology, Moscow, 21 p.
- Muskhanova I. V. 2023. Chechen folk songs as a means of patriotic education of a personality. Art is a dialogue of cultures. Collection of materials of the IX International Scientific and Practical Conference, Grozny. Makhachkala, pp. 378-383.
- Osmaev A.D. 2017. The Chechen heroic epic "Illi" in the education of youth. Problems of improving interethnic relations and countering the ideology and practice of Wahhabism in the North Caucasus. – Grozny: Academy of Sciences of the Chechen Republic, pp. 74-77
- Muskhanova I. V. 2023. Chechen folk songs as a means of patriotic education of a personality. Art is a dialogue of cultures. Collection of materials of the IX International Scientific and Practical Conference, Grozny. Makhachkala, pp. 378-383.
- Osmaev A.D. 2017. The Chechen heroic epic "Illi" in the education of youth. Problems of improving interethnic relations and countering the ideology and practice of Wahhabism in the North Caucasus. – Grozny: Academy of Sciences of the Chechen Republic, pp. 74-77
- Oshaev H.D. 1960. On the history of the Chechen heroic-historical songs. Izvestiya Checheno-Ingushskogo NIIAL, vol. 2, issue 1. Grozny, pp. 81-94.
- Rasumov V. Sh. 2022. The image of a lonely hero in Chechen heroic-historical songs by Illy. The world of Science, Culture, and Education. No. 3(94), pp. 433-436.

- Rasumov V. Sh. 2024. Chechen heroic-epic songs of illi as a means of preserving ethnic and cultural identity. Bulletin of the Institute for the Development of the Chechen Language and History. No. 20, pp. 87-96.
- Schelling F.V.I. 1966. Philosophy of Art / translated by P.S. Popov. M., Mysl, 498 p.

Конфликт интересов: о потенциальном конфликте интересов не сообщалось.
Conflict of interest: no potential conflict of interest has been reported.

Поступила в редакцию 05.06.2024
Поступила после рецензирования 05.09.2024
Принята к публикации 28.02.2025

Received June 05, 2024
Revised September 05, 2024
Accepted February 28, 2025

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Хамзатова Зарема Рахмановна, кандидат философских наук, доцент кафедры теории и технологии социальной работы, Чеченский государственный университет им. А.А. Кадырова; доцент кафедры истории, Чеченский государственный педагогический университет, г. Грозный, Россия.

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Zarema R. Khamzatova, Candidate of Philosophical Sciences, Associate Professor, Department of Theory and Technology of Social Work, Kadyrov Chechen State University; Associate Professor, Department of History, Chechen State Pedagogical University, Grozny, Russia.

РЕЛИГИОВЕДЕНИЕ И ГОСУДАРСТВЕННО-КОНФЕССИОНАЛЬНЫЕ ОТНОШЕНИЯ RELIGIOUS STUDIES AND STATE-CONFESSIONAL RELATIONS

УДК 261.6

DOI 10.52575/2712-746X-2025-50-1-172-184

Влияние цифровизации на формирование религиозной идентичности современного общества

Рудь И.С., Липич Т.И.

Белгородский государственный национальный исследовательский университет
Россия, 308009, Белгород, ул. Победы, д. 85

ilya.rud.2013@mail.ru

Аннотация. Цифровые технологии кардинально изменили повседневность человека, перенесли её в виртуальное пространство, что требует от всех, включая исследователей этой сферы, освоения новых навыков и компетенций. Не обошли стороной данные технологии и религиозную жизнь многих крупных конфессий и деноминаций. Однако ещё нет точных ответов на вопросы о влиянии цифровизации на формирование религиозной идентичности и о негативных последствиях цифровизации. Цель исследования заключается в определении положительных и негативных последствий цифровизации в формировании религиозной идентичности современного общества. В работе раскрыты процессы формирования религиозной идентичности в доцифровую эпоху и показаны изменения, которые внесла в них цифровизация. В результате исследования выявлены положительные (быстрый доступ ко всем религиозным материалам, цифровое общение со священнослужителем и с религиозной общиной) и негативные (увеличение конфликтных разногласий между сторонниками и противниками цифровизации, упрощение религиозных норм, уменьшение личной связи и взаимодействия между верующими, проблемы конфиденциальности данных при онлайн-участии в ритуалах, распространение деструктивных и экстремистских материалов для массового привлечения новых адептов и уничтожения традиционных конфессий) аспекты влияния цифровизации на формирование религиозной идентичности; акцентировано внимание на механизмах противодействия негативному влиянию цифровизации. Сделан вывод о том, что через цифровое просвещение, чёткую позицию по отношению к цифровым технологиям со стороны религиозного духовенства и противодействие религиозной деструкции в цифровом пространстве можно свести к минимуму все негативные стороны влияния цифровизации на формирование религиозной идентичности.

Ключевые слова: современное общество, человек, начало XXI века, религиозная идентичность, религия, цифровизация, цифровая религия, социальные сети, интернет, технологии

Для цитирования: Рудь И.С., Липич Т.И. 2025. Влияние цифровизации на формирование религиозной идентичности современного общества. *NOMOTHETIKA: Философия. Социология. Право*, 50(1): 172–184. DOI: 10.52575/2712-746X-2025-50-1-172-184

The Impact of Digitalization on the Formation of Religious Identity in Modern Society

Ilya S. Rud, Tamara I. Lipich

Belgorod State National Research University,
85 Pobedy St, Belgorod 308009, Russian Federation

ilya.rud.2013@mail.ru

Abstract. Digital technologies have transformed human life, requiring people to acquire new skills and competencies. These technologies have also impacted religious life by transforming the processes of forming

religious identity into a digital format. However, there are still no clear answers about the impact of digitization on the formation of religious identity or its potential negative consequences. The goal of this study is to actualize all positive and negative effects of digitization on the formation of modern society's religious identity. The concepts of identity, religious identity, and digitization are explained. Processes of forming religious identity in the pre-digital era are described, along with changes brought about by digitization. The research identified both positive and negative aspects, the former consisting in quick access to all religious materials, digital communication with clergy and religious communities, and the latter including increased conflict between supporters and opponents of digitization, simplification of religious norms, reduced personal connection and interaction among believers, data privacy issues when participating online in rituals, spread of destructive and extremist materials aimed at mass recruitment and destruction of traditional confessions. Attention was focused on mechanisms to counteract these negative sides of digitization. The authors conclude that all negative aspects of digitization may be minimized through digital education, clergy's clear stance regarding digital technologies, and countering religious destructiveness in the digital space.

Keywords: modern society, man, the beginning of the 21st century, religious identity, religion, digitalization, digital religion, social networks, internet, technology

For citation: Rud I.S., Lipich T.I. 2025. The Impact of Digitalization on the Formation of Religious Identity in Modern Society. *NOMOTHETIKA: Philosophy. Sociology. Law*, 50 (1): 172–184 (in Russian). DOI: 10.52575/2712-746X-2025-50-1-172-184

Введение

Жизнь современного человека стала невозможна без современных цифровых технологий. Сегодня наблюдается стремительное развитие цифровых технологий, которые ведут к значительным изменениям в экономике («улучшение эффективности производства и предоставления услуг, инновационное развитие экономики» [Голева, Прокопьева, 2024, с. 9]), политике («перевод государственных сервисов в электронную форму, новые инструменты государственной коммуникации» [Коньков, 2020, с. 50]), медицине («внедрение электронных медицинских карт, развитие концепции "подключенный пациент" – мониторинг состояния и предоставление медицинских услуг с помощью встроенных интеллектуальных устройств и телемедицина» [Скобникова, Шищенко, Хрипунова, 2020, с. 281]), образовании («переход образовательного процесса в электронный формат, уменьшение бумажного документооборота» [Шляхина, 2023, с. 116]). Не менее важные изменения происходят и в религиозной сфере, а также в сфере воспитания, в процессе формирования идентичности современного общества.

В эпоху цифровизации и технологического прогресса XXI века человечество сталкивается с рядом важных вопросов, среди которых стоит выделить формирование идентичности современной молодежи, включая религиозные аспекты. Исследования российских ученых А.В. Коневой и А.А. Лисенковой, которые анализируют влияние цифровизации на идентичность, показывают, что современные цифровые технологии играют значительную роль в этом процессе: «Человек, с одной стороны, конструирует и верифицирует свою идентичность, а с другой – сами цифровые технологии поставляют новые и новые возможности и средства идентификации себя в социальном и виртуальном пространстве и создают довольно жесткие и однозначные границы самому процессу и факту идентификации» [Конева, Лисенкова, 2019, с. 14]. Современные информационные и цифровые технологии значительно изменили повседневную жизнь человека, переместив её в виртуальную сферу. Это активное влияние цифровых технологий на стиль жизни и формирование идентичности «требуется от людей приобретения новых навыков и компетенций» [Кузнецова, 2023, с. 38]. В работе Д. Хезмондалша «Культурные индустрии» говорится о том, что различные цифровые социальные и культурные пространства, многократно пересекаясь, создают фрагментарное восприятие мира «цифрового» человека. По его мнению, «социальная фрагментация возникает и

ускоряется возросшим числом культурных вариантов, ставших доступными в результате развития виртуальных культурных индустрий» [Хезмондалш, 2014, с. 390].

Вместе с тем сегодня пока ещё нет ответов на вопросы о факторах влияния цифровизации на формирование религиозной идентичности, в том числе и о негативных последствиях цифровизации.

Цель исследования – определить положительные и негативные аспекты влияния процессов цифровизации на формирование религиозной идентичности современного общества.

Понятие «религиозная идентичность» в научно-исследовательской литературе

Для индивидуумов, групп людей и всего общества идентичность является ключевым элементом в процессе саморазвития, самопонимания и самопринятия. Идентичность, или тождественность, есть осмысленное понимание и ощущение своей уникальности. Она включает внутренние аспекты, такие как ценности, убеждения, интересы, желания и способности. Французский социолог Г. Тард указывал, что «тождественность представляет собой характеристику, формирующуюся в ходе имитации окружающей действительности. Качество "Это я!" изначально возникает благодаря непосредственным сенсорным взаимодействиям, а затем начинает применяться к различным умственным процессам и определённым формам имитации мира. Когда мы вспоминаем те или иные события из памяти, они всегда воспринимаются с отметкой "Это я!"» [Тард, 2000, с. 496]. Именно поэтому формирование идентичности происходит через самоопределение, самосознание, а также через взаимодействие человека с окружением и культурой. Личность, которая смогла развить свою идентичность под влиянием разных факторов (семьи, образования, патриотизма, истории, религии) и собственных убеждений, интересов и опыта, способна ответить на вопрос «Кто я?».

Одной из основных форм идентичности является религиозная идентичность. Она включает в себя осознание своей религиозной принадлежности и активное участие в обрядах, практиках и верованиях определенной религиозной традиции. В рамках своих исследований понятие «религиозная идентичность» изучали Л.П. Ипатова [2006], А.Н. Крылов [2012], М.П. Мчедлов [2008], С.В. Рыжова [2006]. Отечественный философ Вавилова Е.Ю. и психолог Хандурова Е.Н. определяли религиозную идентичность как «социально-антропологическое интегративное явление, в структуре которого следует выделить несколько компонентов: религиозные знания человека, эмоции и чувства человека по отношению к религиозным объектам, ритуалам, институтам, религиозные действия, такие как: посещение храма, чтение священных книг, молитва...» [Вавилова, Хандурова, 2018, с. 81].

Религиозная идентичность может проявляться на различных уровнях: культурном, социальном, семейном или индивидуальном. Благодаря ей люди формируют своё мировоззрение и ценностные ориентиры, определяют своё место в сообществе. Она также служит основой моральных принципов, этических норм, общественной ответственности и личностного развития. Религиозная идентичность стала важнейшим аспектом самоопределения граждан Российского государства, объединившим народ, и продолжает оказывать значительное влияние на формирование национального самосознания. Отечественный учёный и исследователь идентичности Т.С. Пронина подчёркивала, что в России «религия играет существенную роль в создании идентичности как для отдельных индивидуумов, так и для общества в целом» [Пронина, 2015, с. 130]. В стране официально зарегистрировано множество религиозных конфессий, включая православие, ислам, индуизм, буддизм и различные верования малых народов.

Религиозная идентичность играет важную роль в воспитании современной молодёжи, так как она может влиять на мировосприятие, ценности и поведение молодежи,

способствовать развитию чувства общности, поддержанию и развитию религиозных традиций, помогает формировать связи и сообщества через участие в религиозных событиях, волонтерских проектах и молодежных группах, предотвращает религиозные конфликты и недопонимание, особенно в многонациональных и многоконфессиональных регионах.

Понятие «цифровизация» в отечественных и зарубежных источниках

Далее необходимо уточнить, что в настоящее время под понятием «цифровизация» понимается множество задач. Так, в России цифровизация – это, согласно Распоряжению Правительства Российской Федерации от 28.07.2017, № 1632-р программа «Цифровая экономика Российской Федерации», «переход с аналоговой формы передачи информации на цифровую»¹, или же это изменения в разных сферах общества путём массового использования цифровых технологий, передающих, развивающих и производящих информацию. Согласно словарю терминов и понятий по вопросам цифровой трансформации Белорусского государственного университета «цифровизация – это новый этап автоматизации и информатизации экономической деятельности и государственного управления, процесс перехода на цифровые технологии, в основе которого лежит не только использование для решения задач производства или управления информационно-коммуникационных технологий, но также накопление и анализ с их помощью больших данных в целях прогнозирования ситуации, оптимизации процессов и затрат, привлечения новых контрагентов»².

В настоящее время к определению понятия «цифровизация», по данным О.А. Соленой и А.А. Яковлева, существует множество подходов, поэтому единого универсального определения, которое охватывало бы все ключевые аспекты цифровизации, до сих пор не существует. Каждое понятие, по мнению О.А. Соленой и А.А. Яковлева, «дополняет другое, цифровизацию можно интерпретировать как процесс, метод, набор действий, комплексное решение, оцифровку данных и концепцию» [Соленая, Яковлева, 2023, с. 292]. Большое разнообразие подходов к определению понятия «цифровизация» прослеживается и в отечественной философии. Так, к примеру, Э.М. Молчан, поместив цифровизацию в антропологический контекст, описывает её как «утрату человеческой идентичности в виртуальной реальности, отмечая при этом риски, связанные с дегуманизацией личности и зависимостью от устройств и компьютерных систем, что воспринимается как недуг современной цифровой эпохи» [Молчан, 2019, с. 61]. Г.Л. Тульчинский считает, что цифровизация включает в себя «создание и использование технологий, основанных на концепциях дискретности, вычислимости, программируемости и алгоритмичности» [Тульчинский, 2018, с. 36].

Поэтому, соглашаясь с вышеуказанной информацией, можно констатировать, что под цифровизацией чаще всего понимается процесс преобразования аналоговой информации и систем в цифровой формат. Данное преобразование информации включает в себя внедрение цифровых технологий, таких как компьютеры, интернет, мобильные устройства и программное обеспечение, с целью улучшения и оптимизации различных аспектов деятельности в таких сферах, как промышленность, образование, здравоохранение и религия. Цифровизация также подразумевает создание цифровых моделей и алгоритмов, которые способствуют улучшению доступа к информации, коммуникации и обработке данных. В обществе цифровизация подразумевает интеграцию

¹ Распоряжение Правительства РФ от 28.07.2017. № 1632-р «Программа «Цифровая экономика Российской Федерации» URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/71634878/> (дата обращения: 14.11.2024).

² Словарь терминов и понятий по вопросам цифровой трансформации. Электронная библиотека БГУ URL: <https://rlst.by/files/minsk/documents/slov.pdf> (дата обращения: 15.11.2024).

цифровых технологий в повседневную жизнь, экономику, сферу образования, здравоохранение, государственное управление, коммуникации и культуру. Этот процесс включает развитие цифровой инфраструктуры, повышение доступности и эффективности сфер услуг, создание цифровых данных и укрепление цифровых навыков населения. Цифровизация общества направлена на расширение возможностей гражданского участия, а также на создание новых условий для бизнес-роста и инновационного развития.

Влияние цифровизации в формировании религиозной идентичности

До начала эпохи цифровизации социокультурная среда человека была относительно стабильной, и идентичность формировалась благодаря взаимодействию с другими людьми, группами, культурами и религиями. Процесс переосмысления и укрепления идентичности оказывал значительное влияние на религиозные, социальные, культурные, политические и исторические перемены. В современном цифровом мире цифровизация приводит к возникновению «множественной идентичности» [Кулич и др., 2017]. Такая идентичность, по мнению Е.Е. Семёнова, «изменяется или проявляется вновь в разных контекстах. Структурные связи между различными сообществами становятся важным элементом, влияющим на формирование идентичности в цифровом мире. Новые обряды и местные противоречия иллюстрируют этот процесс. Формирование национальных, этнических и религиозных идентичностей в контексте глобальной культуры в цифровой среде значительно связано с влиянием информационных технологий и средств массовой информации» [Семёнов, 2023, с. 433].

Формирование национальных, религиозных и локальных идентичностей в контексте глобальной культуры цифровой эпохи во многом зависит от ключевого элемента, который определяет идентичность, – повсеместного применения информационных технологий и средств массовой информации. Использование компьютерных технологий в коммуникациях, как указывал М. Кастельс, приводит к «изменениям в социальной сфере, порождающим два основных последствия: с одной стороны, возникает возможность более гибкого выражения социальных связей, поскольку люди формируют и пересматривают способы взаимодействия. С другой стороны, минимальные обязательства меняют динамику формирования социальной поддержки, что делает ее более хрупкой» [Кастельс, 2004, с. 159]. Новый ценностный порядок, а не технологические возможности, будет определять рамки идентичности современного общества.

Цифровизация активно входит в религиозную сферу жизни человечества, тем самым начав, по нашему мнению, процесс модернизации религиозной идентичности под новую цифровую реальность. Процесс цифровизации стал приходить в религиозную сферу в начале XXI века, когда интернет-ресурсы и в том числе социальные сети стали активно проникать в жизнедеятельность человека и всего общества. По мнению заведующей Лабораторией музейных технологий С.Ю. Белоруссовой, поначалу внедрение цифровых технологий в религиозную жизнь у православного духовенства вызывало опасения: православные традиционалисты предостерегали от использования интернета, а также «подчеркнуто настороженно относились к достижениям секулярной современности» [Белоруссова, 2021, с. 103].

В настоящее время официальной общеправославной позиции по вопросам цифровизации нет. Только отдельные православные священнослужители на своём уровне пытаются дать ту или иную оценку процессам цифровизации. Поэтому одна группа православных священнослужителей и верующих к сети Интернет и другим цифровым технологиям до сих пор относятся с опасением, называя их или «источником зла», или «предвестником Антихриста» [Белоруссова, 2021, с. 103]. Однако другая часть священнослужителей и верующих постепенно начали осваивать цифровые технологии.

Так, большинство религиозных организаций в мире стали создавать свои официальные сайты (например, официальный сайт Московского Патриархата Русской Православной Церкви ¹). Общение верующего и священнослужителя стало происходить не только вживую во время богослужения или простого общения, но и через социальные сети, где батюшки создают свои страницы и блоги. По мнению отечественных исследователей Е.И. Гришаевой и А.Г. Бусыгина, «взаимодействие верующих с интернетом мало отличается от опыта светских пользователей: интернет используется для получения информации, для поддержания связей внутри сообщества, для самовыражения, для общения с другими; он также делает пользователей более мобильными и позволяет виртуально присутствовать в удаленных местах, другими словами, интернет позволяет православным пользователям формировать свое религиозное информационное пространство, поддерживать непрерывную связь с религиозным сообществом, несмотря на занятость» [Гришаева, 2020, с. 13]. Следовательно, мобильность при совершении религиозных ритуалов и общедоступность религиозной литературы упрощает формирование религиозной идентичности, переводя её в цифровое пространство.

Пандемия COVID-19 в 2020–2021 годах сильно изменила роль цифровых технологий в религиозной сфере, заставив священнослужителей из-за мер по противодействию распространения коронавируса проводить богослужение и читать проповеди в онлайн-формате. Теперь верующие, в связи с невозможностью посещать богослужение очно, могут «присутствовать» дистанционно на многих религиозных мероприятиях или богослужениях, используя телевидение или интернет. К примеру, трансляция богослужений в прямом эфире «может быть интересна всем, кто желает приобщиться к православному богослужению. Полнота богообщения, дарованная нам Творцом в Таинстве Святого Причащения на главном православном богослужении – Божественной Литургии, невозможна на расстоянии, но молитвенное участие в богослужении доступно всем» ². Нельзя не согласиться с данной позицией, так как для людей, которые прикованы к постели или по другой причине ограничены в передвижении, трансляции богослужений могут стать единственной возможностью участвовать в религиозных обрядах.

Стало быть, то, что раньше считалось неприемлемым в религии, становится реальностью. Люди, утрачивая возможность присутствовать на богослужении и участвовать в религиозных обрядах и мероприятиях, полностью изменяют религиозную жизнь, заставляя религиозных деятелей осуществлять переход к новой виртуальной реальности, где многие традиционные религиозные практики становятся онлайн-событиями, а религия из аналогового состояния переходит в формат цифровой религии.

Американский исследователь в области религиоведения Грегори Прайс Гриве, который в своих работах исследовал цифровую религию как междисциплинарную область, подчёркивал: «В отличие от «аналоговой религии» (традиционное распространение религиозных доктрин и практик с помощью живого общения, книг, газет, фильмов) цифровая религия не ограничивается простым распространением источников и практик с помощью цифровых аудио, видео, веб-сайтов, цифровые медиа, а пытается адаптировать религиозные источники под цифровые реалии современного мира.

Цифровая религия обладает тремя основополагающим аспектами: интерактивностью, гипертекстуальностью и дисперсностью [Grieve, 2013, p. 108-109]. Интерактивность даёт возможность присутствовать и активно участвовать на богослужении, при этом находясь в любой точке земного шара. Например, возможен просмотр онлайн-трансляций богослужений по телевизору и в интернете с пояснениями диктора всех религиозных обрядов (особенно актуально для людей, которые знакомятся с

¹ Официальный сайт Московского Патриархата. URL: <http://www.patriarchia.ru/index.html> (дата обращения: 18.11.2024).

² Прямая трансляция богослужений. Азбука веры. URL: <https://azbyka.ru/bogosluzhenie-online> (дата обращения: 19.11.2024).

данной религией). Гипертекстуальность помогает использовать любые священные тексты или иную религиозную литературу с ссылками на их различные переводы и на трактовки от религиозных деятелей. Например, в интернете существует сайт «ГиперБиблия»¹, где в полном объеме предоставлены все книги Священного Писания с использованием гиперссылок на разные переводы, словари (для понимания слов и религиозных терминов, использованных в Библии) и на трактования того или иного текста Священного Писания Святыми Отцами Церкви. Дисперсность помогает определить, как каждый элемент религиозной практики или культа, благодаря цифровым медиа, рассредоточен по времени повседневной жизни человека или общества. К примеру, существуют приложения для мусульман, которые напоминают о времени молитвы и направлении, куда необходимо повернуться для правильной молитвы². Для православных христиан также существуют приложения, которые дают полный церковный календарь, в котором на каждый день отображаются евангельские чтения, рекомендации по питанию и рецепты для постного завтрака, обеда и ужина. К тому же в таком календаре указываются все великие и двенадцатые праздники, дата Пасхи по-старому и новому стилю³.

Можно констатировать, что постепенная цифровизации религии и появление уже «цифровой религии» начинает изменять и саму суть формирования религиозной идентичности современной молодёжи. Шведский социолог Миа Левхайм в своей работе чётко указывала, что «использование современных информационных и цифровых технологий для формирования религиозной идентичности, в первую очередь, носит индивидуальный характер, отрывая человека от сообщества верующих» [Mia Lövhelm, 2013, p. 52]. Иными словами, религиозная идентичность формируется под влиянием личных предпочтений, регулярной саморефлексии и пересмотра собственных жизненных ценностей и убеждений, а не зависит от географического положения или определённого сообщества верующих. Интернет значительно расширил возможности для изучения религии и практики своей веры, предоставив новые платформы: сообщества и группы приходов, конфессий и религиозных организаций в социальных сетях, мессенджерах, а также веб-сайты, посвященные изучению религиозной литературы и конфессий, и мобильные приложения.

Однако важно помнить, что вышеуказанные примеры цифровизации могут и негативно сказаться на религиозной сфере. Соглашаясь с мнением старшего научного сотрудника редакции журналов «Россия и мусульманский мир» Е.Л. Дмитриевой, к негативным сторонам процессов цифровизации в религиозной жизни относятся: «проблемы кибербезопасности; скрытое распространение религиозно-деструктивных, экстремистских и террористических идей через онлайн-источники; уменьшение посещаемости храмов, монастырей и других религиозных мест, дезорганизация верующих, размывание ощущение святости и священства в религиозном опыте, что, в свою очередь, может отразиться на глубине и искренности веры» [Дмитриева, 2023, с. 130]. Так, анализируя мнение автора, можно говорить, что негативные стороны цифровизации в религии могут включать: увеличение конфликтных разногласий между сторонниками и противниками цифровизации; упрощение религиозных норм и радикальные изменения религиозных практик и традиций, которые могут существенно подорвать религиозную идентичность личности и всего общества; потеря атмосферы и связи с религиозными общинами, которая обычно создается при личных посещениях церквей, храмов и многих других конфессиональных мест. К тому же цифровизация

¹ ГиперБиблия. URL: <https://ulin.ru/hyper-bible/bible.htm> (дата обращения: 20.11.2024).

² Муслим: Время намаза, кибла. App Store. URL: <https://apps.apple.com/ru/app/муслим-время-намаза-кибла/id1137963102> (дата обращения: 20.11.2024).

³ Православный календарь поста. RuStore. URL: <https://www.rustore.ru/catalog/app/com.pravoslav.app> (дата обращения: 20.11.2024).

может привести к созданию проблемы сохранения конфиденциальности данных при онлайн-участии в ритуалах.

По мнению Миа Левхайм, «развитие новых технологий и моделей их использования порождает новые вопросы, касающиеся стирания границ между частным и публичным, фактами и вымыслом, доверием и риском, наблюдением и участием в жизни современного общества. Эти вопросы и возникающие в связи с ними этические и моральные дилеммы также должны быть рассмотрены в онлайн-исследованиях о религии» [Mia Lövhelm, 2013, p. 52]. Соглашаясь с Миа Левхайм и другими исследователями цифровой религии, перенос изучения религии и формирования религиозной идентичности в онлайн-пространство без должного контроля со стороны религиозных экспертов и государства может привести не только к упрощению религиозных норм, ценностей и традиций, но и к искажению религиозных учений и доктрин. Именно поэтому, на наш взгляд, сегодня большую актуальность приобрёл вопрос о границах необходимого использования цифровых технологий в религиозной деятельности и в проведении религиозных таинств и церемоний (паломничество, молитва, исповедь и др.), так как использование цифровых технологий не всегда соответствует моральным и ценностным критериям традиционных религий. Можно согласиться с мнением председателя синодального отдела по взаимоотношениям церкви с обществом и СМИ Московского патриархата Владимира Легойда, который в 2021 году подчеркнул: «Что касается церковной жизни – вопрос не в недопустимости цифровизации, а в не реализуемости таинств. Когда мы говорим о внебогослужебной жизни церкви, здесь использовались и используются, и будут широко использоваться цифровые технологии... Любой инструмент может быть использован для чего-то греховного и для чего-то доброго, поэтому здесь есть вопрос использования, того, для чего она используется... Конечно, любая технология – это медаль с двумя сторонами: она дает возможности, и она способна накладывать ограничения, или, по крайней мере, делать так, что человек будет контролироваться»¹.

Ещё одной негативной стороной цифровизации является, по нашему мнению, искажения религиозных доктрин в онлайн-пространстве. Это может быть вызвано деятельностью новых религиозных объединений деструктивного характера и экстремистских религиозных организаций. По мнению Д.В. Меняйло, К.К. Крупенникова, Л.Н. Меняйло, «развитие цифровых технологий повлияло не только на формы распространения экстремистских материалов, но и на способы вербовки» [Меняйло, Крупенникова, Меняйло, 2023, с. 418]. Так, онлайн-пространство как главный источник информации с большой многомиллионной аудиторией стало удобным средством для пропаганды и распространения деструктивного и экстремистского материала, иногда под видом материалов традиционных конфессий нашей страны, с целью компрометации традиционных конфессий и ради массового привлечения новых сторонников.

Отечественный исследователь Э.И. Атагимовова прямо указывала, что в основном молодые люди оказываются на опасных ресурсах случайно. Причинами этого могут быть «многочисленные всплывающие окна, неправильно интерпретированные поисковиком запросы, ссылки в социальных сетях, фейковые сайты с религиозной литературой традиционных конфессий. Все это ведет к тому, что молодой человек оказывается на сайтах небезопасного содержания, связанных с негативным контентом, киберхулиганством, экстремизмом в любых его проявлениях и формах. К сожалению, значительная часть таких преступлений остается незамеченной для родителей, правоохранительных органов и общества» [Атагимовова, 2013, с. 22]. Так, человек, не осознавая этого, может стать сторонником той или иной экстремистской организации, тем

¹ В РПЦ высказались о цифровизации информационной жизни. 2021. URL: <https://ria.ru/20211014/tsifra-1754611066.html> (дата обращения: 20.11.2024).

самым изменить свою религиозную идентичность и свою жизнь. За последнее время число экстремистских преступлений в интернете только возросло. Так, по данным МВД РФ, «в январе 2023 года было зарегистрировано 134 преступления экстремистской направленности, из них большая часть совершается в интернете. Это на 157,7 % больше, чем за аналогичный период прошлого года»¹. Именно поэтому, ради недопущения распространения деструктивных и экстремистских источников, необходимо в образовательных учреждениях изучать историю мировых религий или основы православной культуры, проводить воспитательные беседы по соблюдению цифровой гигиены и профилактические мероприятия для молодёжи. Основная задача подобных профилактических мероприятий: «объяснить молодой аудитории основной смысл терминов «экстремизм», «религиозная деструкция», указать виды экстремизма и религиозной деструкции, показать меры противодействия указанным проявлениям на государственном, научном уровнях, перечислить методы вербовки в экстремистские организации, том числе с использованием сети Интернет, правильно распознавать экстремистские материалы и отличать их от литературы традиционных конфессий, показать примеры экстремизма и религиозной деструкции в нашей стране и за рубежом, указать на ответственность и последствия за осуществление указанных деяний» [Липич, Шилишпанов, 2019, с. 24].

Заключение

Цифровизация стала плотно входить во все сферы жизнедеятельности человека и общества: экономика, политика, образование, здравоохранение. Не обошли стороной данные процессы и религиозную жизнь многих крупных конфессий и деноминаций, в том числе и Русскую Православную Церковь. Несмотря на неоднозначную позицию некоторых прихожан и священнослужителей Церкви, процессы формирования религиозной идентичности стали постепенно переходить в цифровой формат.

В ходе исследования было установлено, что процессы цифровизации и возникновение цифровой религии предоставляют людям возможность доступа к различным религиозным материалам, общения с другими верующими через интернет, что делает процесс формирования религиозной идентичности более простым и гибким. Период пандемии значительно изменил взгляды многих конфессий на расширение цифрового религиозного пространства, что позволило верующим не только получать религиозную информацию онлайн, но и участвовать в богослужениях и мероприятиях дистанционно. Стоит отметить, что с окончанием карантинных мер использование цифровых технологий не прекратилось, а, наоборот, продолжает развиваться и сосуществовать с оффлайн-богослужениями. Критика использования цифровых технологий среди верующих и священнослужителей, актуальная до начала пандемии в 2020 году, стала значительно менее заметной.

Можно утверждать, что существуют и негативные стороны цифровизации религии и формирования религиозной идентичности: увеличение конфликтных разногласий между сторонниками и противниками цифровизации; упрощение религиозных норм и радикального изменения религиозных практик и традиций; потеря атмосферы и связи с религиозными общинами, которая обычно создается при личных посещениях церквей, храмов и многих других конфессиональных мест; уменьшение взаимодействия между верующими; проблемы конфиденциальности данных при онлайн-участии в ритуалах и распространение деструктивных и экстремистских материалов для массового привлечения новых адептов и уничтожения традиционных конфессий. Для предотвращения отрицательных сторон цифровизации необходимо установление границ допустимого

¹ В России на 160% за год выросло число экстремистских преступлений. 2023. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/5861839> (дата обращения: 21.11.2024).

использования цифровых технологий в религиозной деятельности, религиозных таинств и церемоний, а также проведение для молодёжи профилактических мероприятий по предотвращению распространения экстремизма и религиозной деструкции и воспитательных бесед по соблюдению цифровой гигиены. Данные действия, на наш взгляд, смогут свести к минимуму все негативные последствия процессов цифровизации в формировании религиозной идентичности современного общества.

Список источников

- В России на 160% за год выросло число экстремистских преступлений. 2023. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/5861839> (дата обращения: 21.11.2024).
- В РПЦ высказались о цифровизации информационной жизни. 2021. URL: <https://ria.ru/20211014/tsifra-1754611066.html> (дата обращения: 20.11.2024).
- ГиперБиблия. URL: <https://ulin.ru/hyper-bible/bible.htm> (дата обращения: 20.11.2024).
- Муслим: Время намаза, кибла. App Store. URL: <https://apps.apple.com/ru/app/муслим-время-намаза-кибла/id1137963102> (дата обращения: 20.11.2024).
- Официальный сайт Московского Патриархата. URL: <http://www.patriarchia.ru/index.html> (дата обращения: 18.11.2024).
- Православный календарь поста. RuStore. URL: <https://www.rustore.ru/catalog/app/com.pravoslav.app> (дата обращения: 20.11.2024).
- Прямая трансляция богослужений. Азбука веры. URL: <https://azbyka.ru/bogoslužhenie-online> (дата обращения: 19.11.2024).
- Распоряжение Правительства РФ от 28.07.2017. № 1632-р «Программа «Цифровая экономика Российской Федерации» URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/71634878/> (дата обращения: 14.11.2024).
- Словарь терминов и понятий по вопросам цифровой трансформации. Электронная библиотека БГУ. URL: <https://rlst.by/files/minsk/documents/slov.pdf> (дата обращения: 15.11.2024).

Список литературы

- Атагимова Э.И. 2013. Проблемы отрицательного влияния интернета на нравственное воспитание подростков в информационном пространстве и пути решения. *Правовая информатика*, № 1: 21-24.
- Белоруссова С.Ю. 2021. Религия в виртуальном пространстве. *Этнография*, № 4 (14): 94-118.
- Вавилова Е. Ю., Хандурова Е. Н. 2018. Религиозная идентичность: современные подходы. *Инновационная наука*, №7-8: 78-81.
- Голева Д.А., Прокопьева О.А. 2024. Анализ влияния цифровизации на экономический рост: преимущества и недостатки. *Актуальные исследования*, № 7 (189): 9-10.
- Гришаева Е.И. 2020. Интернет в православном приходе: особенности взаимодействия православных пользователей с интернет-технологиями. *Научный результат. Серия Социология и управление*, Т.6, №1: 3-15.
- Ипатова Л.П. 2006. Православная идентичность как персональный портрет. *Гражданские, этнические и религиозные идентичности в современной России*. Институт социологии РАН: 169-215.
- Кастельс М. 2004. Галактика Интернет: Размышления об Интернете, бизнесе и обществе, Пер. с англ. А. Матвеева под ред. В. Харитонов. Екатеринбург, У-Фактория (при участии изд-ва Гуманитарного ун-та), 328 с.
- Конева А.В., Лисенкова А.А. 2019. Матрица идентичности в цифровую эпоху: социальные вызовы преодоления анонимности. *Вестник Томского государственного университета. Культурология и искусствоведение*, № 35: 14-28.
- Коньков А.Е. 2020. Цифровизация политики vs политика цифровизации. *Вестник Санкт-Петербургского университета. Международные отношения*, Т. 13. № 1: 47–68.
- Крылов А.Н. 2012. Религиозная идентичность. Индивидуальное и коллективное самосознание в постиндустриальном пространстве (психология и социология религии). 2-е изд. М., Изд-во Икар, 306 с.

- Кузнецова Е.И. 2023. Цифровая эпоха: грани нового социокультурного опыта. *Общество: философия, история, культура*, № 4(108): 36-40.
- Кулич С., де Лемос С., Косаковска-Березецкая Н., Лоренци-Чольди Ф. 2017. Управление множественной идентичностью: влияние на идентификацию, установки, поведение и благополучие. *Рубежи психологии*, Т. 8. Электронная статья. URL: <https://www.frontiersin.org/articles/10.3389/fpsyg.2017.02258/full> (дата обращения: 15.11.2024).
- Липич Т.И., Шилишпанов Р.В. 2019. Методические рекомендации по организации профилактики экстремизма в студенческой среде для организаторов воспитательного процесса, Методическое пособие: Сост. Липич Т.И., Шилишпанов Р.В. Белгород, 53 с.
- Меняйло Д.В., Крупенникова К.К., Меняйло Л.Н. 2023. Трансформация экстремизма в условиях цифровизации общества. *Право и государство: теория и практика*, № 11(227): 417-419.
- Молчан Э. М. 2019. Влияние цифровизации на формирование духовно-нравственных ценностей субъектов взаимодействия в эпоху глобализации. *Вестник Московского государственного областного университета. Философские науки*, № 2: 55-66.
- Мчедлов М.П. 2008. Общие вопросы религиозной идентичности. К постановке проблемы, условия ее объективного анализа. *Религия в самосознании народа (религиозный фактор в идентификационных процессах)*: Отв. ред. М.П. Мчедлов. Институт социологии РАН: 3-33.
- Пронина Т.С. 2015. Религиозная идентичность как психосоциальный феномен. *Вестник Русской христианской гуманитарной академии*, Т. 16, № 2: 154–166.
- Рыжова С.В. 2006. О соотношении православной идентичности и гражданского сознания. *Гражданские, этнические и религиозные идентичности в современной России*: Отв. ред. В.С. Магун. Институт социологии РАН: 141-168.
- Семёнов Е.Е. 2023. К проблеме идентичности в глобальном цифровом мире. *На пересечении языков и культур. Актуальные вопросы гуманитарного знания*, № 2 (26): 431-435.
- Скобникова В.К., Шищенко Е.В., Хрипунова М.Б. 2020. Цифровизация в российской системе здравоохранения. *Вестник науки*, Т.5. №5 (26): 278 - 285.
- Солёная О.А., Яковлева А.А. 2023. Проблема представления термина «цифровизация»: отечественный и зарубежный опыт. *Культура и природа политической власти: теория и практика, сборник научных трудов*, УрГПУ: 289-293.
- Тард Г. 2000. Механизмы защиты. Самосознание и защитные механизмы личности: Хрестоматия по соц. психологии личности. Самара, Изд. «БАХРАХ-М», 655 с.
- Тульчинский Г.Л. 2018. Цифровизованный гуманизм. *Философские науки*, № 11: 28-43.
- Хезмондалш Д. 2014. Культурные индустрии: Пер. с англ. И. Кушнаревой, под науч. ред. А. Михалевой, Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». М., Изд. дом Высшей школы экономики, 456 с.
- Шляхина С.Ю. 2023. Влияние цифровизации на систему образования. *Вестник науки*, Т.5. №6 (63): 114 - 120.
- Grieve G.P. 2013. Digital religion. *Digital religion: Understanding religious practice in new media worlds*: ed. H. Campbell: 104-118.
- Mia Lövhelm. 2013. Identity. *Digital religion: Understanding religious practice in new media worlds*: ed. H. Campbell: 41-56.

References

- Atagimova Je.I. 2013. Problemy otricatel'nogo vlijanija interneta na npravstvennoe vospitanie podroستkov v informacionnom prostranstve i puti reshenija [Problems of the negative impact of the Internet on the moral education of adolescents in the information space and solutions], *Pravovaja informatika*, № 1: 21-24 (in Russian).
- Belorussova S.Ju. 2021. Religija v virtual'nom prostranstve [Religion in the virtual space], *Jetnografija*, № 4 (14): 94-118 (in Russian).
- Vavilova E. Ju., Handurova E.N. 2018. Religioznaja identichnost': sovremennye podhody [Religious identity: modern approaches], *Innovacionnaja nauka*, №7-8: 78-81 (in Russian).
- Goleva D.A., Prokop'eva O.A. 2024. Analiz vlijanija cifrovizacii na jekonomicheskij rost: preimushhestva i nedostatki [Analysis of the impact of digitalization on economic growth: advantages and disadvantages], *Aktual'nye issledovanija*, №7 (189): 9-10 (in Russian).

- Grishaeva E.I. 2020. Internet v pravoslavnom prihode: osobennosti vzaimodejstviya pravo-slavnym pol'zovatelej s internet-tehnologijami [The Internet in an Orthodox parish: features of the interaction of Orthodox users with Internet technologies], *Nauchnyj rezul'tat. Serija Sociolo-gija i upravlenie*, T.6, №1: 3-15 (in Russian).
- Ipatova L.P. 2006. Pravoslavnaja identichnost' kak personal'nyj portret [Orthodox Identity as a personal portrait], *Grazhdanskije, jetnicheskie i religioznye identichnosti v sovremennoj Rossii*. Institut sociolo-gii RAN: 169-215 (in Russian).
- Kastel's M. 2004. Galaktika Internet: Razmyshlenija ob Internete, biznese i obshhestve [Galaxy Internet: Reflections on the Internet, Business and Society], Per. s angl. A. Matveeva pod red. V. Haritonova. Ekaterinburg, U-Faktorija (pri uchastii izd-va Gumanitarnogo un-ta), 328 p. (in Russian).
- Koneva A.V., Lisenkova A.A. 2019. Matrica identichnosti v cifrovuju jepohu: social'nye vyzovy preodolenija anonimnosti [The Identity Matrix in the Digital Age: Social Challenges of overcoming Anonymity], *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Kul'turologija i iskusstvovedenie*, № 35: 14-28 (in Russian).
- Kon'kov A.E. 2020. Cifrovizacija politiki vs politika cifrovizacii [Digitalization of politics vs digitalization policy], *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Mezhdunarodnye otnoshenija*, T.13. № 1: 47–68 (in Russian).
- Krylov A.N. 2012. Religioznaja identichnost' [Religious identity], Individual'noe i kollektivnoe samosozna-nie v postindustrial'nom prostranstve (psihologija i sociologija religii). 2-e izd. M., Izd-vo Ikar, 306 p. (in Russian).
- Kuznecova E.I. 2023. Cifrovaja jepoha: grani novogo sociokul'turnogo opyta [The Digital Age: the facets of a new socio-cultural experience], *Obshhestvo: filosofija, istorija, kul'tura*, № 4(108): 36-40 (in Russian).
- Lipich T.I., Shilishpanov R.V. 2019. Metodicheskie rekomendacii po organizacii profilaktiki jekstremizma v studencheskoj srede dlja organizatorov vospitatel'nogo processa [Methodological recommendations on the organization of the prevention of extremism among students for the organizers of the educational process], Metodicheskoe posobie: Sost. Lipich T.I., Shilishpanov R.V. Belgorod, 53 p. (in Russian).
- Menjajlo D.V., Krupennikova K.K., Menjajlo L.N. 2023. Transformacija jekstremizma v uslo-vijah cifrovizacii obshhestva [The transformation of extremism in the context of digitalization of society], *Pravo i gosudarstvo: teorija i praktika*, № 11(227): 417-419 (in Russian).
- Molchan Je. M. 2019. Vlijanie cifrovizacii na formirovanie duhovno-nravstvennyh cennostej sub#ektov vzaimodejstviya v jepohu globalizacii [The impact of digitalization on the formation of spiritual and moral values of subjects of interaction in the era of globalization], *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta. Filosofskie nauki*, № 2. M: 55-66 (in Russian).
- Mchedlov M.P. 2008. Obshhie voprosy religioznoj identichnosti. K postanovke problemy, uslovija ee ob#ektivnogo analiza [General issues of religious identity. To the formulation of the problem, the conditions for its objective analysis], *Religija v samosoznanii naroda (religioznyj faktor v identifikacionnyh processah)*: Otv. red. M.P. Mchedlov. Institut sociologii RAN: 3-33 (in Russian).
- Pronina T.S. 2015. Religioznaja identichnost' kak psihosocial'nyj fenomen [Religious identity as a psychosocial phenomenon], *Vestnik Russkoj hristianskoj gumanitarnej akademii*. T. 16, № 2: 154–166 (in Russian).
- Ryzhova S.V. 2006. O sootnoshenii pravoslavnoj identichnosti i grazhdanskogo soznanija [On the relationship between Orthodox identity and civic consciousness], *Grazhdanskije, jetnicheskie i religioznye identichnosti v sovremennoj Rossii*: Otv. red. V.S. Magun. Institut sociologii RAN: 141-168 (in Russian).
- Semjonov E.E. 2023. K probleme identichnosti v global'nom cifrovom mire. Na peresechenii jazykov i kul'tur [On the problem of identity in the global digital world. At the intersection of languages and cultures], *Aktual'nye voprosy gumanitarnogo znanija*, № 2 (26): 431-435 (in Russian).
- Skobnikova V.K., Shishhenko E.V., Hripunova M.B. 2020. Cifrovizacija v rossijskoj sisteme zdavoohranenija [Digitalization in the Russian healthcare system], *Vestnik nauki*, T.5. №5 (26): 278 – 285 (in Russian).
- Solenaja O.A., Jakovleva A.A. 2023. Problema predstavlenija termina «cifrovizacija»: otechestvennyj i zarubezhnyj opyt [The problem of presenting the term «digitalization»: domestic and foreign

- experience], *Kul'tura i priroda politicheskoy vlasti: teorija i praktika, sbornik nauchnyh trudov*, UrGPU: 289-293 (in Russian).
- Tard G. 2000. *Mehanizmy zashhity. Samosoznanie i zashhitnye mehanizmy lichnosti* [Protection mechanisms. Self-awareness and protective mechanisms of personality], Hrestomatija po soc. psihologii lichnosti. Samara, Izd. «BAHRAH-M», 655 p. (in Russian).
- Tul'chinskij G.L. 2018. Cifrovizovannyj gumanizm [Digitalized humanism], *Filosofskie nauki*, № 11: 28-43 (in Russian).
- Hezmondalsh D. 2014. Kul'turnye industrii [Cultural industries], Per. s angl. I. Kushnarevoj, pod nauch. red. A. Mihalevoj, Nac. issled. un-t «Vysshaja shkola jekonomiki». M., Izd. dom Vysshej shkoly jekonomiki, 456 p. (in Russian).
- Shljahina S. Ju. 2023. Vlijanie cifrovizacii na sistemu obrazovanija [The impact of digitalization on the education system], *Vestnik nauki*, T.5. №6 (63): 114 – 120 (in Russian).
- Grieve G.P. 2013. Digital religion. *Digital religion: Understanding religious practice in new media worlds*; ed. H. Campbell: 104-118.
- Mia Lövhelm. 2013. Identity. *Digital religion: Understanding religious practice in new media worlds*; ed. H. Campbell: 41-56.

Конфликт интересов: о потенциальном конфликте интересов не сообщалось.

Conflict of interest: no potential conflict of interest has been reported

Поступила в редакцию 20.06.2024

Поступила после рецензирования 20.09.2024

Принята к публикации 28.02.2025

Received June 20, 2024

Revised September 20, 2024

Accepted February 28, 2025

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Рудь Илья Сергеевич, ассистент кафедры философии и теологии, аспирант, Институт общественных наук и массовых коммуникаций, Белгородский государственный национальный исследовательский университет, г. Белгород, Россия.

Тамара Ивановна Липич, доктор философских наук, профессор, заведующая кафедрой философии и теологии, Белгородский государственный национальный исследовательский университет, г. Белгород, Россия.

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Ilya S. Rud, Assistant of the Department of Philosophy and Theology, postgraduate student, Institute of Social Sciences and Mass Communications, Belgorod State National Research University, Belgorod, Russia.

Tamara I. Lipich, Doctor of Philosophy, Professor, Head of the Department of Philosophy and Theology, Belgorod State National Research University, Belgorod, Russia.

КУЛЬТУРОЛОГИЯ И ФИЛОСОФИЯ ИСКУССТВА CULTURAL STUDIES AND PHILOSOPHY OF ART

УДК 130.2, 101.1:316.4, 008.2, 304.2, 004.8
DOI 10.52575/2712-746X-2025-50-1-185-195

Характеристики интерактивного генеративного контента как основного средства ведения современных информационных войн (на материале анализа литературных антиутопий)

Винокурова Е.Н.

Национальный исследовательский Томский государственный университет,
Россия, 634050, г. Томск, пр. Ленина, д. 36
c.vinockurova@yandex.ru

Аннотация. Цель исследования – описание характеристик интерактивного генеративного контента дезинформационного содержания как основного средства ведения современных информационных войн на материале анализа текстов литературных антиутопий («Предпоследняя истина» Ф.К. Дика, «Всесожжение» Ц. Збешховского, «Конец радуг» В. Винджа, «Страна качества» М.-У. Клинга, «Падение, или Додж в Аду. Книга 1» Н. Стивенсона и др.). В работе выявлены и описаны следующие характеристики интерактивного генеративного контента: интерактивность, генеративность, гиперперсонализированность, идеологизированность, фейковая (ложная) аутентичность, высокая детализированность и эмоциональная привлекательность. Результаты могут быть использованы для более эффективной верификации информации, циркулирующей в общественно-политическом сетевом дискурсе, на предмет ее достоверности или принадлежности к дезинформационному интерактивному генеративному контенту; в процессе просветительской работы с пользователями социальных сетей и мессенджеров – основными целевыми аудиториями современных инфовойн.

Ключевые слова: литературная антиутопия, социальное прогнозирование, интерактивный генеративный контент, дезинформационное содержание, ИГК, технологии искусственного интеллекта, ИИ, информационная война пятого поколения, цифровое общество, социальные сети и мессенджеры

Для цитирования: Винокурова Е.Н. 2025. Характеристики интерактивного генеративного контента как основного средства ведения современных информационных войн (на материале анализа литературных антиутопий). *NOMOTHETIKA: Философия. Социология. Право*, 50(1): 185–195. DOI: 10.52575/2712-746X-2025-50-1-185-195

Characteristics of Interactive Generative Content as the Main Means of Modern Information Warfares (a Case Study of Literary Anti-Utopias)

Ekaterina N. Vinokurova

National Research Tomsk State University
36 Lenin Av., Tomsk 634050, Russian Federation
c.vinockurova@yandex.ru

Abstract. The aim of the article is to define the characteristics of interactive generative disinformation content (IGC) as the main means of modern information warfare, based on the analysis of literary anti-utopias ("The Penultimate Truth" (F. Dick), "The All-Burnt Offering" (C. Zbeshchovsky), "Rainbows

© Винокурова Е.Н., 2025

End" (V. Vinge), "Quality Land" (M.-W. Kling), "Fall; or, Dodge in Hell. Book 1" (N. Stevenson), etc.). The methods of the research are socio-philosophical, discursive and conceptual analysis of anti-utopias and projecting the results of this analysis onto modern information warfare practices. The study allowed us to identify and describe the following characteristics of IGC: interactivity, generativity, hyper-personalisation, ideologisation, fake authenticity, high detail, and emotional attractiveness. These results can be used for more effective verification of information circulating in the socio-political network discourse for its reliability and belonging to the disinformation IGC; as well as in the process of educational work with users of social networks and messengers – the main target audiences of modern information warfare.

Keywords: literary dystopia, social forecasting, interactive generative content, informational content, IGC, artificial intelligence technologies, AI, fifth generation information warfare, digital society, social networks and messengers

For citation: Vinokurova E.N. 2025. Characteristics of Interactive Generative Content as the Main Means of Modern Information Warfare (a Case Study of Literary Anti-Utopias). *NOMOTHETIKA: Philosophy. Sociology. Law*, 50(1): 185–195 (in Russian). DOI: 10.52575/2712-746X-2025-50-1-185-195

ИИ обгонит нас. Машинный интеллект –
самое последнее изобретение, которое человечеству
когда-либо придется создать.
Н. Бостром

Появление генеративного искусственного интеллекта
может стать определяющим моментом для дезинформации
и разжигания ненависти, подрывая истину, факты и безопасность.
А. Гутерриш

Введение

На данный момент времени цифровое общество находится в очередной точке социально-исторической бифуркации, обусловленной усиливающимся динамизмом развития технологий, в том числе искусственного интеллекта (ИИ). Ускоренная эволюция и трансформация этих технологий, включая их проникновение в разные сферы жизни общества, актуализируют вопрос будущего общества, а также рисков его технологического развития, которые являются частью этого будущего. Проблема того, что нас ожидает и в каком направлении движется история, представляет собой одну из сквозных проблем научного, мифологического, религиозного и художественного познания мира. Она возникала на разных этапах развития общества и практически во всех отраслях знания и формах искусства. Подобное внимание к вопросу будущего общества обусловлено тем, что без социального прогноза невозможно управление жизнью общества в настоящем.

Одной из форм социального прогнозирования является литературная антиутопия, представляющая собой художественное воображаемое, обладающее «ценностью поливариантного предвидения будущего» [Филатов, 2014, с. 84]. Антиутопия позволяет «...к знаниям, почерпнутым из опыта и науки <...> добавить воображение, подозрение, вымысел и страх» [Бек, 2009, р. 6]. Таким образом, благодаря инсценированию «мирового риска будущая катастрофа становится настоящим», соответственно, чтобы ее избежать, «принимаются значимые решения в настоящее время» [Бек, 2009, р. 10].

Ключевым риском технологического развития цифрового общества на современном его этапе является внедрение технологий ИИ в сферу информационных войн и их трансформация в информационные войны пятого поколения, цель которых – окончательная атомизация общества противоборствующей стороны и его культурная

экспансия. Инструментальную базу данных войн составляют технологии ИИ, а «полем боя» являются мессенджеры (преимущественно Telegram) и социальные сети [Кужелева-Саган, 2023, с. 47]. В частности, ИИ используется инфотехнологиями с целью создания и распространения интерактивного генеративного контента (ИГК) дезинформационного содержания в виде текстового контента, создаваемого технологиями, подобными ChatGPT, и дипфейков разного характера (фото, аудио, видео). В условиях повышенной социальной рискогенности [Beck, 2009] человек становится уязвимым, а его поведение подверженным манипулированию со стороны акторов информационных войн пятого поколения, в роли которых выступают одновременно противоборствующие стороны («актор-человек») и искусственный интеллект («актор-не-человек»). ИГК в данном случае представляет собой средство символической власти [Бурдые, 1994] как персонифицированное управление индивидами с помощью изобразительных и языковых знаков. При этом базовыми субъектами такой власти выступают противоборствующие стороны, использующие ИИ.

Драматизм современного человека – рядового члена цифрового общества – заключается в том, что, будучи пользователем соцсетей и мессенджеров, он, как правило, не в силах самостоятельно идентифицировать механизмы власти и господства над собой, поскольку они скрываются за алгоритмами и контентными рекомендациями, создающими мнимую свободу выбора потребления контента. Это мнимое чувство свободы возникает потому, что ИГК дезинформационного содержания модифицируется акторами-инфотехнологиями в режиме реального времени на основе личных данных пользователей.

Сама практика инфовойн пятого поколения (в частности, сопровождавших пандемию коронавируса, СВО на Украине, военный конфликт между сектором Газа и Израилем) указывает на осуществление ряда рисков, концептуально описанных писателями-антиутопистами цифровой и доцифровой эпохи. Среди них: утрата чувств и интеллекта в связи с развитием технологий; социальное угнетение; изобретение сверхразума; потеря контроля над ИИ; появление самовоспроизводящихся машин; доминирование машин над человеком; тоталитаризм [Shelley, 1818; Butler, 1872; William, 1890; Wells, 1895; Asimov, 1942; Williamson, 1949; Sheckley, 1953; Banks, 1996; MacDonald, 2004; Meyer, 2012] и пр. В контексте информационных войн пятого поколения эти риски «перерождаются в форму, более адекватную техногенной реальности» [Соколов, 2021, с. 75]. На наш взгляд, одной из таких форм и является ИГК. Соответственно, для предотвращения антропологического кризиса, «перерастающего в вялотекущий апокалипсис, который ускоряется, ведя наш род к катастрофе» [там же, с. 75], среди прочего, необходимо определить механизм и характер воздействия ИГК на человека с целью его (ИГК) идентификации и разработки соответствующих реактивных и превентивных мер, что невозможно без предварительного выявления характеристик интерактивного генеративного контента дезинформационного содержания. По нашему мнению, одним из источников для выявления и описания такого рода характеристик ИГК являются тексты литературных антиутопий, которые, будучи «особым способом художественного предвидения» [Костенкова, 2019, с. 40], указывают на риски, связанные с использованием технологий ИИ и информационными войнами; а также содержат образы-концепты, имеющие определенную ассоциативную связь с ИГК как основным средством ведения информационных войн пятого поколения.

Цель исследования связана с описанием характеристик интерактивного генеративного контента дезинформационного содержания как основного средства ведения информационных войн пятого поколения на материале анализа текстов литературных антиутопий.

Материалы и методы исследования

Объектом исследования выступают литературные антиутопии как особые (художественные) формы социального прогнозирования, предметом – характеристики интерактивного генеративного контента дезинформационного содержания как основного средства ведения информационных войн пятого поколения и их образы-концепты в литературных антиутопиях.

Методологической основой исследования является социально-философский, дискурсивный и концептуальный анализ текстов литературных антиутопий и проецирование результатов этого анализа на практику информационных войн пятого поколения.

Эмпирическую базу текущего исследования представляют тексты более 30 литературных антиутопий доцифровой (первобытные времена – середина XX в.) и цифровой (середина XX – настоящее время) эпохи. В частности, такие антиутопии, как «Предпоследняя истина» (Ф. Дик), «Всесожжение» (Ц. Збешховский), «Конец радуг» (В. Виндж), «Страна качества» (М.-У. Клинг), «Падение, или Додж в Аду. Книга 1» (Н. Стивенсон) и др. Основным параметр включения в выборку литературных антиутопий – наличие в их текстах образов-концептов, прямо или косвенно связанных с ИГК, ИИ и/или информационной войной.

Результаты и их обсуждение

Анализ текстов литературных антиутопий и проецирование результатов этого анализа на практику информационных войн пятого поколения позволили выявить и описать следующие характеристики ИГК дезинформационного содержания: интерактивность, генеративность, гиперперсонализированность, идеологизированность, фейковую (ложную) аутентичность, высокую детализированность и эмоциональную привлекательность. Рассмотрим каждую из обозначенных характеристик.

1. Интерактивность как характеристика ИГК отражает «диалоговый» характер его создания. В данном случае ИИ, наравне с человеком, представляет собой «действующее и вступающее во взаимодействие лицо» [Земнухова, 2020, с. 100].

Образ-концепт, характеризующий интерактивность, представлен в романе-антиутопии «Предпоследняя истина» Ф. Дика. Автор описывает прообраз технологии, подобной современному ChatGPT, которая в воображаемом мире Ф. Дика носит название «авторедактор» и способна генерировать контент на основе отношений между заданными пользователем словами. Один из героев антиутопии, представитель элиты, человек Йенси – Джозеф Адамс, который работал на «Агентство», отвечающее за анимацию голографического лидера по имени Талбот Йенси, использовал «авторедактор» для составления речей Талбота Йенси, мотивирующих танкистов продолжать производство железных роботов. Для этого Джозеф Адамс «на клавиатуре редактора набрал <...> смысловые единицы «белка» и «геноцид». На его запрос «авторедактор» выдал следующий ответ: «Забавная история произошла со мной вчера, когда я направлялся в банк. Случилось так, что я проходил через Центральный Парк, и знаете...» [Дик, 1993, с. 8].

В контексте информационных войн пятого поколения под интерактивностью подразумевается, что любой контент, созданный ИИ, – это всегда конкретный ответ на конкретный запрос актора-инфотехнолога той или иной противоборствующей стороны.

2. Генеративность указывает на искусственный, «машинный», «не-человеческий» характер создания контента при помощи алгоритмов ИИ, которые обучаются на большом объеме данных, включая как правдивую, так и ложную информацию. Иными словами, алгоритмы могут перерабатывать дезинформацию, найденную в открытой сети, в новые версии дезинформации. Образом-концептом, отсылающим к этой характеристике ИГК, является ответ авторедактора на запрос Джозефа Адамса, главного героя упомянутого

выше романа «Предпоследняя истина». Когда Джозеф Адамс получил от авторедактора ответ: «Забавная история произошла со мной вчера, когда я направлялся в банк. Случилось так, что я проходил через Центральный Парк, и знаете...» на свой конкретный запрос – «белка» и «геноцид» [Дик, 1993, с. 8], то он его не устроил: «Вы проходили через Центральный Парк? Да ведь его не существует уже сорок лет!» [Дик, 1993, с. 9], поскольку ответ авторедактора был сгенерирован машинным способом с использованием устаревшей (ложной) информации.

3. Гиперперсонализированность.

Интерактивный генеративный контент дезинформационного содержания может являться гиперперсонализированным контентом, то есть адаптированным к конкретным целевым аудиториям с учетом их предпочтений и уязвимостей, выявляемых с помощью анализа больших данных, профайлинга. Образ-концепт данной характеристики ИГК содержится в антиутопии М.-У Клинга «Страна качества 2.0». В контексте «Третьей мировой войны» и сопровождающей ее информационной войны ввиду фильтрации информационных потоков на основе данных пользователей не все население получало сообщения о военных действиях, поскольку контент являлся гиперперсонализированным и показывался в зависимости от пользовательских интересов. Так, например, во время войны Петер Безработный, главный герой антиутопии, «смотрел бесконечно длинный рассказ о том, как младший сын Конрада Повара состоит сейчас в отношениях с актрисой» [Клинг, 2022, с. 87] и ничего не знал о «третьей мировой войне».

В другой антиутопии – «Всесожжение» Ц. Збешховский напрямую не говорит о гиперперсонализированности интерактивного генеративного контента дезинформационного содержания, тем не менее уделяет достаточно много внимания ИИ, а также в этом контексте упоминает, что «по данным можно составить прекрасные профили» [Збешховский, 2019, с. 94]. На наш взгляд, это есть не что иное, как описание результатов профайлинга целевых аудиторий, которые в дальнейшем применяются с целью создания гиперперсонализированного ИГК.

В условиях информационных войн гиперперсонализированность интерактивного генеративного контента принимает вид персонализированной манипулятивности, схожей во многом с «персонализированным языком» (Л. Лёвенталь) рекламы, побуждающим целевую аудиторию к самоидентификации с конкретными идеями и смыслами, а вследствие – к определенному мышлению и поведению, паттерны которых заложены в ИГК акторами противоборствующих сторон с целью конструирования для целевой аудитории соответствующей реальности.

4. Идеологизированность.

Образом-концептом данной характеристики ИГК является описанная В. Винджем в антиутопии «Конец радуг» технология «Лучше Ты Мне Поверь» (ЛТМП). «Лучше Ты Мне Поверь» представляет собой технологию ментального контроля над сознанием человека, а также инструмент влияния на выбор определенной идеологической позиции, разделяемой государством или террористическими группировками [Виндж, 2019]. Несмотря на то, что В. Виндж описал не контент как проводника определенной идеологии, а технологию ментального контроля, ЛТМП имеет общие черты с ИГК, используемым в современных информационных войнах.

На идеологизированность также содержится указание в романе Ф. Дика «Предпоследняя истина». В нем элита общества – люди Йенси после окончания «третьей мировой войны» продолжают создавать определенного рода сообщения, релевантные их идеологическим взглядам и целям, от лица сгенерированного президента – Талбота Йенси с использованием авторедактора, скрывая от танкистов окончание войны. Цель данных сообщений – мотивирование танкистов увеличить производство роботов с целью сохранения богатства Земли для людей Йенси. Однако данная цель в сообщениях скрывается за высшей целью – победой в войне [Дик, 1993].

Другой аспект идеологизированности ИГК может быть раскрыт благодаря образу самого президента Талбота Йенси. Талбот Йенси, «не самостоятельно мыслящее устройство, а просто чучело, которое сидит за столом» [Дик, 1993, с. 106], создан на «огромном компьютере, который называется Мегалингв 6-У» [там же, с. 106]. Программы для данного компьютера разрабатывают йенсенисты. «Йенсенисты, которые работают в Литературном отделе, пишут речи и загружают их в Мегалингв 6-У, а он как-то обрабатывает слова, придает им нужную интонацию» [там же, с. 107]. Так, мы можем сказать, что сообщения, транслируемые от лица Талбота Йенси в антиутопии Ф. Дика, – это не только результат работы йенсенистов из Литературного отдела, но и программных разработчиков-йенсенистов, имеющих определенные идеологические взгляды. Это свидетельствует о том, что ИГК представляет собой продукт идеологизированных технологий.

Так, антиутопические образы-концепты, указывающие на идеологизированность как характеристику ИГК, позволяют сделать вывод о том, что в информационных войнах пятого поколения идеологизированность ИГК связана: 1) с использованием ИГК противоборствующими сторонами с целью трансляции идеологии (ИГК как проводник определенной идеологии противоборствующих сторон); 2) идеологизированностью технологий ИИ (ИГК как продукт идеологизированных технологий). Поясним эти два аспекта идеологизированности подробнее.

ИГК как проводник определенной идеологии противоборствующих сторон

Интерактивный генеративный контент дезинформационного содержания, производимый в контексте информационных войн, выступает в качестве транслятора определенных идеологических взглядов противоборствующих сторон, репрезентируемых с помощью системы привлекательных идей и разделяемых всеми в конкретном обществе ценностных установок. Целью создания и распространения ИГК является ориентация целевых аудиторий на определенные «паттерны мышления и поведения» [Кужелева-Саган, 2023, с. 58]. При этом ИГК представляет собой не только проводника определенной идеологии, но и одновременно средство символического насилия [Бурдые, 2005, 2007], осуществляемого с использованием сгенерированных изобразительных и языковых знаков и символов, которые формируют определенный «универсум коммуникации», приводя к новой «герметизации универсума» [Маркузе, 1994] в цифровую эпоху в контексте информационных войн. Вопреки поливариативности выбора целевой аудиторией предпочтительных медиа для чтения (для информационных войн пятого поколения – каналов Telegram) и индивидуализированному потреблению информации [Кужелева-Саган, 2023, с. 47–48], атомизированная целевая общественность в своем большинстве до сих пор имеет одномерный характер, поскольку создается лишь иллюзия личного потребления информации и создания перечня медиа для чтения, которая скрывает за собой новую форму управления противоборствующими сторонами, «актерами-человеками», коммуникационными потоками целевой аудиторией. Более того, представители целевой аудитории становятся зависимыми от напоминаний данных каналов о выходе новых материалов и алгоритмов, ботов, создающих интерактивный генеративный контент, в том числе в режиме реального времени, в зависимости от особенностей целевой аудитории и целей, идеологических взглядов противоборствующих сторон. Таким образом, фактически в контексте информационных войн пятого поколения актерами, осуществляющими символическое насилие, выступают противоборствующие стороны («актер-человек») и искусственный интеллект («актер-не-человек»), генерирующий контент, релевантный определенной идеологии.

ИГК как продукт идеологизированных технологий

Интерактивный генеративный контент является продуктом идеологизированных систем генеративного искусственного интеллекта (ГИИ), включая чат-ботов, созданных с использованием больших языковых моделей (ChatGPT, Giga Chat и др.), и

художественных систем ИИ. Эти технологии идеологичны по той причине, что разработчики обучают их на определенных наборах данных (текстовых и графических), соответственно, контент, производимый системами ГИИ, генерируется в пределах этого набора данных, изначально заданного разработчиками технологий, следовательно, он априори не может существовать вне идеологии. Подтверждением этого могут служить исследования-эксперименты ученых [Hartmann, Schwenzow, Witte, 2023], которые считают, что основой «вычислительной идеологии» [Berry, 2014] ChatGPT является проэкологическая, либертарианская ориентация. Это может объясняться тем, что разработчиком ChatGPT является американская компания OpenAI, разделяющая государственные ценности и идеологические взгляды, основу которых составляют либеральные ценности и развитая экологическая культура. Так, ИГК, кроме прочего, представляет собой продукт «вычислительной идеологии» [Berry, 2014], который включает целевую аудиторию в «алгоритмическую клетку» [Berry, 2014].

5. Фейковая (ложная) аутентичность.

Интерактивный генеративный контент имеет вид верифицированного контента, который может имитировать стиль и тон устной и письменной речи как отдельного человека, так и организаций, исследовательских институтов, известных СМИ. В случае с дипфейками, представленными в визуальной форме, имитируется не только стиль и тон устной речи, но также и внешний вид человека.

Образом-концептом, который указывает на данную характеристику ИГК, является дипфейк, описанный Н. Стивенсоном в книге «Падение, или Додж в аду». Дипфейк представляет собой видео ядерного взрыва в городе Моав, которое распространилось в социальных сетях и заставило весь мир поверить в ядерную атаку, несуществующую в реальности [Стивенсон, 2019].

Обратимся к обозначенному нами ранее роману «Предпоследняя истина» Ф. Дика. В нем президент Талбот Йенси представляет собой не что иное, как дипфейк, над созданием которого работало «много специалистов» [Дик, 1993, с. 107]. Одни йенсенисты разрабатывали программы, другие, включая Джозефа Адамса, – писали речи для сгенерированного президента и загружали их в «огромный компьютер Мегалингв 6-У, а он обрабатывал слова, придавал им нужную интонацию» [там же, с. 107]. После этого «чучело» произносило слова и «выглядело как живое» [там же, с. 107]. Речь записывали на пленку и отправляли в Женеву руководителю «Агентства» – Стэнтону Брозу, который утверждал сделанную запись. После его одобрения дипфейк можно было распространять по «телекабелю всем подземным убежищам Зап-Дема» [там же, с. 107]. По сути, Ф. Дик в своем романе-антиутопии концептуально описал не только фейковую (ложную) аутентичность ИГК, но и процесс работы над созданием ИГК дезинформационного содержания, которую в современной реальности информационных войн выполняют фабрики фейков.

Так, ИГК в контексте информационных войн симулирует реальность, предоставляет доступ к той реальности, которой не существует [Бодрийяр, 2016]. Обладая собственной реальностью, ИГК способен побуждать целевые аудитории к определенному мышлению и поведению, которое стремятся достичь в ходе создания и распространения ИГК акторы противоборствующих сторон. На операциональном уровне фейковая (ложная) аутентичность интерактивного генеративного контента достигается за счет использования «магически-ритуальных формул» [Маркузе, 1994] языка – аналитических суждений, имитирующих данные исследований, демонстрации разнообразия точек зрения по одному и тому же вопросу, унификации противоположностей.

Фейковая (ложная) аутентичность как характеристика ИГК дезинформационного содержания тесно связана с двумя другими его характеристиками – высокой детализированностью и эмоциональной привлекательностью.

6. Высокая детализированность относится в большей степени к текстовому ИГК, однако визуальному ИГК эта характеристика также присуща. Высокая деатлизи-
рованность связана с тем, что Г. Маркузе называет «аналитическим предидированием» [Маркузе, 1994, с. 118], способствующим превращению предложений в «гипнотическую форму, которая бесконечно повторяясь, фиксирует смысл в сознании реципиента» [там же, с. 119]. Высокий уровень детализации ИГК достигается за счет использования в нем различного рода доказательств определенной точки зрения, обличенной в аналитическую форму, описания подробностей того или иного события, а также их представления в форме сложных предложений. В визуальном ИГК это может выражаться в формате видео с экспертами, интервью с очевидцами событий и пр.

Образом-концептом, указывающим на данную характеристику ИГК, является фальшивая пресс-конференция с учеными, представленная Н. Стивенсоном в «Падении, или Додж в аду». Фальшивая пресс-конференция в медиареальности была собрана по итогам проведенного учеными изотопного анализа радиоактивного пепла со стороны Моава, подтверждающего ядерный взрыв, несуществующий в реальности. Пресс-конференция имитировала прямую трансляцию Си-эн-эн. «Ученые в белых халатах давали пресс-конференцию на фоне повторяющихся логотипов Лос-Аламосской национальной лаборатории. <...> Сделано было безупречно. Актеров подобрали идеально. Здесь был маститый старик, который говорил мало, но мудро и веско. Обаятельный молодой бородач (он в основном все и объяснял), похожий на вашего любимого преподавателя математики, который разъезжал по кампусу на лигераде. Пожилая, но все еще эффектная женщина. Азиат-интроверт, изредка вставляющий искрометные шутки» [Стивенсон, 2019, с. 146]. Именно обращение к экспертам и использование их разных демографических и психографических профилей позволило населению поверить в реальность ядерного взрыва в Моаве, которая была сконструирована с использованием ИГК.

7. Эмоциональная привлекательность.

ИГК обладает эмоциональной привлекательностью, которая достигается благодаря использованию эмоционально окрашенных слов. Это отличает ИГК, распространяемый в мессенджерах и социальных сетях, от рационального и фактологичного контента новостных порталов. Эмоциональная привлекательность выступает в качестве одной из основных характеристик ИГК дезинформационного содержания в контексте кризисных ситуаций (пандемий, военных противостояний и пр.), когда общество пребывает в состоянии неопределенности и испытывает повышенный уровень страха, соответственно, становится когнитивно и эмоционально уязвимым перед «ментальной апотропией» [Бодрийяр, 2016, с. 69], осуществляемой акторами противоборствующих сторон на уровне фактов и образов посредством определенного текстового и визуального ИГК.

Указание на данную характеристику ИГК содержится в романе Ф. Дика «Предпоследняя истина». Эмоциональная привлекательность ярко прослеживается в речи Талбота Йенси в контексте «третьей мировой войны», являющейся кризисной ситуацией: «Мои дорогие сограждане-американцы! <...> Вы увидели ужасные события... Детройт стерт с лица земли. А как вам известно, значительная часть боеприпасов поступала с его прекрасных автоматизированных заводов. Теперь это все утрачено, но мы не потеряли ни одной человеческой жизни – единственной ценности, которую мы не можем позволить себе терять. <...> Мы перенесем этот удар <...> С каждым днем... мы становимся сильнее, а не слабее. Вы становитесь сильнее. И Бог свидетель...» [Дик, 1993, с. 18–19]. Как мы видим, в сгенерированной для дипфека президента Талбота Йенси речи содержится эмоционально окрашенная лексика, а также апелляция к высшим ценностям – человеческой жизни и к Богу. Кроме этого, конструируется образ светлого будущего, являющегося «противоположностью мрачного настоящего» [Золотухина-Аболина, Ингерлейб, 2021, с. 13].

Заклучение

Таким образом, описание основных характеристик ИГК на материале анализа текстов литературных антиутопий позволило определить, какие именно характеристики ИГК дезинформационного содержания предоставляют возможность акторам информационных войн в короткие сроки с максимальной эффективностью создавать контент, имитирующий контент, созданный человеком. Кроме того, технологии ИИ также способны и идентифицировать подобного рода контент. Однако любые достижения в алгоритмическом обнаружении данного контента могут быть встроены в следующее поколение алгоритмов, используемых для его генерации. Все это в конечном счете может привести к тому, что весь контент будет создаваться «актерами-не-человеками», ИИ, однако за ним будут стоять «актеры-человеки» – разработчики ИИ, обучающие данные системы и закладывающие в них определенную идеологию – «вычислительную идеологию» [Berry, 2014]. Соответственно, в будущем исполнение прогнозов многих писателей-антиутопистов (М. Шелли, С. Батлера, К. Чапека, Т. Харбу, О. Хаксли, Дж. Оруэлла, С. Лема, братьев Стругацких, А. Кларка, И. Бэнкса, А. Зиновьева, В. Пелевина и др.) — доминирование ИИ над естественным, порабощение человека роботами – тесно связано с осуществлением другого их прогноза — отсутствием ментальной свободы человека, повсеместным контролем за человеком и в конечном счете – порабощением человека человеком. По крайней мере этот прогноз уже начал сбываться на уровне производства контента в контексте информационных войн пятого поколения.

На наш взгляд, результаты проведенного исследования могут быть использованы при верификации сетевого контента на предмет его принадлежности к дезинформационному ИГК; подготовке информационно-аналитических отчетов и докладов, целью которых может являться информирование общественности о применении ИИ в современных информационных войнах, а также в соответствующей просветительской работе с пользователями социальных сетей и мессенджеров.

Список источников

- Виндж В. 2019. Конец радуг. М., Эксмо, Fanzon, 509 с.
Дик Ф. 1993. Предпоследняя истина. Киев, АСК (А.С.К.), 494 с.
Збешховский Ц. 2019. Всесожжение. М., АСТ, 502 с.
Клинг М.-У. 2022. Страна качества 2.0. М., Fanzon, 448 с.
Стивенсон Н. 2020. Падение, или Додж в Аду. Книга первая. М., Эксмо, Fanzon, 544 с.
Asimov I. 1942. Laws of robotics. Astounding Science Fiction, 40 p.
Banks I. 1996. Excession. Orbit Books, 451 p.
Butler S. 1872. Erewhon. Trübner and Ballantyne, 246 p.
MacDonald I. 2004. River of Gods. Simon & Schuster, 485 p.
Meyer M. 2012. Cinder. Feiwei & Friends, 390 p.
Sheckley R. 1953. Watchbird. Galaxy Science Fiction, 40 p.
Shelley M. 1818. Frankenstein; or The Modern Prometheus. Lackington, Hughes, Harding, Mavor & Jones, 280 p.
Wells H. 1895. The Time Machine. William Heinemann, 84 p.
William G. 1890. The Wreck of a World. London, Digby and Long, 180 p.
Williamson J. 1949. The Humanoids. Simon and Schuster, 239 p.

Список литературы

- Бодрийяр Ж. 2016. Дух терроризма. Войны в заливе не было. М., РИПОЛ классик, 224 с.
Бурдые П. 1994. Начала. М., Socio-Logos, 288 с.
Бурдые П. 2005. О символической власти. М., Центр гуманитарных технологий, 576 с.

- Бурдые П. 2007. Воспроизводство: элементы теории системы образования. М., Просвещение, 265 с.
- Данилов Ю.Д. 2019. Человек цифровой эпохи: сценарии будущего. *Экономист*, 5: 29–37.
- Земнухова Л.В. 2020. Приключения технологий: барьеры цифровизации в России. М., ФНИСЦ РАН, 100 с.
- Золотухина-Аболина Е.В., Ингерлейб М.Б. 2021. Образ «светлого будущего»: проблема социокультурных стратегий. *Вестник Московского государственного университета культуры*, 99(1): 6–15.
- Костенкова В.В. 2019. Антиутопия начала XXI века в динамике жанровых трансформаций: дис. ... канд. филол. наук: 10.01.01. Краснодар, 180 с.
- Кужелева-Саган И.П. 2023. Концепции П. Бурдые, Ж. Лакана и Р. Познера как основания для понимания механизмов современных информационных войн. *Коммуникология*, 11(3): 42–62.
- Маркузе Г. 1994. Одномерный человек. М., REFL-book, 368 с.
- Соколов Ю.И. 2021. Риски человека в цифровую эпоху. *Проблемы анализа риска*, 18(2): 72–87.
- Филатов В.И. 2014. Антиутопия XX века как метод предвидения будущего. *Вестник Омского университета*, 74(4): 84–86.
- Beck U. 2009. *World at Risk*. Cambridge, Polity Press, 269 p.
- Berry D. 2014. *Critical Theory and the Digital*. Bloomsbury Publishing, 273 p.
- Hartmann J., Schwenzow J., Witte M. The political ideology of conversational AI: Converging evidence on ChatGPT's pro-environmental, left-libertarian orientation. 2023. *ChatGPT's Political Ideology*: 1–7.

References

- Baudrillard J. 2016. Duh terrorizma. Vojny v zalive ne bylo [The Spirit Terrorism. The Gulf War Did Not Take Place]. Moscow, Publ. RIPOL klassik, 224 p.
- Berry D. 2014. *Critical Theory and the Digital*. Bloomsbury Publishing, 273 p.
- Bourdieu P. 1994. Nachala [Beginnings]. Moscow, Publ. Socio-Logos, 288 p.
- Bourdieu P. 2005. O simvolicheskoy vlasti [Symbolic Power]. Moscow, Centr gumanitarnykh tekhnologij, 576 p.
- Bourdieu P. 2007. Vosproizvodstvo: elementy teorii sistemy obrazovaniya [Reproduction: Elements of the Theory of the System of Education]. Moscow, Publ. Prosveshchenie, 265 p.
- Danilov YU.D. 2019. Digital man: scenarios for the future. *Economist*, 5: 29–37 (in Russian).
- Dick F. 1993. Predposlednyaya istina [The Penultimate Truth]. Kiev, Publ. ASK (A.S.K.), 494 p.
- Filatov V.I. 2014. Antiutopiya XX veka kak metod predvideniya budushchego [Anti-utopia of the XX century as a method of forecasting the future]. *Vestnik Omskogo universiteta*, 74(4): 84–86 (in Russian).
- Hartmann J., Schwenzow J., Witte M. 2023. The political ideology of conversational AI: Converging evidence on ChatGPT's pro-environmental, left-libertarian orientation. *ChatGPT's Political Ideology*: 1–7.
- Kling M.-U. 2022. Strana kachestva 2.0 [QualityLand 2.0.]. Moscow, Publ. Fanzon, 448 p.
- Kostenkova V.V. 2019. Antiutopiya nachala XXI veka v dinamike zhanrovyykh transformacij [Early twenty-first century anti-utopia in the dynamics of genre transformations]: dis. ... Candidate of Philological Sciences: 10.01.01. Krasnodar, 180 p. (in Russian).
- Kuzheleva-Sagan I. P. 2023. Pierre Bourdieu's, Jacques Lacan's and Roland Posner's Concepts as the Basis for Explaining the Mechanisms of Information Warfare. *Kommunikologiya*, 11(3): 42–62 (in Russian).
- MacDonald I. 2004. *River of Gods*. Simon & Schuster, 485 p.
- Marcuse G. 1994. Odnomernyj chelovek [One-Dimensional Man]. Moscow, Publ. REFL-book, 368 p.
- Sokolov YU.I. 2021. Human Risks in the Digital Age. *Problemy analiza riska*, 18(2): 72–87. (in Russian)
- Zemnuhova L.V. 2020. Prikl'yucheniya tekhnologij: bar'ery cifrovizacii v Rossii [The Adventures of Technology: Barriers to Digitalisation in Russia]. Moscow, Publ. FNISC RAN, 100 p. (in Russian)
- Zolotukhina-Abolina E.V., Ingerleyb M.B. 2021. The image of a “bright future”: the problem of sociocultural strategies. *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo universiteta kul'tury*, 99(1): 6–15 (in Russian).

Конфликт интересов: о потенциальном конфликте интересов не сообщалось.
Conflict of interest: no potential conflict of interest has been reported.

Поступила в редакцию 23.07.2024

Поступила после рецензирования 23.10.2024

Принята к публикации 28.02.2025

Received July 23, 2024

Revised October 23, 2024

Accepted February 28, 2025

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Винокурова Екатерина Николаевна, ассистент кафедры социальных коммуникаций, Национальный исследовательский Томский государственный университет, г. Томск, Россия.

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Ekaterina N. Vinokurova, Assistant of the Department of Social Communications, National Research Tomsk State University, Tomsk, Russia.

УДК 1.13.130.2

DOI 10.52575/2712-746X-2025-50-1-196-202

Постправда: фейковые новости как феномен современной культуры

Шведов И.Ю.

Южный федеральный университет,
Россия, 344065, г. Ростов-на-Дону, пер. Днепроvский, д. 116
ishvedov@sfedu.ru

Аннотация. В работе рассматривается феномен фейковых новостей как следствие появления особого рода отношения к информации и ее фактическому соответствию действительности. В силу того, что данное явление мало изучено, целью данного исследования является анализ того, как распространение фейковых новостей, манипулирование фактами и эмоциональные аргументы вытесняют объективную информацию и рациональные доводы в общественном дискурсе. Исследуется влияние постправды на формирование общественного мнения, принятие политических решений и восприятие действительности. Сделан вывод о том, что намеренное искажение информации потенциально может оказать влияние как на сознание отдельного взятого индивида, так и на общую мировоззренческую ситуацию в обществе; выделены два типа целей, которые преследуют фейковые новости: удержание внимания пользователя в коммерческих целях и влияние на общественно-социальные процессы и неформальную идеологию.

Ключевые слова: постправда, правда, фейковые новости, новостная индустрия, технологии влияния, современная культура

Для цитирования: Шведов И.Ю. 2025. Постправда: фейковые новости как феномен современной культуры. *NOMOTNETIKA: Философия. Социология. Право*, 50(1): 196–202. DOI: 10.52575/2712-746X-2025-50-1-196-202

Post-Truth: Fake News as a Phenomenon of Modern Culture

Igor Yu. Shvedov

Southern Federal University,
116 Dneprovsky Lane, Rostov-on-Don 344000, Russian Federation
ishvedov@sfedu.ru

Abstract. The study examines the phenomenon of fake news resulting from a specific attitude to information and its actual correspondence to reality. As this phenomenon has been little studied, it appears relevant to analyse how the dissemination of fake news, manipulation of facts and emotional arguments displace objective information and rational arguments in public discourse. The paper looks at the influence of post-truth on the formation of public opinion, political decision-making and perception of reality. As a result of the study, it is concluded that intentional distortion of information can potentially affect both the consciousness of an individual and the general worldview situation in society. The findings reveal two types of goals pursued by fake news: to retain users' attention for commercial considerations and to influence the social processes and informal ideology.

Keywords: post-truth, truth, fake news, news industry, influence technologies, contemporary culture

For citation: Shvedov I.Yu. 2025. Post-Truth: Fake News as a Phenomenon of Modern Culture. *NOMOTNETIKA: Philosophy. Sociology. Law*, 50(1): 196–202 (in Russian). DOI: 10.52575/2712-746X-2025-50-1-196-202

Введение

Рассмотрение понятия постправды как феномена современной культуры требует хотя бы краткого исторического обзора и рассмотрения эволюции самого понятия «правда». Понятие «правда», как и любой сложносоставной концепт, за время своего существования претерпел долгую историю эволюционирования своего значения. В разных временных эпохах, типах культуры, научных парадигмах его значение приобретало различные нюансы и интерпретации. В древних цивилизациях, например, правда часто связывалась с божественным или космическим порядком, и ее источником считалось высшее божественное существо. В философии Сократа и Платона, правда рассматривалась как объективная идеальная реальность, которую можно достичь через разумное мышление и диалог. В диалоге Платона «Апология Сократа» [Платон, 1990] правда рассматривается как то, что необходимо сказать, и то, что противостоит шутке или произвольному высказыванию. Таким образом, под правдой подразумевался некий факт или совокупность фактов или воззрений, которые соответствовали объективной истине.

В средние века понятие правды восходило к понимаю правды Божьей, недоступной человеческому пониманию во всей своей полноте. С приходом Нового времени, развитием науки и философии изменилось и восприятие понятия «правда». В эпоху Просвещения с ее научной революцией правда стала связываться с необходимостью верификации с помощью эмпирических наблюдений и научных доказательств. Философы, такие как Рене Декарт и Иммануил Кант, исследовали природу познания и рассматривали правду как соответствие между мыслями и реальностью. В философии Декарта понятие правды было эквивалентно понятию истины. В «Рассуждении о методе» он пишет, что, ища истину, нужно «отбросить как безусловно ложное все, в чем мог вообразить малейший повод к сомнению, и посмотреть, не останется ли после этого в моих воззрениях чего-либо уже вполне несомненного» [Декарт, 1994, с. 268]. И. Кант, говоря об истинности чего-либо, отмечал: «Истина состоит в соответствии знания с предметом» [Кант, 1994, с. 306]. Примечательно и проявление концепта правды в отечественной культуре, где он не равнозначен концепту истины, а скорее дополняет его, обогащая новыми атрибутами.

Объектом данного исследования выступает феномен постправды в современной культуре. Рассмотрение его предполагает обращение к самому определению постправды, его происхождению и основным характеристикам.

«Постправда»: происхождение термина и характеристики явления

В современной культуре понятие правды также подвергается различным интерпретациям. Слово «правда» как концепт изначально имело несколько значений в русском языке. Толковый словарь Ожегова выделяет два основных значения: «то, что существует в действительности, соответствует реальному положению вещей» и «справедливость, честность, правое дело» [Ожегов, 2008]. С появлением интерпретаций и связано возникновение термина «постправда», так как обладая некоторыми характеристиками изначального понятия, оно при этом имеет и совершенно противоположные значения. Появление и развитие информационного общества, рост использования информационных технологий и повсеместная цифровизация, связанная с этим, привели не только к появлению рассматриваемого термина, но и к ряду процессов, вызванных им и являющихся сейчас серьезными вызовами для культуры. Еще никогда в истории человечества проблема определения правдивости информации и фактов не стояла так остро. Как отмечают О.М. Штомпель и Л.А. Штомпель, «непрерывная инновизация современного социума и культуры становится глобальной тенденцией, что является базовой причиной восприятия социокультурной динамики как перманентно кризисной, элиминирующей устойчивые нарративы и социальные институты» [Штомпель Л.А., Штомпель О.М., 2014, с. 46].

Сложность определения истинности факта в современном информационном обществе постоянно возрастает – эквивалентно росту информации, доступной пользователю цифровых сервисов. «Постправда характеризуется иной установкой – отвержением не конкретной правды, а истины самой по себе в качестве критерия или стандарта оценки нас и наших суждений», – пишет А.В. Морозов [2019, с. 96]. Понятие «правда» и производное от него, как в грамматическом, так и в семантическом смысле, понятие «постправда» продолжают вызывать интерес и дискуссии в современном мире. Как отмечает А.А. Шевченко, в сегодняшнем обществе «речь идёт о множественности не только истин, но и субъектов, претендующих на право эти истины провозглашать» [Шевченко, 2019, с. 9].

Термин «постправда» (оригинальное написание на английском языке – *posttruth*, *post-truth*) появился в Соединенных Штатах Америки около двадцати лет назад. Точная дата его появления не зафиксирована в связи с тем, что предположительно он возник не в академическом дискурсе. В научную лексику он был включен благодаря ряду исследований [Cosentino, 2020; Kalpokas, 2018; Harsin, 2018], анализирующих предпосылки его появления и особенности функционирования. Американский философ и политолог Х. Арендт в исследовании, посвященном кризисам республики, пишет: «Постправда имеет сходство с прошлыми моральными и политическими дебатами о релятивизме, постмодерне и нечестности в политике» [Arendt, 1972]. Авторитетный Кембриджский словарь приводит такое определение постправды: «это обстоятельства, при которых люди с большей вероятностью примут аргумент, основанный на эмоциях и убеждениях, а не аргумент, основанный на фактах» [Cambridge Dictionary, 2024]. Следовательно, можно утверждать, что постправда провоцирует такое положение вещей, когда реальные факты имеют меньшее значение для влияния на общественное мнение, чем отсылка к эмоциональной сфере и индивидуальным особенностям.

В 2016 году Оксфордский словарь назвал слово «постправда» словом 2016 года. Первый раз оно попало в печать в 1992 году в статье Стива Тешича, писателя, имеющего сербские и американские корни. По мнению историка и писателя Ричарда Крейтнера, «Тешич стремился описать то, что он назвал "синдромом Уотергейта", согласно которому все отвратительные факты, раскрытые во время президентства Ричарда Никсона, заставили американцев пренебрегать неудобными истинами» [Kreitner, 2024]. Как пишет отечественный исследователь И.С. Николаевич, «с точки зрения филологии "постправда" означает «после правды», а медиатеория интерпретирует её как нечто "вместо правды"» [Николаевич, 2018].

Актуализация термина «постправда» отражает увеличивающуюся роль эмоционального влияния в противовес уменьшению роли фактов в политической и социальной сферах общества. Как ни удивительно, но огромное количество членов современного общества способны без критики воспринимать информацию, которая «нажимает» на их эмоциональные рычаги, вместо того, чтобы подвергнуть анализу ее фактическую правдивость. Человек, несмотря на свое образование и жизненный опыт, склонен воспринимать за правду то, что ощущается, а не является таковой. Именно такой тип информации наиболее быстро распространяется сегодня посредством новых медиа и находит большой отклик у аудитории. При этом, будучи эмоционально окрашенным, такой тип информации оказывает сильнейшее влияние на внутренний мир человека и способен вызывать самые неожиданные эффекты для психики, а следовательно, и для проявления личности в обществе. Управляемость такими процессами открывает широкие горизонты для недобросовестного использования в целях манипулирования общественным сознанием и воздействия на общественное мнение в необходимом для каких-либо сил направлении. Однако нельзя уравнивать понятия постправды и заведомой лжи. Постправда не является простым антонимом «правды»; если бы это было так, то для нее не возникло бы особого термина. Постправда представляет собой сложное и многослойное явление, которое достаточно сложно определить и описать в его статике.

Технологии превращения реальных фактов в продукт, который будет воздействовать на потребителя информации с определенной целью, тоже можно отнести к понятию постправды. Как пишет Н.Н. Ростова в своей статье «Философская аналитика идеи постправды», «постправда – это не ситуация после правды, но ситуация по ту сторону правды, то есть по ту сторону оппозиции "истина – ложь"» [Ростова, 2018, с. 130].

Таким образом, можно сказать, что понятие постправды включает в себя две части: сам определенным образом переработанный и эмоционально окрашенный факт и технологию или алгоритм его создания. В связи с масштабами распространения данного феномена закономерно возникает вопрос о том, каковы же функции постправды для современного общества, ширмой для каких проблем и болевых точек она служит. Прежде всего это мощный фактор отвлечения внимания потребителей информации от тех, процессов, которые могли бы вызвать общественные волнения или нежелательную реакцию. Однако не всегда этот механизм используется во благо.

Образно выражаясь, «монополии» на использовании технологий создания «постправдивой» информации ни у кого нет, поэтому они одинаково доступны как для отдельного пользователя социальной сети, который зачастую может применять их интуитивно и без определенного плана действий, так и для достаточно крупных социальных групп, которые стратегически проводят в жизнь свои интересы. Такие проблемы, как расслоение общества по финансовому критерию, угрозы природных катаклизмов, непредсказуемое течение военных конфликтов, случаи неоправданной жестокости и пр., способны вызывать крайне сильную эмоциональную реакцию у потребителя информации несмотря на его уровень образования, социальную роль или профессиональную идентичность. По сути, постправда отражает сегодня «кризис факта и падение объективности» [Магун, 2019].

Следовательно, искажение информации на эти и другие значимые темы, потенциально может оказать влияние как на сознание отдельного взятого индивида, так и на общую мировоззренческую ситуацию в обществе. Ошибочно недооценивать масштабы поражения постправдой. Бытует мнение, что этот термин связан только с политической сферой общества и актуализирует себя исключительно в выборных компаниях, где необходимо выйти на первые позиции в предвыборной гонке. Данная иллюзия имеет место в связи с тем, что изначально термин «постправда» возник именно в этой сфере. Вместе с тем сегодня технологии создания подобного нарратива используются далеко не только для устранения политических конкурентов, но и для ценностной переориентации членов общества, что губительно сказывается на сохранении культуры как в отдельно взятых обществах, так и в ее глобальном понимании.

Характеристики понятия «постправда», как и значения самого термина, сегодня остаются актуальными и достаточно сложными темами для научного анализа. Действительность меняется у нас на глазах, и в режиме реального времени можно наблюдать, как описанные термины, относящиеся к современной массовой культуре, приобретают новые характеристики. Ряд современных исследователей в числе своих научных интересов видят постправду и рассматривают ее как полноценный феномен современной культуры. Так, политолог Джон Кин в работе «Политика постправды, и почему противоядием не является просто "проверка фактов" и правда» [Keane, 2024] к характеристикам постправды относит:

–намеренную ложь (сознательное искажение фактов создателем информации с какой-либо целью);

–внешнюю эффектность речи (отвлечение внимания от содержания информации путем его переключения на внешнюю эффектность формы ее подачи);

–комичность (клоунада, абсурд, юмор, преувеличение используются как факторы снижающие критичность в восприятии информации);

–очевидную грубость подачи информации (к этой же категории можно отнести гиперболизацию, запугивание, притворство, блеф);

–формы речевого психологического насилия и использование манипуляторных техник речи.

Фейковые новости как следствие эпохи постправды

Производство и распространение фейковых новостей является одним из самых показательных феноменов, иллюстрирующих засилье постправды и обращение к ней как к механизму влияния. С появлением цифровых способов передачи информации количество фейковых новостей стабильно растет и становится уже привычным сегментом новостного контента. Таким образом, постоянно растет «объем информации, передаваемой многочисленными источниками, не всегда заслуживающими доверия» [Колесникова, 2017]. Этот процесс существенно изменил восприятие самой новостной индустрии пользователями. Если ранее новостное сообщение воспринималось или без критики, или с небольшой долей скептицизма в исключительных случаях, то сегодня новостное сообщение – это почти всегда повод задуматься о ее соответствии действительности. Как отмечает О.В. Шумакова, «необходимо привлекать молодежь к проведению исследований в области выявления (распространения) исторических фейков в целях выработки комплекса мер, направленных на противодействие попыткам фальсификации исторических фактов» [Шумакова, 2021].

Сфера создания новостей, фактически имея изначальную функцию информирования членов общества о значимых событиях и происшествиях, приобрела и новые, еще недостаточно отрефлексированные функции, которые делают ее пространством финансового и общественно-социального противостояния. Теперь задача для воспринимающей стороны еще расширилась – кроме необходимости использовать критическое мышление для установления правдивости информации, нужно отслеживать и те скрытые мотивы, которые могут быть заложены в конкретное новостное сообщение влияющими силами. «Индустрия» создания фактически ложных новостных сообщений приняла такие масштабы, что уже появляются обучающие технологии по их созданию. Рекомендации маркетологов о том, как обходить критическое мышление пользователей, рекомендации психологов о том, какие эмоционально окрашенные темы наилучшим образом удержат внимание аудитории, стали сегодня реальностью информационных цифровизированных обществ. Однако, как утверждает МакИнтайр: «То, что представляется новым в эпоху пост-истины – это угроза не только идее знания реальности, но и самому существованию реальности» [McIntair, 2018].

Заключение

Фейковые новости создаются для двух широких типов целей: удержание внимания и присутствия пользователя в коммерческих интересах площадки, где новость размещена; влияние на общественное мнение, общественно-социальные процессы и неформальную идеологию. Финансовый интерес площадок для размещения новостного контента базируется на удержании внимания пользователей, количество которых сегодня напрямую коррелирует с коммерческим доходом площадки. «Кликабельность» броских заголовков фейковых новостей значительно увеличивает количество взаимодействий пользователя с интернет-площадкой. Кроме того, задерживаясь на ней, человек с большей вероятностью увидит рекламу партнёрских сервисов, потенциально может перейти по ней и ознакомиться с предлагаемой услугой или товаром.

Вторая совокупность целей, преследуемых фейковыми новостями в частности и фейковой информацией в целом, это влияние на общественно-политические и социальные процессы. Тут интересно отметить некий «порочный круг» того, как усиление тревожных настроений в обществе порождает увеличение контента на актуальную тему,

преднамеренная ложность которого еще больше усиливает тревогу, а с ней и потребление информации на данную тему. Рассмотрение понятия «постправда», его характеристик, анализ влияния фейковых новостей на общественно-политическую сферу и идеологическую сферу общества сегодня являются достаточно сложными, но исключительно актуальными темами для научного анализа.

Список литературы

- Декарт Р. 1994. Возражения некоторых ученых мужей против изложенных выше «Размышлений». Соч.: в 2-х т. М., Мысль, 268 с.
- Кант И. 1994. Сочинения: в 8 т., том. 8. М., Чоро, 718 с.
- Колесникова Н. Л. 2017. Политика постправды и политические смыслы. В кн.: Российская школа связей с общественностью: ежегодный альманах, Казань, 2017, № 10: 39–47.
- Магун А.В. 2019. Что-то есть, или народ после истины. *Художественный журнал*, 109: 52 – 59.
- Морозов А.В. 2019. Ответ на вопрос: что такое постправда? Перспектива проблематологии. *Горизонты гуманитарного знания*, 3: 93–105.
- Николаевич И.С. 2018. Как нас обманывают СМИ. Манипуляция информацией. СПб., Питер, 320 с.
- Ожегов С.И. 2008-2024. Толковый словарь русского языка. URL: <https://slovarozhegova.ru/> (дата обращения 15.08.2024).
- Платон. 1990. Апология Сократа (пер. М.С. Соловьева). Собрание сочинений в 4 томах, том 1. М., Мысль, 104 с.
- Ростова Н.Н. 2018. Философская аналитика идеи постправды. *Христианское чтение*, 6: 131 - 138. DOI: 10.24411/1814-5574-2018-10135.
- Шевченко А.А. 2019. «Постправда» как новый «режим истины». *Гуманитарный вектор*, 4: 8-14. DOI: 10.21209/1996-7853-2019-14-4-8-14.
- Штомпель Л. А., Штомпель О. М. 2014. Социокультурный кризис и возможные пути выхода из него. *Научная мысль Кавказа*, 3 (79): 45 - 53.
- Шумакова О.Н. 2021. К проблеме сохранения исторической правды и противодействия распространению фейков. *Музыкальное образование и наука*, 1 (14): 49-52.
- Arendt, H. 1972. Crises of the Republic; lying in politics, civil disobedience on violence, thoughts on politics, and revolution. Harcourt Brace Jovanovich. URL: <https://archive.org/details/crisesofrepublic00aren/page/4/mode/2up> (дата обращения 02.08.2024).
- Cambridge Dictionary. 2024. URL: <https://dictionary.cambridge.org> (дата обращения 15.08.2024).
- Cosentino G. 2020. Social media and the post-truth world order: the global dynamics of disinformation. Cham, Switzerland, 31 p.
- Harsin J. 2019. Post-Truth and Critical Communication Studies. Oxford Research Encyclopedia of Communication, Oxford University Press, 1984 p.
- Kalpokas I. 2018. A political theory of post-truth. Switzerland, Palgrave Pivot, 199 p.
- Keane J. 2018. Post-truth politics and why the antidote isn't simply 'fact-checking' and truth. URL: <https://web.archive.org/web/20201010193433/https://theconversation.com/post-truth-politics-and-why-the-antidote-isnt-simply-fact-checking-and-truth-87364> (дата обращения: 18.08.2024).
- Kreitner R. 2016. Post-Truth and Its Consequences: What a 25-Year-Old Essay Tells Us About the Current Moment; The Nation. URL: <https://www.thenation.com/article/archive/post-truth-and-its-consequences-what-a-25-year-old-essay-tells-us-about-the-current-moment/> (дата обращения 17.08.2024).
- McIntair L. 2018. Post-truth. USA, The MIT Press, 236 p.

References

- Dekart R. 1994. Vozrazhenija nekotoryh uchenyh muzhej protiv izlozhennyh vyshe «Razmyshlenij» [Objections of some learned men against the above "Reflections"]; Dekart R. Soch.: V 2-h t., t.2 – M., Mysl', 268 p.
- Kant I. 1994. Sochinenija: v 8 t. [Kant I. Works: in 8 volumes]; M., Choro, 718 p.
- Kolesnikova N. L. 2017. Politika postpravdy i politicheskie smysly; Rossijskaja shkola svjazej s obshhestvennost'ju: ezhegodnyj al'manah. Kazan'. [Post-truth politics and political meanings; Russian School of Public Relations: annual almanac], 10: 39–47.

- Magun A. V. 2019. Chto-to est', ili narod posle istiny; Hudozhestvennyj zhurnal. [There is something, or the people after the truth; Art magazine], 109: 52–59.
- Morozov A. V. 2019. Otvet na vopros: chto takoe postpravda? Perspektiva problematologii; Gorizonty gumanitarnogo znaniya. [Answer to the question: what is post-truth? The perspective of problematology; Horizons of humanitarian knowledge], 3: 93-105.
- Nikolaevich I. S. 2018. Kak nas obmanyvayut SMI. Manipuljacija informaciej. [How the Media Deceives Us. Information Manipulation], SPb., Piter, 320 p.
- Ozhegov S.I. Tolkovyj slovar' russkogo jazyka. [Explanatory Dictionary of the Russian Language]. URL: <https://slovarozhegova.ru/> (accessed: 18.08.2024).
- Platon. 1990. Apologija Sokrata (per. M.S. Solov'eva); Platon. Sobranie sochinenij v chetyreh tomah. Tom 1. [Apology of Socrates (translated by M.S. Solovyov); Plato. Collected works in four volumes. Volume 1]. M., Mysl', 104 p.
- Rostova N.N. 2018. Filosofskaja analitika idei postpravdy; Hristianskoe chtenie. [Philosophical Analysis of the Post-Truth Idea; Christian Reading], 6: 131 - 138. DOI: 10.24411/1814-5574-2018-10135.
- Shevchenko A.A. 2019. "Postpravda" kak novyj "rezhim istiny"; Gumanitarnyj vektor. ["Post-truth" as a new "regime of truth"; Humanitarian Vector], 10.4: 8-14. DOI: 10.21209/1996-7853-2019-14-4-8-14.
- Shtompel' L. A., Shtompel' O. M. 2014. Sociokul'turnyj krizis i vozmozhnye puti vyhoda iz nego; Nauchnaja mysl' Kavkaza. [Sociocultural crisis and possible ways out of it; Scientific thought of the Caucasus], 3(79): 45-53.
- Shumakova O.N. 2021. K probleme sohraneniya istoricheskoy pravdy i protivodejstviya rasprostraneniya fejkov; Muzykal'noe obrazovanie i nauka. [On the problem of preserving historical truth and counteracting the spread of fakes; Musical education and science], 12.1 (14): 49-52.
- Arendt H. 1972. Crises of the Republic; lying in politics, civil disobedience on violence, thoughts on politics, and revolution. Harcourt Brace Jovanovich. URL: <https://archive.org/details/crisesofrepublic00aren/page/4/mode/2up> (accessed: 02.08.2024).
- Cambridge Dictionary. 2024. URL: <https://dictionary.cambridge.org> (accessed: 15.08.2024).
- Cosentino G. 2020. Social media and the post-truth world order : the global dynamics of disinformation. Cham, Switzerland, 31 p.
- Harsin J. 2019. Post-Truth and Critical Communication Studies. Oxford Research Encyclopedia of Communication, Oxford University Press, 1984 p.
- Kalpokas I. 2018. A political theory of post-truth. Switzerland, Palgrave Pivot, 199 p.
- Keane J. 2018. Post-truth politics and why the antidote isn't simply 'fact-checking' and truth. URL: <https://web.archive.org/web/20201010193433/https://theconversation.com/post-truth-politics-and-why-the-antidote-isnt-simply-fact-checking-and-truth-87364> (accessed: 18.08.2024).
- Kreitner R. 2016. Post-Truth and Its Consequences: What a 25-Year-Old Essay Tells Us About the Current Moment; The Nation. URL: <https://www.thenation.com/article/archive/post-truth-and-its-consequences-what-a-25-year-old-essay-tells-us-about-the-current-moment/> (accessed: 17.08.2024).
- McIntair L. 2018. Post-truth. USA, The MIT Press, 236 p.

Конфликт интересов: о потенциальном конфликте интересов не сообщалось.

Conflict of interest: no potential conflict of interest has been reported.

Поступила в редакцию 01.06.2024

Поступила после рецензирования 01.09.2024

Принята к публикации 28.02.2025

Received June 01, 2024

Revised September 01, 2024

Accepted February 28, 2025

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Шведов Игорь Юрьевич, аспирант кафедры теории культуры, этики и эстетики, Южный федеральный университет, Институт философии и социально-политических наук, г. Ростов-на-Дону, Россия.

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Igor Y. Shvedov, postgraduate student, Department of Theory of Culture, Ethics and Aesthetics, Southern Federal University, Institute of Philosophy and Social and Political Sciences, Rostov-on-Don, Russia.

НАУЧНЫЕ СООБЩЕНИЯ THESIS

УДК 159,923
DOI 10.52575/2712-746X-2025-50-1-203-212

И. Соколянский, Л. Выготский и А. Мещеряков: «технология очеловечивания»

Нифонтова В.А., Нифонтова М.А.

Белгородский государственный национальный исследовательский университет,
Россия, 308015, г. Белгород, ул. Победы, д. 85

nifontova@bsuedu.ru

Аннотация. Психика человека формируется и развивается в процессе взаимодействия с социокультурной средой. Понимание этой идеи особенно важно в контексте современных социальных и культурных перемен. Работы И. Соколянского, Л. Выготского и А. Мещерякова, посвященные развитию человеческого сознания, социализации и преодолению барьеров для людей с ограниченными сенсорными возможностями, дают ценное теоретическое и практическое обоснование «технологии очеловечивания». Очеловечивание в этом контексте относится к процессу формирования высших психических функций, навыков социальной жизни и личности у человека в условиях обучения и взаимодействия с окружающим миром, в процессе освоения культурных орудий и знаковых систем. В исследовании особое внимание уделено роли практической деятельности в развитии психики, а также рассмотрены этапы формирования высших психических функций у детей с серьезными нарушениями сенсорного восприятия на опыте Загорского эксперимента. Исследование проблемы формирования высших психических функций у детей с серьезными нарушениями восприятия позволило выявить основные положения «технологии очеловечивания», предложенной Соколянским, Выготским и Мещеряковым, которые демонстрируют, что человек способен стать полноценным членом общества даже в условиях тяжёлых ограничений восприятия мира. Их идеи служат теоретическим фундаментом для современных подходов в инклюзивном обучении, реабилитации и общем формировании личности. Полученные результаты будут полезны дефектологам, педагогам, психологам, работающим с детьми с ограниченными возможностями здоровья.

Ключевые слова Л.С. Выготский, развитие, И.А. Соколянский, А. Мещеряков, совместно-разделенная деятельность, слепоглухонемые дети, культурно-историческая теория, Э.В. Ильенков

Для цитирования: Нифонтова В.А., Нифонтова М.А. 2025. И. Соколянский, Л. Выготский и А. Мещеряков: «технология очеловечивания» *NOMOTHETIKA: Философия. Социология. Право*, 50(1): 203–212. DOI: 10.52575/2712-746X-2025-50-1-203-212

I. Sokolyansky, L. Vygotsky, and A. Meshcheryakov: "The Technology of Humanization"

Victoriya A. Nifontova, Martha A. Nifontova

Belgorod State National Research University,
85 Pobedy St, Belgorod 308015, Russian Federation

nifontova@bsuedu.ru

Abstract. The human psyche forms and develops in the process of interaction with the socio-cultural environment. Understanding this idea is especially important in the context of modern social and cultural

changes. The works by I. Sokolyansky, L. Vygotsky, and A. Meshcheryakov devoted to the development of human consciousness, socialization, and overcoming barriers for people with sensory disabilities, provide valuable theoretical and practical justification for the "technology of humanization." Humanization in this context refers to the process of formation of higher mental functions, social life skills and personality in individuals in the context of learning and interaction with the outside world, during the process of mastering cultural tools and sign systems. The article pays special attention to the role of practical activity in the development of the psyche and examines the stages of formation of higher mental functions in children with severe sensory impairments. The Zagorsk experiment, confirming the inextricable link between practical activity and the development of the psyche, demonstrates successive stages of personality formation and the possibility of effective education for deaf-blind children using approaches developed by Vygotsky and Sokolyansky. The study of higher mental functions formation in children with severe perceptual impairments has revealed the main provisions of the "technology of humanization" proposed by Sokolyansky, Vygotsky and Meshcheryakov, which demonstrate that a person can become a full-fledged member of society even if their perception of the world is severely impaired. Their ideas serve as the theoretical foundation for modern approaches to inclusive education, rehabilitation, and general personality formation. The research findings may be of use to defectologists, psychologists, and teachers dealing with children who have health limitations.

Keywords: L.S. Vygotsky, development, I.A. Sokolyansky, A.I. Meshcheryakov, jointly-divided activity, deaf-blind children, cultural and historical theory, E.V. Ilyenkov

For citation: Nifontova V.A., Nifontova M.A. 2025. I. Sokolyansky, L. Vygotsky, and A. Meshcheryakov: "The Technology of Humanization". *NOMOTHETIKA: Philosophy. Sociology. Law*, 50(1): 203–212 (in Russian). DOI: 10.52575/2712-746X-2025-50-1-203-212

Введение

Одним из центральных вызовов современного общества является создание условий для полной инклюзии людей с особенностями развития (в том числе глухих, слепых, слепоглухих). В XXI веке активно развиваются технологии и педагогические подходы, направленные на то, чтобы такие люди могли вести полноценную, активную жизнь. Работы Соколянского и Мещерякова о воспитании слепоглухих детей и технологии формирования их коммуникативных и когнитивных навыков легли в основу современных методик инклюзивного образования, которые все еще требуют актуализации и адаптации. Тема «технологии очеловечивания» — это не только психологический и педагогический процесс, но и глубоко философская проблема, затрагивающая фундаментальные вопросы антропологии, этики, онтологии, социальной философии и гуманизма.

Культурно-историческая теория, разработанная в 1920-30-х годах, сохраняет свою актуальность и сегодня, оказывая значительное влияние на различные области знания. Л.С. Выготский подчеркивал, что психика человека формируется и развивается в процессе взаимодействия с социокультурной средой. Это положение особенно актуально в современном мире, характеризующемся высокой степенью социальной и культурной изменчивости. Теория помогает понимать, как меняющиеся социальные условия влияют на развитие личности, мышление, мотивацию и другие психические процессы, поскольку высшие психические функции (мышление, память, внимание, речь) формируются не "изнутри", а "извне", в процессе освоения культурных орудий и знаков. В эпоху цифровых технологий, когда человек осваивает новые информационные инструменты и знаковые системы, этот аспект теории приобретает особую значимость. В современном мире, когда вопросы воспитания и образования не ограничиваются простым усвоением практических навыков, культурно-историческая теория формирования высших психических функций Л.С. Выготского приобретает особую актуальность. Эта теория рассматривает образование как средство создания условий для активного участия ребенка в процессе обучения и развития его познавательных и творческих способностей, что особенно важно

в условиях быстро меняющегося мира и технологических вызовов. В эпоху глобализации, характеризующейся культурным разнообразием, идеи Выготского о социальном формировании психики становятся определяющими. Несмотря на то, что культурно-историческая теория Выготского является ценным инструментом в образовании, воспитании и коррекционной педагогике, её неполное применение на практике требует дальнейшей разработки и уточнения методических подходов [Кравцов, Кравцова, 2020].

Развитие человеческой психики – это комплексный и многоаспектный процесс, продолжающийся на протяжении всей жизни, начиная с раннего детства. На этот процесс оказывают влияние как биологические, так и социальные факторы, тесно взаимодействующие между собой. Вопросы формирования психики всегда интересовали ученых, поскольку она представляет собой механизм адаптации высокоорганизованных существ к меняющимся условиям окружающей среды. Учёные, такие как И.М. Сеченов, А.Н. Леонтьев и С.Л. Рубинштейн, подчёркивали, что психические функции формируются в процессе деятельности. Соратник Л.С. Выготского, А.Н. Леонтьев, в своей работе «Проблемы развития психики» определял два её основных критерия: психика имеет чувствительность, и она склонна к обучению [Леонтьев, 1981].

Л.С. Выготский полагал, что культурное развитие способствует формированию новых, исторически обусловленных способов деятельности, известных как высшие психические функции, к которым относятся произвольное внимание, логическая память, мышление и речь, – эти функции возникли благодаря трудовой деятельности человека. Культурно-историческое развитие человека является социальным по своей природе и реализуется только через обучение. Выготский рассматривал психическое развитие как единство двух взаимосвязанных типов: биологического и исторического (культурного). Эти типы, существуя в неразрывной связи, формируют единый процесс развития психики [Выготский, 1983].

В работах А.Д. Майданского рассматриваются основные итоги Загорского эксперимента, который осуществлял А. Мещеряков и Э. Ильенков. В основу эксперимента были положены основные итоги практических достижений И.А. Соколянского в работе со слепоглухонемыми детьми и теоретические разработки Л.С. Выготского [Майданский, 2020]. Проблема взаимосвязи обучения и развития в отсутствие научно обоснованной, в соответствии с идеями и принципами, выдвинутыми Л.С. Выготским, дидактики поднимается в работе Кравцова Г.Г. и Кравцовой Е.Е. [Кравцов, Кравцова, 2020].

Цель работы – выявить возможности культурно- исторической теории в воспитательном и образовательном процессе в условиях современного технологического прорыва.

Были использованы диалектический метод, анализ, сравнение, синтез и обобщение, междисциплинарный подход.

Основные этапы формирования человеческой психики.

Теория и практика

Проблема становления ребёнка как полноценной личности всегда занимала человечество. Традиционное обучение строилось на передаче опыта от старших к младшим, когда опытный взрослый разъяснял и демонстрировал все аспекты взрослой жизни. В европейской системе образования преобладало пассивное обучение, где ученик выступал в роли потребителя информации, а не активного участника: учитель давал указания, а ученик выполнял. Но подобная модель не давала ответа на вопрос, как именно происходит формирование личности. Лишь в конце XIX века появились философские концепции, стремящиеся объяснить возникновение человеческой психики и определить ключевые факторы воздействия взрослых на этот процесс.

Именно такую традиционную педагогику критиковал Л.С. Выготский, чья культурно-историческая теория утверждает, что личность формируется через освоение

культурного и исторического наследия: «прежняя педагогика чрезмерно усиливала и утрировала первый момент восприятия и превращала ученика в губку, которая тем вернее исполняла свое назначение, чем более жадно и полно впитывала в себя чужие знания. Между тем знание, не проведенное через личный опыт, вовсе не есть знание. Психология требует, чтобы ученики учились не только воспринимать, но и реагировать. Воспитывать – значит, прежде всего, устанавливать новые реакции, вырабатывать новые формы поведения» [Выготский, 1999. с.53].

Л.С. Выготский полагал, что культурное развитие способствует формированию новых, исторически обусловленных способов деятельности, известных как высшие психические функции, к которым относятся произвольное внимание, логическая память, мышление и речь. По мнению Выготского, эти функции возникли благодаря трудовой деятельности человека. Культурно-историческое развитие человека является социальным по своей природе и реализуется только через обучение. Выготский рассматривал психическое развитие как единство двух взаимосвязанных типов: биологического и исторического (культурного). Эти типы, существуя в неразрывной связи, формируют единый процесс развития психики.

Неблагоприятная, не приспособленная к обучению детей с нарушениями сенсорного восприятия внешняя среда препятствует формированию навыков взаимодействия с другими людьми у слепоглухого ребёнка, обрекая его на изоляцию и существование, лишённое человеческих черт. В таких условиях, даже при отсутствии органических поражений мозга, не происходит развития человеческой психики. Поскольку способность к коммуникации с использованием символов (жестов, речи) является ключевым отличием человека от животного, ранние попытки обучения слепоглухих детей начинались с жестового языка, однако оказались безуспешными. Причиной неудачи было отсутствие у обучающихся необходимого деятельностного фундамента, который позволил бы использовать знаковые системы для отражения и понимания реальности.

Формирование поэтапного и разделенного действия у детей с глубокой сенсорной депривацией являлось приоритетной задачей в работах И.А. Соколянского. [Соколянский, 1962]. В работах И.А. Соколянского, посвященным обучению детей с глубокой сенсорной депривацией особое внимание уделяется формированию поэтапного и разделенного действия [Соколянский, 1962]. Методика обучения, разработанная И.А. Соколянским для слепоглухонемых детей, была новаторской и основывалась на принципах деятельностного подхода, сенсорной интеграции и поэтапного формирования действий. В основе обучения лежала организация предметно-практической деятельности детей. Считалось, что через активное взаимодействие с предметами и окружающим миром формируются сенсорные представления и развивается мышление. Поскольку у детей были нарушены зрение и слух, особое внимание уделялось развитию сохранных анализаторов – осязания, обоняния, вкуса, вибрационной чувствительности. Задачей было создать целостную систему чувственного познания. Обучение строилось по принципу поэтапного освоения действий – от простого к сложному, от совместной деятельности с педагогом к самостоятельной, учитывая индивидуальные особенности каждого ребенка, его возможности, темп развития и потребности. Ребёнка знакомили с различными предметами, предлагали выполнять простые действия (например, перекладывать предметы из одной коробки в другую). Постепенно задания усложнялись, формировались навыки самообслуживания (умывание, одевание, приём пищи). На основе практической деятельности у ребёнка формировались представления о свойствах предметов (форма, размер, вес, текстура). Использовались специальные дидактические материалы, позволяющие дифференцировать сенсорные ощущения.

Способ поэтапного формирования действий лег в основу методики работы с участниками Загорского эксперимента. И, хотя, И. Соколянский, являлся сторонником

рефлексологической теории появления человеческой психики, его наработки в техническом плане позволили сформировать основу для развития системы обучения и реабилитации слепоглухих людей.

Загорский эксперимент, проведённый А.И. Мещеряковым в 1970-х годах, ставил своей целью доказать, что люди, лишённые слуха и зрения, способны обучаться и получать высшее образование наравне со слышащими и видящими. Александр Мещеряков подчёркивал, что задачи Загорского эксперимента выходят за рамки работы со слепоглухонемыми детьми и имеют более широкий научный интерес: «как становление человеческой психики в онтогенезе, определение содержания психики, соотношение социального и биологического в формировании психики человека и некоторые другие» [Мещеряков, 1974, с. 10].

Обучение слепоглухих детей, лишенных зрительного и слухового восприятия, давало уникальную возможность целенаправленно формировать все психические процессы, опираясь на осязательное и обонятельное восприятие. Законы развития высших психических функций имеют всеобщее значения и поэтому эксперимент со слепоглухонемыми учениками Загорского детского дома представляет «уникальнейший материал для научного понимания фундаментальных секретов формирования человеческой психики вообще» [Ильенков, 2018, с. 245].

В своей работе «Слепоглухонемые дети» Александр Мещеряков продемонстрировал на материале эксперимента, как происходит становление поведенческих паттернов и на основе поведения формируется психика слепоглухонемых детей, которые демонстрируют общие закономерности появления и развития человеческого поведения. Он акцентирует свое внимание на значении первоначального опыта взаимодействия ребенка и взрослого, в результате которого возникают образования системного типа. Первая совместная деятельность воспитателя и ученика – совместно-разделённая предметная деятельность – призвана научить закрывать физиологические потребности ребенка. Этот процесс связан с формированием ориентировочно-исследовательского поведения ребенка, которое подразумевает взаимодействие взрослого и обучающегося, постепенно превращается в самостоятельную деятельность ребенка. Важной особенностью ориентировочно-исследовательского поведения является то, что при закрытии потребностей, эта функция развивается. По мнению А. Мещерякова: «Через это овладение многочисленными предметами быта и происходит первое общение ребенка с человечеством, общение, в котором он, усваивая аккумулированный в предметах и их функциях тысячелетний человеческий опыт, сам начинает становиться человеком» [Мещеряков, 1974, с. 81]. Философ Э. Ильенков, участвовавший в эксперименте, утверждал, что для формирования человеческой психики необходимо освоение специфических способов взаимодействия с предметами и коммуникации, характерных для человека [Ильенков, 2018].

Изначально познавательная активность ребенка возникает как инструмент, необходимый для успешного выполнения практических задач. Однако по мере развития она приобретает самостоятельность, расширяя знания о мире за пределы непосредственной необходимости, формируя образное мышление. Это, в свою очередь, оказывает влияние на практическую деятельность, позволяя осваивать более сложные действия и выходить за рамки простого удовлетворения физиологических потребностей. Таким образом, познавательная активность и практическая деятельность взаимосвязаны, взаимно обогащая и стимулируя развитие друг друга. По мнению А. Мещерякова, «ребенок в процессе обучения поведению в мире вещей, овладевая действиями с вещами, усваивает общественное значение их; общественные же значения вещей оказываются их объективными свойствами, выражающими в своей совокупности их сущность» [Мещеряков, 1974, с. 75].

Первая совместно-разделённая предметная деятельность приводит к возникновению системы «образно-действенного мышления, понимаемого как внутреннее отражение

практического действия ребенка» [Мещеряков, 1974, с.7]. По замечанию Майданского А.Д., именно «в тот миг, когда формируется первый образ внешней вещи, ребёнок – любой, не только слепоглухой – обретает душу» [Майданский, 2019, с.87].

Любой навык, по мнению А. Мещерякова, должен быть окончательно сформирован только при полностью самостоятельном выполнении его ребенком. Первый вид деятельности, которым должен овладеть любой ребенок, – это самообслуживание, самый посильный вид труда.

Первый итог деятельности взрослого и ребенка служит прологом к проявлению мышления – структурированному отражению общения ребенка с окружающей средой в форме знаковой системы (слова или жесты). Однако А. Мещеряков ограждает от прямолинейного понимания мышления, как умения оперировать символами, какими и являются слова и жесты. Он делает упор на утверждении, что это оперирование «всегда предполагает оперирование образами предметов и действий» [Мещеряков, 1974, с.8].

Поскольку, по замечанию тифлосурдопедагога И.А. Соколянского, «Слепоглухонемой ребенок обладает нормальным мозгом и имеет потенциальную возможность полноценного умственного развития. Однако его особенностью является то, что, обладая этой возможностью, сам он своими собственными усилиями никогда не достигает даже самого незначительного умственного развития. Без специального обучения такой ребенок на всю жизнь остается полным инвалидом» [Соколянский, 1959, с. 121], основной задачей педагога является формирование коммуникативных навыков взаимодействия с окружающими. Определяющим элементом в процессе обучения является эмоциональная заинтересованность ученика в овладении инструментарием коммуникации. В записках Мещерякова отмечается важность момента, когда сам ребенок выражает заинтересованность в развитии того или иного навыка взаимодействия и как важно не пропустить момент этого интереса. И.А. Соколянский в процессе своей деятельности особо указывал на этот момент: «Детские переживания, современность и организация на основе этих переживаний положительных знаний должны быть отправными путями для построения методики. Детская эмоция является началом «знаний», источником «интереса», «активности». Через формирование детской эмоции следует переходить к привитию знаний...» [Соколянский, 1927, с. 51].

Наряду с взаимодействием ребенка со взрослым, значимым компонентом воспитательного процесса является окружающая действительность. При этом, сам взрослый выступает в качестве элемента данной действительности, будучи сформированным под её воздействием. В соответствии с концепцией Л.С. Выготского, формирование личности осуществляется посредством влияния социальной среды, что «определяет в основном те средства мышления и поведения, которыми ребенок вооружается в процессе развития. Она же определяет в основном те возможности упражнения и развития, которые встречают его наследственные задатки» [Выготский, 1986, с. 88]. Психика ребенка формируется и впоследствии развивается под воздействием окружающей действительности и при непосредственном овладении предметами, через которое и происходит становление личности: «В процессе своего онтогенетического развития человек вступает в особые, специфические отношения с окружающим его миром предметов и явлений, которые созданы предшествующими поколениями людей», – писал А.Н. Леонтьев. И уточняет: «...ребенок должен осуществить по отношению к ним такую практическую или познавательную деятельность, которая адекватна (хотя и не тождественна) воплощенной в них человеческой деятельности» [Леонтьев, 1981, с. 373].

Разделение действий, направленных на удовлетворение базовых потребностей и их преобразование в самостоятельные виды деятельности, порождающие новые потребности, открывает возможности для расширения сферы человеческой активности.

Выпускник Загорского детского дома А. Суворов, анализируя опыт педагогов в работе с детьми, имеющими отклонения в поведении, делает вывод о том, что врождённые

рефлексy человеческого поведения отсутствуют. Эгоизм, альтруизм, лень или агрессия – это результат воспитания или его отсутствия. По его мнению, человеческая психика формируется на протяжении жизни в процессе целенаправленной ориентировочно-исследовательской деятельности. Законом любого педагогического воздействия должна быть дозированная совместно-разделенная деятельность взрослого и ребенка, которую А. Суворов называет «очеловечивающей». Главная цель этого закона – формирование навыков самообслуживания у ребёнка. Главным достижением работы Загорского детского дома А.И. Мещеряков видит итог: «необучаемых, то есть совсем, абсолютно необучаемых, ничему не научаемых, детей – не существует» [Суворов, 2015].

А. Суворов выделяет четыре основных этапа развития, которые обеспечивают формирование основных навыков, вначале-развития, а затем и саморазвития ребенка. Первые два этапа он назвал стихийными; и это объяснил: при прекращении стимулирования этих этапов, они угасают, то есть они не являются врожденными в личность ребенка. Первый этап – овладение основными навыками самообслуживания, второй – навыки личного самообслуживания распространяются и на коллективное взаимодействие. Совместно-разделенная деятельность начинает осуществляться не только со взрослым человеком, но и с другим ребенком.

Только третий этап характеризуется возникновением уже «стихийно- сознательного» саморазвития. Ребенок начинает выделять определенный тип деятельности, которому отдает предпочтение. Он с удовольствием решает творческие задачи в этом типе деятельности, но пока не отдает себе отчет в том, что «что при этом растёт как личность» [Суворов, 2015].

Только на четвертом этапе формируется полностью самостоятельный сознательный период саморазвития, который выливается в самовоспитание и самообразование.

Ни один из этапов не имеет четко определенных временных границ, но имеет жесткую границу осуществления: «пока не решены задачи предыдущего этапа, на следующий перейти невозможно» [Суворов, 2015]. Возраст перехода не является четко установленным, как и не заложена обязательность перехода. Некоторые дети никогда не дорастают до третьего или четвертого этапов.

Заключение

Культурно-историческая теория Выготского, подчёркивающая активную роль ребёнка в обучении, сохраняет свою актуальность в современном быстро меняющемся мире и информационном обществе. Обучение слепоглухих детей, лишённых зрительного и слухового восприятия, позволяло целенаправленно формировать психические процессы, опираясь на осязательное и обонятельное восприятие. Данный опыт даёт уникальную возможность для научного понимания закономерностей развития высших психических функций, имеющих всеобщее значение. В основе формирования личности лежит влияние социальной среды, согласно концепции Л.С. Выготского. Именно среда определяет средства мышления и поведения, а также возможности развития врождённых задатков. В ходе развития человек вступает в особые отношения с миром, созданным предыдущими поколениями. Культурно-историческая теория Выготского, с её акцентом на активной роли ребёнка в обучении, остаётся актуальной и в современном информационном обществе. Эта теория доказывает необходимость деятельного участия в процессе обучения, направленного на развитие творческих и познавательных способностей.

Загорский эксперимент подтверждает, что между практической деятельностью и развитием психики существует тесная связь. Эксперимент также демонстрирует возможность успешного обучения слепоглухонемых детей на основе принципов, разработанных Выготским и Соколянским, что подчеркивает важность социальных взаимодействий и культурного наследия в становлении человека. Соколянский и Мещеряков подчеркивали, что труд является основным средством формирования сознания

и личности, даже у тех, кто лишен зрения и слуха. В современном мире, где концепция инклюзии становится центральной, понимание этой идеи помогает развивать не только реабилитационные программы, но и проекты профессиональной адаптации для людей с ограниченными возможностями.

Очеловечивание через образование, труд и коммуникацию – это не только психологический и педагогический процесс, но и глубоко философская проблема, связанная с пониманием сущности человека, его природы и назначения.

Список литературы

- Амонашвили Ш.А. 1995. Размышления о гуманной педагогике. М., Наука, 496 с.
- Басилова Т.А. 1989. Иван Афанасьевич Соколянский. *Дефектология*. № 2: 71-84.
- Басилова Т.А. 2006. О Соколянском и его методах обучения глухих и слепоглухих детей, так интересовавших Выготского. *Культурно-историческая психология*, № 3: 8-16.
- Выготский Л.С. 1983. Принципы социального воспитания глухонемых детей. URL: https://db.rgub.ru/classics/w/wygotskij_1_s/text_1934_principiy_socialnogo_vospitania.shtml (дата обращения: 18 февраля 2024).
- Выготский Л.С. 1999. Педагогическая психология. М., Педагогика-пресс, 536 с.
- Ильенков Э.В. 2018. Идеальное. И реальность. 1960-1979. М., Канон+, РООН «Реабилитация», 528 с.
- Кравцов Г.Г., Кравцова Е.Е. 2020. Культурно-исторический подход к вопросам образования. *Культурно-историческая психология*. Том 16. № 4. С. 4–13. DOI: 10.17759/chp.2020160401
- Леонтьев А. Н. 1981. Проблемы развития психики. М., НПФ «Смысл», 882 с.
- Леонтьев А.А. 1990. Л.С. Выготский. М., Просвещение, 158 с.
- Леонтьев А.Н. 1957. Обучение как проблема психологии. *Вопросы психологии*, № 1: 12.
- Майданский А.Д. 2019. Воспитание и природа: Уроки Загорского эксперимента. *Философская антропология*. Т. 5, № 1: 81–101.
- Майданский А.Д. 2020. А.И. Мещеряков о формировании человеческой психики у слепоглухих детей. *Клиническая и специальная психология*. Том 9. № 4: 188–200.
- Майданский А.Д. 2020. Л.С. Выготский, И.А. Соколянский и Загорский эксперимент. URL: <https://www.academia.edu/44612623> (дата обращения: 18 февраля 2024).
- Мещеряков А.И. 1974. Слепоглухонемые дети: развитие психики в процессе формирования поведения. М., Педагогика, 327 с.
- Соколянский И.А. 1927. Организация педагогического процесса по комплексной системе: Методика и методическая техника. *Игра, сказка и романтика в работе с детьми*. Харьков, Гос. изд-во Украины, 62.
- Соколянский И.А. 1962. Обучение слепоглухих детей. В кн.: Обучение и воспитание слепоглухих М., Изд-во Акад. пед. наук РСФСР, 199 с.
- Статьи, конспекты, материалы из личного архива Л.С. Выготского. 1986. *Вестник Московского университета, сер. 14 Психология*, № 1. URL: https://bookap.info/genpsy/vygotskiy_stati_konspekty_materialy_iz_lichnogo_arhiva_ls_vygotskogo/?ysclid=m8hugqtxvs386316431 (дата обращения: 14 марта 2024).
- Суворов А.В. 2015. Уроки Загорского эксперимента в контексте тифлосурдопсихологии. *Дефектология*. № 6: 3-16.
- Gutierrez de Blume A. P., & Montoya D.M. 2021. Differences in metacognitive skills among undergraduate students in education, psychology, and medicine. *Revista Colombiana de Psicología*, 30(1): 111-130.
- Stetsenko A. 2019. Cultural-historical activity theory meets developmental systems perspective: Transformative activist stance and «natureculture». *Cultural-historical approaches to studying learning and development: Societal, institutional and personal perspectives*. London, Routledge: 249-262.
- Stetsenko A. 2023. Natureculture in a transformative worldview: Moving beyond the «interactionist consensus». *Cultural-Historical Psychology*, Vol. 19, № 1: 20–29. doi:10.17759/chp.2023190103

References

- Amonashvili S.H.A. 1995. Razmyshleniya o gumannoy pedagogike [Reflections on humane pedagogy]. Moscow, Publ. Nauka, 496 p.
- Basilova T.A. 1989. Ivan Afanas'yevich Sokolyanskiy [van Afanasyevich Sokolyansky]. *Defektologiya*. 2: 71-84
- Basilova T.A. 2006. O Sokolyanskom i yego metodakh obucheniya glukhikh i slepoglukhikh detey, tak interesovavshikh Vygotskogo [About Sokolyansky and his methods of teaching deaf and deaf-blind children, which interested Vygotsky so much]. *Kul'turno-istoricheskaya psikhologiya*, 3: 8-16.
- Vygotskiy L.S. 1983. Printsipy sotsial'nogo vospitaniya glukhonemykh detey [Principles of social education of deaf-mute children]. URL: https://db.rgub.ru/classics/w/wygotskiy_1_s/text_1934_principy_socialnogo_vospitania.shtml (accessed: 18 February 2024).
- Vygotskiy L.S. 1999. Pedagogicheskaya psikhologiya [Pedagogical Psychology]. Moscow, Publ. Pedagogika-press, 536 p.
- Il'yenkov E.V. 2018. Ideal'noye. I real'nost'. 1960-1979 [Ideal. And Reality. 1960-1979]. Moscow, Publ. Kanon+, ROON «Reabilitatsiya», 528 p.
- Kravtsov G.G., Kravtsova E.E. 2020. Cultural and historical approach to education issues. *Cultural and historical psychology*, 16(4): 4-13. DOI: 10.17759/chp.2020160401
- Leont'yev A. N. 1981. Problemy razvitiya psikhiki [Problems of Psyche Development]. Moscow, Publ. NPF «Smysl», 882 p.
- Leont'yev A.A. 1990. L.S. Vygotskiy [L.S. Vygotsky]. Moscow, Publ. Prosveshcheniye, 158 p.
- Leont'yev A.N. 1957. Obucheniye kak problema psikhologii [Learning as a Problem of Psychology]. *Voprosy psikhologii*, 1: 12.
- Maydanskiy A.D. 2019. Vospitaniye i priroda: Uroki Zagorskogo eksperimenta [Education and Nature: Lessons of the Zagorsk Experiment]. *Filosofskaya antropologiya*. 5(1): 81–101.
- Maydanskiy A.D. 2020. A.I. Meshcheryakov o formirovani chelovecheskoy psikhiki u slepoglukhikh detey [A.I. Meshcheryakov on the formation of the human psyche in deaf-blind children]. *Klinicheskaya i spetsial'naya psikhologiya*. 9(4): 188–200.
- Maydanskiy A.D. 2020. L.S. Vygotskiy, I.A. Sokolyanskiy i Zagorskiy eksperiment [L.S. Vygotsky, I.A. Sokolyansky and Zagorsky experiment]. URL: <https://www.academia.edu/44612623> (accessed: 18 February 2024).
- Meshcheryakov A.I. 1974. Slepoglukhonemyye deti: razvitiye psikhiki v protsesse formirovaniya povedeniya [Deaf-blind children: development of the psyche in the process of behavior formation]. Moscow, Publ. Pedagogika, 327 p.
- Sokolyanskiy I.A. 1927. Organizatsiya pedagogicheskogo protsessa po kompleksnoy sisteme: Metodika i metodicheskaya tekhnika. Igra, skazka i romantika v rabote s det'mi [Organization of the pedagogical process according to a comprehensive system: Methodology and methodological technique. Game, fairy tale and romance in working with children]. Khar'kov, Gos. izd-vo Ukrainy, 62.
- Sokolyanskiy I.A. 1962. Obucheniye slepoglukhikh detey [Teaching deaf-blind children]. In: Obucheniye i vospitaniye slepoglukhikh. Moscow, Publ. Izd-vo Akad. ped. nauk RSFSR, 199 p.
- Stat'i, konspekty, materialy iz lichnogo arkhiva L.S. Vygotskogo [Articles, notes, materials from the personal archive of L.S. Vygotsky]. 1986. *Vestnik Moskovskogo universiteta, ser. 14 Psikhologiya*, 1. URL: https://bookap.info/genpsy/vygotskiy_stati_konspekty_materialy_iz_lichnogo_arhiva_ls_vygotskogo/?ysclid=m8hugqtxvs386316431 (accessed: 14 March 2024).
- Suvorov A.V. 2015. Uroki Zagorskogo eksperimenta v kontekste tiflosurdopsikhologii [Lessons of the Zagorsk experiment in the context of typhlosurdopsychology]. *Defektologiya*. № 6: 3-16.
- Gutierrez de Blume A. P., & Montoya D. M. 2021. Differences in metacognitive skills among undergraduate students in education, psychology, and medicine. *Revista Colombiana de Psicología*, 30(1): 111-130.
- Stetsenko A. 2019. Cultural-historical activity theory meets developmental systems perspective: Transformative activist stance and «natureculture». *Cultural-historical approaches to studying learning and development: Societal, institutional and personal perspectives*. London, Routledge: 249-262.
- Stetsenko A. 2023. Natureculture in a transformative worldview: Moving beyond the «interactionist consensus». *Cultural-Historical Psychology*, Vol. 19, № 1: 20–29. doi:10.17759/chp.2023190103

Конфликт интересов: о потенциальном конфликте интересов не сообщалось.

Conflict of interest: no potential conflict of interest has been reported.

Поступила в редакцию 01.06.2024

Поступила после рецензирования 01.09.2024

Принята к публикации 28.02.2025

Received June 01, 2024

Revised September 01, 2024

Accepted February 28, 2025

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Нифонтова Виктория Анатольевна, аспирант кафедры философии и теологии, Белгородский государственный национальный исследовательский университет, г. Белгород, Россия.

Victoriya A. Nifontova, Postgraduate Student of the Department of Philosophy and Theology, Belgorod State National Research University, Belgorod, Russia.

Нифонтова Марта Андреевна, студент кафедры иностранных языков, Белгородский государственный национальный исследовательский университет, г. Белгород, Россия.

Martha A. Nifontova, student of the Department of Foreign Languages, Belgorod State National Research University, Belgorod, Russia.

УДК 316. 307.01

DOI 10.52575/2712-746X-2025-50-1-213-219

К вопросу о культурно-антропологическом основании патриотизма

Синютин А.А.

Южно-Российский государственный политехнический университет (НПИ)

имени М. И. Платова, Новочеркасск, Россия

Россия, 346428, г. Новочеркасск, ул. Просвещения, д. 132

ssinyutin@mail.ru

Аннотация. В современном обществе патриотизм представляет собой глубокое эмоциональное и сознательное ощущение человеком своей неразрывной связи с родной страной, языком и культурой. Это изначальное самоопределение личности через социально-культурную среду, в которой она находится. Данная связь становится постоянным направляющим фактором в жизни человека и влияет на его конкретные действия и цели. Патриотизм развивается внутри различных сообществ и провозглашает единство. Именно укорененность патриотических чувств в культуре родного общества определяет уникальные черты его восприятия, в которых проявляются специфические особенности мышления этого народа и его культурной идентичности. В результате данного исследования стало ясно, что патриотизм представляет собой значимый культурно-антропологический аспект, который формирует восприятие современной культуры.

Ключевые слова: патриотизм, культура, ценности, культурная интеграция, патриотические установки

Для цитирования: Синютин А.А. 2025. К вопросу о культурно-антропологическом основании патриотизма. *NOMOTHETIKA: Философия. Социология. Право*, 50(1): 213–219. DOI: 10.52575/2712-746X-2025-50-1-213-219

To the Issue of the Cultural and Anthropological Basis of Patriotism

Alexander A. Sinyutin

Platov South Russian State Polytechnic University (NPI),

132 Prosveshcheniya St, Novocherkassk 346428, Russian Federation

ssinyutin@mail.ru

Abstract. In modern society, patriotism is a deep emotional and conscious feeling of a person's inseparable connection with their native country, language, and culture. It is the initial self-determination of individuals through their socio-cultural environment. This connection becomes a constant guiding factor in a person's life and influences their specific actions and goals. Patriotism develops within different communities and proclaims unity. It is the rootedness of patriotic feelings in the culture of the native society that determines the unique features of its perception. The latter reflect the specificities of the people's thinking and cultural identity. The study allows a conclusion that patriotism is a significant cultural and anthropological aspect that shapes the perception of modern culture.

Keywords: patriotism, culture, values, cultural integration, patriotic attitudes

For citation: Sinyutin A.A. 2025. To the Issue of the Cultural and Anthropological Basis of Patriotism. *NOMOTHETIKA: Philosophy. Sociology. Law*, 50(1): 213–219 (in Russian). DOI: 10.52575/2712-746X-2025-50-1-213-219

Введение

Культура существенно раздвигает границы человеческого мира, причем это может приводить к расколу самого индивида, переживающего, что он сразу принадлежит нескольким мирам. Собственно, перед личностью всегда стоит задача обрести цельность своего существования. Патриотические чувства могут способствовать собранности личности, ориентированной на последовательности своих действий в отношении природного и социального окружения. К тому же человек может относительно свободно действовать, выступая на защиту собственных ценностей. В результате этого человек и на значительной дистанции от страны (или «священной для него земли»), где, как он считает, обитали его предки, способен отождествлять себя с ней исходя из определенного набора постигнутых культурных ценностей.

В ряде случаев именно нестандартные проявления патриотизма, когда человек связывает свою судьбу с далекой страной, руководствуясь романтическими соображениями, раскрывают его сущностную специфику (то есть экзистенциальную специфику самого патриотизма), представляющую как бытие-в-культуре. В данной связи Б.В. Марков отмечал, что «социальное и индивидуальное, природное и культурное, эмоциональное и рациональное, духовное и телесное – все это теоретические противоположности, закрепленные сложившейся специализацией научных дисциплин. Но в реальном человеке все эти противоположности пересекаются и переплетаются» [Марков, 1997, с. 43]. Во многом и патриотизм конкретного человека представляет собой синтез различных компонентов, не сводимых только к ценностям общественного характера, но и в то же время не являющихся плодом его субъективной ориентации.

Поэтому в определенном смысле и патриотизм выступает способом отношения и переживания культуры, в которую индивид включается на этапах своей социализации и образования. Таким образом, даже так называемые интернационалисты в ряде случаев могут свободно действовать в патриотическом русле, особенно если страна, которую они защищают, является Родиной их идей (и воспринимается как «духовное отечество»).

Экзистенциальные аспекты формирования патриотизма

Патриотизм как экзистенциальный феномен в значительной степени определяется развитием человеческой культуры, составляя традиционное для нее ядро, связанное с переживанием «своего собственного». Речь таким образом идет о «собственности», которая, однако, здесь не совпадает (по крайней мере полностью) со своим юридическим определением. Таким образом, следует рассматривать патриотизм как специфический человеческий феномен, в первую очередь опосредованный культурой, выдвигающий его из мира природы. В зависимости от развития культуры и сам патриотизм может выступать в рафинированных формах интимного отношения к отчизне, которое определяется ее культурными достижениями на мировой арене.

Вместе с тем патриотизм может проявляться и в довольно грубых формах, это свидетельствует о том, что данные чувства подлежат соответствующему образованию в душе человека и требуют институциональной поддержки. Хрупкость дел отдельного человека всегда подталкивала общество к объективации коллективных сущностей, таких, например, как государство (полис) [Арендт, 2017]. Такая многомерность не мешает выступать патриотизму в качестве экзистенциального феномена, интимного по отношению к внутренней духовной жизни человека современной эпохи. Отсюда проистекает и необходимость в воспитании патриотизма, идентификация его как ключевого для саморазвития духовного явления и потребность его дальнейшего осмысления в качестве сопутствующего фактора культуры.

Таким образом, патриотизм не является строго политическим или культурным феноменом, а скорее выступает фундирующим фактором для экзистенциальной реальности человека. Пожалуй, что минимальное представление о патриотизме уже

закладывается практически каждой культурной традицией, которую человек усваивает еще в раннем детстве. К тому же в настоящее время мы переживаем значительный интерес к духовным практикам, причем порой экстремального характера, которые активно продвигаются посредством не только лишь философии, но и политики, экономики и современной рекламы [Марков, 2023].

В контексте взаимоотношений человека со своим окружением устанавливаются прочные связи, возникающие не только с другими людьми, но и с природой и землей, то есть на конкретной территории, и затем индивид, как правило, соотносит себя в историческом или культурном плане с данной территорией. Причем в явлении, которое мы подводим под понятие «патриотизм», происходит соединение двух «начал» и в определенном смысле наложение природы и культуры. Вместе с тем, рассматривая патриотизм, стоит сказать, что базовой его характеристикой выступает позитивный экзистенциал, понимаемый в первую очередь как «любовь» [Марков, 2017]. Так, например, патриот – не только тот, кто ценит собственную культуру, а часто и вовсе восхищается ей, но и любит природу родной земли. В данной связи не удивительно, что многие писатели и поэты патриотического направления преимущественно воспевали природу родного края. Таким образом, патриотическое настроение может выражаться художественными средствами, что в свою очередь дает основания говорить об эстетическом измерении патриотизма.

В сравнении с другими живыми существами человек способен к отстранению и, следовательно, может вести себя странным образом в отношении даже заложенных в нем природных инстинктов, в той или иной степени постоянно им себя противопоставляя. Так, например, немецкий философ Х. Плеснер настаивал на эксцентричности человеческого существования, отмечая, что если «жизнь животного центрична, то жизнь человеческая не способная разорвать эту центричность, но в то же время её преодолевающая, эксцентрична. Эксцентричность представляет собой характерную для человека форму его фронтальной расположенности относительно окружающего поля» [Плеснер, 2004, с. 254]. В данной связи стоит сказать, что человек может также переживать собственную неуместность в том или ином топосе, свою «неприкаянность» даже без видимых на это причин внешнего давления или нападения извне. Таким образом, перед человеком открывается экзистенциальное отчуждение не только от окружающей природы, но и от своего собственного тела (может сопровождаться также отрицанием «животности» в себе самом).

При этом двойственность человеческой природы постоянно обращает на себя внимание и порождает соответствующую рефлексию «я» над данной (в действительности неустранимой) проблемой. «Переход от бытия внутри собственной плоти к бытию за ее пределами становится для него неустранимой двuasпектичностью его экзистенции, действительным разломом его природы. Он живет по эту и по ту сторону этого разлома, как душа и как тело, и как психофизически нейтральное единство этих сфер. Двойная аспектность, однако, не перекрывается единством, не рождается из него; единство не есть что-то третье, примиряющее две противоположности и передающееся им, оно не составляет самостоятельную сферу. Оно есть разлом, зияние, пустой переход опосредования, которое для самого живущего равно абсолютной двузначности и двuasпектности различие телесной плоти и души, – в этом опосредовании он их переживает» [Плеснер, 2004, с. 254–255]. Таким образом, окончательного синтеза здесь не происходит, в связи с чем индивид всегда «обречен» на гармонизацию двойственности своего собственного существования.

Таким образом, становится понятно, что патриотическое поведение или его отсутствие (порой бегство от отчизны) напрямую связано с наличием в человеке «я» – структуры, которая фактически как отвечает за формирование в нем целостной личности, так и способствует гармонизации его внутреннего бытия. Ведь даже смерть человека, его

уход из жизни, осознаваемый им самим достаточно сильно, связаны с набором культурных ритуалов перехода в «другой мир» и «свою инаковость». Поэтому даже смерть может носить патриотический характер, особенно, когда похороны были преобразованы в своего рода патриотический ритуал.

Поиск отечества также напрямую зависит от поиска человеком духовного комфорта, который не исключает деятельностного отношения к жизни и преобразования своей собственной природы. Таким образом, психические компоненты, связанные с обнаружением отчизны, могут быть интегрированы в глубинные переживания собственного «я», что свидетельствует о существенной интериоризации паттернов, характерных для отечественной культуры. В данной связи стоит отметить, что «я» является вовсе не самостоятельной структурой, а в значительной степени связанной с телесностью человека и зависимой от внешнего окружения. Отчасти справедливо утверждение, что «я» человека всегда стремится к обладанию.

Патриотические установки и амбивалентность культуры

Очевидно, что человека практически невозможно редуцировать к животному состоянию, поскольку для него всегда сохраняются разнообразные культурные потребности. В свою очередь данные потребности не могут носить строго «материалистический», то есть исключительно «вещной» характер. В определенном смысле человек постоянно занят приготовлением для себя не только биотической, но и духовной пищи. Так, например, еще Гегель отмечал, что животное «находит непосредственно в готовом виде то, что ему нужно для удовлетворения потребности; человек же, напротив, относится к средствам удовлетворения своих потребностей как к чему-то, порожденному и сформированному им» [Гегель, 1929, с. 61]. Более того, орудия и инструменты, которыми удовлетворяются, например, реальные государственные потребности, довольно легко превращаются в предметы национальной гордости и, собственно, в один из источников патриотического настроения.

Вместе с тем сфера культуры не свободна от чисто человеческих страстей, например, от ненависти и такой разновидности последней, как зависть. Ясно, что патриотизм, если и включает в себя компонент ненависти, то данное настроение применительно к нему носит ситуативный характер, возникающий в случае открытого столкновения с внешним врагом. Тем не менее достаточно болезненно переживается человеком кризис своей собственной идентичности, но не менее остро может переживаться и потеря коллективной идентичности, которая возникает в результате отрицания «символов, распадом коллективной памяти, представленной традициями, а также утратой веры в общее будущее, дисгармонией между описательным и нормативным образами себя, прерывностью в истории, несоответствием между представлением культуры о самой себе и ее образами в других культурах, наконец, чувством неполноценности относительно более совершенной культуры» [Хесле, 1994, с. 121]. Не удивительно, что отрицание своей культуры может быть связано с факторами экзистенциального беспокойства и даже с нарушениями психотического характера.

Недовольство и неудовлетворенность культурой, зачастую связанные с проблемой отчуждения (от аутентичного способа существования), в той или иной степени могут быть актуальны для всех без исключения людей, особенно же для тех, кто склонен к рефлексии над существованием. В данной связи внимание философов-экзистенциалистов всегда привлекала тоска человека по «неотчужденной от него» природе, которую теологическая традиция склонна отождествлять с «потерянным раем». Вместе с тем человек в своей практической деятельности может быть не доволен как своей собственной культурой, так и культурой «других» и даже культурой как таковой, понимаемой в качестве однозначно репрессивной инстанции [Фрейд, 2013]. Подобного рода недовольство культурой зачастую становится питательной базой для романтических тенденций, стимулирующих

единство человека с природой и способствующих противопоставлению природных начал, заложенных в человеке, миру окружающей его культуры и техногенной цивилизации.

Исторический опыт в целом свидетельствует о том, что патриотические движения недавнего прошлого носили во многом романтический характер, а их представители по крайней мере декларировали необходимость установления гармонии между природой и культурой. В рамках своеобразно понятого патриотизма люди могут даже отвергать вполне очевидные достижения цивилизации, которые способны нанести вред окружающей природе. Таким образом, технологический прогресс способен вызвать неоднозначную реакцию в том или ином патриотическом лагере. Поэтому патриотизм может и вовсе проявляться как своего рода экологическое движение, нацеленное в первую очередь на сохранение среды благоприятного обитания для будущих поколений, тем более что представители экологических обществ зачастую и вовсе эксплуатируют патриотические чувства местных жителей, пытаясь перевести проблему и конфликт с властью в политическую плоскость. Однако существуют различия и в лагере экологистов: одни являются местными жителями, обитающими вблизи реальных угроз, другие же представляют собой профессиональных активистов, зачастую реализующих в своей деятельности повестку глобалистов.

Вместе с тем человеку необходимо иметь достаточно комфортные условия проживания, причем резкая смена окружающей обстановки и привычного уклада жизни может приводить личность к довольно травматическим последствиям. Распад привычной среды обитания и перемещение в страны с более суровым климатом приводит человека к стрессу. Миграции в том числе могут быть обусловлены неприятием своей собственной культуры, что приводит к появлению особого рода беженцев. К тому же культура оседлых народов в меньшей степени предохраняет от внезапных скитаний, которые незамедлительно обрушиваются на голову конкретного человека. Так, впрочем, номадам в случае опасности намного легче покинуть территории, где возникает угроза жизни, забрав с собой все необходимое [Назаретян, 2023]. Хотя в определенной степени все люди привязаны к своим вещам, которые могут иметь для них не просто утилитарное, но и вполне духовное значение.

Таким образом, наличие патриотизма радикальным образом отличает людей от животных, поскольку патриотическое отношение к миру является учреждением и необходимым элементом культуры. В определенном смысле люди способны осуществлять пересборку культуры, модифицируя правила и нормы, которым они впоследствии должны неуклонно следовать. Вместе с тем прочность тех или иных установлений будет во многом зависеть от их сакрализации, признания и освещения предшествующего авторитета уже имеющейся духовной традиции. Так, английский философ Т. Гоббс справедливо отмечал, что «согласие указанных существ обусловлено природой, согласие же людей – соглашением, являющимся чем-то искусственным. Вот почему нет ничего удивительного в том, что для того, чтобы сделать это согласие постоянным и длительным, требуется ещё кое-что – “сверхсоглашение”, а именно общая власть, держащая людей в страхе и направляющая их действия к общему благу» [Гоббс, 2016, с. 233]. Тем не менее воспитание патриотизма способствует мирному приятию ценностей, которые признаются обществом в качестве наиболее важных и необходимых для того, чтобы не погрузиться в «хаос». Поэтому в данной связи патриотизм поддерживает общество изнутри, во многом выступая коллективно-психическим ресурсом антропологической реальности.

Патриотизм не всегда является охранительной консервативной силой, но и может носить откровенно революционное значение, помогая сбрасывать с человечества заскорузлые формы культуры. Современное государство научилось умело использовать патриотический ресурс в своих интересах, в том числе и в целях удержания и расширения действительной власти. Патриотизм – важный элемент культуры, ее внутренняя скрепа,

позволяющая воспринимать последнюю скорее органическим, чем «механическим» образом. Можно сказать, что народная культура, выступающая компонентом патриотизма, также довольно ближе соотносится с окружающей средой и в целом экологичнее массовой культуры развитого общества потребления. Несомненно, что патриотизм способен стимулировать творческую волю человека, направленную на созидание новых культурных форм.

В данной связи не стоит забывать, что многое, включая и творческие порывы человеческого духа, определяются его способностью к отрицанию. Негативность, таким образом, оказывается включенной в непосредственную деятельность человека, следовательно, чтобы действовать эффективно, необходимо что-то отрицать в предмете или противниках. В данной связи русско-французский философ А. Кожев писал: «Человек – это отрицающее Действование, преобразующее наличное Бытие и само преобразующееся в ходе этого преобразования» [Кожев, 2013, с. 212]. Это в свою очередь приводит к тому, что человеческая культура постоянно находится в процессе трансформации, перехода даже в тех случаях, когда утверждается и подчёркивается ее неизменность, основанная на неукоснительном следовании сложившейся традиции. При этом в каждом событии присутствует вполне определенная тождественность, позволяющая говорить о единстве в развитии данного процесса.

Развитие и сохранение патриотического настроения в значительной степени связано с наличием соответствующей коллективной идентичности, способной удерживать людей в рамках единой культурной традиции или по крайней мере солидаризироваться на основе культуры. Даже самые космополитические периоды развития цивилизации не снимали вопрос об особой привязанности человека к месту своего обитания или почитания культурной традиции. Очевидно, что патриотизм требует взращивания, как и всякий результат культурной деятельности, но может в определенные периоды истории возникать стихийным образом.

Заключение

Таким образом, патриотизм как свойство, которое присуще сплоченному коллективу, помогает преодолеть или нивелировать чрезмерный эгоизм, зачастую присущий отдельной от других личности. В данной ситуации массовая культура, выступающая как носитель радикальных потребительских установок, может приводить к деградации и притуплению патриотических чувств, которые вступают в противоречие с эпохой тотальной глобализации. Тем не менее далеко не все философы, в центре рассуждений которых находился именно «человек», уделяли должное внимание патриотизму. Отчасти игнорирование патриотического дискурса было связано с субъективистскими установками философии Нового времени и попытками абстрагироваться от всего лишнего, то есть от того, что не было познано человеком своим собственным умом. Автономия мышления отдельного индивида в сочетании со стремлением к свободе от авторитета традиции внесли существенный вклад в трансформации коллективных установок, включая и патриотизм. Несомненно, что существовало множество философов, для которых патриотизм был связан не с экзистенцией, а скорее рассматривался как компонент почти исключительной идеологической обработки человека и казенщины.

Проведенный анализ показал, что патриотизм является важным культурно-антропологическим феноменом, поскольку связан с базисными экзистенциальными переживаниями человека и во многом фундирует его отношение к актуальной культуре. Патриотическое настроение помогает преодолеть кризис отдельного человека, возникающий в результате его недовольства культурой, причем как своей собственной, так и культурой как таковой.

Список литературы

- Арендт Х. 2017. Vita Activa, или О деятельной жизни. М., Ад Маргинем, 416 с.
Гегель Г. 1929. Сочинения в 14 томах. М., Госиздат, 1: 473 с.
Гоббс Т. 2016. Левиафан. М., РИПОЛ классик, 606 с.
Кожев А. 2013. Введение в чтение Гегеля. СПб., Наука, 791 с.
Марков Б.В. 2017. Положительные и отрицательные экзистенциалы человека. *Социальные и гуманитарные науки на Дальнем Востоке*, 14(3): 23-30.
Марков Б.В. 2023. Российская цивилизация сквозь призму экофилософии. *Вопросы социальной теории*, 15: 112-130.
Марков Б.В. 1997. Философская антропология: очерки теории и истории. СПб., Лань, 384 с.
Назаретян А.П. 2023. Антропология насилия и культура самоорганизации. В кн.: Очерки по эволюционно-исторической психологии. М., ЛЕНАНД, 264 с.
Плеснер Х. 2004. Ступени органического и человек: В кн.: Введение в философскую антропологию. М., Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 368 с.
Фрейд З. 2013. Недовольство культурой. М.: Литагент Фолио, 222 с.
Хесле В. 1994. Кризис индивидуальной и коллективной идентичности. *Вопросы философии*, 10: 112-123.

References

- Arendt X. 2017. Vita Activa, ili O deyatelnoj zhizni [Vita Activa, or About an active life]. M., Ad Marginem, 416 p.
Gegel` G. 1929. Sochineniya v 14-ti tomah [Essays in 14 volumes]. M., Gosizdat, 1: 473 p.
Gobbs T. 2016. Leviathan [Leviathan]. M., RIPOL klassik, 606 p.
Kozhev A. 2013. Vvedenie v chtenie Gegelya [Introduction to reading Gegelya]. SPb., Nauka, 791 p.
Markov B.V. 2017. Polozhitelnye i otriczatelnye ekzistenciyaly cheloveka [Positive and negative human existentials]. *Socialnye i gumanitarnye nauki na Dalnem Vostoke*, 14(3): 23-30.
Markov B.V. 2023. Rossijskaya civilizaciya skvoz prizmu ekofilosofii [Russian civilization through the prism of ecophilosophy]. *Voprosy socialnoj teorii*, 15: 112-130.
Markov B.V. 1997. Filosofskaya antropologiya: ocherki teorii i istorii [Philosophical anthropology: essays on theory and history]. SPb., Lan, 384 p.
Nazaretyan A.P. 2023. Antropologiya nasiliya i kultura samoorganizacii [The anthropology of violence and the culture of self-organization]. In: Ocherki po evolyucionno-istoricheskoy psihologii [Essays on evolutionary and historical psychology]. M., LENAND, 264 p.
Plesner X. 2004. Stupeni organicheskogo i chelovek [The stages of the organic and the human]. In: Vvedenie v filosofskuyu antropologiyu [Introduction to Philosophical Anthropology]. M., Rossijskaya politicheskaya enciklopediya (ROSSPE`N), 368 p.
Freid Z. 2013. Nedovolstvo kulturoj [Dissatisfaction with culture]. M.: Litagent Folio, 222 p.
Xesle V. 1994. Krizis individualnoj i kollektivnoj identichnosti [The crisis of individual and collective identity]. *Voprosy filosofii*, 10: 112-123.

Конфликт интересов: о потенциальном конфликте интересов не сообщалось.

Conflict of interest: no potential conflict of interest has been reported.

Поступила в редакцию 01.06.2024

Поступила после рецензирования 01.09.2024

Принята к публикации 28.02.2025

Received June 01, 2024

Revised September 01, 2024

Accepted February 28, 2025

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Синютин Александр Александрович, ассистент кафедры социальных и гуманитарных наук, Южно-Российский государственный политехнический университет (НПИ) имени М.И. Платова, г. Новочеркасск, Россия.

Alexander A. Sinyutin, Assistant of the Department of Social Sciences and Humanities, Platov South Russian State Polytechnic University (NPI), Novocherkassk, Russia.

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ, КОММУНИКАЦИИ И РЕЦЕНЗИИ SCIENTIFIC LIFE, COMMUNICATIONS AND REVIEWS

УДК 340

DOI 10.52575/2712-746X-2025-50-1-220-223

Культурная обусловленность правовых практик.

Рецензия на книгу: Фридман Д. Правовые системы, сильно непохожие на нашу. Челябинск : Социум, 2024. 455 с.

Алкатири Шоук Мухсин Бадер Бинкуда,
Гайдуков К.И., Бычковский Е.В.

Белгородский государственный национальный исследовательский университет
Россия, 308015, г. Белгород, ул. Победы, д. 85

1774092@bsuedu.ru

Аннотация. Книга Дэвида Фридмана «Правовые системы, сильно непохожие на наши» раскрывает актуальные аспекты сравнительного правоведения, привлекая для этого источники по праву Китайской империи, цыганскому праву, право установлений амишей, исламскому, еврейскому праву, пиратским и тюремным законам. По мнению рецензентов, продуктивным является выделение систем права исходя из источника самого права, основанного на божественном источнике и договоре. В рецензии отмечается, что круг проблем, заявленных в работе Д. Фридмана, может быть расширен через привлечение концепта культурно-исторической практики.

Ключевые слова: право, практика, культура, религия, история, система

Для цитирования: Алкатири Шоук Мухсин Бадер Бинкуда, Гайдуков К.И., Бычковский Е.В. 2025. Культурная обусловленность правовых практик. Рецензия на книгу: Фридман Д. Правовые системы, сильно непохожие на нашу. Челябинск : Социум, 2024. 455 с. *NOMOTHETIKA: Философия. Социология. Право*, 50(1): 220–223. DOI: 10.52575/2712-746X-2025-50-1-220-223

Cultural conditionality of legal practices.

Book review: Friedman D. Legal Systems Very Different from Ours.
Chelyabinsk : Socium, 2024. 455 p.

Alkatiri Shouk Mukhsin Bader Binkuda,
Kirill I. Gaidukov, Evgeny V. Bychkovsky
Belgorod State National Research University
85 Pobedy St, Belgorod 308015, Russian Federation

1774092@bsuedu.ru

Abstract. David Friedman's book "Legal Systems Very Different from Ours" reveals relevant aspects of comparative jurisprudence, using sources on the law of the Chinese Empire, Gypsy law, Amish law, Islamic, Jewish law, piracy and prison laws. According to the reviewers, it is productive to identify legal systems based on the source of the law itself, a right based on a divine source and an agreement. The review notes that the range of problems stated in D. Friedman's approach can be expanded by involving the concept of cultural and historical practice.

Keywords: law, practice, culture, religion, history, system

For citation: Alkatiri Shouk Mukhsin Bader Binkuda, Gaidukov K.I., Bychkovsky E.V. 2025. Cultural conditionality of legal practices. Book review: Friedman D. Legal Systems Very Different from Ours. Chelyabinsk : Socium, 2024. 455 p. *NOMOTHETIKA: Philosophy. Sociology. Law*, 50(1): 220–223 (in Russian). DOI: 10.52575/2712-746X-2025-50-1-220-223

Совсем не юридическая история сравнительного правоведения

Сравнительное правоведение нельзя назвать периферийным, во всем мире и в России существует целый ряд институций, кафедр, исследовательских центров, научных журналов, занимающихся сравнительным изучением права. Однако, несмотря на недавнее появление самого названия, в конце XX века в трудах Виктора Кнаппа история сравнения правовых практик начинается гораздо раньше [Кнапп]. Она появляется уже в работах Платона и особенно в «Законах», во многих местах которых присутствует сравнение афинян, эллинов и варваров. Например, при обсуждении строгости законов: «Однако я не стану порицать ваши законы, прежде чем по мере сил не рассмотрю их основательно. Я только выскажу свои недоумения. Ведь только у вас одних из всех эллинов и известных нам варваров законодатель постановил воздерживаться от величайших удовольствий и забав и не отведывать их...» [Платон, 2014, с. 87]. Г.В. Лейбниц в работе «Новые методы изучения и преподавания юриспруденции», изданной в 1667 году останавливается на изучении права, которое подобно обучению языкам также необходимо изучать отдельно и поэтапно [Leibniz, 1667, р. 39]. Раздельно в значении сложности изучения правовых установлений различных народов.

Правовая компаративистика современности: два установления

Как мы видим, первые исследователи права в межкультурном аспекте не принадлежали к числу правоведов. Только в XX веке сравнительное правоведение занимает свое место в работах историков права Ф.М. Решетникова [1993], А.Х Саидова [2007], Hallaq, Wael B. [2005], G. Mousourakis [2019]. Вместе с тем работ, охватывающих множество правовых систем, сравнивающих достаточно отдаленные из них, немного. К их числу принадлежит работа Дэвида Фридмана «Правовые системы, сильно непохожие на нашу». Она охватывает правовые системы Китая, цыганское право, правовые нормы американских амишей, еврейское право, исламское право, и более экзотичные, нормы пиратов, заключенных, команчей, кайова и шайеннов, содержит исторический экскурс в афинское право и Англию XVIII века. Работа охватывает широкий круг правовых установлений, который условно можно разделить на две группы: те, которые в качестве правоустанавливающей инстанции принимают Бога, и основанные на договорных отношениях между людьми.

К первой группе автор относит исламское право и еврейский закон, отмечая, что подобное основание содержит ряд сложностей: «Одна из проблем возникает, когда Бог ошибается, то есть когда люди, внедряющие правовую систему, отказываются или не желают следовать некоторым из ее предписаний» [Фридман, 2024, с. 119]. Последнее уточнение важно, так как раскрывает суть процесса усложнения права через введение множества уточнений и толкований, ограничений, необходимых для обхода божественных установлений. Автор приводит интересное сравнение этой стратегии с правовой системой США, когда для ограничения действия Второй поправки, регламентирующей владение оружием, вводятся дополнительные ограничения.

Вторая группа условно может быть выделена по отношению к договору как источнику права. Одной из оригинальных систем этой группы является пиратский закон.

Несмотря на то, что пираты находились вне закона, для совместной деятельности им необходимы были правила, регламентирующие их разбойничью деятельность и совместную жизнь на судне. Несмотря на различия, содержащиеся в таких установлениях на разных пиратских судах, в общем они включали в себя право голоса каждого в решении повседневных дел, возможность ознакомления с правилами, установленными на борту судна, ряд запретов, включая игру на деньги, разведение огня в трюме, нахождение на корабле женщин и детей, дезертирство, драки и ряд других [Фридман, 2024, с. 132]. Моделью для сравнения у автора снова выступает американская правовая система: «Институциональные особенности пиратского права могут показаться вам знакомыми. Они более или менее характерны для американской системы правления: конституционная демократия, разделение властей и система сдержек и противовесов» [Фридман, 2024, с. 138]. Различие для автора в том, что создателями пиратских кодексов были неграмотные разбойники, а американской системы – наиболее образованные представители своего времени.

О культурно-исторической обусловленности

Несмотря на включение самим автором только нескольких систем в группу права, основанного на божественном начале, ее можно расширить, добавив в нее китайское право, установления амишей, американских индейцев и целый ряд других. Стоит также отметить, что сама дискуссионность деления на группы может быть продуктивной, если рассматривать процесс правоустановления через обращение к концепту культурно-исторической практики [Борисов, 2024]. Приоритет права, основанного на договоре и рациональных предписаниях, сегодня преобладает, но уже само существование исламского права, показывает его эффективность в современном мире.

Список литературы

- Борисов, С.Н. 2024. Культурно-историческая практика: к истории одного понятия. Часть 2. *Nomothetika: Философия. Социология. Право*. Т. 49, № 1: 17-25.
- Платон 2014. Законы, послезаконие, письма. СПб.: Наука, 521 с.
- Решетников Ф.М. 1993. Правовые системы стран мира: Справочник. М., Юрид. лит.: 254.
- Саидов А.Х. 2007. Сравнительное правоведение. Основные правовые системы современности: Основные правовые системы современности. М., Юрист, 509 с.
- Hallaq, Wael B. 2005. The Origins and Evolution of Islamic Law. Cambridge University Press: 250 p.
- Knapp, Viktor. 1996. Velké právní systémy. Úvod do srovnávací právní vědy. Praha: C. H. Beck: 445 p.
- Leibniz, G.W. 1667. Nova Methodus Discendae Docendaeque Iurisprudentiae: Ex artis Didacticae Principiis in parte Generali praepraemissis, Experientaeque Luce / Autore G. G. L. L. Francofurti: Zunnerus, Online-Ausg., Dresden: SLUB, 2012, 194 p.
- Mousourakis G. 2019. Comparative Law and Legal Traditions. Historical and Contemporary Perspectives. Springer Nature Switzerland AG, 323 p.

References

- Borisov, S.N. 2024. Kul'turno-istoricheskaja praktika: k istorii odnogo ponjatija. Chast' 2 [Cultural and historical practice: towards a history of one understanding. Part 2.]. *Nomothetika: Filosofija. Sociologija. Pravo*. 49, 1.: 17-25.
- Platon 2014. Zakony, poslezakonie, pis'ma [The law, the day after the law, the letter]. SPb.: Nauka: 521.
- Reshetnikov F.M. 1993. Pravovye sistemy stran mira: Spravochnik [Legal systems of the country of the world: A handbook]. M., Jurid. lit., 254 p.
- Saidov A.H. 2007. Sravnitel'noe pravovedenie. Osnovnye pravovye sistemy sovremennosti: Osnovnye pravovye sistemy sovremennosti [Comparative law. The main legal systems of our time: The main legal systems of our time]. M.: Jurist, 509 p.
- Hallaq, Wael B. 2005. The Origins and Evolution of Islamic Law. Cambridge University Press, 250 p.
- Knapp, Viktor. 1996. Velké právní systémy. Úvod do srovnávací právní vědy. Praha, C. H. Beck, 445 p.

- Leibniz, G.W. 1667. *Nova Methodus Discendae Docendaeque Iurisprudentiae : Ex artis Didacticae Principiis in parte Generali praepraemissis, Experientaeque Luce* / Autore G. G. L. L. Francofurti: Zunnerus, Online-Ausg., Dresden: SLUB, 2012, 194 p.
- Mousourakis G. 2019. *Comparative Law and Legal Traditions. Historical and Contemporary Perspectives*. Springer Nature Switzerland AG, 323 p.

Поступила в редакцию 13.06.2024
Принята к публикации 28.02.2025

Received June 13, 2024
Accepted February 28, 2025

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Алкатири Шоук Мухсин Бадер Бинкуда, соискатель кафедры философии и теологии, Белгородский государственный национальный исследовательский университет, г. Белгород, Россия.

Гайдуков Кирилл Игоревич, аспирант кафедры философии и теологии, Белгородский государственный национальный исследовательский университет, г. Белгород, Россия.

Бычковский Евгений Владимирович, аспирант кафедры философии и теологии, Белгородский государственный национальный исследовательский университет, г. Белгород, Россия.

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Alkatiri Shouk Mukhsin Bader Binkuda, external postgraduate student, Department of Philosophy and Theology, Belgorod State National Research University, Belgorod, Russia.

Kirill I. Gaidukov, Postgraduate Student of the Department of Philosophy and Theology, Belgorod State National Research University, Belgorod, Russia.

Evgeny V. Bychkovsky, Postgraduate Student of the Department of Philosophy and Theology, Belgorod State National Research University, Belgorod, Russia.

УДК 111.85

DOI 10.52575/2712-746X-2025-50-1-224-227

Машина песен и культурный диалог
Рецензия на книгу: Джон Сибрук. Машина песен.
Внутри фабрики хитов. М. : Ад Маргинем Пресс, 2023. 304 с.

Гэ Цзили, Чжоу Цзе

Белгородский государственный институт искусств и культуры

Россия, 308009, Белгород, ул. Королева, д. 7

joanna.jie.zhou@qq.com

Аннотация. В книге Джона Сибрука анализируется феномен массовой культуры и популярной музыки. Хит рассматривается как культурное явление, существенно влияющее на глобальные культурные индустрии. Отмечается, что появление цифровых технологий радикально изменило популярную музыку. В музыкальной индустрии появляется фигура автора хитов, который создает музыку новыми электронными средствами. Эти изменения приводят к возникновению фабрик хитов и популярных групп, специально созданных под запрос определенной аудитории и ее музыкальных и культурных предпочтений. Представленное исследование также ставит вопрос об универсальности производства хитов и зависимости от культурного контекста. Книга представляет интерес не только для историков музыки, но и для исследователей современной культуры.

Ключевые слова: культура, искусство, философия, музыка, производство, культурные индустрии, общество впечатлений

Для цитирования: Гэ Цзили, Чжоу Цзе. 2025. Машина песен и культурный диалог. Рецензия на книгу: Джон Сибрук. Машина песен. Внутри фабрики хитов. М. : Ад Маргинем Пресс, 2023. 304 с. *NOMOTNETIKA: Философия. Социология. Право*, 50(1): 224–227. DOI: 10.52575/2712-746X-2025-50-1-224-227

The Song Machine and Cultural Dialogue
Book Review: John Seabrook. The Song Machine.
Inside the Hit Factory. Moscow, Ad Marginem Press
Publishing House. 2023. 304 p.

Ge Zjili, Zhou Jie

Belgorod State Institute of Arts and Culture,
7 Korolev St, Belgorod 308009, Russian Federation

joanna.jie.zhou@qq.com

Abstract. John Seabrook's book analyzes the phenomenon of popular culture and popular music. Hit is considered as a cultural phenomenon that significantly affects global cultural industries. It is noted that the advent of digital technology has radically changed popular music. The figure of a hit writer who creates music using new electronic means is emerging in the music industry. These changes lead to the emergence of hit factories and popular bands, specially created to meet the needs of a specific audience and its musical and cultural preferences. The presented research also raises the question of the universality of the production of hits and the dependence on the cultural context. The book is of interest not only to music historians, but also to researchers of modern culture.

Keywords: culture, art, philosophy, music, production, cultural industries, impression society

For citation: Ge Zjili, Zhou Jie. 2025. The Song Machine and Cultural Dialogue. Book Review: John Seabrook. The Song Machine. Inside the Hit Factory. Moscow, Ad Marginem Press Publishing House. 2023. 304 p. *NOMOTHETIKA: Philosophy. Sociology. Law*, 50(1): 224–227 (in Russian). DOI: 10.52575/2712-746X-2025-50-1-224-227

Джон Сибрук, американский культуролог, журналист и исследователь музыкальной культуры, автор книг «Nobrow. Культура маркетинга. Маркетинг культуры», «Вспышка гениальности и другие правдивые истории изобретательства», «Машина песен. Внутри фабрики хитов» широко не известен русскоязычному читателю. Куда больше он знаком по своей журналистской деятельности, как автор *The New Yorker* с 1989 года. Изданная в 2015 году книга «Машина песен. Внутри фабрики хитов» посвящена такому явному и сложному феномену современной музыки, как хит. Структура книги образована переходом от самой материи «машины песен» – хита, его анализа и раскрытия сути, к исследованию производства хитов, музыкальной индустрии, истории ее успехов и неудач.

Мир современной музыки невозможно представить себе без такого явления, как хиты – произведения, которые становятся крайне популярными и которые знают все. В исследовании Джона Сибрука рассматривается механика создания хитов в современной музыкальной индустрии, скрытая от глаз потребителя музыкального продукта, простого слушателя, который включает радио в автомобиле и неосознанно начинает подпевать незнакомому исполнителю, и еще долгое время помнит слова песни. Это знакомо большинству из нас и представляет наш повседневный опыт, который мы редко пытаемся осмыслить. В этом нам может помочь книга Джона Сибрука, изучающего неуловимую «материю» хитов, без которых сложно представить популярную музыку в целом. Причем при всей изменчивости музыкальной моды, предпочтений слушателей, музыкальных стилей и направлений, наконец, самих песен, хит как явление остается постоянным.

За счет хитов исполнители получают большую часть своего дохода. Он гарантируется издательскими правами и правами на запись. Первые являются правами автора, а вторые – звукозаписывающей компании [Сибрук, 2023, с. 19]. И такая модель существовала достаточно долго, прекратив свое существование в 80-е годы XX века. Появление новых технологий в сфере хранения и передачи информации сделало невозможным дальнейшую продажу записей музыки в виде пластинок или дисков. Современные цифровые платформы предлагают ее бесплатно, иногда требуя плату за подписку. И это изменило общую логику музыкального рынка, открыв большие возможности как для неизвестных музыкантов, получивших шанс занять свою нишу, так и для музыкантов, имеющих свою аудиторию, пусть и небольшую.

Как следствие, в отношении хитов возникло предположение, что все произошедшее ставит крест на хитах как явлении. Однако сегодня можно уверенно говорить, пишет Сибрук, что хиты не только сохранились, это явление стало еще более глобальным. Хиты приспособились к новой логике потребления, основанной на бесплатном прослушивании и скачивании музыки, возможности беспрепятственно ею делиться и даже изменять под свои вкусы. Подобная «живучесть» хита делает его актуальным объектом исследования.

Джон Сибрук начинает свое исследование с имени Дэнниза Попа, основателя студии Cheiron. Именно он, по мнению автора книги, изменил направление культурных заимствований, которые происходили между США и Великобританией. Он пишет: «До Дэнниза Попа почти все хиты для крупнейших музыкальных рынков мира – США и Великобритании – писали американские, британские и совсем изредка австралийские композиторы» [Сибрук, 2023, с. 31]. В США происходил диалог между африканской и европейской культурой, а вернувшись в Европу, эта музыка изменялась под воздействием собственно европейской музыкальной традиции. Сибрук пишет, что такая тенденция

прослеживается с шестидесятых годов прошлого века, когда британцы познакомились с блюзом. И с рождением хитов ситуация развивалась аналогично, они рождались в пределах англоговорящего мира, исключением можно считать только Швецию, что объясняется большим процентом шведов, владеющих английским языком.

Эти аспекты культурного диалога были связаны с той формацией производства музыкального продукта, которая сложилась до «революции цифры» и появления электронной музыки. Фигура Дэнниза Попа интересна тем, что он увидел шанс для шведской музыки стать фабрикой хитов после произошедших изменений. Под «революцией цифры» мы понимаем множественные процессы, связанные с возможностью записи музыки на цифровые носители, соответственно их копирование и трансляцию, а также агрегирование на музыкальных цифровых платформах, обеспечивающих доступ пользователей. С теми же технологическими новациями связано и появление электронной музыки, изменившей распределение ролей в музыкальной индустрии. Возникает новый метод создания популярной музыки при помощи сгенерированных звуков и микса из уже существующих музыкальных произведений. Все эти изменения позволили «...продюсерам вроде Дэнниза Попа сменить роль повивальной бабки при музыкантах на роль творцов. Начиная с середины шестидесятых и эпохи чудес студийной работы Фила Спектора, Брайана Уилсона и Джорджа Мартина, профессия продюсера стала выходить за рамки простого сопровождения музыкантов – от производства записей, повторявших звучание в студии, до полноценного творческого сотрудничества... Все можно было делать "внутри коробки"» [Сибрук, 2023, с. 35]. И такие изменения следует признать глобальными, поскольку они сродни тем, которые произошли при переходе от средневековья к эпохе модерна, появлению авторства вообще [Андреева, 2017]. Только здесь наряду с певцом и композитором появляется автор композиции, тот, кто ее создает, но при этом, как, например, Дэнниз Поп, не умеет играть на музыкальных инструментах.

Сибрук рассматривает и другие аспекты современной машины по производству хитов. Они связаны больше с созданием не песни, а музыкальной группы. Рассматривается феномен популярных групп, которые производили хиты и были популярны благодаря попаданию в свою целевую аудиторию, вплоть до различных типажей в самой группе, которые были рассчитаны на разные возрастные и социальные категории. Но также их успех, как показывает Сибрук, был укоренен в культуре. Например, феномен популярности Backstreet Boys он связывает с традициями церковных мужских вокальных ансамблей.

Остается вопрос об универсальности этих механизмов. Ведь рассматриваемые в книге примеры имеют мировую известность. Насколько приведенные аспекты «работают» в другой культурной среде? На первый взгляд, они универсальны, поскольку хиты, рожденные западной «фабрикой хитов» имеют мировую известность. Однако ряд культурных архетипов совершенно точно не будут применимы к восточной культуре. И здесь необходимо искать ответы и предлагать решения на основе нового категориального аппарата.

Книга Джона Сибрука не только раскрывает «секреты» популярности всем известных групп, таких как The Beatles или The Chemical Brothers, но также секреты производства хитов, индустрии, которой нужна суперзвезда. Эта связь между исполнителем и песней раскрывается в контексте современных креативных индустрий и культуры постмодерна, технических инноваций в музыкальной сфере, без которых хит стал бы достоянием истории. Благодаря книге Джона Сибрука ответ на вопрос, почему мы подпеваем известные мелодии по пути на работу, становится очевиднее, как и обуславливает ряд других вопросов, в том числе универсальности выявленного производства хитов и их зависимости от культуры.

Список литературы

- Андреева А.М., Борисов С.Н., Римская О.Н., 2017. Рождение культурного капитала. Капитализация знания от средневековья до нового времени. *Научные ведомости Белгородского государственного университета. Серия: Философия. Социология. Право*, 24(273): 60-67.
- Сибрук Дж. 2023. Машина песен. Внутри фабрики хитов. М., Ад Маргинем Пресс. 304 с.

References

- Andreeva A.M., Borisov S.N., Rimskaia O.N. 2017. Rozhdenie kul'turnogo kapitala. Kapitalizacija znaniia ot srednevekov'ja do novogo vremeni [The birth of cultural capital. The capitalization of knowledge from the Middle Ages to modern times]. *Nauchnye vedomosti Belgorodskogo gosudarstvennogo universiteta. Serija: Filosofija. Sociologija. Pravo*, 24(273): 60-67.
- Sibruk Dzh. 2023. Mashina pesen. Vnutri fabriki hitov [The song machine. Inside the Hit Factory]. M., Ad Marginem Press. 304 p.

Поступила в редакцию 19.06.2024
Принята к публикации 28.02.2025

Received June 19, 2024
Accepted February 28, 2025

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Гэ Цили, аспирант кафедры философии, культурологии, науковедения, Белгородский государственный институт искусств и культуры, г. Белгород, Россия.

Чжоу Цзе, аспирант кафедры философии, культурологии, науковедения, Белгородский государственный институт искусств и культуры, г. Белгород, Россия.

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Ge Zjili, Postgraduate Student of the Department of Philosophy, Cultural Studies and Science, Belgorod State Institute of Arts and Culture, Belgorod, Russia.

Zhou Jie, Postgraduate Student of the Department of Philosophy, Cultural Studies and Science, Belgorod State Institute of Arts and Culture, Belgorod, Russia.

УДК 1(091)

DOI 10.52575/2712-746X-2025-50-1-228-248

**Нигилизм по отношению к культурному наследству.
Обращения Г.Д. Гачева к руководителям ЦК КПСС
в связи с санкциями
после издания «Сочинений» Н.Ф. Федорова
в серии «Философское наследие»**

Черняев А.В.

Институт проблем передачи информации РАН,
Россия, 127051, Москва, Б. Каретный п., д. 19, стр. 1
chernyaevphd@gmail.com

Аннотация. Публикация книги «Сочинения» Николая Федорова в составе академической серии (библиотеки) «Философское наследие» в 1982 году явилась знаковым и резонансным событием в масштабах науки, культуры, общества и государства позднего советского периода. В числе документов, связанных с историей федоровского проекта, значительный интерес представляют обращения Георгия Гачева, направленные в январе 1983 г. на имя руководителей ЦК КПСС. Эти письма относятся к числу важнейших источников, проливающих свет на обстоятельства и последствия издания книги Федорова в СССР. В связи с этим на основе архивных материалов вводятся в научный оборот тексты обращений Гачева к генеральному секретарю ЦК Юрию Андропову и заведующему отделом науки ЦК Сергею Трапезникову.

Ключевые слова: русская философия, советская философия, «Философское наследие», Николай Федоров, Георгий Гачев, Юрий Андропов, Сергей Трапезников, Семен Микулинский

Для цитирования: Черняев А.В. 2025. Нигилизм по отношению к культурному наследству. Обращения Г.Д. Гачева к руководителям ЦК КПСС в связи с санкциями после издания «Сочинений» Н.Ф. Федорова в серии «Философское наследие». *NOMOTHETIKA: Философия. Социология. Право*, 50(1): 228–248. DOI: 10.52575/2712-746X-2025-50-1-228-248

**Nihilism in Relation to Cultural Heritage.
Appeals by Georgy Gachev to the Leaders
of the Central Committee of the CPSU in Connection with Sanctions
Following the Publication of Nikolai Fedorov's "Works"
in the "Philosophical Heritage" Series**

Anatoly V. Chernyaev

The Institute for Information Transmission Problems RAS
19, build.1 Bolshoy Karetny lane, Moscow 127051, Russian Federation
chernyaevphd@gmail.com

Abstract. The publication of the book "Writings" by Nikolai Fedorov as part of the academic series (library) "Philosophical Heritage" in 1982 was a landmark and resonant event on the scale of science, culture, society and the state of the late Soviet period. The release of Fedorov's book was accompanied by a large-scale information campaign, which included a whole series of publications, most of which

implemented a single ideological program; many of them were written by philologist Svetlana Semenova, who also carried out the full volume of work on the scientific preparation of the book publication. This set of ideas and events can be designated as Fedorov's Soviet project. The initiators, executors and high-ranking patrons of this project belonged to the so-called "Russian party" and advocated the vector of development of the USSR as a great power, the successor of historical Russia, based on the revival of classical Russian culture and traditional values, the corresponding rethinking of the spiritual and historical mission of the country. Among the documents related to the history of the Fedorov project, of considerable interest are the appeals to the leaders of the Central Committee of the CPSU sent in January 1983 by Svetlana Semenova's husband, philologist Georgy Gachev. In terms of content, these letters are among the most important sources shedding light on the circumstances and consequences of the publication of Fedorov's book in the USSR. Based on archival materials, the author introduces into scientific circulation the texts of Gachev's appeals to Yuri Andropov, General Secretary of the Central Committee, and Sergei Trapeznikov, head of the Science Department of the Central Committee.

Keywords: Russian philosophy, Soviet philosophy, "Philosophical Heritage", Nikolai Fedorov, Georgy Gachev, Yuri Andropov, Sergei Trapeznikov, Semyon Mikulinsky

For citation: Chernyaev A.V. 2025. Nihilism in Relation to Cultural Heritage. Appeals by Georgy Gachev to the Leaders of the Central Committee of the CPSU in Connection with Sanctions Following the Publication of Nikolai Fedorov's "Works" in the "Philosophical Heritage" Series. *NOMOTHETIKA: Philosophy. Sociology. Law*, 50(1): 228–248 (in Russian). DOI: 10.52575/2712-746X-2025-50-1-228-248

Введение

Состоявшаяся в 1982 году публикация книги «Сочинения» Николая Федорова в составе серии «Философское наследие» [Федоров, 1982] стала резонансным событием как в истории отечественного философского книгоиздания, так и в целом для науки, культуры, общества и государства позднего советского периода. На исходе эпохи, получившей едва ли справедливое наименование «застоя», задолго до начала процесса возвращения широкому читателю трудов русских религиозных философов, в авторитетной академической серии массовым тиражом были опубликованы тексты мыслителя, не только далекого от «ортодоксальной» для СССР революционно-демократической и материалистической философской традиции, но и прямо выступавшего с критикой теории социализма. Вскоре после выпуска книги грянул гром: были проведены оперативные совещания в Центральном комитете КПСС и Президиуме Академии наук СССР, по результатам которых опубликованы разгромные рецензии и сделаны суровые оргвыводы.

Исследования, проведенные нами на основе изучения документов из архивов ЦК КПСС (РГАНИ) и Академии наук СССР (РАН) [Черняев, 2024а; Черняев, 2024б; Черняев, 2024с; Черняев, 2024д], позволили прийти к заключению, что драматические коллизии, сопровождавшие публикацию книги Федорова, явились отражением фундаментальной идеологической конфронтации между группами политической и духовной элиты СССР, представители которых отстаивали конкурирующие проекты будущего страны накануне предстоящей смены власти (в итоге оказавшейся не в пользу организаторов издания «Сочинений» Федорова). В свою очередь, книга Федорова должна была дать старт изданию в серии «Философское наследие» целого ряда трудов русских мыслителей немарксистской направленности – такой издательский план был анонсирован Арсением Гулыгой уже вскоре после его назначения заместителем председателя редакционной коллегии данной серии. Инициаторы, исполнители и высокопоставленные покровители этого проекта принадлежали к так называемой русской партии и выступали за вектор развития СССР как великой державы – преемника исторической России на основе возрождения классической русской культуры и традиционных ценностей, соответствующего переосмысления духовно-исторической миссии страны.

Выход книги Федорова не был единичным актом: его сопровождала масштабная информационная кампания, включавшая внушительную серию публикаций различных авторов («от философов – до литературоведов и искусствоведов» (Отдел науки, л. 90), которые выходили не только в научных, но также в литературно-художественных, справочно-энциклопедических изданиях и центральных газетах и были посвящены личности русского мыслителя, историческому значению и актуальности его идейного наследия. Большинство данных публикаций можно рассматривать как последовательную реализацию целостной идейной программы; автором значительного их числа выступила Светлана Семенова, которая также выполнила полный объем научной работы по подготовке книги Федорова к публикации в серии «Философское наследие», включая написание вступительной статьи и комментариев [Федоров, 1982]. Указанный комплекс идей и мероприятий может быть обозначен как советский федоровский проект.

Документы Г.Д. Гачева и В.С. Борисова из архива ЦК КПСС: содержание и контекст

В числе документов, связанных с подготовкой публикации книги Федорова, а также с реакцией на ее появление, значительный интерес представляют обращения, направленные в январе 1983 г. на имя руководителей ЦК КПСС кандидатом филологических наук Георгием Дмитриевичем Гачевым (1929–2008) – супругом Светланы Семеновой. Эти письма относятся к числу важнейших источников, проливающих свет на обстоятельства, связанные с рассматриваемой историей. В архивном деле содержатся обращения Гачева, адресованные генеральному секретарю ЦК КПСС Юрию Андропову и заведующему отделом науки и учебных заведений ЦК Сергею Трапезникову (копия – заведующему отделом пропаганды ЦК Борису Стукалину), а также обращение к Трапезникову общественного активиста Валерия Борисова и справка ЦК по итогам проверки, проведенной по данным обращениям, подписанная заместителем Трапезникова Рудольфом Яновским.

В многостраничных обращениях Гачева уделяется внимание как общетеоретическим – научным и идеологическим, так и практическим вопросам научно-корпоративных и трудовых отношений. В частности, ведется речь о характере учения Федорова и его современном значении, в связи с чем излагаются контраргументы, призванные дезавуировать резко критический отзыв на книгу Федорова «Так ли надо относиться к наследству?», опубликованный Семеном Микулинским в центральном научном журнале «Вопросы философии» в декабре 1982 г. [Микулинский, 1982]; наряду с этим подвергаются критике методы работы в научных организациях и журналах, где используются административные ресурсы для реализации самоуправной научной, редакционной и кадровой политики. Адресованный Андропову текст Гачева сравнительно компактен, лаконичен и сосредоточен на политико-идеологических аспектах проблемы, а текст, направленный Трапезникову – более развернут и насыщен деталями; при этом между указанными документами имеется ряд текстуальных совпадений.

Если попытаться редуцировать практическое значение содержательно широких обращений Гачева к руководителям ЦК, то, на наш взгляд, главная интенция этих текстов заключается в стремлении автора заступиться за людей, которые пострадали в результате санкций, последовавших после издания книги Федорова. В частности, Гачев ходатайствует о своей супруге Светлане Семеновой, которая, оставив работу в вузе, где заведовала кафедрой, 10 лет посвятила изучению наследия этого философа, подготовила к защите докторскую диссертацию и сдала в издательство рукопись книги о нем, однако после произошедшего реализация этих начинаний оказалась под угрозой, как и перспективы дальнейшей научной и творческой деятельности Семеновой. Также Гачев требует разобраться и принять меры по ситуации в Институте истории естествознания и техники АН СССР (ИИЕТ), несколько сотрудников которого подверглись

административному преследованию со стороны директора Института Микулинского за то, что в 1981 году дали положительное заключение на запрос Госкомпиздата о целесообразности публикации книги Федорова (А.В. Ахутин, П.П. Гайденок, Б.Г. Кузнецов, А.П. Огурцов, В.Л. Рабинович).

Документы Гачева дополняет обращение в ЦК на четырех листах Валерия Борисова, – автора посвященной Федорову публикации 1979 года «Идеальный библиотекарь» [Борисов, 1979]. Местонахождение, как и само содержание этого документа, позволяет предполагать, что обращения Борисова и Гачева в ЦК явились согласованными единовременными акциями, а их авторы проводили общую линию; при этом в тексте Борисова содержится ряд дополняющих Гачева тезисов, и он представляет самостоятельный интерес. В начале обращения отмечается символичность того факта, что именно «в год славного юбилея – 60-летия образования СССР» состоялась публикация «сочинений русского мыслителя Н.Ф. Федорова, мечтавшего о братском союзе народов, который должна создать Россия» (РГАНИ. Ф. 100. Оп. 2. Ед. хр. 295, л. 103). Вряд ли это только лишь риторическая формула: если учитывать политико-идеологический контекст издания книги и развернувшейся вокруг нее борьбы, данное утверждение может быть прочитано как манифест сторонников сохранения СССР при усилении роли России и русской культуры.

Следующий тезис Борисова не менее значим. «Мне, – пишет он, – особенно близок Федоров как философ памяти; его идеи об Отечествеведении, Музее, охране памятников истории и культуры, охраны кладбищ и могил, уважения и почитания их, раскрывает особый глубокий смысл моих профессиональных занятий как искусствоведа, краеведа, экскурсовода» (РГАНИ. Ф. 100. Оп. 2. Ед. хр. 295, л. 103). Такое акцентирование мемориальной темы и упоминание об «охране памятников истории и культуры» напрямую отсылают к идейной платформе основанного в 1966 году Всероссийского общества охраны памятников истории и культуры (ВООПИК) – широкого общественного движения, у руля которого стояли советские интеллектуалы почвеннического и консервативного направления, сторонники так называемой русской партии [Митрохин, 2003; Байгушев, 2006]. В связи с этим необходимо отметить, что федоровский проект рубежа 1970–1980-х гг. реализовывался при поддержке ВООПИК, в частности, на базе региональных отделений этого Общества, начиная с 1978 года, ежегодно проводились общедоступные лекции, посвященные жизни и творчеству Федорова [Hagemeister, 1989, s. 2].

И если деятельность консервативных представителей «русской партии» разворачивалась под знаком сохранения и возрождения национального духовно-культурного наследия, исторических достижений государственного строительства в нашей стране, то проект их политических оппонентов, напротив, предполагал радикальное реформирование всего советского уклада с опорой на западные социально-культурные идеи и стандарты. С точки зрения советских почвенников, такая программа представляла прямую угрозу для исторической памяти народа, яркое проявление чего Борисов с «негодованием» усматривает в «кошунственной» рецензии на книгу Федорова, опубликованной Микулинским, по словам которого, от страниц этой книги якобы исходит «кладбищенский тлен и мертвящий дух» [Микулинский 1982, с. 156]. Обрушиваясь на это утверждение, Борисов напоминает «слова Пушкина о любви к родному пепелищу и “любви к отеческим гробам”, лежащие в основании любой нации и культуры! Если следовать логике рецензента, тогда долой слова Пушкина, а от мавзолея Ленина на Красной площади, могилы Неизвестного солдата в Александровском саду, братских захоронений героев Отечественных войн, Новодевичьего кладбища и других священных для всех людей мест покоя наших отцов и предков должно нести тем же духом и надо запретить любить эти священные места. Какое кошунство!» (РГАНИ. Ф. 100. Оп. 2. Ед. хр. 295, л. 103).

Инвектива Микулинского по поводу «мертвящего духа», который будто бы «веет» от страниц Федорова, на которых ведется речь о кладбищах, нашла отражение и в обращении Гачева к Андропову: «Как можно так кощунствовать над святыми чувствами к умершим, павшим, что глубоко укоренены в сердцах, в традициях народа, среди которого живешь? Тогда на могиле Неизвестного солдата он ничего не почувствует, кроме “кладбищенского тлена и мертвящего духа”!» (РГАНИ. Ф. 100. Оп. 2. Ед. хр. 295, л. 91). При однотипности аргументации, построенной на апеллировании к чувству благоговения перед могилами героев, формулировка Борисова более емкая, ибо включает перечисление священных памятных мест, возникших в разные периоды истории Отечества – как советского, так и дореволюционного. Тем самым национальные святыни всех времен, связанные с захоронениями героев, утверждаются как непреходящая основа для исторической памяти народа и духовного единства страны, а философия Федорова раскрывается как перспективный теоретический ресурс для осмысления и обоснования этих вещей. Тот факт, что «кладбищенский» сюжет оказался в центре внимания и Гачева, и Борисова в их обращениях в ЦК, может означать, что попытка реактуализации мемориальной темы как фактора духовного конституирования социально-государственного целого составляла один из главных посылов федоровского проекта.

Основная часть письма Борисова посвящена указаниям на допущенные рецензентом подтасовки и фальсификации: «статья Микулинского отличается полным отсутствием логики, в ней много ошибок, и особенно удивительно принципиальное стремление исказить и принизить Федорова, видимо, в надежде, что никто не додумается проверить автора рецензии» (РГАНИ. Ф. 100. Оп. 2. Ед. хр. 295, л. 104). На ряде примеров Борисов демонстрирует «неосведомленность и некомпетентность» (РГАНИ. Ф. 100. Оп. 2. Ед. хр. 295, л. 105) рецензента, а также его «предвзятость и недобросовестность» (РГАНИ. Ф. 100. Оп. 2. Ед. хр. 295, л. 106). И, в частности, это касается вопроса об отношении к Федорову Максима Горького: автор обращения в ЦК показывает, что выводы исследований литературоведа Станислава Сухих, на которого ссылается в обоснование своего утверждения Микулинский, противоположны тому, что ему приписывается. В связи с этим Борисов выступает с предложением «провести печатную серьезную научную дискуссию по поводу вышедшего тома и рецензии С.Р. Микулинского, но с обязательным привлечением авторов, специально занимавшихся наследием Федорова», для участия в которой, по его мнению, могут быть приглашены исследователи Л.А. Коган, Н.Н. Скатов, С.И. Сухих, С.Г. Семенова, П.К. Гречко, Г.Л. Епископосов, писатели В.Е. Львов и В.А. Чивилихин, летчик-космонавт В.И. Севастьянов (РГАНИ. Ф. 100. Оп. 2. Ед. хр. 295, л. 106) – то есть авторы, писавшие о Федорове в 1970 – начале 1980-х гг. в апологетическом ключе (подробнее см.: [Черняев, 2024a]).

По факту обращений Гачева и Борисова в ЦК КПСС была проведена «проверка» и составлена справка, смысл которой сводится к тому, что все претензии заявителей следует признать безосновательными: во вступительной статье к книге Федорова и предшествовавших публикациях «не был раскрыт и всячески затушевывался реакционный консервативный характер взглядов Федорова» (РГАНИ. Ф. 100. Оп. 2. Ед. хр. 295, л. 86); «без всяких на то оснований утверждается, что Федоров был предшественником и учителем К.Э. Циолковского. Вопреки прямым критическим высказываниям А.М. Горького о Федорове, ему приписывается высокая оценка взглядов Федорова» (РГАНИ. Ф. 100. Оп. 2. Ед. хр. 295, л. 88). Констатировалось, что в рецензии Микулинского «дана аргументированная с партийных позиций критика неумеренного восхваления и популяризации сочинений Н.Ф. Федорова» (РГАНИ. Ф. 100. Оп. 2. Ед. хр. 295, л. 88). Что касается ситуации с сотрудниками ИИЕТ, которые высказались в пользу издания книги, то «партийная организация и дирекция Института дали правильную, принципиальную оценку идейно-теоретическим ошибкам, допущенным отдельными сотрудниками в коллективном письме в Госкомиздат по поводу издания сочинений Н.Ф. Федорова»

(РГАНІ. Ф. 100. Оп. 2. Ед. хр. 295, л. 88). Несмотря на то, что в обращениях Гачева и Борисова была аргументированно раскрыта недостоверность ряда утверждений и логическая неубедительность выводов рецензии Микулинского, справка ЦК составлена на основе именно этого текста, а приведенные заявителями доводы в ней проигнорированы. Таким образом, получается, что главным «свидетелем защиты» оказался сам «обвиняемый». Исходя из этого в ЦК КПСС с авторами обращений была проведена разъяснительная беседа «по существу вопросов, затронутых в письмах» (РГАНІ. Ф. 100. Оп. 2. Ед. хр. 295, л. 88).

Автор данной справки, заместитель заведующего отделом науки ЦК Рудольф Яновский, полутора годами ранее, летом 1981 г., принимал непосредственное участие в решении вопроса об издании книги Федорова. Несмотря на то, что книга была уже набрана, полиграфический процесс был тогда приостановлен, ибо некоторые члены Отделения философии и права Академии наук выступили против издания, при том что другие ученые и представители общественности активно его поддерживали (подробнее об этом см.: [Черняев, 2024b]). В такой ситуации решение уже не могло быть принято на уровне издательства «Мысль» и даже Госкомиздата СССР, руководители которых обратились в ЦК. В итоге, как сообщается в справке ЦК «О книге Н.Ф. Федорова» (составлена 23 июля 1982 г.), 14 июля 1981 г. в Отделе науки «состоялась беседа тт. Яновского Р.Н. и Пилипенко Н.В. с членом коллегии Госкомиздата СССР т. Молдованом В.С. и директором издательства "Мысль" т. Водолагиным В.М. В ходе беседы Госкомиздату СССР и издательству был высказан ряд конкретных рекомендаций по изданию книги Федорова» (РГАНІ. Ф. 5. Оп. 88. Ед. хр. 133, л. 15). Таким образом, летом 1981 г. решающую роль в успешном завершении забуксовавшего процесса издания книги русского мыслителя сыграл тот же высокопоставленный сотрудник отдела науки ЦК; не подлежит сомнению, что Яновский выполнял при этом установку своего непосредственного начальника Сергея Трапезникова, стоявшего на консервативных позициях союзника «русской партии», проектом которой являлось издание книги Федорова. К январю 1983 г., после прихода к власти в стране Юрия Андропова – жесткого оппонента советских «русистов», – политико-идеологическая конъюнктура в корне изменилась, и чиновники, пытаясь в нее вписаться, заняли противоположную позицию (подробнее об этом см.: [Черняев, 2024d]). Впрочем, это им не помогло: в том же 1983 году и Яновский, и его шеф Трапезников лишились своих постов в руководстве Отдела науки ЦК.

Характер участия Г.Д. Гачева в федоровском проекте

Задаваясь вопросом о мотивации Георгия Гачева при обращении в ЦК в сложившейся ситуации, можно предположить, что он руководствовался чувством ответственности за своих близких, друзей и коллег, которые были привлечены к деятельности по подготовке и общественной поддержке издания книги Федорова, скорее всего, не без личного участия самого Гачева. В документе на имя Трапезникова Гачев сообщает, что 20 января 1983 г. (то есть за неделю до обращения в ЦК) он выступал на открытом партийном собрании в ИИЕТ, и прилагает запись своего выступления. Этот многостраничный документ, как и сами обращения Гачева, демонстрирует высокую осведомленность автора о ситуации вокруг издания книги Федорова и его включенность в процесс как активного участника событий.

Эти тексты также свидетельствуют, что Гачев не только хорошо владел предметом, но и обладал собственным пониманием философии Федорова, развивал оригинальную и глубоко продуманную систему аргументации в пользу публикации и всяческой актуализации в СССР его идей. В частности, именно в обращении Гачева к Андропову наиболее емко сформулирована, пожалуй, главная идея всего федоровского проекта, направленного на мобилизацию наследия такого мыслителя, идейный арсенал которого

одновременно позволял бы ответить на вызовы космической эры, вписаться в существующий советский социально-культурный контекст, предложить национальную идею, послужить связующим звеном с наследием русской религиозной мысли, требующим освоения и общественной актуализации. Как раз таки этот универсализм создателя «Философии общего дела» подчеркивает Гачев: «В русской культуре не только революционные демократы с одной стороны, а с другой – сплошные реакционеры и черносотенцы: там есть такие особые, значительные явления, так сказать, “срединного” плана, как Федоров» (РГАНИ. Ф. 100. Оп. 2. Ед. хр. 295, л. 91); соответственно, «пришла пора и учению Федорова сойти с полок библиотек: оно, в своем творчески-созидательном, преобразовательном пафосе, стало созвучно гуманным задачам нашего века» (РГАНИ. Ф. 100. Оп. 2. Ед. хр. 295, л. 90).

Характерно, что в обращениях к руководителям ЦК Гачев демонстрирует риторические приемы, аналогичные тем, которые применялись авторами серии апологетических публикаций о Федорове 1970-х гг., составивших информационно-пропагандистскую кампанию накануне издания «Сочинений» мыслителя в серии «Философское наследие». Имеются в виду искусственные попытки продемонстрировать совместимость идей Федорова с марксистско-ленинской теорией и текущей политико-идеологической конъюнктурой, данью которой, несомненно, является характеристика Гачевым Федорова в качестве «критика насильственных методов в политике, милитаризма и войн, апостола мира и братства народов, призывающего заняться глобальными проблемами Земли, Космоса и человечества – такая фигура необычайно привлекательна и “выигрышна” для нас в современной идеологической борьбе» (РГАНИ. Ф. 100. Оп. 2. Ед. хр. 295, л. 100).

Сказанное позволяет полагать, что Гачев выступал не просто в качестве общественного активиста и апологета учения Федорова; не исключено, что он был одним из главных идеологов, организаторов, а возможно, инициаторов всего федоровского проекта. Такое предположение подтверждается, в частности, сообщением Николая Гаврюшина – в ту пору коллеги Гачева по ИИЕТ и автора статьи «Воскрешение чаемое или восхищаемое?», которая была опубликована в 1983 году в ежегоднике «Богословские труды» и стала важным элементом антифедоровской информационной кампании, развернутой после выхода книги [Черняев, 2024с]; при этом статья была подписана инициалами «А.М.», которые атрибутировались главному редактору издания, митрополиту Ленинградскому и Новгородскому Антонию (Мельникову). По свидетельству Гаврюшина, текст его статьи был готов уже летом 1980 г., и первоначально планировалась ее публикация раньше (что могло бы помешать выходу самой книги), однако «на заседании редколлегии “Богословских трудов” осенью того же года статья была отклонена... Примерно в то же время к митрополиту Антонию приезжали С.Г. Семенова и Г.Д. Гачев, уговаривавшие его воздержаться от публикации этой статьи, о чем мне стало известно со слов владыки» [Гаврюшин, 2000, с. 211].

Таким образом, уже задолго до выхода в свет книги Федорова Гачев принимал деятельное участие в общественной популяризации наследия философа в качестве переговорщика, отстаивая перед главным редактором «Богословских трудов» профедоровскую точку зрения. Наряду с этим весьма вероятно, что именно Гачев был организатором первой научной публикации текста Николая Федорова в СССР – работы «“Фауст” Гете и народная легенда о Фаусте», которая была подготовлена Светланой Семеновой и вышла в альманахе Института мировой литературы имени А.М. Горького АН СССР (ИМЛИ) «Контекст» в 1977 г.; в свою очередь, предисловие и комментарий к этому тексту стали, судя по всему, первым печатным выступлением Семеновой по федоровской тематике. До перехода в ИИЕТ Гачев свыше 10 лет проработал в ИМЛИ, снискав известность в качестве выходца «из “золотой шеренги”, из плеяды молодых ученых, оперившихся на рубеже 60-х годов в эльсберговском секторе ИМЛИТа, – вместе

с Вадимом Кожиновым, Петром Палиевским, Сергеем Бочаровым, Олегом Михайловым» [Аннинский, 1992, с. 108]. Сам Гачев впоследствии вспоминал, что его, Бочарова и Кожинова называли «“три мушкетера” теории литературы», тогда как сами они «приравнивали себя к братьям Карамазовым» [Гачев, 2000, с. 121]. Если принять во внимание, что членом редколлегии «Контекста» и заместителем директора ИМЛИ в этот период был Палиевский, а в работе над альманахом участвовал также Кожинов, вряд ли без содействия этих давних друзей и коллег Гачева состоялась бы первая федоровская публикация Семеновой, которая тогда в ИМЛИ еще не работала.

В идейно-мировоззренческом отношении характерно, что сподвижники Гачева по ИМЛИ были активистами ВООПИК – интеллектуального оплота «русской партии»: Палиевский, Кожинов, Михайлов регулярно принимали участие в заседаниях московской штаб-квартиры Общества [Байгушев, 2006]. В свою очередь, организатор издания и ответственный редактор тома Федорова в серии «Философское наследие» Арсений Гулыга также принадлежал к советским почвенникам и входил в редколлегию их главного рупора – журнала «Наш современник»; очевидно, Гачева и Семенову связывали с этими людьми не только профессиональные отношения, но и общая мировоззренческая платформа, в которую был отчетливо вписан тогда и федоровский проект. «Русофильская», антизападническая направленность проекта по актуализации наследия Федорова в СССР впоследствии найдет отражение и в печатных работах Гачева о русском мыслителе, где будут настойчиво проводиться идея, что «Федоров... вне Петербурга, сего промозглого космоса белых ночей с их шизофренией, с достоевщиной двойничества и т.п. Космос Федорова более ясен, крепок, четок... Питер, оплот западничества, атлантизма в России – чужд ему <...>. Ум Федорова – государственно ответственный: он знает, вникает в мировую геополитическую ситуацию России как континента меж океанами, дает панораму ее истории, протекавшей меж кочевым исламом и городским Западом» [Гачев, 1996, с. 104; 119].

Через несколько лет после истории с «Сочинениями» Федорова Гачев откликнется обстоятельной статьей-рецензией на выход книги еще одного воскрешенного из забвения русского самородка – Андрея Болотова, «Записки» которого были в 1986 году переизданы в СССР издательством «Современник» благодаря усилиям Гулыги [Болотов, 1986]: «память в России – отмечает в связи с этим Гачев, – в отмену Жизни (как привычка – замена счастью): откапывать приходится нам запоздало людей и культуру: как Сковороду или вот Болотова, как Федорова или Андрея Платонова» [Гачев, 1989а, с. 128]. «Болотов – важнейший для России прецедент и пример: как человек в частной жизни, в хозяйстве и в семье, и из себя может создавать базис благодатный и в экономике, и в культуре, и в нравственности. Быть – как родник, что чистою водою-душою бьет и питает субстанцию национальной целостности, “откуда ни возмись”, самородно и самотеком <...> Важно его модель поведения и матрицу рассуждения почтить как ценность и ввести в обиход» [Гачев, 1989а, с. 120; 125]. По мысли Гачева, такие фигуры, как Болотов и Федоров, составляют альтернативу навязанному революционно-демократической критикой «канону» русской литературы, герои которой – сплошь «лишние люди», оторванные от настоящего «общего дела». Рецензент выражает особую благодарность Гулыге, которому при издании Болотова, как и ранее в случае с Федоровым, удалось сохранить в печатном тексте оригинальную авторскую орфографию вопреки советским атеистическим стандартам: «дали подышать живым, незаформализованным еще русским языком, когда он свеж и чист, как в первый день творенья» [Гачев, 1989а, с. 121].

Некоторые идеи, сформулированные Гачевым в обращении к Андропову, впоследствии были использованы автором в его печатных работах о Федорове. Прежде всего, это парадоксальная мысль о высокой научно-эвристической продуктивности федоровской идеи «воскрешения предков», ибо она – «одна из тех “безумных идей”, которые, будучи положены в основание системы, позволяют по-новому объяснять

реальные факты» (РГАНИ. Ф. 100. Оп. 2. Ед. хр. 295, л. 89). Данный тезис будет развернут в посвященном Федорову разделе книги Гачева «Русская дума» (1991 г.): «“Я не отрицаю, что ваша идея безумна – сказал одному ученому знаменитый физик – Но достаточно ли она безумна, чтобы быть к тому же еще и верной?”. Так вот идея Федорова – именно такова. Ее верность – не в сопоставлении с фактичностью и наличным положением “вещей” в Природе и мире Истории, а как проект: та самая верная Высшая цель, что может быть человечеством поставлена перед собой, как курс и направление... Когда Федоров вышел на эту дерзновенную цель, она стала вышкой миропонимания, с которой по-новому объясняются эпохи и события истории, ее движущие силы; и смысл искусства (как попытки “мнимого воскрешения”) и религии (культ предков), и обряд захоронений (на хранение с целью воскрешения некогдашнего), и все философские системы, и быт-обычаи народов, и психология поведения, и внутренний мир личности... При такой установке исчезает соперничество между людьми и народами в современности: по отношению к Отцу человек человеку – брат» [Гачев, 1991, с. 47].

В свою очередь, возмущенный эмоциональный пафос обращений Гачева к руководителям ЦК, наполненных указаниями на вопиюще несправедливое, «нигилистическое отношение к сложным явлениям культуры», задававшее тон проведенной «на газетно-памфлетном уровне» (РГАНИ. Ф. 100. Оп. 2. Ед. хр. 295, л. 90) антифедоровской кампании середины 1980-х гг., начало которой положила публикация Микулинского, присутствует в рассказе о тех событиях, впоследствии включенном автором в книгу 1991 г.: «Когда почти через сто лет <после первого издания “Философии общего дела”> нашлась женская душа, его постигшая и воскресившая: подготовила и издала том Федорова в серии “Философское наследие” издательства “Мысль”, в 50 тыс. экз., – как постыдно ополчилась наша фарисейская идеологическая “общественность” (в 1982–1985 годах, под самый конец периода “застоя”) – на “скандал” издания сего “мракобеса”!..» [Гачев, 1991, с. 48].

Если принять во внимание персональные качества Гачева, которые видели в нем современники: «безудержность фантазии, фонтанирующий напор, заводная энергия, неистощимая изобретательность» (Лев Аннинский) [Аннинский, 1992, с. 109], то такого человека не слишком трудно представить себе одним из тех, кто мог стоять у истоков фантастически смелого и амбициозного проекта актуализации и популяризации в брежневском СССР философии Николая Федорова. И если, как вспоминает их дочь Анастасия Гачева, Светлану Семенову в семье называли «главный конструктор» [Гачева, 2018, с. 822], то ее муж и «собеседник» Георгий Гачев вполне подходил на роль как раз таки «изобретателя» подобной «ракеты».

Г.Д. Гачев и Н.Ф. Федоров: персональные коннотации

На какой почве мог развиваться особый интерес Гачева к Федорову? Возможно, личностными предпосылками для этого послужили глубокая обращенность к теме смерти и ностальгия по рано потерянному отцу. По свидетельству Виктора Визгина, – близкого друга Гачева, «Георгий и в нестарые годы думал о смерти. Однажды, в 70-е еще годы, в начале нашего знакомства, быстро переросшего в дружбу, мы гуляли в леске... В памяти о том разговоре сохранилась одна только тема – *смерть*, ее неминуемость, пожирание “жерлом вечности” всего рожденного. Как встречать ее приближение? Какие установки сознания выдвигать ей навстречу? Примерно такова была тема, на которую тогда размышлял Георгий. Я был несколько удивлен. Возраста “Смерти Ивана Ильича” Георгий в те годы еще не достиг. Запомнилась личная его вовлеченность в эту тему. Не столько даже “в тему”, сколько в саму реальность приближения смерти. Она ставила вопросы и будоражила сознание <...> Размышления Георгия питались прежде всего русскими литературными вершинами, а не современной зарубежной философией, в которой он не чувствовал себя уверенно. Зная об этом, не уставал спрашивать то о Деррида, то о Фуко,

о котором я ему много рассказывал. Но, думаю, Георгия это не слишком увлекало. Другое дело Николай Федоров» [Визгин, 2016, с. 237].

Как известно, смерть и ее преодоление – главная федоровская проблема. При этом победа над смертью мыслится создателем «Философии общего дела» радикально, путем всеобщего воскрешения предков – «отцов», память о которых не должна исчезнуть. В переживании благоговейного отношения к «отцам», глубочайшей потребности собирания и хранения любовной памяти о них – еще одно фундаментальное созвучие личного опыта Гачева с заветами русского философа. В 1980-е гг. Гачев публикует серию текстов, которые и содержательно, и даже стилистически кажутся инспирированными писаниями Федорова об «отцах»; судя по всему, эти тексты вынашивались автором по крайней мере с 1970-х, когда охваченный раздумьями о смерти Гачев искал ответов в «Философии общего дела».

Так, в интервью «Путешествие по страницам», помещенном в ежегоднике «Альманах библиофила» за 1984 год, рассказывая о своей библиотеке, Гачев постоянно возвращается мыслями «к отцу, к его значению в моей жизни <...> Моя нынешняя домашняя библиотека – это, прежде всего, его библиотека, где множество очень ценных для меня книг» [Гачев, 1984, с. 34]. «В ней много редких книг, старых – издания Academia, много книг по филологии, истории культуры, по музыке и искусству... ну и, конечно, художественная литература. Я, к сожалению, чаще транжирил, раздавал книги, нежели собирал» [Гачев, 1984, с. 40]. «С раннего детства я окунулся в библиотеку отца. Помню, лет в 10-11 я составил полную ее библиографию. Это был очень важный момент в моей жизни» [Гачев, 1984, с. 36-37]. По понятным причинам, в «Альманахе библиофила» не уточнено, что составлением библиографии отцовской библиотеки Гачев занялся после того, как его отец Дмитрий Иванович Гачев (1902–1945) был в 1938 году арестован и навсегда разлучен с сыном. Таким образом Георгий, припадая к библиотеке отца, как бы вновь обретал возможность драгоценного общения с родителем через собранные им книги. В этой связи трудно не вспомнить и философа-библиотекаря Николая Федорова, посвятившего жизнь изучению книг и служению им как воплощению опыта и мудрости «отцов».

Ядро опубликованного Георгием Гачевым в 1989 году документального повествования «Воспамятование об отцах» составляют письма Дмитрия Ивановича из колымских лагерей, откуда отец чутко следил за духовным ростом своего сына: «Теперь это его главная забота, письма домой часто разрастаются в лекции-наставления: как изучать литературу, языки, музыку, как сочетать эти занятия со спортом и отдыхом. Он стремится все, что только возможно, передать сыну, как будто предчувствуя скорую смерть» [Федякин, 1990, с. 67; Гачев, 1989b]. О восстановлении «Прошлого-священного» с явными аллюзиями на Федорова Георгий Гачев пишет и в своих «Уразумениях из дневника» в том же 1989 году: «Нам... теперь предстоит воссоздать Отца, сыну родить Мать и Отца» [Ранчин, 1990, с. 258].

Показательно, что и в обращении к Андропову Гачев не может обойтись без воспоминания о своем отце, называя его «видным деятелем болгарской и советской культуры» [РГАНИ. Ф. 100. Оп. 2. Ед. хр. 295, л. 91], чтобы вслед за этим засвидетельствовать, как, не в пример советской России, в братских странах знают и чтят наследие русских философов.

Заключение

Документы из архива ЦК КПСС, вводимые в научный оборот настоящей публикацией, относятся к числу важнейших источников, проливающих свет на обстоятельства, связанные с попыткой начала издания в СССР трудов представителей русской философии немарксистской направленности, предпринятой за несколько лет до «перестройки». Опираясь на эти тексты, мы имеем возможность более точно реконструировать развитие событий, сопряженных не только с процессом подготовки выпуска книги Николая Федорова в академической серии «Философское наследие», но и в

целом с генезисом, историей и последствиями реализации советского федоровского проекта начала 1980-х годов. Данные документальные свидетельства, оставленные непосредственными участниками происходившего, имеют также и общеисторическое значение. В частности, они позволяют лучше представить умонастроения научной и творческой интеллигенции, накануне завершения советской эпохи находившейся в поисках новой общественной парадигмы, которая была бы способна составить реальную альтернативу марксистско-ленинской идеологической догматике. Наконец, разработка истории советского федоровского проекта, основанная на изучении архивных первоисточников, позволяет сделать выводы, ведущие к деконструкции ряда стереотипов, которые укоренились как в историографии русской философии, так и на уровне широких общественных представлений о характере и инициаторах «возвращения» отечественной аудитории табуированного в СССР духовно-культурного наследия России, которое будто бы смогло начаться лишь в конце 1980-х годов исключительно благодаря «перестройке» и ее «прорабам».

Рукопись

**Г.Д. Гачев – т. Ю.В. Андропову.¹
Москва, 27 января 1983 г.**

Глубокоуважаемый Юрий Владимирович!

Культурную общественность сейчас очень волнует то, что происходит вокруг издания тома сочинений Н.Ф. Федорова в серии «Философское наследие» в издательстве «Мысль», 1982 г.

Н.Ф. Федоров (1828-1903) – оригинальное и крупное явление русской и мировой мысли. Во второй половине XIX века он выдвинул смелые идеи, опередившие свое время. Среди них: регуляция природы силами объединенного человечества

с помощью науки и техники, выход в космос, объединение города и деревни, борьба с болезнями и смертью. Он выступил против милитаризма и войн, за разоружение и братство народов. В его учении нет и тени национализма. Демократ и защитник народных масс, он подверг резкой критике буржуазную цивилизацию. Однако, как и Толстой (что показал В.И. Ленин), Федоров стоял на позициях патриархального крестьянства, и его учение облекалось в религиозную оболочку. Но церковь решительно отмежеввалась от Федорова (как был отлучен и Толстой). Вот что пишет богослов Флоровский: «Словесно Федоров как будто в церковности и в православии. Но это только условный исторический язык... Божественному действию он противопоставляет человеческое... Он благодати противопоставляет труп» (Федоров. Соч. стр. 39).

Когда говорят: «Федоров», – сразу вспоминают его идею «воскрешения предков». Поначалу даже тянет рассмеяться над этим: вот чушь какая, бред! – Но не так-то всё просто. В его философской системе это – «регулятивная идея разума». Она играет роль нравственного «категорического императива» – не для одного лица, как у Канта, но для всего человечества. «Вы хотите жить долго? – Хорошо. – Хотите бессмертия? Хорошо. Допустим, какое-то будущее поколение этого достигнет. А как же отцы, мы, умершие? Хорошо ли будет вам блаженствовать на костях умерших поколений?..» – Таков ход нравственной логики Федорова. Но мы же не говорим, что философская система Канта рассыпается оттого, что его императив практически неисполним. Эта идея Федорова – одна из тех «безумных идей», которые, будучи положены в основание системы, позволяют по-новому объяснять реальные факты. Таковы у Декарта: «мысль = существую», у Гегеля – Абсолютная Идея, а у Ньютона – постулат мгновенного действия сил в мировом

¹ РГАНИ. Ф. 100. Оп. 2. Ед. хр. 295.

пространстве. Уж во всяком случае эта утопическая идея не может считаться реакционной. Она созвучна мечтам людей о бессмертии, что отразилось и в фольклоре (вспомним «мертвую и живую воду» народных сказок).

И вот почти через 100 лет, в наше время научно-технический прогресс достиг такого уровня, что стала возможной реализация некоторых смелых проектов Федорова. Человек вышел в космос, перед человечеством во всей остроте встала экологическая проблема регуляции природы, что может быть выполнено через прекращение войн и сосредоточение усилий народов на глобальных задачах. Пришла пора и учению Федорова сойти с полок библиотек: оно, в своем творчески-созидательном, преобразовательном пафосе, стало созвучно гуманным задачам нашего века. Поэтому совсем не случайно в 70-е годы его начали исследовать, появились публикации, статьи разных авторов: от философов – до литературоведов и искусствоведов. Исследования 70-х годов прочно утвердили Федорова в общественном мнении – как положительную ценность отечественной культуры¹. В Америке вышли 4 серьезные монографии о Федорове, в которых высоко оценено его современное научное значение. Наконец, у нас был издан том его сочинений, что явилось крупным событием в культурной жизни нашей страны. В книгу вошло основное из сочинений Федорова, вступительная статья и комментарии сделаны на высоком научном уровне, разъясняют сильные и слабые стороны его учения; их автор стоит на той позиции, что имеющиеся у Федорова консервативные и реакционные социологические идеи не должны зачеркивать главного и позитивного в его философии «общего дела».

Но вот в «Вопросах философии», № 12 за 1982 г. появилась рецензия на это издание члена-корреспондента АН СССР С.Р. Микулинского «Так ли надо относиться к наследству?». Рецензия написана в духе того нигилистического отношения к сложным явлениям культуры, которое уже не раз наносило нам вред (вспомним непонимание Достоевского в 20-50 годы, статью «Сумбур вместо музыки» о Шостаковиче и пр.). Микулинский отбрасывает Федорова в «дальний и темный закоулок», «тупик» русской культуры. Автор остался на газетно-памфлетном уровне, не проник за словесную оболочку к глубокому содержанию мысли философа, как если бы кто, читая Гегеля и встречая там везде «Абсолютную Идею», «объективный дух» и т.п. – сделал вывод: «Что вы там нас морочите! Какая там “диалектика”, “историзм”? Махровый идеализм – и всё тут!» Микулинский пишет: «Как видим, все начинается и все кончается у Федорова верой в воскрешение, и никакой тут науки, и никакого тут “с одной стороны – с другой стороны”» (стр. 155). Это – не ленинский подход к культурному наследству. Ленин в статьях о Толстом показывал, что как нужно бережно, именно «с одной и с другой стороны» подходить к сложным явлениям культуры.

Наши идеологические противники сейчас, говоря о некоем «международном терроризме», утверждают, что он будто бы имеет глубокие корни в русской общественной мысли и указывают на моменты нигилизма в традиции революционных демократов и народников, которую мы до сих пор только и брали на свое вооружение. Признавая ведущее значение этой славной традиции, ограничиваться лишь ею – односторонность. В русской культуре не только революционные демократы с одной стороны, а с дугой – сплошные реакционеры и черносотенцы: там есть такие особые, значительные явления, так сказать, «срединного» плана, как Федоров. Неужели выгодно нам объявлять его врагом и тем обеднять нашу духовную культуру? Напротив, в подавляющем содержании своего учения Федоров – наш союзник: в призыве к народам мира заняться глобальными проблемами всей Земли – вместо гонки вооружений и проч. И нет у него никакого политиканства.

Между тем упростили, которых ещё немало в нашей культуре, не потрудившись вникнуть, стали шуметь: «монархист», «враг социализма» и т. п. Все

¹ О посвященных Н.Ф. Федорову публикациях, вышедших в 1970-е гг. в СССР, см.: *Черняев А.В.* «Создание сенсации»: общественная предыстория публикации «Сочинений» Николая Федорова в серии «Философское наследие» (1970-1980) // Тетради по консерватизму. 2024. № 1. С. 324-341.

эти обвинения рассыпаются под лучом объективного анализа. Федоров выступал не против научного социализма – его он не знал, – а против «государственного», «католического», «протестантского», «катедер-социализма», что и разъяснено в комментариях на стр. 660. Когда Федоров писал о «самодержавии» – это совсем не означало апологии русского царизма. Это термин у него фактически – та же утопия «просвещенного монарха», «философа на троне», которую исповедовали Платон, Дидро, Вольтер. Мы же не называем их за это «монархистами» (см. комментарии на стр. 684).

Рецензент издевается над «мертвящим духом», что «веет» (стр. 156) от страниц, где Федоров пишет о кладбищах. Как можно так кощунствовать над святыми чувствами к умершим, павшим, что глубоко укоренены в сердцах, в традициях народа, среди которого живешь? Тогда на могиле Неизвестного солдата он ничего не почувствует, кроме «кладбищенского тлена и мертвящего духа»!

Я по отцу кровно связан с Болгарией: мой дядя, Георгий Гачев (1895-1925) – народный герой Болгарии, а отец, Дмитрий Гачев¹ (1902-1945) – видный деятель болгарской и советской культуры. Я часто бываю в Болгарии и знаю, как чтят там Федорова как поборника братства всех народов, в том числе русского и болгарского, как ученые ценят его философский анализ русско-турецкой войны 1877-78 гг., в результате которой Болгария была освобождена от турецкого ига. С большим интересом читали там статьи С.Г. Семеновой (которая подготовила том Федорова), приветствовали выход тома и собирались его переводить. В какое же недоумение они будут повергнуты после рецензии Микулинского, если она так и останется последним словом советской критической мысли о Федорове! Такая рецензия дискредитирует уровень советской философской культуры.

А теперь я обращусь к Вам как муж Светланы Григорьевны Семеновой, которая целиком подготовила этот том: составила, написала вступительную статью и комментарии, – и вот дело ее жизни зачеркнуто, а научное имя опорочено рецензентом: она поставлена Микулинским «вне науки» (стр. 157). С.Г. Семенова, 1941 г. рожд., дочь ветерана войны, кандидат филологических наук, защитила диссертацию «Философский роман французского экзистенциализма (Сартр и Камю)». Она работала зав. кафедрой иностранных языков в Литературном институте им. Горького при Союзе писателей СССР, великолепно знает иностранные языки, русскую и западную философию и литературу. Вот уже 10 лет она целиком посвятила себя изучению творчества Федорова в его связях с русской и мировой культурой. Она открыла рукопись 3-го тома «Философии общего дела», что является научным событием мирового значения. Она выступила с серией публикаций и статей, которыми теперь все пользуются. Она поистине – первопроходец здесь. В своих исследованиях она выявила позитивное ядро федоровского учения, показала влияние его идей на русскую и советскую культуру и, наконец, подготовила этот том и написала книгу о Федорове. В настоящее время Семенова – самый глубокий знаток и специалист по Федорову в мире!

И вот – она вышвырнута «вне науки»! Специалист высочайшей квалификации теперь должен превратиться в тунеядца. Раз о Федорове писать будто бы нельзя, а имя её обесчещено и дело опорочено в рецензии члена-корреспондента АН СССР Микулинского, – никто не будет отныне публиковать её работы. Издательство «Современник» уже возвращает ее книгу «На пороге грядущего».

С.Г. Семеновой – 41 год, она в расцвете творческих сил, ею накоплен и обдуман огромный материал, который должен войти в культуру. Что же ей теперь делать – уникальному специалисту, ученому, матери двух детей, оставшейся без источника труда и существования?

Заканчиваю. Надеюсь, что Вы поможете разобраться как в общекультурной ситуации с Федоровым, так и в научной и творческой судьбе С.Г. Семеновой.

Гачев Г.Д.

¹ Дмитрий Иванович Гачев – болгарский коммунист, с 1926 г. в СССР, выпускник Московской консерватории и Института красной профессуры, редактор Госиздата, в 1938 г. арестован, умер в заключении.

**Г.Д. Гачев – в отдел науки <и высших учебных заведений>
ЦК КПСС т. С.П. Трапезникову,
копия – в отдел агитации и пропаганды т. Б.И. Стукалину.¹**

Глубокоуважаемый Сергей Павлович!

Убедительно прошу разобраться в следующих вопросах. В Институте истории естествознания и техники АН СССР (директор – чл.-корр. АН СССР С.Р. Микулинский, парторг – Е.А. Беляева) уже второй месяц идут закрытые и открытые партсобрания, заседает партбюро – прорабатывают 5 ученых за то, что в июне 1981 г. они дали на запрос Госкомитета по печати свой компетентный отзыв о целесообразности издания сочинений Н.Ф. Федорова, который разошелся со мнением директора, и не поставили его об этом в известность. Это – профессор Б.Г. Кузнецов, всемирно известный ученый, Председатель международного Эйнштейновского комитета, доктор философских наук П.П. Гайденок, старшие научные сотрудники: канд. хим. Н. А.В. Ахутин, канд. филос. н. А.П. Огурцов, канд. хим. н., член Союза писателей СССР В.Л. Рабинович. Комитет по печати благодарил их за помощь, а сейчас им выносят взыскания, ставят под особый контроль их научные работы, угрожают особым вниманием отдела кадров и конкурсной комиссии – об этом прямо записано в 9 пунктах решения партбюро Института от

6 января, которое зачитывали на открытом партсобрании отдела Науковедения 20 января. Сотни человеко-часов уже потрачены на это устрашение, а директор все не унимается. Недавно при закрытых дверях (что у нас – беспрецедентно) обсуждали труд В.Л. Рабиновича, одного из подписавших отзыв, причем в накаленной атмосфере, под особым вниманием дирекции, люди ясно понимали, что, положительно оценив работу, ты заявишь себя врагом директора – и многолетний труд был отвергнут. <...>. Теперь ему спешно назначена переаттестация и грозит увольнение.

В Институте теперь – атмосфера страха и взаимной подозрительности, что напоминает времена лысенковщины, когда давалась прямая идеологическая квалификация тому или иному решению сложного научного вопроса, и ученых генетиков заставляли бичевать себя и каяться.

Злоупотребляя служебным положением, директор Микулинский давит иные точки зрения, которых он не разделяет, и те аспекты исследования, которых он не понимает. <...>. Из последних фактов: из статьи И.М. Забелина «Развитие географических идей и Вернадский»², Микулинский в верстке, без согласования с автором снял важнейший раздел о Н.Ф. Федорове под предлогом сокращения.

В отделе Науковедения 20 января 1983 г. состоялось открытое партийное собрание. Насколько я понимаю, открытые партийные собрания проводятся, чтобы дать беспартийным пример научной принципиальности и творческого подхода к обсуждаемому вопросу. Наше же собрание было, видно, созвано для того, чтобы проучить и застрашать всех на примере тех, кого вытягивали и заставляли каяться. Я выступил на этом собрании. Так как схема обвинения подписавших отзыв была такова: Федоров – это плохо; если Федоров и не так плох, то уж издан он плохо; значит, вы помогали плохому делу, – мне пришлось подробно рассмотреть эти аргументы. Не рассчитывая, что секретарь собрания точно воспроизведет мое выступление, я, придя домой, записал его и прилагаю тут. <...>.

Мое выступление на открытом партсобрании 20.1.1983.

<I.> Поставим прежде всего такой вопрос: богаче ли стала наша советская духовная культура с выходом тома сочинений Н.Ф. Федорова? – Двух мнений тут нет: безусловно, да. Федоров – мыслитель и легкий, и трудный. Он старался писать просто, его основной труд назван «Записки от неученых к ученым», – но за этой

¹ РГАНИ. Ф. 5. Оп. 88. Ед. хр. 133.

² Имеется в виду публикация: Забелин И.М. Развитие географической мысли и В.И. Вернадский (к 120-летию со дня рождения) // Вопросы истории естествознания и техники. 1983. № 1. С. 120-126.

простотой – огромная глубина и сложное философское содержание. А ведь поначалу, при поверхностном чтении, он может произвести даже шоковое впечатление: «бред какой-то!» и кажется совсем не философом. Нет привычных категорий: «субстанция», «субъект», «объект», нет «онтологии» и «гносеологии» и проч. Его мысль разворачивается в других категориях и направлениях: у него «проект», его мышление – проективно, он работает с аксиологическими понятиями (– ценностями, каких придерживается человечество), с «регулятивными идеями разума» (если употребить термин Канта).

Почему же Гегеля и Канта, чтобы их понять, штудируют годами, а тут прочитали наскоком – и считают, что уже разобрались? В текстах Федорова обманчивая простота, в них много уровней, и легко попасться в ловушку превратного толкования.

Например: идея «Воскрешения предков», над которой с такой легкостью потешаются. Но ведь это нравственный «категорический императив» для человечества. «Вы хотите долго жить? – Хорошо. – Хотите бессмертия? – Прекрасно. Допустим, какое-то будущее поколение этого достигнет. А как же отцы, мы, умершие? Хорошо ли вам будет блаженствовать на костях предшествующих поколений?» – Таков ход нравственной логики Федорова. Это – из тех «безумных идей», которые, будучи положены в основание системы, позволяют по-новому объяснять реальные факты. <...>.

У Канта категорический императив дан одному лицу, у Федорова – человечеству. Но мы же не говорим, что философская система Канта рассыпается оттого, что его императив практически неисполним. Это – философская идеализация.

Или – пресловутое «самодержавие». У Федорова по существу – та же известная в культуре утопия «просвещенного монарха», «философа на троне», как у Платона, Вольтера, Дидро. Мы же не называем их за это «монархистами». Так же и у Федорова – и совсем не означает апологию «русского царизма».

II. Теперь – второе: как сделан том?

Том сделан в высшей степени добротнo. Семенова – единственный в мире совершенный знаток Федорова, изучает его уже 10 лет, открыла считавшийся потерянным 3-й том «Философии общего дела», что есть действительно научная «сенсация» мирового значения. Она – человек высокой культуры. <...>. Надо сразу сказать – впрочем, тут все это знают – что Семенова – моя жена. Опроочен труд ее жизни. И защищаю здесь не только жену, но – ценного работника в нашей культуре.

И естественно, что, когда в серии «Философское наследие» возникла идея выпустить том Федорова, это дело было поручено Семеновой. Составление – точно выверено: на отведенном пространстве дано самое важное из двух томов и отрывки из неопубликованного, открытого Семеновой 3-го тома, – так что теперь по этому изданию можно получить полное и всестороннее представление об учении Федорова. Вступительная статья – это выжимка из ее книги в 400 стр. За каждой фразой стоит глубокое исследование. И главное – найден ключ. Я вспоминаю, как год, другой – грыз Гегеля – и не понимал, а вот встретился с Э.В. Ильенковым: он дал ключ – и всё просветилось. Также и Семенова: ее вступительная статья дает именно ключ, открывающий внутреннюю логику системы Федорова, его язык и связь идей, место в мировой философской традиции. <...>. Комментарии – очень квалифицированные. Это – первое научно прокомментированное издание Федорова. <...>. В комментариях к каждой части и статье Федорова предпослан емкий анализ, объяснены его своеобразные термины и понятия и дана критика слабых сторон (например: отношение к социализму – на стр. 660, или его понимание «самодержавия» – на стр. 684). Так что с полным правом можно утверждать, что это – научно сделанное издание, результат конкретно-исторического исследования.

Семенова одна сделала работу, которую бы делал целый сектор Института философии в течение лет пяти, получая большие зарплаты – и сделал бы хуже.

Далее. Издательство «Мысль» – не частная лавочка. Том и статью Семеновой читали и оценивали многие ученые. Среди них академики Митин и Ойзерман,

доктор философии Щипанов, кандидат философских наук Голованов – все делали замечания, статья каждый раз тщательно дорабатывалась¹. Высокую оценку статье дали и доктора философских наук В.В. Соколов, М.Ф. Овсянников и др. <...>.

III. И вот, в 12-м номере «Вопросов философии» за 1982 г. появляется рецензия С.Р. Микулинского «Так ли надо относиться к наследству?» К сожалению, ее автор попался в ловушку обманчивой простоты текста Федорова и не вышел на философский пласт его учения. <...> Видно, что в философской системе Федорова член-корреспондент Микулинский ничего не понял. Его рецензия написана на газетно-памфлетном уровне и обнаруживает отсутствие элементарной культуры обращения с философским текстом.

Но это далеко не безобидное непонимание. Оно вводит в заблуждение читателя. «У нас после революции никогда не замалчивали его имя и сочинений», – пишет рецензент на стр. 153 и в подтверждение приводит две справки о Федорове в комментариях к книгам Достоевского и Горького, что в сумме составляет полстраницы текста – и это за 53 года! – ибо в 1970 г. в «Философской энциклопедии» Федорову уже уделена одна страница, а в «Истории философии в СССР в 1971 г. – целых 2 страницы! Как много! О Канте и Гегеле – сотни книг, а с русского мыслителя довольно будет и словарной справки с набором ярлыков, без всякого исследования! «И вдруг, – ужасается рецензент, – с 1976 по 1981 г. – поток апологетических статей². В чем дело? Что произошло? Что заставило вдруг звонить во все колокола?» (стр. 153) – и усматривает в этом дешевую «сенсацию».

А «произошло» то, что к концу 50-х годов начали осуществляться многие, казавшиеся «безумными», из проектов Федорова. «Произошло» освоение космоса, резко встали экологические проблемы, о которых за сто почти лет до того так много писал Федоров, передовой край медицинской науки занялся проблемой продления жизни; угроза атомной катастрофы заставила вспомнить о глобальных ценностях и общих делах, связующих человечество – всех нас, землян. И в этой ситуации учение выдающегося русского мыслителя приобрело огромную актуальность – и уже «пошли руки» им заниматься, исследовать и марксистски осмыслить его сложное учение.

Рецензент продолжает грозно вопрошать: «Может быть, обнаружили новые материалы, неизвестные рукописи, или чье-то серьезное исследование показало, что о Федорове раньше писали неверно, не поняли сути его учения? Ничего подобного не случилось, ничего нового не открыли» (153). – Но ведь именно это и «случилось»: Семенова открыла рукописный 3-й том Федорова, выступила с рядом публикаций и именно серьезных исследований, и вот уже на их основе литературоведы: проф. Н. Скатов, проф. С. Сухих, философы Гречко и Епископосов³ и др. опубликовали свои серьезные исследования о Федорове. Еще раньше вышла книга писателя Вл. Львова «Загадочный старик» – о Федорове. А о том, что найдено новое, прямо кричит последний раздел тома, названный: «Из неопубликованного», занимающий 50 страниц издания. Выходит, наш рецензент не потрудился даже и прочесть том, на который он принялся писать столь «авторитетную» рецензию. В примечаниях, на стр. 658 сообщается, что новонайденные «Материалы к третьему тому» составляют 800 + 200 – около тысячи страниц.

Рецензент обвиняет: «Характерно, что во всех статьях 70-80-х годов нет и тени полемики с ранее опубликованным в нашей философской литературе. Её просто обошли. И не случайно» (с. 153). – Правильно: потому что как раз не с чем и

¹ О процессе рецензирования и допечатной подготовки рукописи книги Н.Ф. Федорова «Сочинения» см.: Черняев А.В. Битва за публикацию «Сочинений» Николая Федорова в серии «Философское наследие»: документальная история (1979–1981) // Тетради по консерватизму. 2024. № 1. С. 342–359.

² См. прим. 2.

³ О посвященной Н.Ф. Федорову публикации П.К. Гречко и Г.Л. Епископосова 1981 г. см.: Черняев А.В. Битва за публикацию «Сочинений» Николая Федорова в серии «Философское наследие»: документальная история (1979–1981).

полемизировать: на одной чаше весов, до 70-х годов – полстраницы, в 70-71 – уже целых три! Где изложено все, что нужно знать о Федорове, и правильно навечно! – а на другой – сотни страниц публикаций и статей, серьезных исследований. Микулинский фактически выступил против всей литературы о Федорове и призывает вернуться к донаучному состоянию наших знаний о Федорове, когда о нем ограничивались лишь справками, ярлыками и «оценками». Особенно о правильной «оценке» хлопочет рецензент. Да разве наука – это комитет цен? При исследовании всегда идет «переоценка». Статья же Микулинского закрывает возможность исследования.

И, кстати, почему не упомянуты: писатель Владимир Львов, его книга, статьи Н. Скатова, космонавта Севастьянова ¹ и др., а единственно на Семенову обрушивается рецензент? – Но ведь те – деканы, лица значительные, а по женщине, не занимающей чиновного поста, можно бить смело! И, не решаясь уже бить прямо по Федорову, дискредитируют его через недобросовестную критику Семеновой. Вот примеры подтасовок. «Возьмем только один номер журнала «Наш современник» (1981, № 6). Какая россыпь неожиданных эпитетов: «гениальный русский философ», «гениальный учитель добра и гуманизма», «проектант космического будущего человечества» (стр. 152). Почему же не сказано, что это – слова летчика-космонавта СССР, дважды героя Советского Союза В.И. Севастьянова? Другой фамилии не названо, и читателю естественно принять это как слова той же злополучной Семеновой.

Или: рецензент хвалит статью о Федорове в БСЭ и противопоставляет работам Семеновой. Но статья в БСЭ сделана на основе статьи о Федорове в «Литературной энциклопедии» и статьи в «Прометее» №11, написанных Семеновой.

Рецензия вроде бы на издание тома Федорова, а нападает главным образом на статьи Семеновой в литературных журналах, посвященных не столько Федорову, сколько литературно-художественным вопросам, т. е. на то, что было до издания, и нет здесь анализа главного – вступительной статьи. <...>.

Федоров представлен в рецензии анекдотическим набором цитат, перемежаемых восклицаниями: «Как видим, все начинается и все кончается у Федорова верой в воскрешение, и никакой тут науки, и никакого тут “с одной стороны – с другой стороны”» (стр. 155).

Перед нами – образчик огульного отрицания. Это – не ленинский подход к наследству. В своих статьях о Толстом В.И. Ленин как раз продемонстрировал, как именно «с одной и с другой стороны» надо рассматривать сложные явления культуры. А тут – нигилизм по отношению к культурному наследству. Писаревщина. Ещё ниже – потому что у того хоть талантливо. Рецензент загоняет Федорова в «темный закоулок» и «тупик» русской культуры. Подобные нигилисты в свое время так подошли к Достоевскому – и в результате целое поколение советских людей его не читало. <...>.

Надо сказать, что такой нигилизм дает нашим идеологическим противникам карты в руки. Ведь свои обвинения нашей политики в «международном терроризме» они «научно» «подкрепляют» тем, что он будто бы имеет глубокие корни в русской общественной мысли. Вот почему такая фигура, как Федоров, с его беспощадной критикой насильственных методов в политике, милитаризма и войн, этот апостол мира и братства народов, призывающий заняться глобальными проблемами Земли, Космоса и человечества – такая фигура необычайно привлекательна и «выигрышна» для нас в современной идеологической борьбе. И забить ее в «темный закоулок» и в «тупик», – как это предлагает член-корреспондент Микулинский, – это нанесет нам большой ущерб.

И какой же итог? – «Вне науки»! Первое в мире научное издание сочинений Федорова – вышвырнуто из культуры, а Семенова, которая сделала этот том в

¹ О деятельности летчика-космонавта СССР В.И. Севастьянова в поддержку публикации книги Н.Ф. Федорова см. там же.

700 стр., по которому другие теперь будут защищать диссертации, опорочена так, что ее отныне печатать не будут: вот уже и ее книгу «На пороге грядущего» возвращают из издательства «Современник». Семенова живет литературным трудом. Дискредитировать ее имя – значит закрывать возможность публиковаться, значит – лишать ее источников существования.

Как у Микулинского нигилизм к наследству, так и бесхозяйственность в отношении нынешних творческих сил нашей культуры.

IV. Теперь – об экспертизе, которую дали Комитету по печати наши сотрудники. Это же – совершенно обычное дело! Мы все тут – специалисты с разным образованием и «профилем», и лишь одной стороной нас использует Институт,

а другими мы связаны с различными отраслями жизни и культуры, в которых участвуем: в комиссиях, редакциях, творческих объединениях, научных обществах. Как же можно это запретить и по каждому вопросу идти докладывать, просить разрешения у дирекции? А ведь Микулинский так ставит вопрос! Хочет прекратить все наши валентности с широким миром и стать нашим тотальным цензором. Член Союза писателей, научный сотрудник Института И.М. Забелин опубликовал статью в «Новом мире»¹ – ему тут же выговор за то, что не спросился у директора! Да что это такое? Мальчики мы, что ли? Учреждение у нас не секретное. Или вот сейчас: преследует сотрудников за ответ Комиздату за то, что не поставили его в известность. Тут – явное злоупотребление директора своим служебным положением.

Кстати, в случае с Федоровым создалась такая парадоксальная ситуация, что отдельные сотрудники в этом вопросе – компетентны, а Институт в целом (а значит – дирекция) – нет. Дело в том, что Федоров – универсальная, синтетическая фигура в культуре: его идеи касаются не только философии, но и искусства, и педагогики, и всей гуманитарной сферы. К естествознанию он повернут – важной, но одной своей стороной: как родоначальник философского космизма, идеями регуляции природы, экологии, ноосферы и пр. И потому, по профилю своему, Институт истории естествознания и техники не компетентен был вынести решающее суждение об издании, а вот его отдельные широко образованные сотрудники, в том числе и в гуманитарной культуре (каковы подписавшие письмо всеми уважаемые просвещенные люди) – тут как раз были в состоянии вынести компетентное суждение. Их отзыв – объективный и многосторонний, с учетом сильных и слабых сторон Федорова. Так в чем же дело? <...>.

Выдвигают аргумент: вы не имели права отвечать Комитету, так как вы – не специалисты по Федорову. Вроде бы на страже «строгой научности» тут стоит дирекция. – Но ведь специалистов по Федорову, кроме Семеновой, – вообще нет. <...>. Ведь постоянно в культуре и науке возникают новые явления, по которым никто не специалист, но смысл которых может быть понят просто умными и образованными людьми. Так что же – зажать им ум и рот, чтобы не смели высказываться? В таком научном климате будут процветать только трусы и люди, повторяющие общепринятое и зады, и никаких открытий делаться не будет.

Партийная организация могла бы поправить зарвавшегося администратора, который, верно, рассматривает Институт как навеки ему отданную вотчину – но она только поддакивает ему – как это мы видим на настоящем открытом партийном собрании отдела Науковедения.

В заключение – прошу:

1) Не оставить без внимания происходящее в нашем Институте.

2) Разъяснить директору пределы его власти, а сотрудникам – пределы их самостоятельности, потому что в нашем Институте администрация устраивает какие-то особые порядки и нравы, отличные от общих норм научных учреждений СССР.

¹ Имеется в виду публикация: Забелин И.М. Помпей гениального ума. «Размышления натуралиста» В.И. Вернадского и современная наука // Новый мир. 1979. № 4. С. 192-210.

3) Информировать сотрудников и общественность Института о вашей точке зрения и мерах.

4) Помочь в публикации книги С.Г. Семеновой «На пороге грядущего» в издательстве «Современник». Все официальные отзывы на рукопись – положительные, книга целиком подготовлена к печати, прошла редакторское одобрение, объявлялась в плане Издательства на 1981 год <...>; и вот в настоящее время без всяких оснований возвращается Издательством – Семеновой.

5) Рассмотреть вопрос об опубликовании в «Вопросах философии» рецензии с другим мнением о настоящем издании Федорова.

Список литературы

- Аннинский Л. 1992. Вертикальность горизонталей. В русском космосе Георгия Гачева // Свободная мысль, 8: 101–111.
- Байгушев А. 2006. Русский орден внутри КПСС. Помощник М.А. Суслова вспоминает... М.: Эксмо, 592 с.
- Болотов А.Т. 1986. Жизнь и приключения Андрея Болотова, описанные самим им для своих потомков / сост., вступит. статья и примечания А. В. Гулыги. М.: Современник, 766 с.
- Борисов В. 1979. «Идеальный» библиотекарь / Альманах библиофила. Вып. 6. М.: Книга: 201–206.
- Визгин В.П. 2016. Лица и сюжеты русской мысли. М.: Фонд развития фундаментальных лингвистических исследований, 360 с.
- Гаврюшин Н. 2000. По следам рыцарей Софии. М.: Стар Интер, 1998, 224 с.
- Гачев Г. 1984. Путешествие по страницам // Альманах библиофила. Вып. 16. М.: Книга, С. 33–41.
- Гачев Г. 1989а. Частная честная жизнь (альтернатива русской литературе) // Литературная учеба, 3: 119–128.
- Гачев Г. 1989б. Воспамятование об отцах. Документальное повествование // Дружба народов, 7: 161–223.
- Гачев Г. 1991. Русская дума. Портреты русских мыслителей. М.: Новости, 272 с.
- Гачев Г. 1996. Учение Н.Ф. Федорова как творение русского логоса // Философия бессмертия и воскрешения: По материалам VII Федоровских чтений. 8–10 декабря 1995. Вып. 1. М.: Наследие: 103–120.
- Гачев Г. 2000. Вадим – необходим (к 70-летию Вадима Валериановича Кожинова) // Диалог. Карнавал. Хронотоп, 2 (31): 120–125.
- Гачева А.Г. 2018. Мама / Московский Сократ: Николай Федорович Федоров (1829–1903). Сборник научных статей; отв. ред. А.Г. Гачева. М.: Академический проект: 821–823.
- Микулинский С.Р. 1982. Так ли надо относиться к наследству? (По поводу выхода книги: Н.Ф. Федоров. Сочинения. Общая редакция А.В. Гулыги. Вступительная статья, примечания и составление С.Г. Семеновой. М., «Мысль», 1982, 711 с.) // Вопросы философии, 12: 151–157.
- Митрохин Н. 2003. Русская партия: Движение русских националистов в СССР. 1953–1985 гг. М.: Новое литературное обозрение, 624 с.
- Ранчин А. 1990. Национальный космос и личная мифология // Новый мир, 2: 257–260.
- Семенова С. 1977. К публикации статьи Н.Ф. Федорова о Фаусте // Контекст 1975. Литературно-теоретические исследования. М., Наука: 311–314.
- Федоров Н.Ф. 1982. Сочинения / Общ ред.: А.В. Гулыга; Вступ. статья, примеч. и сост. С.Г. Семеновой. М.: Мысль, 712 с.
- Федякин С. 1990. Против тирании абстракций // Литературное обозрение, 9: 67–68.
- Черняев А.В. 2024а. «Создание сенсации»: общественная предыстория публикации «Сочинений» Николая Федорова в серии «Философское наследие» (1970–1980) // Тетради по консерватизму, 1: 324–341.
- Черняев А.В. 2024б. Битва за публикацию «Сочинений» Николая Федорова в серии «Философское наследие»: документальная история (1979–1981) // Тетради по консерватизму, 1: 342–359.

- Черняев А.В. 2024с. «Случайное исключение или первая ласточка?» Как выходила в свет и была встречена книга «Сочинения» Николая Федорова: новые материалы (1982-1983) // Тетради по консерватизму, 1: 360-373.
- Черняев А.В. 2024d. «Остановить наступление активизировавшихся консервативных сил»: политическая подоплека антифедоровской кампании 1982-1983 годов // Тетради по консерватизму, 1: 374-384.
- Hagemeister M. 1989. Nikolaj Fedorov: Studien zu Leben, Werk und Wirkung. München: Sagner, V, 550 s.

References

- Anninsky L. 1992. Vertikal`nost` gorizontalej. V russkom kosmose Georgiya Gacheva. *Svobodnaya Mysl*, 8: 101-111.
- Baigushev A. 2006. Russkij orden vnutri KPSS. Pomoshchnik M.A. Suslova vspominaet... Moscow, Publ. Eksmo, 592 p.
- Bolotov A.T. 1986. Zhizn` i priklyucheniya Andrey a Bolotova, opisanny`e samim im dlya svoix potomkov. Moscow, Publ. Sovremennik, 766 p.
- Borisov V. 1979. «Ideal`ny`j» bibliotekar`. In: Al`manax bibliofila. Issue 6. Moscow, Publ. Kniga: 201-206.
- Vizgin V.P. 2016. Licza i syuzhety` russkoj my`sli. Moscow, Publ. Fond razvitiya fundamental`ny`x lingvisticheskix issledovanij, 360 p.
- Gavryushin N. 1998. Po sledam ry`czarej Sofii. Moscow, Publ. Star Inter, 224 p.
- Gachev G. 1984. Puteshestvie po straniczam. In: Al`manax bibliofila. Issue 16. Moscow, Publ. Kniga, 33-41.
- Gachev G. 1989a. Chastnaya chestnaya zhizn` (al`ternativa russkoj literature). *Literaturnaya ucheba*, 3: 119-128.
- Gachev G. 1989b. Vospamyatovanie ob otczah. Dokumental`noe povestvovanie. *Druzhba narodov*, 7: 161-223.
- Gachev G. 1991. Russkaya дума. Portrety` russkix my`slitelej. Moscow. Publ. Novosti, 272 p.
- Gachev G. 1996. Uchenie N.F. Fedorova kak tvorenie russkogo logosa. In: Filosofiya bessmertiya i voskresheniya: Po materialam VII Fedorovskix chtenij. December 8-10, Issue 1. Moscow, Publ. Nasledie: 103-120.
- Gachev G. 2000. Vadim – neobxodim (k 70-letiyu Vadima Valerianovicha Kozhinova). *Dialogue. Carnival. Chronotope*. 2 (31): 120-125.
- Gacheva A.G. 2018. Mama. In: Moskovskij Sokrat: Nikolaj Fedorovich Fedorov (1829–1903). Sbornik nauchny`x statej. Moscow. Publ. Akademicheskij proekt: 821-823.
- Mikulinsky S.R. 1982. Tak li nado otnosit`sya k nasledstvu? (Po povodu vy`xoda knigi: N.F. Fedorov. Sochineniya). *Voprosy Filosofii*, 12: 151-157.
- Mitrokhin N. 2003. Russkaya partiya: Dvizhenie russkix nacionalistov v SSSR. 1953-1985. Moscow, Publ. Novoe literaturnoe obozrenie, 624 p.
- Ranchin A. 1990. Nacional`ny`j kosmos i lichnaya mifologiya. *Novy Mir*, 2: 257-260.
- Semenova S. 1977. K publikacii stat`i N.F. Fedorova o Fauste. In: Kontekst 1975. Moscow, Publ. Nauka, 311-314.
- Fedorov N.F. 1982. Sochineniya. Moscow: Publ. Mysl, 712 p.
- Fedyakin S. 1990. Protiv tiranii abstrakcij. *Literaturnoe obozrenie*, 9: 67-68.
- Chernyaev A.V. 2024a. «Sozдание sensacii»: obshhestvennaya predy`storiya publikacii «Sochinenij» Nikolaya Fedorova v serii «Filosofskoe nasledie» (1970-1980). *Tetrad i po konservatizmu*, (1): 324-341. (In Russian).
- Chernyaev A.V. 2024b Bitva za publikaciyu «Sochinenij» Nikolaya Fedorova v serii «Filosofskoe nasledie»: dokumental`naya istoriya (1979-1981). *Tetrad i po konservatizmu*, (1): 342-359.
- Chernyaev A.V. 2024c. «Sluchajnoe isklyuchenie ili pervaya lastochka?» Kak vy`xodila v svet i by`la vstrechena kniga «Sochineniya» Nikolaya Fedorova: novy`e materialy` (1982-1983). *Tetrad i po konservatizmu*, (1): 360-373.
- Chernyaev A.V. 2024d. «Ostanovit` nastuplenie aktivizirovavshixsya konservativny`x sil»: politicheskaya podopleka antifedorovskoj kampanii 1982-1983 godov. *Tetrad i po konservatizmu*, (1): 374-384.

Конфликт интересов: о потенциальном конфликте интересов не сообщалось.
Conflict of interest: no potential conflict of interest has been reported.

Поступила в редакцию 19.06.2024
Поступила после рецензирования 19.09.2024
Принята к публикации 28.02.2025

Received June 19, 2024
Revised September 19, 2024
Accepted February 28, 2025

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Черняев Анатолий Владимирович, кандидат философских наук, ведущий научный сотрудник Института проблем передачи информации РАН, г. Москва, Россия.

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Anatoly V. Chernyaev, Candidate of Sciences in Philosophy, Leading researcher, The Institute for Information Transmission Problems RAS, Moscow, Russia.